

Сказки Китая

bibliotheca mythologica

Екатеринбург
У-Фактория

УДК 398(=510)
ББК 82.3(5Кит)-6
С42

Серия «Bibliotheca mythologica»

Составитель *В. Харитонов*

Перевод с китайского

Б. Рифтина

Сказки Китая / пер. с кит., сост., предисл. Б. Рифтина. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 400 с. — (Bibliotheca mythologica).

ISBN 978-5-9757-0130-5

В книгу вошли сказки, сохранившие в себе мифологические представления разных народов Китая (китайцев, мяо, яо и др.) о сотворении мира, отразившие древние религиозные воззрения, происхождение поверий и обычаев.

УДК 398(=510)
ББК 82.3(5Кит)-6

ISBN 978-5-9757-0130-5

© Рифтин Б.Л., сост., предисл., перевод на русский язык, 2006
© Прокофьев К., Касьяненко А., обложка, макет, 2007
© ООО «Агентство прав «У-Фактория», 2007

Предисловие

Кто в детстве не читал знаменитую сказку Андерсена «Соловей»? Она начинается словами: «Ты, верно, знаешь, что в Китае все жители китайцы и сам император китаец». В этой фразе сразу две ошибки. В Китае живут отнюдь не только китайцы, а более пятидесяти разных народностей, да и сам император во времена датского сказочника был не китаец, а маньчжур. Наше, европейское представление о Китае как однонациональной стране явно устарело. Однако китайцев в стране подавляющее большинство, более одного миллиарда, а все национальные меньшинства составляют в процентном отношении действительно меньшинство, пусть даже их численность, как, например, тибетцев, чжуан или уйгуров, составляет семь миллионов и более, а мяо — более пяти миллионов.

В Китае, кроме китайцев, живут представители разных народов: монголы, которых там, во Внутренней Монголии, больше, чем в Монгольской Народной Республике, и тибетцы, которые населяют не только сам Тибет, но и земли в провинциях Юго-Востока и Северо-Запада, и тюркские народы — салары, уйгуры, а также казахи, киргизы, узбеки, татары, большая часть которых живет вне Китая. Есть в Китае и нанайцы, и эвенки, и ороченцы, и многие другие народы, даже русские.

Если раньше, например в тридцатые — сороковые годы, в Китае сказки малых народов почти никто не собирал и не печатал, то в последние годы этой задаче уделяется особое внимание. Сборники фольклора

Китай включают сказки разных народов, как родственных и близких самим китайцам (например, мяо, яо, туцзя, бай, хуэй и т. п.), так и не связанных с ними по своему происхождению.

Все эти народы живут бок о бок с китайцами не одну сотню лет, а если говорить о предках многих из них, то и не одну тысячу. И хотя они не утратили свои национальные языки и традиционную культуру, но многое позаимствовали у своих соседей-китайцев, обладающих древнейшей устной и письменной традицией и богатейшим устным народным творчеством. Среди народов Китая есть и буддисты ламаистского толка, например тибетцы или монголы, есть и мусульмане, например уйгуры, хуэй, или, как их называют в нашей Средней Азии, где они живут тоже, — дунгане, но у большинства малых народов страны распространены древние архаические религиозные воззрения, связанные с первобытными представлениями об окружающем мире, населенном сильными великанами, злыми духами-оборотнями, многоголовыми змеями и другими чудищами, укрощать которых умеют всемогущие шаманы. Все это разнообразие религиозных верований и представлений не могло не наложить свой отпечаток на сознание создателей сказок и сами фольклорные произведения.

В этот сборник вошли сказки разных народов Китая. Но вполне естественно, что сказок самих китайцев в нем большинство. По устоявшейся традиции он открывается сказками о животных.

Однажды китайский философ Чжу Си спросил своего ученика: откуда пошел обычай называть года по двенадцати животным и что в книгах про то сказано? Ученик, однако, ответить не смог, хотя упоминания о системе летосчисления по животным в китайских источниках встречаются с начала нашей эры.

Не знал ученик и легенды, которую рассказывали в народе. По легенде этой, записанной в приморской провинции Чжэцзян, счет годов по животным установил сам верховный владыка — Нефритовый государь. Он собрал в своем дворце зверей и выбрал двенадцать из них. Но жаркий спор разгорелся, лишь когда надо было расставить их по порядку. Всех обманула хитрая мышь, сумев доказать, что она самая большая среди зверей, даже больше вола. Сказкой «О том, как по животным счет годам вести стали» и открывается наша книга.

Найти объяснение, почему счет годам начинается с мыши, пытались не только китайцы. Еще в XI в., за сто лет до Чжу Си, знаменитый составитель первого словаря тюркских наречий Махмуд Кашгарский записал тюркскую легенду о том, как некий царь повелел согнать к реке

зверей и посмотреть, кто из них быстрее переплывет на другой берег. Первой оказалась мышь. Вслед за ней приплыли вол, барс, заяц, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, курица, собака и свинья. В таком порядке и дали названия годам двенадцатилетнего цикла, чтобы легче было их запомнить.

В тюрко-монгольской легенде, известной бурятам и киргизам и более близкой к китайской, мышь тоже перехитрила всех зверей. Очень возможно, что весь животный цикл китайцы заимствовали у древних тюрко-монгольских племен. Только, в отличие от них, у китайцев исчисление времени по животным никогда не носило официального характера. Им пользовались гадатели, вычисляя, например, по специальным таблицам, будет ли счастливым брак, если жених родился в год Обезьяны, а невеста — в год Овцы. С животным циклом связаны и некоторые китайские поверья и обычаи: рожденный в год Петуха не должен был есть курятину.

Предположить, что весь животный цикл китайцы заимствовали у своих соседей, можно также, сопоставив древнекитайские представления о животных со средневековыми. Петух, который у древних китайцев был символом востока (как провозвестник рассвета), оказался в более позднем животном цикле вдруг на западе, а тигр, который у китайцев обозначал запад и осень, в этой системе оказался на северо-востоке и соответствует весне.

Как и легенда о животном цикле, другие сказки о животных, записанные у китайцев, построены на объяснении особенностей животных, происхождения их повадок или внешнего вида. В них рассказывается, почему враждуют собаки и кошки, почему краб сплюснутый или отчего гуси не едят свинины.

На смену такого рода сказкам, именуемым в науке этиологическими, приходят забавные истории о проделках зверей, хитрости и находчивости зверя малого перед зверем большим, который по сказочной логике непременно оказывается в дураках. Вспомните хотя бы нашу знаменитую Лису Патрикеевну, которая одурачивает волка и медведя или хитрого зайца — фольклорного героя африканцев и жителей Юго-Восточной Азии. У китайцев, однако, циклы сказок о хитроумных проделках зверей не сложились, поскольку развитие сказок о животных у них приостановилось, видимо, еще в древности. Во всяком случае, в каталоге китайских сказок, составленном немецким ученым В. Эберхардом в 1937 году, значится только семь сюжетов о животных. Сейчас, благодаря записям

последних лет, эту цифру можно увеличить в три-четыре раза. Малочисленность сказок о животных в Китае, пожалуй, связана с чрезвычайно ранним переходом китайцев к земледелию и забвением охотничьего промысла, а также бедностью фауны в стране, где в густонаселенных районах нет невозделанных земель, а уж лесов и подавно.

Немногие сохранившиеся у китайцев сказки о животных дошли до нас в сильно измененном виде. Как ветер веками выветривает песчаники и наносит по крупинке новую землю, так и время разрушало и меняло древнюю основу многих сюжетов. Фантастическое заменялось привычным, на смену чудесному приходило обыденное. Как изменялся сюжет, проследим хотя бы на сказке про собаку и кошку. Китайский вариант этой сказки («Как собака с кошкой враждовать стали»), помещенный в данном сборнике, уже осовременен: у бедняков пропало сокровище, его украл торговец. Собака и кошка решили помочь хозяевам и отправились на поиски. Жил торговец за рекой, а поскольку кошки не умеют плавать, собаке не только пришлось тащить кошку на себе, но и нырять за ларчиком, который та уронила в реку на обратном пути. По возвращении кошка приписала все заслуги себе. С тех пор и пошла между ними вражда.

Древнюю основу сюжета можно восстановить, если сопоставить разные его версии. Наиболее архаичный вариант записан у монголов. В монгольской сказке кот и пес похищают сокровище у самого владыки подземного царства, куда добираются через море. В древние времена считалось, что подземное царство отделено от мира людей водой. В более современном варианте, записанном у родственного китайцам народа мяо, живущего на юго-западе Китая, вместо владыки подземного царства фигурирует какой-то царь, чьи владения расположены за рекой. Китайский вариант сохраняет как бы ту же самую схему сюжета: звери переправляются за реку, где живет похититель (или владелец) сокровища. Но здесь он уже не владыка подземного царства, а простой торговец.

Широко распространены в Китае сказки о тиграх — похитителях девушек. Тигр почитался китайцами как царь зверей. К празднику Начала лета в Китае специально шили обереги — мешочки или подушечки для ароматных и лекарственных трав, чаще всего им придавали форму тигра. Считалось, что тигр оберегает детей от гадов и ядоносцов, которые во множестве появляются в начале лета. Причем на лбу у игрушечного тигра непременно рисовали тушью знак «ван» — «царь». Согласно древ-

ним воззрениям, тигр как тотемный зверь имел право на брачные отношения с людьми «своего племени». На бронзовом сосуде конца II тысячелетия до н. э., например, изображен человек в могучих объятиях тигрицы. Сюжет о тигре, который взял в жены женщину, был популярен также и в средневековой сказочной новелле. В сказках, записанных в наше время, сюжет этот уже видоизменен. Например, в сказке «Как тигр невесту украл» тигр похищает невесту из свадебного паланкина, но так и не ясно, стала ли она его женой.

Если сказок о животных у самих китайцев совсем немного, то в сказочном эпосе малых народов Китая дело обстоит иначе. У таких народов, как мяо или чжуан, у тибетцев, монголов или живущих в пределах Северо-Восточного Китая корейцев, сказок этого рода достаточно много. Значительное количество из них — общие для целого ряда народов. Американский профессор Дин Найтун подсчитал, что всего у разных народов Китая известно 152 сюжета сказок о животных. Причем многие из них совпадают с индийскими сказочными сюжетами, сказками народов Восточной Европы и Турции, и это не случайно. Индия на протяжении многих веков была «поставщиком» сказочных сюжетов и для стран Востока и для стран Запада. В Китай и другие государства Дальнего Востока индийские сюжеты проникали двумя путями: письменным — через обработки сказок и преданий в буддийских книгах и устным — через Тибет, Юго-Восточную и отчасти Центральную Азию — провинцию Синьцзян, граничащую с Индией и Афганистаном. Некоторые индийские сюжеты остались в старинных письменных сочинениях, например история, которую все мы знаем по «Новому платью короля» — блестящей обработке Андерсена, другие перешли в устное бытование и воспринимаются китайцами и другими народами как свои собственные.

Наибольшее место в сказочном репертуаре китайцев и многих других народов Китая и соответственно в данной книге занимают волшебные сказки. Они распадаются на отдельные циклы: повествования о похищении невесты и о вызволении ее из иного мира, о женитьбе на чудесной жене и сказки о том, как обездоленный герой берет верх над злыми родителями.

В древнейший из этих циклов входят повествования о поисках исчезнувшей невесты: «Как юноша любимую искал», где героиню похищает злой оборотень, и «Сказка про хитрого У-гэна и верного Ши-е», где

возлюбленную дровосека уносит Черный орел. Вспомним, что и в русских сказках невесту или жену героя часто похищают Змей, Кощей или Вихрь, которые в представлении древнего человека были связаны с потусторонним миром, и похищение ими девушки воспринималось как нарушение обычая брать жену только из своего рода или племени. Прекрасную героиню следовало отнять у похитителя, пришельца из иного мира, и возвратить «своему» герою из мира людей. Поэтому еще в древности волшебные сказки такого типа сложились в основном как повествования о хождении героя в подземное царство, где с помощью волшебства он вызволяет свою невесту и благополучно возвращается с ней домой. В поздних вариантах сюжет этот значительно изменен. Путешествие героя в подземное царство замещено в сказке «Как юноша любимую искал» хождением на далекий остров посреди моря. В сказке про братьев У-гэна и Ши-е орел уносит девушку к себе в логово, в глубокую темную пещеру на высокой горе. А ведь в Средние века китайцы как раз и представляли себе потусторонний, загробный мир расположенным в глубокой пещере на вершине горы. Похититель в облике орла тоже едва ли случаен. У соседних с китайцами тунгусо-маньчжурских и тюрко-монгольских народов сохранился культ орла — родоначальника шаманов, который, по народному поверью, мог вступать в связь с женщинами и был непременным сопровождаем шаманов в их странствиях по подземному миру. Сами китайцы эту могучую птицу до сих пор именуют «лаоин» — «почтенный орел».

Герою, отправившемуся на поиски невесты в подземное царство, предстоит пройти длинную цепь испытаний: встретиться с охранительницей входа в подземное царство (в русской сказке это Баба-яга), у нее вкушать ритуальной еды, переправиться через водную преграду и лишь после этого вернуться в мир людей.

Путешествие в подземное царство обычно начинается с переправы через водную преграду, которую охраняет водный змей, огромная рыба или другое чудище. Герой добывает волшебное средство, убивает чудище, затем переправляется через море или реку, причем преодолевает он водную преграду с помощью тех предметов или животных, которые связаны с погребальными обрядами, отражающими древнейшие представления о пути умершего в иной мир. Чжан Шуаню из сказки «Как юноша любимую искал» также предстоит переправиться через море на остров, где томится его возлюбленная. Но море стережет черная рыба. Чтобы убить ее, Чжан Шуаню надо добыть волшебный меч. А чтобы добыть

меч, ему предстоит пройти сквозь огонь. (В первобытные времена одним из основных видов обряда посвящения юноши во взрослого мужчину было реальное или символическое испытание огнем. Причем сам обряд этот мыслился как временное нисхождение в потусторонний мир.) С волшебным мечом в руках юноше уже нетрудно убить похитителя — рыбу-оборотня и, отведав магический персик, переправиться через море. Персик, по поверьям китайцев, дарует бессмертие. Согласно мифическим сказаниям, персики росли в саду Сиванму — Хозяйки Запада, то есть владычицы иного мира. Еще и сейчас, если вы зайдете в китайский храм, то увидите перед табличками с именами умерших предков жертвенные плоды — сделанные из плотной бумаги персики.

В мир людей герой возвращается с помощью чудесного помощника, друга, которого он обретает в подземном царстве, оказав ему немаловажную услугу. Так, в сказке про братьев У-гэна и Ши-е герой возвращается в мир людей с помощью карпа. Случайно ли, что в китайской сказке помощником оказывается карп? Чудесный помощник, как образ сказки, сложился, видимо, на основе представлений первобытного человека о помощнике — тотеме рода, повелевавшем стихиями. Одним из наиболее распространенных тотемов у племен, населявших территорию современного Китая и близлежащих стран, был дракон. Карп считался царем рыб, и его почитали наравне с драконом. Позднее, в IV—VI вв. н. э., когда у китайцев сложился образ царя драконов, карп стал считаться его сыном.

В древний сюжет о похищении невесты постепенно добавлялись новые элементы. В сказке про У-гэна и Ши-е, например, эти поздние черты проявляются главным образом в зачине (известно, что именно зачины сказки легче всего поддаются видоизменениям). Здесь древний сюжет — похищение девушки — как бы обрамлен историей двух братьев — ленивого У-гэна и трудолюбивого Ши-е. А сцена знакомства героя с красавицей, дочерью богача-горожанина Чжана, которому он носит на продажу хворост, — это типичная картинка жизни уже феодального Китая.

Очень распространены у китайцев сказки о чудесной жене. В сказке «Волшебная картина» герой женится на деве, сошедшей с картины, в другой сказке женой оказывается дева-пион, в третьей — Нефритовая фея — дух персикового дерева, в четвертой — девушка-лотос, в пятой — девица-карп. Древнейшая основа всех этих сказок — брак с тотемной женой. Женитьба на деве-тотеме мыслилась в глубочайшей

древности как способ овладеть природными богатствами, которыми она якобы распоряжалась. Яснее всего эта древняя основа проглядывает в сказе «Женьшень-оборотень», героиня которого — чудесная дева — указывает любимому месту, где растет целебный корень.

Брак с тотемной девой в сказках часто и легко расторгается из-за нарушения каких-либо брачных запретов. Так, кстати, происходит в сказе о женьшеневой деве. Следует сказать, что сюжет этот дошел до нас в сильно измененном виде. Здесь уже появляется феодальный город, харчевня, уездная управа. Весь этот фон удивительно напоминает средневековую городскую повесть. Именно под ее влиянием, видимо, и изменился архаический сказочный сюжет.

Еще большие изменения под влиянием социальных условий претерпел сюжет сказки «Сад Нефритовой феи». Ее герой, бедный каменотес, встречает деву — дух персикового дерева. Она не дарит ему реально никакого особого «производственного могущества», лишь помогает каменотесу избавиться от тяжелой повинности и наказывает стражника, поднявшего на него руку. В древности китайцы наделяли персиковое дерево свойством отгонять нечистую силу. В поздней сказке фея — дух персикового дерева тоже отвращает от юноши злую силу, но теперь уже вполне реальную — чиновников и стражников.

Во всех сказках, записанных в наше время, тотемная дева превратилась в деву-оборотня. Произошло это, видимо, под влиянием очень распространенной в странах Дальнего Востока веры в оборотней: всякий старый предмет или долго проживший зверь может принять человеческий облик. Забытый за шкафом веник через много лет может-де превратиться в веник-оборотень, зверь, проживший тысячу лет, становится белым, а проживший десять тысяч лет — черным, — оба обладают магической способностью к превращениям. Вера в животных-оборотней в народе настолько живуча, что даже в энциклопедии ремесел и сельского хозяйства в XV в. с полной серьезностью говорилось о способах изгнания лисиц-оборотней: достаточно ударить оборотня куском старого, высохшего дерева, как он тотчас примет свой изначальный вид.

Вера в оборотней сохранилась в Китае во многом благодаря религиозному даосизму, сложившемуся в первых веках нашей эры. Даосы включили в свой культ образы так называемой низшей мифологии (духи стихий, оборотни, неприкаянные души умерших). Даосские монахи заступили место древних шаманов. Их приглашали к больным для изгнания

духа болезни или для очищения дома от наваждения. Но в сказках оборотни далеко не всегда персонажи отрицательные. Женьшеневая дева, например, говорит своему возлюбленному, что никогда не причиняла людям зла, хоть она и оборотень. Такая двойственность сказочного образа родилась из сочетания древнейших представлений о тотемной жене, помогающей тому, кто вступает с ней в связь, с более поздними поверьями об оборотнях-цзин, завлекающих людей и вредящих им.

Сравнивая развитие сказок о чудесной жене на Дальнем Востоке с такими же сказками других народов, скажем европейских, следует отметить, что тут эволюция сюжета пошла несколько иным путем. В Европе эти сказки превратились в повествования о женитьбе героя на обычно заколдованной прекрасной царице, которая дает герою уже не магическую власть над природой, а право на престол, то есть власть над людьми. Разные пути развития одного исходного сюжета определили и принципиальные различия всего антуража сказки. В сказках китайцев нет пышности, красочного описания царской жизни, герои и героини живут не во дворцах, а в бедных крестьянских хижинах, не характерен и герой — царевич.

Есть среди волшебных сказок сказки об испытаниях зятя в царстве тестя. В сказке «Небесный барабан» герой женится на небесной фее, но союз этот быстро расторгается, так как отец уводит фею на небо и запирает в небесной тюрьме. Чтобы вернуть жену, юноша должен пройти в царстве тестя длинную цепь брачных испытаний, которые не прошел до женитьбы, нарушив тем самым брачный ритуал. Лишь выполнив все задачи, которые ему задает тесть, юноша может вновь соединиться со своей небесной супругой.

Хорошо знакомы читателю сказки о победе обездоленного героя над своим противником, обычно злым и жадным старшим братом и его женой, над отчимом или мачехой. В китайской «Сказке про младшего брата» ярко выражена характерная для фольклора многих народов идеализация младшего члена семьи как хранителя семейного очага и родовых традиций. Младший брат оказывается удачливее старшего потому, что ему достается хотя и малая, но чрезвычайно важная часть родительского наследства. В китайском варианте сказки, записанном на полуострове Шаньдун, младший брат получает кусок тощей землицы, петуха да собаку, на которой пашет. Пахота на собаке — это, видимо, переосмысленное древнейшее представление о тотемном предке (известно, что у многих родственных китайцам народов, живших к югу от Янцзы, тотемом

была именно собака, и потому их первопредок изображался в облике пса), от которого зависит плодородие. Злой старший брат убивает и собаку и петуха, младший закапывает их, и не где-нибудь, а перед своим жилищем, то есть на родовой земле. Из их костей вырастает чудесный вяз с листьями-монетами. На популярных еще недавно у китайцев народных лубках часто можно было видеть изображение яоцяньюшу — «дерева, отряхающего монеты». Вспомним, что и в русской сказке о падчерице чудесный сад вырастает из костей коровы, покровительницы обездоленной героини. В основе этого известного у всех народов мотива лежат, видимо, древние поверья о ритуальном умерщвлении животных, из которых вырастают различные полезные растения. Разумеется, китайский сказочник нашего времени не имеет представления об архаической основе сюжета. Для него эти древнейшие мотивы лишь привычные поэтические образы сказочного мира.

Кроме сложной архаической основы китайских волшебных сказок, следует сказать также о других древнейших их чертах. Речь идет о числовой и цветовой символике, а также о национальной системе ориентации во времени и пространстве. Девяносто девять рек облетел Тянь-тай — герой сказки «Портрет девушки из дворца», тысячу раз по девятьсот девяносто девять верст промчался он, прежде чем нашел волшебную ухорвертку. Производные от цифры девять постоянно встречаются и в других сказках. По древним представлениям девятка была основным нечетным (или, как называли китайцы, — мужским) числом. В китайских сказках вообще преобладают нечетные числа. Например, в обозначении количества героев — пять сестер, семеро братьев.

Наиболее часто встречаются в китайских сказках зеленый и красный цвета; зеленый — цвет растительности и соответственно весны, красный — цвет огня, созревающих плодов, а значит, и лета. Оба эти цвета символизировали в сознании китайцев течение жизни, недаром, видимо, когда в сказке о собаке и кошке звери приходят в дом торговца, они видят там людей в красном и зеленом — в доме готовятся к свадьбе. Известно, что в некоторых южных провинциях Китая жениха несут в зеленом паланкине, а невесту в красном.

Темный и черный цвета, напротив, ассоциировались, по всей вероятности, с загробным миром, хотя у китайцев были и другие ассоциации, связанные с черным цветом, положительные.

В сказках мы постоянно сталкиваемся с обозначениями сторон света. Спустившийся с небес бессмертный старец советует героям сказки «Жены

в зеркале» обратить зеркала на юго-запад, чтобы увидеть суженых им невест; в сказке «Женщина-лисица» девушка-оборотень, прощаясь, наказывает своему возлюбленному, чтобы он шел искать ее на юго-запад. Юго-запад упомянут тут явно не случайно. В древнекитайской гадательной «Книге перемен» (VIII—VII вв. до н. э.) говорится: «Благоприятен юго-запад, там свидишься с добрым человеком». Представление о юго-западе как о стороне, где должна состояться приятная герою встреча, сохранилось в народе и поныне. «Неблагоприятен северо-восток», — читаем мы в той же книге и понимаем, что также не случайно злой дракон в сказке «Лис-оборотень» прилетает с северо-востока. Особо следует сказать о западе. Там находилось, по древним представлениям, царство мертвых. «Вернуться на запад» означало по-китайски «умереть», и когда старуха в сказке «Отворитесь, ворота каменные!» указывает героям путь на запад, они и попадают в иной мир, находящийся в горной пещере. Когда героиня сказки «Волшебная картина», которую унес злой оборотень, наказывает передать любимому, чтобы искал ее в «Западной стране», — это значит, что он должен отправиться в страну мертвых.

События в китайских сказках часто связаны с какими-либо датами — обычно праздниками старого сельскохозяйственного календаря. Удивительные приключения происходят с героями или в Новый год, или в праздник Фонарей, или в особые дни поминовения усопших предков. По этим праздникам ведется в сказке счет течению времени в мире людей. В ином мире и время другое — это четко осознается сказочниками. Вроде бы совсем недолго пробыли в другом мире муж и жена из сказки «Отворитесь, ворота каменные!», а на земле «не век и не два минуло».

Волшебные сказки китайцев, как и некоторых других дальневосточных народов, отличаются особой «приземленностью» сказочной фантастики. Действие в них никогда не происходит в некотором царстве — тридцатом государстве, все необычное, наоборот, случается с героем рядом, в родных и знакомых сказочнику местах. Многие из вошедших в сборник волшебных повествований записали фольклористы Дун Цзюнь-лунь и Цзян Юань в глухом уезде Ишань провинции Шаньдун. Здесь же, в Ишаньских горах, случаются с героями сказок всякие чудеса. Но дело не только в более или менее точной локализации места действия сказки, а и в чрезвычайно характерном сочетании в них сложного вымысла с реальным бытом героев. Самое невероятное часто выписывается

с такими подробностями, чисто бытовыми, а подчас и натуралистически-ми, что перестает казаться таким уж невероятным. Именно в этом, как представляется нам, принципиальное отличие сказочной фантастики китайцев от безудержной и совсем не приземленной фантастики индийских или, например, арабских сказок.

Раздел волшебных сказок включает повествование об удивительных приключениях мастеров. Здесь использованы отдельные сказочные мотивы (путешествие героя в брюхе рыбы, встреча с великаном и другие), но сюжета, характерного для сказки, в нем нет. Ближе всего это повествование к авантурным сказкам, но, в отличие от них, оно изобилует волшебными приключениями. Эта удивительная история, явно сложившаяся в позднее время (недаром в ней упоминаются даже пароходы!), интересна как рассказ о забавных приключениях мастеровых людей в разных мирах и странах, приключениях, чем-то напоминающих путешествие Гулливера или удивительные похождения героев романа китайского прозаика XIX в. Ли Жучжэня «Цветы в зеркале».

Раздел бытовых сказок, среди которых есть и сатирические, открывается сказками «Волшебный чан» и «Красивая жена»; они построены по законам сказки сатирической, хотя главную роль пока еще играют волшебные предметы. В других сказках бытовые элементы вытеснили все волшебное. Среди них есть немало сюжетов, известных во всем мире. Где только не рассказывают сказку о глупце, который делает все невпопад! На похоронах он кричит: «Таскать вам не перетаскать», а на свадьбе — «Канун да ладан». Его китайский «собрат» («Глупый муж») поступает почти так же: набрасывается с руганью на похоронную процессию, а носильщикам расписного свадебного паланкина предлагает помочь гроб донести. Кончаются такие сказки всегда одинаково: в русской сказке дурак оказывается избитым, а в китайской — его поддевает на рога разъяренный бык.

В китайских сатирических сказках читатель найдет еще один чрезвычайно популярный в разных литературах сюжет: спрятанный в сундуке любовник. Едва ли не впервые он встречается в знаменитом «Океане сказаний» индийского писателя XI в. Сомадевы; мы находим его потом в новелле десятой дня четвертого «Декамерона» Боккаччо и во многих произведениях русской литературы XVIII—XIX вв., начиная с анонимной «Повести о Карпе Сутулове». Жена купца Сутулова так же, как

и героиня китайской сказки, ловко обманывает домогавшегося ее архиепископа, сталкивая его с другими притязателями и запирая в сундук. Характерно, что и в китайской сказке в сундуке оказывается настоятель монастыря, то есть лицо духовное.

В отличие от русских сатирических сказок, где судья — персонаж отрицательный, в китайском фольклоре существует цикл сказок о мудром судье Бао-гуне, правителе столичного города Кайфэна в начале XI в., который прославился своей неподкупностью и справедливостью. Впоследствии многочисленные легенды о мудром расследовании запутанных преступлений или о справедливом решении сложных тяжб народ связывал с его именем, которое стало нарицательным. Образ реального правителя в фольклоре, конечно, сильно идеализирован. Популярности его во многом способствовали пьесы о судье Бао, шедшие на китайской сцене с XIII в. Среди этих драм были произведения, в которых рассказывалось, как судья Бао чинил суд над императорским зятем, любимой наложницей государя, князьями и несправедливыми правителями областей и уездов. Бао казнит даже одного из судей ада, для чего ему приходится спуститься в подземное царство. Сказки о мудрых решениях судьи Бао в отличие от драматических произведений весьма просты. И дела здесь мельче, и расследование проще.

В течение веков феодальный Китай был известен как империя чиновников. Их глупость, самонадеянность и корыстолюбие выступают перед нами и в народных сказках. Крестьяне, создатели сказки, имели непосредственно дело только с чиновниками уездного масштаба. Действие всех этих сказок обычно происходит в уездном управлении — ямыне. Бытовая сказка должна показать алогизм обычного, вывернуть наизнанку привычные жизненные нормы, поэтому победителем в ней неизменно оказывается человек из народа, простолюдин, а уездный начальник остается в дураках, служит посмешищем.

Очень характерны для старого Китая сказки о посрамлении ученых-сюцаев. Чтобы получить низшую ученую степень сюцай, надо было выдержать экзамены в уездном городе, и только тогда можно было занять чиновничью должность. Единственное, что требовалось на экзаменах, — это знание конфуцианских классических книг. В делах практических сюцай мало что смыслили. Спесивость и глупость подобного рода ученых мужей — извечная тема насмешливых сатирических сказок, одна из которых («Как три зятя тестя поздравляли») помещена в данном сборнике.

Последний раздел книги составили мифологические предания, старинные легенды, сказы мастеровых и искателей женьшеня.

Как известно, мифы предшествуют сказке. Мифические представления рождаются на самых архаических стадиях развития общества. Долгое время считалось, что мифы китайцев о первопредках Фуси и Нюйва, вылепивших первых людей из глины, об образцовом правителе Яо и его преемнике Шуне, об усмирителе потопа Великом Юе можно реконструировать лишь по отдельным фразам в древних книгах. И только совсем недавно китайские фольклористы записали впервые мифологические предания об этих героях, сохранившиеся в живом бытовании. Таких преданий (некоторые из них и даны в нашей книге в русском переводе) находят в глухих уголках Китая все больше и больше. Предания эти сохраняют многие детали древнего мифа, но одновременно и несут на себе печать более поздних сказочных повествований. В предании «Как Фуси и Нюйва создали людей» о первопредках китайцев они не создают первых людей на земле, как в древних мифах, а возрождают род человеческий после потопа, который насылает на землю небесный Нефритовый государь. Само же представление о Нефритовом государе — главном божестве огромного народного пантеона божеств сформировалось в Китае примерно к X в., то есть, по крайней мере, спустя тысячелетие после эпохи активного мифотворчества. Вполне возможно, что образ Нефритового государя заместил в предании фигуру более архаическую — в мифологических рассказах народа мяо, которые даны в нашем сборнике, наводнение насылает Громовник, персонаж гораздо более архаический, чем Нефритовый государь. Мы не случайно сослались здесь на мифические предания народа мяо, живущего в пределах семи южнокитайских провинций и в соседних странах: Вьетнаме, Лаосе, Бирме. Мифы мяо, так же как и многих других народов Китая, имеют немало общего. Не исключено, что это результат их общего происхождения в глубокой древности или же взаимовлияния устного народного творчества. Мифология мяо, а также близких им яо и других народов Южного Китая исключительно богата; в древних песнях и сказаниях говорится о десятках мифических героев, часто — великанах, способных отделить небо от земли. Некоторых из них представляли гигантами с четырьмя ногами и восемью руками. В нашем сборнике представлены лишь два мифологических предания мяо о сотворении. Их можно было привести значительно больше. Всюду в них, как и в мифологическом предании китайцев, действуют брат и сестра, спасшиеся после потопа и вынужденные вступить в брак, чтобы

возродить на земле человеческий род. Мотив инцеста (брака брата и сестры) широко распространен в фольклоре китайцев, он впервые зафиксирован в письменных источниках в VII—X вв. И уже там есть такая деталь: «Если Небу угодно, чтобы мы поженились, пусть дым устремится в высь столбом», — говорит брат сестре. Эта же деталь упоминается и в записанном недавно в провинции Хэбэй китайском мифологическом предании о Фуси и Нюйва. Но чаще в народных вариантах фигурируют два жернова, которые, будучи спущены с вершин соседних гор, должны лечь один на другой, символизируя соединение супругов. Такая символика встречается и у китайцев, в том числе и во включенном в сборник преданий «Как Фуси и Нюйва создали людей», и в мифологических преданиях мяо и многих других малых народов Китая, сближая эти сюжеты между собой.

В нашей книге помещен перевод мифического предания близкого мяо народа яо о стрельбе в раскаленную луну («Как в луну стреляли»). Стрельба в небесные светила — тема, общая для фольклора многих народов Китая, от нанайцев на севере страны (в Китае их называют хэчжэ) до племен цюу, обитающих на далеком Тайване. Только герой древнекитайского мифа стрелок И сбивает своими стрелами раскаленные солнца (их появилось на небосводе сразу девять), а герой народа яо Яла избавляет соплеменников от нестерпимого жара, который посылает на землю луна, похожая на камень, только что скатившийся с горы. И так же как в древнекитайском мифе, жена стрелка в предании народа яо тоже уносится на луну и живет там под развесистым коричневым деревом. Первую письменную фиксацию китайского мифа о стрелке И в древних книгах отделяет от записи предания яо более двух тысяч лет, но, несмотря на отличие в деталях, легко увидеть, что смысл древнего сюжета у обоих народов общий и что и сами китайцы и другие народы этой многонациональной страны донесли до нас в живом бытовании не только архаические в своей основе сказки, но и гораздо более древние мифы, часто рассказываемые наподобие сказок.

В последний раздел книги вошли и сказы мастеровых, и искателей женьшеня. Сказы мастеровых — малоизвестная часть китайского фольклора. Многие из них связаны с именами обожествленных героев, научивших своему удивительному искусству других людей или пожертвовавших собой ради того, чтобы помочь мастеровым людям выполнить какую-либо трудную задачу. Жертвывая собой, спасает отца-кузнеца и его товарищей девушка Чжэньчжу в сказе «Богиня печи». Подобное же

предание рассказывают в Пекине про дочь мастера Дэна, которая бросилась в горн, чтобы помочь отцу и его подручным отлить по приказу императора огромный колокол. Подобно Чжэньчжу, эта девушка была обожествлена как покровительница литейщиков колоколов, и в ее честь воздвигли храм. В основу этих повествований легли древние представления о необходимости принести в жертву человека, дабы умиловить духов.

Сказ «Чжаочжоуский мост» повествует о Лу Бане, обожествленном покровителе строителей и плотников. Он жил в период между VII и V в. до н. э. и прославился как искусный мастер. Впоследствии вокруг его имени стали циклизироваться многочисленные рассказы о чудесном умении изготавливать вещи из дерева и строить затейливые здания. В сочинении VIII в. рассказывалось, например, о том, как Лу Бань смастерил деревянную птицу, сел на нее и улетел на небо. В сказах Лу Бань выступает как герой, научивший людей применять пилу, навешивать в домах двери и многому другому. Его образ напоминает древних мифических героев-первопредков, которым приписывалось добывание различных «культурных» благ и изобретение жизненно необходимых вещей, как очаг или письменные знаки. Лу Бань — герой уже более позднего, не мифологического времени, приписанные ему открытия не носят такого первостепенного характера, часто это просто сказочное объяснение происхождения какого-либо архитектурного памятника.

В книге представлены легенды искателей женьшеня. Женьшень был известен китайцам давно. Самым ценным считается дикий корень, который изредка находят в Маньчжурии, в окрестностях гор Чанбай-шань. Спасаясь от голода, в частые неурожайные годы крестьяне-шаньдунцы уходили в глухие тогда северо-восточные земли, мечтая найти драгоценное растение и выгодно продать его. Ходили целыми артелями, иногда месяцами блуждали в горах, не находя подчас ничего. По вечерам или в ненастную погоду, сидя в шалаше, искатели предавались мечтам о чудесных тысячелетних корнях. Тогда же, видимо, и складывались поэтические легенды. В основе их лежали многочисленные поверья, связанные с этим удивительным растением, корень которого напоминает фигуру человека. Китайцы, например, считали, что большие старые корни стерегут тигры, змеи или красные волки. Они приписывали птичке банчуйняо чудесное свойство — указывать людям, где растет «человек-корень». Старые корни наделялись способностью исчезать, как только их находили и хотели выкопать люди. Они, как считали искатели, не просто исче-

зали, а превращались то в торговца, то в женщину, то в корову и уходили, чтобы потом опять возвратиться в землю на старое место. В одной легенде даже рассказывается, будто корешки женьшеня превратились в артистов и давали представление в уездном городке. Эта вера в способность растений к перевоплощению восходит к древним анимистическим представлениям и вере в оборотней.

В поверьях искателей целебного корня было много архаических черт, в частности табу на название самого растения. Считалось, что нельзя называть корень его настоящим именем, иначе-де искателю не будет удачи и найденное растение уйдет от него. Вместо слова «женьшень» полагалось говорить «банчуй», что значит «палка», «батог». Также нельзя было произносить названия диких зверей. Тигра звали «шань-шэнь» — «господин горный дух», а волка почему-то Чжан Сань — Чжан Третий. С этими же архаическими чертами мы сталкиваемся и в легендах («Женьшень-оборотень» и «Царь-удав»).

В сказке-легенде о царь-удаве отразились очень древние в своей основе представления об очищении земли от страшных чудовищ. Такие рассказы у китайцев некогда связывались с образом мифического стрелка И, который избавил людей от злого людоеда-быка яоюя, страшного кабана фэнсы, удава дафэна и клыка-бурава цзочи. Подобно ему, герой легенды «Царь-удав» убивает страшных змеев, стерегущих женьшень. Использованы в легенде и многие мотивы волшебной сказки — юноша совершает подвиг лишь благодаря чудесным помощникам: вороне, птичке банчуйняю, мальчику-женьшеню, духу березы.

Архаичность сказов о женьшене объясняется, видимо, тем, что сказы эти бытуют в основном среди самих искателей, а возможно, и тем, что искатели целебного корня часто встречались в горах и лесах с представителями других, уже тунгусо-маньчжурских народов (нанайцев, удэгейцев, маньчжур), устное творчество у которых гораздо архаичнее, чем у китайцев.

Завершают сборник три чрезвычайно распространенные в Китае легенды. Самая древняя из них — повествование о Волопасе и Ткачихе. Впервые мы находим этот сюжет в китайской поэзии начала нашей эры. В варианте, вошедшем в данную книгу, соединились многие сказочные мотивы: и история о разделе имущества между братьями, и эпизод с кражей одежды у спустившейся с неба девицы-голубки, и испытания молодого зятя у злого тестя. Древнему преданию о звездах Пастуха из созвездия Орла и Ткачихи из созвездия Лиры,

разделенных Млечным Путем, здесь придан облик привычной волшебной сказки.

Аналогичные изменения заметны и в «Сказании о Мэн Цзян-ньюй». Старинное предание о женщине, разрушившей своими слезами Великую Китайскую стену, известное нам уже по обработкам VIII—IX вв., получает в поздних прозаических вариантах чисто сказочное оформление (прибавляется начало, описывающее чудесное рождение героини из тыквы, предание о волшебном кнуте императора Шихуана).

Третье из этих сказаний («Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай») сложилось, видимо, к VIII—X вв. Оно явно более позднее и, за исключением концовки, совсем бытовое. В нем рассказывается о любви девушки, переодетой юношей, к своему школьному товарищу. Тема эта тысячекратно перелагалась в драмах разных веков и местностей. В этой легенде с особой художественной силой выражен протест против жестокости родителей, насильно выдававших дочерей замуж. Трагически разрушенная любовь — постоянная тема многих очень поэтичных легенд не только самих китайцев, но и других народов Китая. Прочтите помещенную в этой книге легенду народа хуэй, или, как его называют у нас в стране, дунган, «Не увидев Желтый лотос, сердце не остановится», и вы заметите, как разрабатывается в ней та же трагическая тема: любящие не могут соединиться, так как этому препятствуют устои феодального общества. Отец девушки не согласен выдать свою дочь за любящего ее простого юношу. Он сам не богат, но презирает бедного пастушка Сиюя, который и умирает от болезни, называвшейся по-китайски «сянсы бин» — «болезнь от тоски» (по любимой — добавим мы).

Все эти легенды давно вошли в народное сознание. У Шаньхайгуаня, небольшого городка, где начинается Великая стена, вам покажут в море огромные камни. По преданию, именно здесь утопилась верная памяти мужа Мэн Цзян-ньюй. В провинции Шэньси есть развалины храма, где сохранились статуи Мэн Цзян-ньюй и ее мужа. На протяжении веков в народе отмечали седьмое число седьмой луны как день встречи Волопаса и Ткачихи. В окрестностях Шанхая народ давно уже зовет желтых бабочек Лян Шань-бо, а черных — Чжу Ин-тай. Храмы в честь этих героев можно увидеть в разных концах страны. И конечно же, эти сюжеты были излюбленными на красочных новогодних лубках.

Легенды, так же как и сказки различных жанров, являют нам своеобразие устного творчества народов Китая и вместе с тем свидетельствуют, что сказочный эпос Китая не есть явление уникальное. Напротив,

представленные сказки — национальный вариант общемирового сказочного творчества, развившегося на базе весьма сходных для большинства народов первобытных представлений и верований. Едва ли случайно, что наиболее популярны во всех провинциях Китая те сюжеты, которые с детства хорошо знакомы и нашему читателю. Таковы сказки об испытаниях зятя в царстве тестя, напоминающие историю про царевну-лебедь, и многие другие.

Китайские сказки на протяжении по крайней мере полутора тысяч лет питали своими образами и сюжетами литературную новеллу. Уже в сборниках коротких рассказов о чудесах, созданных в III—VI вв., мы найдем немало сказочных мотивов. Именно там впервые встречается рассказ о чудесной жене-улитке, которая готовит бедному крестьянину вкусную еду. Сказку использовали и некоторые романисты. Так, сюжет о благодарном карпе вошел в ткань фантастического романа У Чэньэня (XVI в.) «Путешествие на Запад». Сказки о чудесных женах в самых причудливых вариантах переработал знаменитый писатель XVII века Пу Сунлин, автор «Удивительных историй Ляо-чжая», известных у нас под названием «Лисьи чары». Письменная литература оказывала, в свою очередь, влияние и на неграмотных сказочников. Из пересказов романов они заимствовали описания героев и некоторые сравнения, под влиянием старых повестей отдельные сказки (например, «Лис-оборотень») завершаются рифмованными четверостишиями. В народе эту сказку и подобные ей повествования об оборотнях, близкие к новелле, называют «Ляо-чжай чацзы» — «Ветви Ляо-чжая», подчеркивая тем самым влияние удивительных историй Пу Сунлина. Название это встретилось собирателям, правда, только в Шаньдуне, на родине писателя. Сказки и мифы большинства других малых народов Китая лишь сейчас начинают питать их литературу письменную, только еще становящуюся на ноги и делающую первые свои шаги. Появляются многочисленные обработки фольклорных сюжетов малых народов Китая, мультфильмы и балеты на эти темы. Фольклор всех народов страны вливается в общую сокровищницу культуры Китая.

В конце 70 — начале 80-х гг. Общество изучения фольклора Китая вместе со многими другими местными учреждениями начало подготовку и издание трех библиотек-серий: серии сказок, серии песен и серии пословиц, поговорок, загадок. Каждый уезд, каждый город — большой или совсем маленький, а их бесчисленное множество, — собирает свой фольклор и издает соответствующие тома серии (таким образом издано

две тысячи томов). Потом лучшие из текстов отбирают для сборников всех провинций страны, причем там представлено устное творчество всех без исключения пятидесяти пяти народов Китая, каждый из которых вносит свое, неповторимое, в кладезь общечеловеческой традиционной культуры.

Б. Рифтин

Сказки о животных

О том, как по животным счет годам вести стали

Рассказывают, будто в старину не знали, как по животным счет годам вести. Этому научил людей сам Юй-ди, Нефритовый владыка. Вот для чего он однажды и призвал в свой Небесный дворец всех зверей и птиц. В те времена кошка с мышью в большой дружбе были и жили вместе, словно сестры. Обрадовались они, что приглашение в Небесный дворец получили, и сговорились идти вместе.

Всем известно, что кошки поспать любят. Знала за собой эту слабость и наша кошка, а потому решила загодя с мышью договориться.

— Ты ведь знаешь, сестрица мышь, как я люблю поспать, — вежливо начала она. — Разбуди меня, пожалуйста, завтра, когда придет время во дворец отправляться.

Ударила себя мышь лапкой в грудь и пообещала:

— Я непременно разбужу тебя! Спи, ни о чем не тревожься!

— Благодарю! — сказала кошка, почистила усы и, ни о чем не тревожась, уснула.

На другое утро мышь поднялась чуть свет. Она и не подумала разбудить кошку. Поела и одна отправилась в Небесный дворец.

А теперь расскажем о драконе, который жил в пучине. Он тоже получил приглашение во дворец.

«Уж кого-кого, а меня непременно выберут», — решил дракон. И верно. Вид у него и впрямь был воинственный: панцирь на теле так и сверкает, под носом усы торчком торчат. Один только был у него недостаток — голова голая, ничего на ней не растет. «Вот бы мне рога

раздобыть, тогда никто бы со мной в красоте сравниться не смог!» Подумал так дракон и решил занять у кого-нибудь на неделю рога.

Только высунул он голову из воды, глядь — на берегу петух. Грудь выпятил и важно так расхаживает. В те времена у петухов огромные рога были. Обрадовался дракон, подплыл к берегу и говорит петуху:

— Дядюшка петух, а дядюшка петух, одолжи мне свои рога, я завтра с ними в Небесный дворец пойду.

— Ай-я! Братец дракон! — ответил петух. — Уж ты меня извини, но я тоже завтра в Небесный дворец пойду.

— Тебе, дядюшка петух, такие большие рога совсем не идут, голова у тебя чересчур мала, отдай их лучше мне. Взгляни-ка! Мне они в самый раз!

Случилось так, что в это время из расщелины сороконожка выползла. А сороконожки любят нос в чужие дела совать. Услышала сороконожка слова дракона и говорит:

— Дядюшка петух, а дядюшка петух! Одолжи братцу дракону рога, ну хоть на разок. А если боишься, я готова за него поручиться. Ну что, одолжишь?

Петух согласился. Ведь сороконожка поручилась за дракона. А он, петух, и без рогов собой хорош.

Пожаловали на следующий день все звери да птицы в Небесный дворец. Собралось их великое множество. Вышел к ним Нефритовый владыка и говорит:

— Отныне счет годам вести будем по зверям и птицам. А по каким — вы сами назовите.

И назвали звери вола, лошадь, барана, собаку, свинью, зайца, тигра, дракона, змею, обезьяну, петуха и мышь.

Почему именно их выбрали тогда звери — никто не знает. Почему петуха, а не утку? Тигра, а не льва?

Итак, выбрали всего двенадцать зверей. Выбрать-то выбрали. А как их по порядку расставить? Тут-то и пошли споры да пересуды.

— Самый большой из вас вол, пусть он и будет первым, — сказал Нефритовый владыка.

Все согласились, даже тигр. Но тут вдруг мышка-малышка подняла лапу и говорит:

— А я разве не больше вола? Отчего же тогда, завидев меня, все кричат: «Ай-я! Какая громадная мышь!»? Но никто никогда не сказал: «Ай-я! Какой громадный вол!» Выходит, люди считают, что я больше вола!

Удивился Нефритовый владыка:

— А ты правду говоришь? Что-то я не верю!

Тут обезьяна и лошадь в один голос закричали, что мышь просто-напросто врет. Однако мышь как ни в чем не бывало отвечала:

— Не верите? Давайте проверим!

Петух, баран, собака и заяц согласились.

— Давайте проверим, — сказал и Нефритовый владыка.

Отправились звери к людям.

И что бы вы думали? Все случилось точь-в-точь, как говорила мышь.

Когда мимо людей вол проходил, все наперебой хвалили его: «Какой хороший, какой тучный!» Только никто не сказал: «Какой громадный!» А хитрая мышь тем временем взобралась вола на спину, встала на задние лапки. Увидали ее люди и как закричат:

— Ай-я! Какая громадная мышь!

Услыхал это Нефритовый владыка собственными ушами, нахмурил брови и говорит:

— Ладно! Раз люди считают, что мышь больше вола, пусть вол уступит ей первое место. А сам пусть будет вторым.

На том и порешили. Вот отчего и поныне счет ведут с года Мыши, а уж потом идет год Вола.

Воротилась мышь домой рада-радехонька, что первая среди зверей оказалась, гордится, важничает. А кошка только-только глаза продрала, увидела мышь и спрашивает:

— Что же ты молчишь, сестрица мышь? Разве не велено нам сегодня во дворец пожаловать?

— Ты все еще почиваешь? А я уж из дворца воротилась. Двенадцать зверей выбрали, чтобы по ним счет годам вести, и я среди них первая!

Удивилась кошка, раскрыла широко глаза и спрашивает:

— Отчего же ты меня не разбудила?

— Забыла! — как ни в чем не бывало ответила мышь.

Разозлилась кошка, усы у нее торчком, да как закричит:

— Дрянь паршивая! А я еще тебе поверила, уснула, ни о чем не тревожась! Не ты ли обещала меня разбудить? Я знаю! Ты хотела навредить мне. Ну, погоди! Я с тобой рассчитаюсь!

Мышь вины за собой не признала и говорит:

— Что зря шуметь! Не разбудила — значит, не захотела. Это уж дело мое. Я тебе не служанка!

Кошка так и вскипела: задышала тяжело, оскалила зубы, бросилась на мышь и перегрызла ей горло — мышка только пискнуть успела да дернуть задними лапками.

Так и остались с тех пор кошка да мышь лютыми врагами.

А теперь расскажем о петухе. Вернулся он домой грустный-прегрустный и думает: «Нефритовый владыка потому дракона впереди меня поставил, что рога у него на голове были мои». И решил петух непременно отобрать у дракона свои рога.

Подошел он к пучине, смотрит — дракон весело резвится в воде. И сказал тогда петух дракону очень вежливо:

— Братец дракон! Верни мне, пожалуйста, мои рога!

Дракон удивился, но ответил с достоинством, не горячась:

— А, это ты, дядюшка петух! Да зачем тебе рога? По правде говоря, ты без них куда красивее. А мне твои рога уж очень кстати!

— Кстати они тебе или некстати — дело не мое, — невесело ответил петух. — Раз взял — надо отдать.

Дракон ничего не ответил. Подумал немного, потом вдруг почтительно поклонился петуху и говорит:

— Ты уж не взъщи, дядюшка петух! Время позднее, пора и отдохнуть. А об этом мы с тобой в другой раз поговорим.

Не успел петух и рта раскрыть, как дракон под водой скрылся. Разъярился тут петух, захлопал крыльями и как закричит во все петушиное горло:

— Братец дракон, отдай мне рога! Братец дракон, отдай мне рога!

Но дракон о ту пору уже крепко спал на самом дне пучины и ничего не слышал.

Долго кричал петух, охрип и совсем из сил выбился. Делать нечего. Решил он отыскать сороконожку. Ведь она тогда за дракона поручилась.

Отыскал петух сороконожку на груде камней, рассказал ей все по порядку и говорит:

— Госпожа сороконожка, вы поручились за дракона и не можете так оставить это дело.

Подняла сороконожка голову, помолчала и наконец медленно проговорила:

— Вернет тебе братец дракон рога. А не вернет — так и будет! Сам посуди! Не могу же я найти его на дне пучины!

Петух со злости даже покраснел.

— Какой же ты поручитель! Нечего тогда соваться в чужие дела. Беда случилась, а тебе хоть бы что!

— Не возводи, дядюшка петух, на меня напраслину, — стала оправдываться сороконожка. — Ты сам отдал дракону рога. А я просто так за него поручилась. Кто бы мог подумать, что братцу дракону доверять нельзя? Знай я это раньше, не стала бы за него ручаться.

— Что же теперь делать? — спросил петух, смиряя гнев.

— Я ведь сказала, что делать. Признать, что тебе не повезло, если дракон так и не отдаст рогов. Сам виноват. Прежде чем отдавать, надо было хорошенько подумать.

— По-твоему, я сам виноват? — Петух выпучил глаза, выпятил грудь и стал наступать на сороконожку.

— Сам виноват, сам виноват, надо было хорошенько подумать, — ни жива ни мертва твердила сороконожка.

Еще пуще покраснел петух, вытянул шею, клюнул сороконожку в голову. Раз-другой мотнул головой, сороконожку живьем проглотил.

С тех пор петухи каждое лето клюют во дворе сороконожек. А по утрам, только начнет светать, кричат во все горло:

— Лун-гэгэ, цзяо хуань во! Братец дракон, отдай мне рога!

В незапамятные времена в неведомом краю высилась громадная гора, а на той горе причудливые камни друг на дружку громоздились. На вершине горы в черной-пречерной пещере жил огромный тигр: шкура пятнистая, глаза выпуклые, на лбу белая мета, а силищи такой, что никто сравниться с ним не мог. Зарычит тигр сердито — земля задрожит, горы закачаются. У подножья горы в бездонной зеленой пучине громадная черепаха жила. Рассердится черепаха, ударит панцирем по воде — забегают, закружатся волны. Вытянет она шею — еще больше станет, в целый чжан¹ с лишком. А на самой середине горы росла сосна в несколько десятков чжанов высотой. Вся искривилась, изогнулась — тысяча лет ей. Изо всех сил старалась старая сосна пошире раскинуть свои ветви — боялась, как бы молодые деревья рядом с ней не выросли.

Хотя тигр жил на самой вершине горы, а черепаха — в глубоком омуте, были они неразлучными друзьями. Не увидятя день, другой — печалются, трех дней не пройдет — бегут навестить друг дружку. То тигр спустится с горы, то черепаха на вершину поднимется. И всякий раз проходили они мимо старой сосны, частенько о ее здоровье справлялись.

— У-у, э-э, — шумела в ответ сосна, а сама втайне завидовала друзьям.

Не по нутру было ей могущество тигра, не по нраву сила черепахи, но пуще всего досаждала сосне их крепкая дружба. Давным-давно замыслила сосна разлучить неразлучных друзей, вражду посеять между ними,

¹ Чжан — мера длины, 3,2 м. (Здесь и далее примеч. перев.)

да все прикидывала, как это сделать. И придумала наконец. Только, пока она думала, засохла наполовину и почернела, а иглы ее желтыми стали.

Как раз в ту пору черепаха отправилась на гору проведать своего друга тигра. Добралась она до сосны и только было хотела поздороваться, как вдруг слышит — сосна ее спрашивает:

— Куда путь держишь, сестрица черепаха?

— Иду навестить старшего брата тигра, — отвечает черепаха.

Вздохнула тут сосна, да так тяжело. Подивилась черепаха и спрашивает:

— Ты что это вздыхаешь, сестрица сосна?

А сосна опять тяжело вздохнула и говорит:

— Не советовала бы я тебе ходить к тигру.

Пуще прежнего удивилась черепаха и снова спрашивает:

— Отчего же это ты не советуешь мне идти к тигру?

— Знала бы ты, — тихонько промолвила сосна, — как вчера на вершине горы он тебя поносил, уши бы мои не слушали.

— Как же он меня поносил? — стала допытываться черепаха.

— Могу сказать, а ты не рассердишься? — еще тише, чтобы никто не услышал, спросила сосна. — Так вот, обозвал он тебя головастиком, грозился, как придешь ты к нему, изгрызть твой панцирь и выпить твою желчь.

Услыхала это черепаха, высунула голову и в дикой ярости поползла обратно в свой омут.

А тигр ждал ее, ждал в пещере да и говорит сам себе:

— Что это сестрица черепаха не идет?

Вышел тигр из своего логова, огляделся вокруг: нигде не видать черепахи. «Пойду-ка сам проведу ее». Решил так тигр и помчался вниз с горы.

Вдруг слышит — сосна его спрашивает:

— Куда путь держишь, братец тигр?

Отвечает ей тигр:

— Да вот, не дождался я черепаху и сам решил ее проведать.

Вздохнула тут сосна, да так тяжело.

— Ты что это вздыхаешь, сестрица сосна? — подивился тигр.

А сосна опять тяжело вздохнула и говорит:

— Не советовала бы я тебе ходить к черепахе.

Пуще прежнего подивился тигр и снова спрашивает:

— Отчего же это ты не советуешь мне идти к черепахе?

— Знал бы ты, — тихо промолвила сосна, — как она тебя только что здесь поносила, уши бы мои не слушали.

— Как же она поносила меня? — стал допытываться тигр.

Тогда сосна еще тише, чтобы никто не услышал, ответила:

— Обозвала она тебя поганым тигренком. Грозилась, как придешь ты к ней, вгрызться зубами в твои когти, стащить тебя за лапы в воду и утопить.

Услыхал это тигр, рассердился, хвостом махнул и обратно побежал.

Много воды с тех пор утекло, а тигр с черепахой так и не встретились больше. Да только горячий был у тигра нрав. Как вспомнит про черепаху, так злость его разбирает. Не стерпел он однажды, выскочил из пещеры и побежал к омуту.

А сосна рада-радехонька, чуть не смеется. Бежит тигр к омуту и ругается:

— Вот я тебе покажу, черепашье отродье, ты когти грозилась изгрызть да за ноги меня в омут стащить?

Высунулась тут черепаха из воды и тоже давай ругаться:

— Вот я тебе покажу, поганый тигренок, ты панцирь мой грозился изгрызть да желчь мою выпить?

Ругались они ругались да так распалились, что принялись драться. Только ни одному на ум не пришло правду от неправды отличить. Вцепилась черепаха зубами в тигриную лапу и в омут его стащила. А тигр вонзил клыки в черепаший панцирь и хоть умрет — не отпустит. Немного времени прошло, испустила дух черепаха, тигр водой захлебнулся.

На другое утро шел мимо омута юноша. Видит — на поверхности тигр с черепахой дохлые плавают. Позвал юноша людей, и решили они тигра с черепахой в деревню к себе отнести. Стали судить да рядить — откуда столько дров раздобыть, чтобы тигра с черепахой сварить. Услыхал это юноша и повел людей с топорами и пилами на гору.

Дошли до середины горы, где старая сосна стояла, посмотрел на нее юноша и говорит:

— Сосне этой, почитай, тысяча лет. Она уже наполовину высохла. Сама не растет и молодым деревьям расти не дает. Что ее жалеть? Срубим — на костер дров хватит.

Принялись все дружно за работу и повалили старую сосну.

Вот какую рассказывают историю.

Как собака с кошкой враждовать стали

Жил в старину бедный старик со своей слепой старухой. Детей у них не было, только собака да кошка. Дружно жили звери, так и ходили друг за дружкой, как тень за человеком, и хозяевам верно служили. Уйдет старик из дому, они со старухой дом стерегут, чужого близко не подпускают. Пуще сокровища берегли старики своих любимцев, не били, не ругали. С собакой и кошкой жилось им, горемыкам, не так тоскливо.

Пошел как-то старик в горы травы накосить. Идет обратно, смотрит — лежит на земле черная змейка, видать, оголодала, с места двинуться не может. Пожалел старик змейку, спрятал за пазуху, пошел своей дорогой. Пришел домой, выходил змейку, откормил. Но вот однажды говорит ей старик:

— Иди-ка ты из нашего дома, змейка. Рис у нас перевелся, травы больше нет — нечем нам тебя кормить!

Кивнула змейка головой и говорит:

— Добрый дедушка, если б не ты, умерла бы я с голоду. Да вот не знаю, как отблагодарить тебя. Только и есть у меня что собственный хвост. Возьми его, положи в деревянную шкатулку и схорони подальше, чтобы никто чужой не увидел. А как понадобятся деньги, потряси — посыплются из хвоста монеты.

Согласился старик. И только отрубил у змейки хвост, как она исчезла. Положил старик змеиный хвост в деревянную шкатулку, шкатулку закопал за кухней, куда никто чужой не заглядывал.

Только переведутся у стариков деньги, выкопают они заветную шкатулку, достанут змеиный хвост, потрясут, на пол медные монеты со звоном

посыпаются. Соберет старик монеты, отправится на базар, купит масла, соли, риса, хвороста. Вернется домой, еду варит. Сварит и разделит на четыре части: одну — старухе, другую — собаке, третью — кошке, а четвертую — себе. Так и жили они, не ведая нужды.

Но вот однажды постучался к старикам бродячий торговец. Боязно ему было одному темной ночью по дороге идти, вот и попросился заночевать. Впустил его старик.

А на другой день, еще до рассвета, прошел старик тихонько за кухню, достал из шкатулки змеиный хвост, потряс его. И на землю медяки посыпались. Только и слышно: цзян-цзян-хуа-лан. Торговец все это через окно видел. Только ушел старик из дому, как он тотчас же вскочил, откопал драгоценную шкатулку, сунул в корзину, поднял коромысло и ходу.

Вернулся старик домой, а старуха плачет, да так жалобно. Спрашивает старик:

— Какая беда приключилась?

А старуха отвечает:

— Шкатулку нашу драгоценную бродячий торговец унес!

Не поверил старик:

— Ты что это плетешь, старая? Схоронил я ее далеко да глубоко. Как же мог он ее найти? Видать, не там ты искала, где надо.

Сказал так старик и сам за кухню пошел. Искал-искал — ничего не нашел.

Пригорюнились старик со старухой. Старик тяжело вздыхает, а старуха слезами заливается. Тут как раз кошка с собакой со двора воротились завтракать вместе с хозяевами. А у хозяев лица печальные, брови хмурые, чуют кошка с собакой, что беда приключилась, а что за беда — не знают. Поглядел на них старик, вздохнул и говорит:

— Унес злодей торговец нашу шкатулку. Бегите скорее! Догнать его надо!

— Бежим, может, поймаем его, — сказала собака кошке, — видишь, как убиваются наши благодетели!

Выскочили они из дому и в путь отправились. Идут, вынюхивают все, высматривают — нигде нет драгоценной шкатулки. И решили они идти к торговцу. А дом его за рекой стоял.

Подшли они к реке, река бурлит, волны на ней пенятся. Кошка в комок съежилась от страха.

— Не бойся, — подбадривает ее собака, — как-нибудь переберемся на тот берег, я ведь умею плавать. А без шкатулки нам лучше домой не возвращаться.

Увидела кошка, что собака такая храбрая, сама расхрабрилась и вскочила ей на спину. Переплыли они реку и очутились в маленькой деревушке. Идут по деревушке, в каждый двор заглядывают, ни одного не пропускают. Вдруг видят — стоит во дворе большой дом, народу видимо-невидимо, кто в красном, кто в зеленом, — к свадьбе готовятся. И признали они в женихе того самого торговца, который у старика ночевал.

— Иди в дом, — говорит собака кошке на ухо, — разузнай, где схоронил торговец заветную шкатулку. Я бы сама пошла, да боюсь, приметят меня. А как узнаешь, сразу беги за околицу, я буду ждать тебя под ивой.

Кивнула кошка головой, мякнула, взобралась на крышу, с крыши прямехонько во двор прыгнула, а со двора, через маленькое оконце, пролезла в спальню. Ищет кошка заветную шкатулку, все углы обшарила, нигде нет. Уселась кошка под кровать и думает, как же ей быть. Вдруг видит — из сундука, который в спальне стоял, мышка вылезла. Бросилась на нее кошка, а мышь дрожит в кошачьих лапах, отпустить просит. Говорит ей кошка с безразличным видом:

— Поможешь мне в одном деле, отпущу.

— Все сделаю, царица кошка, только прикажи, — пропищала мышка.

— Полежай в хозяйский сундук, посмотри, нет ли там деревянной шкатулки. Если найдешь, быстрее тащи сюда.

Залезла мышь в сундук, вмиг вытащила заветную шкатулку и с низким поклоном передала ее кошке. Кошка схватила шкатулку и пустилась наутек.

Увидел торговец кошку и как закричит:

— Держите кошку! Она украла сокровище! Держите ее!

Бросились люди за кошкой вдогонку, а она через стену шмыг, только ее и видели. Прибежала на околицу, а там ее собака под ивой дожидается, и двинулись они в обратный путь. Идут не нарадуются. Когда подошли к реке, собака строго-настрого приказала кошке:

— Увидишь рыбу или рака, смотри, рта не разевай, не то уронишь шкатулку в воду.

Теперь кошка больше не боялась через реку плыть. Она с важностью сидела на спине у собаки и воображала, как станут ее благодарить хозяева. Доплыли они до середины реки, вдруг видят — рыбки в воде резвятся. У кошки даже слюнки потекли, не выдержала она и как закричит:

— Ой, сколько рыбы!

Хуа-ла — это шкатулка упала в воду и пошла ко дну.

— Говорила я тебе, чтоб ты рта не разевала да помалкивала. Как же теперь быть?

Приплыла собака с кошкой к берегу, кошку оставила, а сама на середину реки воротилась. Насилу вытасила из воды драгоценную шкатулку.

Устала собака, присела отдохнуть, глаза закрыла и не заметила, как задремала. А кошка тем временем схватила шкатулку и побежала домой.

Увидел старик, что кошка шкатулку принесла, обрадовался, бросился к старухе, чтоб добрую весть ей сообщить. И стали они наперебой расхваливать кошку: какая она ловкая да проворная. Открыл старик шкатулку, достал змеиный хвост, потрянул — на пол медные монеты посыпались, звенят. Накупил старик всякой всячины, приготовил разные вкусные кушанья, стал кошку потчевать. Уселась кошка поудобнее, но не успела за еду приняться, как видит — бежит собака.

— Ах ты, дармоедка! Только и знаешь, что брюхо набивать! — накинулся на нее хозяин.

А кошка знай уплетает. Хоть бы словечко вымолвила. Так хотелось собаке попить да поесть, но ничего вкусного ей не досталось, пришлось довольствоваться остатками супа и риса.

С тех пор возненавидела собака кошку. Как увидит, сразу норовит схватить за горло.

Так и пошла у них вражда.

Задумал как-то один человек жениться. Но когда свадебный паланкин с невестой мимо горы несли, вдруг на дорогу тигр выскочил. Носильщики паланкина и вся невестина свита со страху разбежались кто куда. А тигр тем временем залез в паланкин, схватил невесту и унес к себе в пещеру. Берег он ее да ублажал, словно дочь родную, а она за его хозяйством присматривала. Каждое утро уходил тигр еду добывать. То петуха принесет, то барана или теленка. Девушка мясо варила и тигра кормила. А тигр, как стал есть вареное, так вскорости человеческому языку выучился.

Но вот однажды какой-то чиновник призвал к себе своих слуг и велел им петушиные яйца найти да воробьиные гребешки раздобыть, словом, то, чего и на свете не бывает. Делать нечего. Не стали слуги медлить, отправились в горы приказ чиновника выполнять. А тигр о ту пору как раз из дому ушел, девушку одну оставил. Услыхала она, что люди пришли, да как закричит: «Спасите!» Пошли люди на голос, подошли к пещере. Видят — девушка там сидит, и давай ее обо всем спрашивать. А как узнали, что уже давно тигр ее в пещеру принес, уговаривать стали:

— Мы тебя вызволим, только обещай, что будешь нашему господину второй женой.

Девушка согласилась и отвечает:

— Буду я вашему господину второй женой, только уведите меня поскорее отсюда.

— А какой за тебя выкуп дать?

Отвечает девушка:

— Ничего мне не надо. Приготовьте только красный свадебный паланкин и еще корзину красных и зеленых палочек для еды.

— Когда велишь прийти за тобой?

— Завтра об эту же пору.

Стала девушка собираться в дорогу. А слуги чиновника воротились домой и обо всем доложили своему господину. На другой день приготовил чиновник все, что девушка просила, и послал людей в горы за невестой. Села девушка в паланкин и приказала бросать палочки для еды по всей дороге, до самого чиновничьего дома. А когда вошла в ворота, тотчас велела тыкву-дунгуа для нее купить, сварить ее на пару, а потом облить холодной водой, чтоб корка еще тверже сделалась.

Воротился тигр в пещеру, видит — пропала девушка, сразу смекнул, что это люди ее похитили, и пошел искать ее той самой дорогой, где были разбросаны красные да зеленые палочки. Пришел он прямо в дом чиновника, задрал голову, огляделся, вдруг смотрит — девушка наверху у окна стоит. Увидела она тигра и как закричит:

— Меня люди украли, разинь поскорее пасть, я сейчас в нее прыгну, и ты обратно в пещеру меня унесешь.

Разинул тигр пасть, а девушка возьми да и брось тыкву. Прямехонько в глотку ему угодила. Подавился тигр и сдох, а девушке его шкура да кости достались¹.

¹ Кости тигра ценятся дорого, так как используются в китайской медицине.

В давние времена жил в пещере, в горах, огромный комар. Хобот у него был длиной в полтора чи¹, тело покрывала длинная шерсть, а по бокам росли крылья — два больших и два маленьких. Мог он и по воздуху летать, и по земле ходить.

Каждый летний вечер съедал комар целую человеческую семью. Люди думали и не знали, как избавиться от этой напасти, но ни один из них не осмеливался приблизиться к комару. Стреляли в комара из луков, но стрелы не брали его. Деревню за деревней поедал комар. Прилетел он как-то вечером в одно селение и опять съел целую семью. А на другой вечер случился в этом селении пожар. Высоко вздымались языки пламени, клубами валил дым — вся деревня сбежалась тушить пожар.

Показался вдали комар-людоед, но почему-то запищал и быстро повернул обратно.

Стали люди гадать, почему комар не полетел дальше.

— Комар обязательно прилетел бы, это он дыма испугался, — сказал один старик.

— Может, почтенный старец и прав. Попробуем завтра вечером разжечь костер побольше, — решили односельчане.

На другой день вечером собрали они большую кучу сухого хвороста, прибавили в нее немного сырого, подложили сухой и мокрой травы и разожгли на площади посреди села большой костер. Дыму было от него еще больше, чем от вчерашнего пожара.

¹ Чи — мера длины, равная 32 см.

Показался опять комар-людоед, но увидел дым и повернул обратно.

Как говорится в пословице: «Один расскажет десяти, а десять передадут сотне», — скоро по всем деревням разнеслась весть, что комар боится дыма. Каждый вечер стали раскладывать в деревнях дымные костры, и комар не осмеливался больше появляться и есть людей.

Прошло несколько дней, и снова собрались на совет жители деревни. Не могли крестьяне жечь такие большие костры, уж очень много хворосту уходит. Вот если бы самого комара сжечь или удушить дымом... И снова заговорил тот старик:

— Давайте натаскаем большую кучу хвороста, в середину поставим бумажное чучело, под хворост подложим веревки, концы их будем держать в руках, а сами спрячемся неподалеку. Как только покажется комар, подожжем концы веревок, и костер вспыхнет со всех сторон.

А комар изголодался совсем, уж дней шесть ничего не ел. Еле дождался, пока стемнело. Поднялся в небо и видит: над деревней нет дыма. Сделал круг — ни души, вся деревня спряталась куда-то. Заметил вдруг комар бумажного человека на площади и бросился на него. Только хотел сорвать одежду и напиться крови, как со всех сторон повалил дым. Комар в нем так и задохнулся.

Ударил гонг, собрались все на площадь — мужчины и женщины, стар и млад, — и каждый принес с собой по охапке хвороста. Поднялся сильный ветер, раздул большое пламя. Долго пылал костер, до самого рассвета, и сгорел в нем комар-людоед.

На другой день жители всех окрестных деревень захотели посмотреть на мертвого комара. Наступил вечер, и на труп комара закопошились маленькие комарики, совсем такие, как большой.

— Давайте хворост, сожжем этих комариков. Вырвем сорняк с корнем, — сказал мудрый старик.

— Не надо их жечь, разве эти маленькие комарики могут есть людей? — стал говорить кто-то, и все решили, что комарики ничего худого сделать не могут, и поленились сжечь их.

Вот почему комары и до сих пор живут и каждое лето кусают людей. Только очень боятся они дыма.

В давние-предавние времена хвосты у зайцев были совсем не такие, как сейчас. У первых на земле зайца с зайчихой хвосты были красивые, длинные и пушистые. Они очень гордились ими, считали себя лучше всех других зверей и частенько выкидывали всякие шутки, чтобы посмеяться над ними.

Но однажды из-за такой шутки потеряли зайцы свои красивые хвосты и остались с короткими, ни на что не похожими обрубками.

Вот как это было.

Как-то зайцы играли на берегу реки и увидели на другом берегу лужайку с зеленой нежной травкой, захотелось им перебраться туда и полакомиться. Только ведь и в те времена зайцы не умели плавать. Как тут быть? Думали они, думали, вдруг слышат — булькает вода: это старая черепаха вылезла погреться на солнышке. Блеснули зайцы глазами и стали расспрашивать старую черепаху:

— Тетушка черепаха, тетушка черепаха! Говорят, у вас много сыновей и дочерей. В самом деле у вас такая большая семья?

— Правда, правда, — радостно закивала старая черепаха.

— Раз уж зашла речь о больших семьях, то наша заячья семья все-таки больше, и братьев у нас больше, — сказал заяц.

— Не ври. Почему же я всегда вижу только вас двоих? — ответила черепаха.

Она была, конечно, права, мы ведь говорили, что в самые давние времена во всем мире только и были что этот заяц да зайчиха.

— Все наши братья сидят дома, — закричали зайцы-врунишки, — поэтому ты и не видишь их. Не веришь? Давай посчитаем, тогда решим, у кого семья больше!

— Как будем считать? — спросила черепаха.

— Сегодня будем считать ваших детей, а завтра уж наших братьев.

— Хорошо, — согласилась старая черепаха, — только как будем считать?

— Сзовите сюда всех ваших детей, пусть они выстроятся в реке от одного берега до другого парами, а мы будем скакать по ним и считать: пара, две и так далее.

— Хорошо, — сказала старая черепаха.

Позвала всех своих детей, ровненько выстроила их парами, и они, вытянув шеи, легли на воду, как поплавки. Зайцы принялись считать, прыгая с черепахи на черепаху, и кричать:

— Пара, две, три...

Так добрались они почти до самого берега. Обрадовались зайцы, запрыгали что есть мочи и закричали:

— Глупые, глупые, обманули мы вас!

Только радоваться они стали слишком рано. Сами-то на другой берег переправились, а хвосты их еще тащились сзади, не успели зайцы убраться. Услышали черепахи, которые были ближе к берегу, что кричат зайцы, вцепились зубами в заячьи хвосты и стали допытываться, в чем они обманули их. Рванулись зайцы, убежать-то убежали, да только хвосты их остались в зубах у черепах.

С тех пор и стали у зайцев не хвосты, а обрубки. Разве не говорят и сейчас: «Заячий хвост вовек не вырастет»?

Тигр и ящер

Водил ящер дружбу с тигром. Но вот тигр захотел съесть ящера и говорит:

— Давай померимся силами, посмотрим, кто из нас сильнее и ловчее.

Понял ящер, что тигр задумал недоброе, и говорит:

— Бороться так бороться! Кто первый начнет, ты или я?

— Я начну, — ответил тигр.

— Хорошо, — согласился ящер, — жди меня внизу, у склона горы. Закрой глаза, разинь пасть, а я покачусь к тебе сверху. Попробуй меня схватить зубами.

«Так еще лучше, — подумал тигр, — меньше хлопот. Буду стоять внизу и ждать, пока он сам в рот не закатится».

Крепко-накрепко зажмурил тигр глаза, разинул во всю ширь пасть и уселся под горой.

Ящер вскарабкался на гору, подобрался в комок, быстро-быстро, колесом покатился вниз и влетел прямо тигру в пасть. Не успел тигр и челюсти сомкнуть, как ящер уже проскочил к нему внутрь.

Заметался ящер у тигра в животе, все кишки разорвал, потом вспорол тигру брюхо и вылез. Так тигр и умер, не узнав вкуса ящера.

Жил некогда очень злой и сильный зверь. На его голове росли крепкие рога, а глаза имели одну особенность — все, что они видели, казалось им меньше, чем на самом деле. Увидит зверь собаку, а она ему не больше кошки кажется, кошка — та маленькой мышкой представляется, а взрослый мужчина — пятилетним ребенком. Целыми днями носилась эта тварь по округе и причиняла людям только горе, да еще называла себя повелителем. И был этим зверем не кто иной, как вол.

Узнал о злодеяниях вола один шэньсянь¹, рассердился на вола и отнял у него глаза, а взамен дал гусиные. Воловьи же глаза отдал гусю. И сделал так, что мышка стала казаться волу с кошку, кошка — с собаку, а пятилетний ребенок — взрослым мужчиной. А за все то горе, которое причинил вол людям, шэньсянь заставил его пахать землю, помогая им.

С тех пор все волу кажется большим, а сам он превратился в послушное, смиренное животное, с которым и пятилетний ребенок справиться может.

А гусь? Гусь с воловьими глазами стал очень храбрым, совсем ничего не боится. Кто ни подойдет к нему, будь то человек или скотина, он вытянет шею, расправит крылья и сердито кричит «ан-ан-ан», — словно испугать хочет.

¹ Шэньсянь — в даосской мифологии бессмертный старец, обладающий волшебным искусством.

Как заяц льву отомстил

тибетская сказка

Когда-то жили по соседству заяц и лев. Хоть и были они соседями, да уж больно лев зазнавался, всегда хвалился своей силой, презирал зайца, частенько издевался над ним, а порой и пугал. Невтерпеж стало зайцу, решил он отомстить льву и вот как-то раз говорит ему:

— Вэй, вэй, почтенный братец! Видел я в одном месте зверя такого же большого, как ты. И так он мне сказал: «Есть ли кто-нибудь, кто осмелится равняться со мной? Коль есть, пусть придет помериться силами, а не осмелится прийти, тогда пусть покорится и будет прислуживать мне!» Такой хвастун, просто вытерпеть невозможно! Ни с кем не считается!

— И ты не сказал ему про меня? — спросил лев.

— Уж лучше бы не говорил; я как вспомнил про тебя, а он как зарычит, да такое понес, что и слушать нельзя. Говорит, что не хочет даже, чтоб ты был у него на посылках.

— Где он? Где? — вне себя от гнева зарычал лев.

Повел заяц льва за гору, показал издали на глубокий колодец и говорит.

— Там, внутри!

Подошел лев к колодцу, заглянул в него, и правда, сидит зверь точь-в-точь такой, как он сам. Рывкнул на него лев, а он в ответ тоже как зарычит! У льва от злости аж шерсть на голове дыбом встала, у зверя тоже. Растопырил лев когти, чтоб напугать врага, а тот тоже когти высунул. Рассвирепел тут лев, сжался весь да как прыгнет в колодец. Так и утонул гордый лев в глубоком колодце.

Заяц-судья

тибетская сказка

Искал как-то голодный волк в лесу себе чего-нибудь поесть, да был неосторожен и в волчью яму угодил. И так пытался вылезти и этак — никак не может. Давай он тут кричать:

— Спасите, помогите!

На счастье, козел мимо проходил, пустил тут волк слезу:

— Спаси меня, добрый козел! Не о себе пекусь — о волчатах, — ведь они без меня с голоду помрут!

— Нет, — сказал козел, — спасу я тебя, а ты меня съешь!

— Только спаси меня, клянусь, никогда больше тебя не трону.

Пожалел козел волка, нашел веревку, один конец привязал к рогам, другой в яму опустил. Ухватился волк за веревку и выбрался наружу.

Хотел волк тут же козлу на спину вскочить и загрызть его, но устыдился и завел такую речь:

— Добрый козел, я давно не ел и могу умереть с голоду, раз уж ты помог мне выбраться из ямы, спаси меня теперь, пожалуйста, от голодной смерти.

— Ты же поклялся, что не тронешь меня!

— Таким уж я родился на свет — должен есть мясо, и все, как же мне пощадить тебя?

Совсем уж было некуда деваться козлу от острых волчьих когтей, как вдруг откуда ни возьмись бежит мимо заяц.

— Умный заяц! — взмолился козел. — Рассуди нас, пожалуйста, по справедливости!

Выслушал заяц, как было дело, и говорит:

— Оба вы правы, только я не верю вам, ну-ка покажите, как было дело. Посмотрю я на вас и тогда уж рассужу.

Ничего не подозревая, прыгнул волк в яму и стал просить козла о помощи.

— Ах ты, тварь негодная, неблагодарная, — сказал заяц, подойдя к краю ямы, — дождайся теперь охотничьей веревки.

И обрадованный козел ушел вместе с зайцем.

Гу-дун

тибетская сказка

Было когда-то одно озеро, на берегу этого озера лес рос, и жили в том лесу шестеро зайцев. Пospела как-то айва и свалилась с дерева в воду — гу-у-дун. Услыхали зайцы, испугались и бросились бежать. Увидела лиса, что они бегут, и спрашивает:

— Вы чего бежите?

— Гу-дун пришел!

Услыхала лиса и давай бежать.

Видит обезьяна: лиса бежит!

— Ты чего бежишь?

— Гу-дун пришел!

И обезьяна с ними бежать.

Так от одного к другому передавалась новость. Олени, кабаны, буйволы, слоны, медведи, носороги, барсы, тигры, львы — все пустились наутек. Бегут сломя голову, и чем дальше бегут, тем страшнее делается.

А жил под горой лев с длинной шерстью, увидел, что и львы бегут, и говорит:

— У вас и когти есть и клыки, вы ведь самые сильные, чего же вы бежите?

— Гу-дун пришел! — ответили львы.

— Что за гу-дун, где он? — спросил лев.

— Не знаем, — прокричали львы.

— Постойте! Надо все толком узнать! Кто вам сказал?

— Тигр!

Спросил лев с длинной шерстью тигра, а тот говорит: барс сказал. Спросил барса, тот говорит: носорог сказал. Спросил медведя, слона, вола, буйвола, кабана, оленя — всех одного за другим расспросил, один на другого сваливает. Добрался наконец до лисицы, лисица на зайцев указала.

Спросил лев зайцев, а те в ответ:

— Это страшный гу-дун. Мы шестеро своими ушами слышали. Идем с нами, мы покажем тебе это место.

Привели зайцы льва к лесу и говорят:

— Здесь гу-у-дун.

А тут как раз еще один плод в воду плюхнулся. Гу-у-дун — разнеслось вокруг.

— Ах вы! Ведь это айва в воду упала. Что ж тут страшного? А вы наутек пустились!

Вздохнули тут все с облегчением и поняли, что зря страху натерпелись.

Как обезьяна путешествовать собиралась

тибетская сказка

Как-то раз обезьяна задумала путешествовать по Гималаям и составила подробный план своего пути: где в первый день остановится, где на второй будет завтракать — все записала! Потом еще раз все прикинула, проверила и похвалила себя за аккуратность. Когда обезьяна принялась укладывать вещи, мимо пролетал орел.

— Куда собираешься? — окликнул он обезьяну.

— Путешествовать по Гималаям! — гордо ответила та. — Хотя это и очень высокие горы, я непременно туда отправлюсь, даже если мне придется идти всю жизнь! Уже все готово! Три дня я рассчитываю провести на Джомолунгме... А ты, братец, неужели не хочешь прогуляться?

— Ах, сестрица, какая ты смелая! — воскликнул орел. — Желаю тебе удачи! А у меня есть другие дела, не могу сейчас путешествовать!

Он взмахнул крыльями и улетел. А обезьяна связала все вещи и вдруг обнаружила в своем плане пробел: как идти туда и обратно, там записано, а вот как гулять по Джомолунгме, она не обдумала! Обезьяна тут же развязала багаж и принялась составлять новый план.

На другой день с неба опять слетел орел:

— Сестрица обезьяна, ты еще не двинулась в путь?

— План не закончила, пришлось на день отложить! Но сегодня непременно отправлюсь!

Только орел улетел, как обезьяна снова просмотрела план: оказывается, она забыла указать места, где будет ходить по большой нужде, а где по малой. Снова пришлось остаться. На третий день обезьяна опять услышала вопрос орла:

— Сестрица, все еще переделываешь план?

— Да, — ответила она, — но уж больше не придется, этот план будет самый подробный. Как закончу его, можно считать, что прошла две трети пути!

Орел с сомнением выслушал разглагольствования обезьяны, взмахнул крыльями и умчался вдаль. Обезьяна же складывала вещи, упаковывала тюки, готовила провизию... Хлопотала вовсю! Но только собралась в путь, как заметила, что солнце уже клонится к западу.

«Не годится! — подумала она. — Слишком поздно, в плане записано, что отправляться в путь надо, когда солнце на востоке, а если сегодня пойти, весь план сломаешь!»

На четвертый и пятый день шел дождь. И обезьяна не трогалась в путь, так как в плане было сказано, что выходить надо в ясную погоду... На седьмой день, как только солнце вползло на горные вершины, обезьяна взвалила на спину вещи, взяла план путешествия и двинулась к Гималаям. Она шла, раскачиваясь на ходу, и ликовала:

«Сегодня сделаю привал на лугу, завтра — в ущелье, послезавтра — на вершине горы, а через шесть дней вернусь домой. Я буду первой путешественницей по Гималаям!»

И тут она услышала сверху голос орла; обезьяна остановилась и крикнула:

— Здорово! Я иду в Гималаи! Прощай! Как только вернусь, обязательно расскажу тебе все новости!

— Спасибо, сестрица! Только зря не трудись! Я ведь лечу как раз оттуда! — ответил ей орел.

Обезьяну будто холодной водой окатили, она остолбенела и не могла вымолвить ни слова. А потом грустно поплелась назад.

— Ты почему возвращаешься? — спросил орел.

— Не пойду в Гималаи! — буркнула она. — Решила путешествовать по Куньлуню!

— Разве у тебя нет плана?

— Этот план не годится, надо составлять новый!

Как жаба на небо хотела прыгнуть

тибетская сказка

Одной уродливой жабе надоело жить в озере, она надулась и — пу! — выпрыгнула из воды на берег, да с таким шумом, что даже испугала корову, которая паслась на лугу. Когда корова как следует разглядела жабу, то не выдержала и засмеялась:

— Вот так здорово! Высоко прыгаешь, милая!

Выслушав похвалу, жаба решила не ударить в грязь лицом и, надувшись, скакнула еще два раза.

— Ну что, матушка корова, выше я прыгнула? — гордо спросила она.

— Выше выше! — отвечала та.

— Выше твоей ноги?

— Конечно выше!

Жаба обрадовалась и снова спросила:

— Выше твоей спины?

— Гораздо выше! Боюсь, если ты еще поднатужишься, то прыгнешь прямо на небо! Смотри не перестарайся!

Жаба приняла слова коровы за чистую монету и задумалась. Не так уж плохо было бы попасть на небо! Жаба вернулась в озеро и стала мечтать. Она всегда считала себя умнее других и, когда разговаривала с соседками, непременно надувалась и пучила глаза, точно важная госпожа. Другие жабы, услышав, что она хочет прыгнуть в небо, подняли ее на смех. А старая жаба принялась ругать ее за такие бредни и даже укусила разок. Все соседи решили больше с ней не разговаривать и спрятались подальше.

И вот на следующий день жаба задумала прыгать на небо. Рано утром она высунулась из воды, надулась и поглядела вверх. По небу как раз летел лебедь, и жаба крикнула ему:

— Эй, посторонись! А то я тебя собою!

— Ты чего кричишь? — спросил лебедь.

— Сейчас я прыгну в небо! — отвечала жаба.

Услышав это, лебедь захохотал, он смеялся до слез, а потом сказал нарочно:

— Прыгать прыгай, только не сбей меня!

Жаба вобрала в себя побольше воздуха и выпрыгнула на берег.

— Уже небо? — довольно спросила она.

— Нет, еще далеко! — ответил лебедь.

Пу! — жаба подскочила еще раз и вспрыгнула на камень:

— А это небо?

— Полдороги осталось, разок скакнешь — и на небе! — захихикал лебедь.

Пу-тун! — жаба перепрыгнула на большой камень, а лебедь закричал:

— Не прыгай дальше! Уже небо!

Жаба была в восторге. Она обскакала весь камень кругом, а затем плюхнулась назад в озеро.

— Я только что побывала на небе! — заявила она другим жабам.

— А какое оно, это небо? — спросили те.

— Да как большой камень! И совсем недалеко: три скачка — туда и один — обратно!

Улитка и заяц

тайская сказка

У зайца, как известно, передние ноги короткие, а задние — длинные. Он ловко скачет по пригоркам, мчится по лугам. И зовут его у нас поэтому «Везде носится».

Как-то раз, набегавшись, завернул заяц к речке напиться и увидел у воды улитку, которая куда-то ползла. Поглядел на нее заяц, поглядел и давай насмеяться:

— Ну и урод! А ползет-то еле-еле, небось за день больше трех вершков не пройдешь! Да ты, никак, не торопишься? Эх, лучше бы уж катилась, чем ползла, все скорее было бы! Ха-ха! Совсем как мертвая!

А улитка невозмутимо говорит зайцу:

— Старший братец заяц, я уж от рождения такая, везде поспеть не могу! Но осмелюсь предложить тебе: давай померимся — кто быстрее бегае^т?

— Эх ты, гнилая репа! — захохотал заяц. — Ползи хоть целых три года, потом я побегу — все равно догоню тебя.

— Так согласен? Значит, завтра встретимся вон около той кочки! — так же невозмутимо сказала улитка.

На следующий день вся улиткина семья собралась вместе, пришли и дальние родственники, и знакомые, и знакомые знакомых. Собралось улиток видимо-невидимо. Окружили они кочку плотным кольцом. Тут и заяц прибежал.

Глядь — а улитка все на прежнем месте у воды сидит!

— Эх ты, безногая тварь, все еще с места не сползла! Как же мы мериться-то будем?

— Не бойся, братец заяц, я сейчас добегу до кочки! — отвечает улитка.
Ухмыльнулся заяц и запрыгал к кочке.

Подскочил и кричит:

— Ну, где же ты?

— Здесь я, — отвечает одна из улиток.

Удивился заяц, потом подпрыгнул и стал бегать вокруг кочки. Обежал ее до половины и кричит:

— Эй, где ты, тихоход?

— Здесь, — отвечает улиткина старшая сестра.

Обежал заяц всю кочку, снова окликнул улитку.

На этот раз ее братец ответил зайцу.

Разозлился заяц и стал бегать вокруг кочки. Кричит, а ему каждый раз все тот же голос (для зайца все улиткины голоса одинаковы) отвечает.

Долго бегал заяц, потом повалился у воды и застонал. Глядь — а улитка на том же месте сидит!

Заяц от удивления даже рот разинул, да так широко, что верхняя губа лопнула. С тех пор у зайцев три губы.

Муравей и цикада

корейская сказка

Однажды летом два муравья тащили в свой амбар прошлогоднее зернышко. Один спереди тянет, другой сзади подталкивает, изо всех сил стараются, даже потом покрылись.

В это время на дереве цикада сидела. Пригожа, нарядна — платьице на ней из цветастого шелка. Не жалея горла, распевала она свою обычную песню: чжи-лю да чжи-лю. И время скоротает, и самой веселей станет. А вниз глянула — увидала, как муравьишки молча трудятся. Подлетела к ним и говорит первому:

— Такой жаркий день, а вы работаете. Хочешь, я спою вам песенку, зато когда наступят осенние холода, вы мне поесть дадите. Договорились?

Рассердился муравей, вытянул лапку и залепил ей хорошего тумака. Обратилась тогда цикада ко второму муравью, что сзади полз:

— Муравей, а муравей, ведь летом работать скучно, хочешь, я спою вам свою самую красивую песенку, а за это вы меня накормите, когда придет осень. Договорились?

Рассердился муравей и тоже изо всей силы дал ей оплеуху. От ударов голова у цикады гореть, как в огне, стала, болит нестерпимо.

Подняла лапку к голове, пощупала — вот беда-то! С каждой стороны по большой дырке пробито.

С той поры цикады уж не просят муравьев, чтоб те их кормили, прячутся в листьях деревьев и поют в одиночестве. А на голове у них так и остались две дырки. Позор, да и только!

ОХОТНИК И ТИГР

корейская сказка

Есть на земле гора, называется она гора Злых тигров. Сколько там водилось тигров, и сосчитать невозможно, потому на двадцать — тридцать ли¹ окрест не сыскать было человеческого жилья.

Но вот как-то перебрался в те места старый охотник Ким с сыном и невесткой. Выбрал у подножья горы закрытое от ветров место, поставил тростниковый дом, навел в нем порядок, и стала семья там жить. Каждый своим делом занялся: сын за хворостом ходил, невестка за хозяйством смотрела, а старик, взвалив на спину охотничье снаряжение, отправлялся в горы тигров бить. С той поры старый охотник раз в десять дней родню созывал, раз в полмесяца помощников искал, чтоб пособили таскать с гор тигров.

Поначалу старик все звал в горы сына, хотел его своему охотничьему делу обучить. Да только не поддавался сын на уговоры. Думалось ему: «Стану охотником, нет ли — все равно отец всех тигров перебьет, ничего на мою долю не останется!» Сколько раз отец его с собой тянул, а тот только головой мотает, отнекивается. Со временем старик перестал его звать.

Год прошел, другой, глядь, отец почти всех тигров перебил. И на горе и под горой люди теперь ходить не боялись, дома поставили. Но вот старый охотник внезапно занемог и умер. Трудно стало без него молодым.

¹ Ли — мера расстояния, около 500 м.

Уже много дней прошло, как похоронили отца, а сын с женой все его вспоминали и плакали. Уж так без него было тяжело, из сил выбивались. Но делать нечего. Сын по-прежнему за хворостом ходит, жена дом прибирает, воду кипятит да рис варит.

Отправился однажды парень за хворостом и дошел до большой горы. Набрал хворосту и только решил домой ворочаться, как налетел ветер и из-за огромного дерева прямо на него выскочил тигр. Парень в жизни живого тигра не видел. Перепугался он, ноги со страху как вареная лапша стали, хочет слово сказать, да вымолвить не может, только зубы стучат:

— Ты... ты... ты, да что ты, ты... ведь... не смеешь м-меня съесть!

— Почему мне не съесть тебя? Перебил же твой отец всех здешних тигров, моих родственников! Если бы не мои быстрые ноги, меня давно бы на свете не было. Уж раз ты мне повстречался, то я непременно тебя съем, — прорычал тигр.

— Подожди, тигр... Ладно... съешь меня, только позволь, я снесу жене хворост. Она... ведь она ждет меня... Заодно уж и попрощаюсь с ней... — дрожащим голосом взмолился парень.

«Так или иначе, но он уже мой», — подумал тигр и сказал:

— Ладно! Но приходи завтра утром пораньше, опоздаешь — не прощу!

Кубарем скатился с горы сын охотника, от страха и на человека стал не похож. Долго пришлось расспрашивать жене, пока разобрала она, что случилось. А как поняла, в чем дело, то спросила мужа, как же он теперь поступить собирается. Помолчал сын охотника, а потом сказал, дав волю слезам:

— Завтра чуть свет я... пойду в горы! Пусть тигр съест меня!

Рассмеялась жена и говорит:

— Ну что ж, иди. Ведь говорят же: тысячу раз ошибешься, десять тысяч раз ошибешься — всё твоя вина. Зачем не выучился ты у отца охотничьему ремеслу?

Стало светать, а парень уж в горы собрался. Взял с собой веревку и простодушно пошел навстречу смерти. Медленно шел он, шаг сделает, постоит, еще шагнет, помедлит, но все же к полудню добрался до назначенного места. Смотрит, а тигр уже под деревом сидит. Увидал парня и сердито зарычал:

— Ты как посмел так поздно явиться?

— Я... я...

Долго запинался парень, да так и не мог ничего выговорить. Вдруг слышит — из-за камней кто-то кричит громким голосом:

— Эй, парень, ты в горы за хворостом пришел? Да кто это около тебя? Уж не тигр ли?

Так сказал неизвестный и уже копьё поднял. Глянул тигр — беда! Не старей ли охотник Ким пришел? Испугался тигр, но придумал уловку — велел парню сказать: «Не тигр это, а большое бревно!»

Парень тут же послушался.

— Так что же ты стоишь? Чего не вяжешь бревно веревкой? — снова раздался голос охотника Кима.

— Ты скажи, — стал учить его тигр, — «мне одному не обвязать, потому я за это и не принимаюсь».

— Коль один не справишься, давай я тебе помогу, — предложил охотник.

Совсем перепутался тигр и взмолился:

— Не зови отца на помощь, лучше уж один меня вяжи. Ведь я тебя не съел, так ты уж не очень сильно затягивай!

Весь дрожа, принялся парень тигра вязать. А охотник снова спрашивает:

— Сколько раз обвязал?

— Один.

— Не годится! Вяжи еще.

Стал парень еще вязать, стараться.

— А теперь сколько?

— Пять раз обвязал.

— Не годится! Вяжи еще.

Опять тот взялся за дело.

— А теперь сколько раз обвязал?

— Пятнадцать.

— Вот теперь хорошо, — сказал охотник и подошел поближе. Пригляделся парень: одежда отцовская, копьё отцовское, а охотник-то, оказывается, его собственная жена!

Вот так жена не только мужа спасла, но еще и живьем тигра поймала.

Волшебные сказки

,

Жила когда-то на свете злая-презлая старуха. Были у нее сын да дочь-невеста. Женился сын, вскорости после женитьбы за Великую стену в восточные края ушел, и начала старуха всячески над невесткой измышляться. Только дочку свою лелеяла да любила.

Скажет, бывало, старуха:

— Съешь-ка, доченька, еще белых лепешек, супу отведай, он из мелкого пшена сварен!

А дочка нет-нет да и сунет невестке несколько белых лепешек. Уставится старуха зло на невестку и ворчит:

— Ну и ешь ты, ну и пьешь! Да на тебя лепешек из отрубей и то не напасешься!

Ни еды хорошей, ни одежды не давала свекровь бедной невестке, только била ее да бранила с утра до вечера.

В тот год развела старуха видимо-невидимо шелколичных червей. Посмотришь — глазом всех не окинешь, считать станешь — не сочтешь. Каждый день до свету старуха невестку в горы гонит собирать тутовый лист. Собирает она день, собирает другой, солнце высоко, до вечера далеко, с тутовых деревьев почти все листья оборваны, того и гляди голыми останутся. А шелкопряды все крупнее, все жирнее делаются. В четвертом месяце стали светлеть личинки шелкопрядов. Набросаешь листьев, только и слышно, как они шуршат: ша-ла, ша-ла; оглянуться не успеешь — ни одного листочка нет, все подчистую личинки съели. Еще набросаешь — ша-ла, ша-ла, и опять ни листочка нет.

Собралась невестка в горы за листьями, а свекровь в нее пальцем ткнула да как закричит:

— Невестка в хозяйстве все равно что лошадь. Захочу — верхом на ней ездить буду. Захочу — побью. Попробуй только вернись без тутовых листьев! Плеткой тебя отхлестаю, палку об тебя обломаю, три дня есть не дам, пять дней спать не велю!

Посмотрела зло старуха невестке вслед, обернулась, видит — родная дочь шелкопрядов с земли поднимает. Взяла старуху жалость, ну прямо мочи нет, и говорит она:

— Славная ты моя доченька! Отдохни! Вернется невестка, все сделает. Может, попить тебе хочется? Или поесть? Я супу в котле припасла, на котел белую лепешку положила.

А дочка у старухи, надобно сказать, была писаной красавицей, да и нравом на мать ничуть не похожа, жаль ей жену старшего брата. Услыхала она материны слова, обернулась и говорит:

— Чем же я лучше невестки, чтоб работу ей оставлять?

Услыхала старуха, что дочь ей перечит, замахнулась — да не ударила, рот открыла — да не обругала: жаль ей дочь родную. Махнула с досады рукой и ушла.

А невестка между тем до гор добралась, стала тутовый лист искать. Солнце жаркое, горы крутые, пока с Южной горы вскарабкалась на Восточную, с Восточной на Северную, полдень настал, а в корзине у нее всего-навсего горсточка листьев. Притомилась бедная женщина, села у дороги и плачет.

А старухина дочь подняла шелкопрядов, корму им подбросила, сама все думает: «Как-то там невестушка в горах, нарвала листьев или с пустыми руками воротится? Всегда-то я о ней пекусь, а сегодня сердце так и колотится, так и прыгает, изголодалась она там в горах, бедная!» Подумала так девушка, взяла белую лепешку, которую ей мать припасла, в кастрюлю супу налила, из мелкого пшена сваренного, потихоньку в горы отправилась. Вдруг видит — сидит невестушка у дороги и горько плачет. Схватила она ее за руку и говорит:

— Не плачь, невестушка! Я тебе лепешку принесла, из белой муки испеченную, супу, из мелкого пшена сваренного. Утоли ты свой голод да жажду!

Отвечает ей невестка, слезами горькими обливается:

— Жажда меня замучает — я ключевой воды напьюсь, голод одолеет — горьких трав поем.

Опять спрашивает ее девушка:

— Что ты пригорюнилась, невестушка, не таись от меня, расскажи обо всем, я ведь знаю твое сердце!

Отвечает ей невестка, слезами горькими обливается:

— Я, сестрица, всю Южную гору исходила, всю Северную гору вдоль и поперек прошла, всего несколько тутовых листьев нашла. Только дубовых много попадается. Не знаю, как твоей матери на глаза покажусь!

Причесала девушка невестке волосы, вытерла ей слезы и говорит:

— Не бойся, невестушка, съешь лепешку, супу попей, и пойдем мы с тобой вместе тутовый лист собирать.

Насилу уговорила девушка невестку кусочек лепешки съесть да супу немного похлебать. И отправились они вдвоем тутовые листья искать.

Идут, разговор меж собой ведут, то в глубокое ущелье забредут, то на самую вершину горы заберутся. Все горы обошли, все хребты облазили, одни дубы попадаются, тутов совсем не видать. Смотрит невестка — вот-вот солнце за горы спрячется, и говорит сквозь слезы:

— Скоро стемнеет, сестрица. Волки из логова выйдут, тигры пещеры покинут. Воротись-ка ты, милая сестрица, домой поскорее!

А та ей в ответ:

— Скоро стемнеет, невестушка! Волки из логова выйдут, тигры пещеры покинут, давай, милая невестушка, вместе домой воротимся!

Посмотрела невестка на пустую корзинку и говорит:

— Я, сестрица, еще подожду малость. Может, сжалится надо мной горный дух и превратит дубовые листья в тутовые.

Отвечает ей девушка:

— И я, невестушка, с тобой подожду. Может, надо мной сжалится дух горный и превратит дубовые листья в тутовые.

Взялись они за руки, прижались тесно друг к дружке, стали с горы спускаться. До горного родника дошли, еще одну гору обошли, все хребты обыскали — нет нигде тутовых листьев, только дубовые попадают. Смотрит невестка — солнце за горой скрылось, спряталась она за девушку спину, вытерла слезы и говорит:

— Видишь, сестрица, как небо потемнело, скоро луна взойдет. Слышала я, будто на этой горе сам Князь гор живет, нос у него красный, глаза зеленые. Добрая сестрица! Ты ведь совсем молоденькая, иди-ка лучше домой поскорее!

Отвечает ей девушка:

— Видишь, невестушка, как небо потемнело, скоро луна взойдет. И я слышала, что у Князя гор нос красный, а глаза зеленые. Давай вместе домой воротимся!

Поглядела невестка на чистый, прозрачный родник и говорит:

— Подожду-ка я здесь еще малость, может, сжалится надо мной дух воды и превратит дубовые листья в тутовые.

Отвечает ей девушка:

— И я с тобой подожду, может, надо мной сжалится дух воды и превратит дубовые листья в тутовые.

Взялись они за руки, тесно прижались друг к дружке и пошли прочь от родника. До опушки горного леса дошли. Все горы обошли, все хребты обыскали, не видно нигде тутовых деревьев, одни дубы попадают.

Увидела невестка, что луна взошла, и опять тревога ее одолела. Принялась она девушку уговаривать, чтоб домой воротилась. А та и слушать не хочет. Заплакала невестка. Девушку тоже тревога одолела: луна взошла, а у невестки в корзинке совсем пусто. Тут задул-засвистел южный ветер: у-у. Зазвенела вода в ущелье: дин-дан. Подняла девушка голову и крикнула:

— Князь гор! Князь гор! Преврати дубовые листья в тутовые, я тогда за тебя замуж пойду!

Только она умолкла, зашелестели листья на дубах. Выпрямилась девушка и во второй раз крикнула:

— Князь гор! Князь гор! Преврати дубовые листья в тутовые, я тогда за тебя замуж пойду!

Только она умолкла, заколыхались, заметались ветви на дубах. И в третий раз крикнула девушка:

— Князь гор! Князь гор! Преврати дубовые листья в тутовые, я тогда за тебя замуж пойду!

Только она умолкла, налетел на равнину ураган, небо и землю черной пеленой окутал, шумит все вокруг, гудит. Вдруг ветер стих, луна из-за туч выплыла. А на месте дубов сплошь туты стоят.

Смотрят девушка да невестка на диво дивное, не нарадуются. Руками взмахнули и принялись листья рвать. Листья зеленые, ну прямо изумруд, каждый величиной с ладонь будет. Только начали собирать, а уж корзинка доверху полна. Подняли они ее вдвоем и стали спускаться с горы.

А старуха дома мечется, не знает, куда дочь подевалась. И уж так обрадовалась, когда чадо свое увидела, будто клад бесценный нашла. А невестку увидела — показалось старухе, будто гвоздь ей прямехонько в глаз воткнули. На тутовые листья не глядит, знай ругается, зачем ее дочь с собой в горы увела. И в наказание не велела невестке спать ложиться, велела всю ночь шелковичных червей стеречь.

На другой день невестка опять пошла в горы за листьями, а девушка ей туда лепешку из белой муки отнесла. На горах, на хребтах ни одного дуба не видно, везде туты растут. Вскорости червяки нитку выплевывать стали, начали коконы из нее плести.

И вот однажды, когда невестка со старухиной дочкой дома сидели, коконы разматывали, приплыли с северо-запада черные тучи, а за ними вслед черный вихрь прилетел, одним концом в самое небо уперся, другим — по земле мести стал. Деревья раскачивает, с корнем из земли вырывает, крыши с домов уносит. Девушка и охнуть не успела, как вихрь закружил ее и с собой умчал. Заметалась невестка, даже заплакала. Бросилась вслед черному вихрю, а он ей под ноги деревья да ветки бросает, чтоб всю ее исцарапали, песок да камни кидает, чтоб руки ей изранили. А она все бежит. Упадет, встанет на ноги, снова бежит. Себя не помнит, вихрь догоняет, кричит:

— Князь гор, отдай мою сестрицу!

Умчался черный вихрь в горы, невестка — за ним. Здесь горемычной туты глаза застили, и не заметила она, куда черный вихрь вдруг исчез. Ищет она на Передней горе, бредет по Зеленой горе, толстые крепкие подошвы протерла. Ищет день, ищет ночь, колючий терновник платье ей в клочья изорвал. Ищет, ищет, никак не найдет свою сестричку. Даже на след ее напасть не может.

Прошла весна, миновало лето, осень пришла. Каждая травинка в горах знала, что бедная женщина свою сестрицу ищет, и под ноги ей стелилась, чтоб мягче было ходить. Знала про это и каждая яблоня в горах и протягивала бедной женщине свои ветки со спелыми плодами. И все птицы про это знали. И решили они от холодов ее спасти. Выщипали они у себя пух, вырвали перья и бросили их невестке. Закружились пух и перья снежинками, прикрыли бедную женщину.

На другой день подул северный ветер, и обернулась невестка красивой птичкой, на теле у нее пух и перья выросли. Летает она и кричит:

— Чжао гу, чжао гу! Ищу сестру, ищу сестру!

Прошли холода, опять весна наступила. А красивая птичка все летает среди изумрудных тутов и кричит:

— Чжао гу, чжао гу! Ищу сестру, ищу сестру!

Летает птичка над бескрайними полями, летает по синему небу с белыми облаками и кричит:

— Чжао гу, чжао гу! Ищу сестру, ищу сестру!

Сколько месяцев прошло, сколько лет миновало, а она все летает и кричит. Жалко людям птичку, и прозвали они ее Чжаогу — ищу сестру!

Как юноша любимую искал

В давние времена жили в деревушке две семьи — Чжан и Ли. У Чжанов был сын Чжан Шуань. У Ли — дочь по прозвищу Ли Хуа — Ли Цветок. Пригожими уродились юноша и девушка и прославились в тех краях своей красотой. Дружны они были с малолетства и друг дружке тайком поклялись не разлучаться и прожить вместе до седых волос. Отправил Чжан Шуань сваху в дом Ли Хуа. Но родители девушки отказали юноше из-за его бедности и решили отдать дочь за Вана-богача. Ваны выбрали счастливый день, наняли трубачей и отправились за невестой. Не хотела Ли Хуа садиться в свадебный паланкин, отец с матерью ее силой заставили. Заиграла труба, носильщики подняли паланкин и понесли. Сидит Ли Хуа в паланкине, головой о стенку бьется — плачет. И вот, когда уже полпути прошли, слышит она — засвистело что-то. Это оборотень с неба прыгнул: лицо черное, глаза круглые. Схватил он невесту и умчал с собой.

Услыхал об этом Чжан Шуань, пригорюнился и говорит отцу с матерью: — Не жить мне без моей Ли Хуа. Пока не разыщу ее, не будет мне покоя.

Говорит юноше отец:

— Унес твою Ли Хуа злой оборотень, где же ты теперь ее искать будешь?

Говорит юноше мать:

— Унес твою Ли Хуа злой оборотень, не найдешь ты ее теперь нигде.

Не послушался Чжан Шуань отца с матерью, ушел из дому свою Ли Хуа искать.

Сколько дней искал, и не счесть, у кого ни спрашивал, где ни выведывал, никто Ли Хуа не видал, нигде про нее не слышали. «Может, съел мою любимую злой оборотень?» Думал, думал юноша, и печаль его ододела. Сел он у дороги, заплакал. Вдруг откуда ни возьмись белобородый старец. Спрашивает старец юношу:

— Отчего ты плачешь, юноша? Кто тебя обидел?

Отвечает юноша:

— Не стану я от тебя таиться, дедушка. Злой оборотень мою любимую унес. Много дней искал я Ли Хуа, только нет ее нигде.

— Пойдем со мной, — говорит старик, — я знаю, где живет злой оборотень.

Услыхал это Чжан Шуань, быстро на ноги вскочил и пошел за старцем.

Шли они, шли, вдруг повстречали юношу. Спрашивает его старец:

— Кто ты и куда путь держишь, юноша?

Отвечает юноша:

— Зовут меня Ван Лан, хожу я по свету, ищущу свою невесту, выкрал ее на полпути из свадебного паланкина злой оборотень и унес неведомо куда.

Закивал головой белобородый старец и говорит:

— Идем с нами. Я знаю, где она.

И пошли они дальше втроем: Ван Лан, Чжан Шуань и белобородый старец. Целый день шли, рисинки в рот не брали. У Чжан Шуаня любимая из головы не идет, не до еды ему, не до питья. А Ван Лана с голоду даже в дрожь кинуло.

И говорит он старцу:

— Поесть бы надо. Подкрепимся и дальше пойдем.

Кивнул старик головой и говорит:

— Оглянись-ка, юноша, назад.

Оглянулся Ван Лан, смотрит: дом большой стоит, крытый черепицей, крыльцо высокое, у крыльца каменный лев¹.

И опять говорит старик:

— Давайте войдем. Поесть чего-нибудь спросим.

Подвел старец юношей к крыльцу, в дверь постучался. Вышла на стук старая старуха, спрашивает:

¹ Лев — буддийский символ хранителя учения Будды. Стилизованные изображения львов ставили перед входом во дворцы и богатые дома в качестве охранителей от злых духов

— Что вам надобно? Зачем стучитесь?

Отвечает ей старец:

— Пампушек мы не спросим, и мяса нам не надобно. Дай нам чего-нибудь попроще. Проголодались мы в дороге.

Старуха отвечает:

— Ладно, идите за мной.

Вошли они вслед за ней в комнату, видят: сидит на кане¹ красавица, годков восемнадцать ей. А старуха еды всякой настряпала, потчует гостей и так им говорит:

— Хочу я с вами об одном деле потолковать. Да не знаю, столкнемся ли? Муж мой давно умер, живу я вдвоем с доченькой. Вот и хочу в дом зятя принять, чтоб кормил меня на старости лет. Кто из вас двоих, юноши, здесь навсегда останется?

Принялся старец Чжан Шуаня уговаривать. Но тот и слушать не хочет, все про свою любимую думает. Принялся старик Ван Лана уговаривать. А Ван Лан и рад. Приглянулись ему дом под черепицей и молодая красавица.

Остался Ван Лан, а старец с Чжан Шуанем дальше пошли. Немного прошли, чуть побольше ли. Вдруг старик и говорит:

— Обронил я платок на крыльце, возле каменного льва. Воротись-ка да принеси его мне.

Побежал обратно Чжан Шуань, смотрит: дом под черепицей исчез, один лев остался. Сидит лев, Ван Лана на куски рвет, схватит кусок и в пасть отправляет. Испугался Чжан Шуань, прибежал к старику и говорит:

— Беда приключилась, Ван Лана лев сожрал.

А старик идет себе дальше, не останавливается.

— Знаешь, почему лев Ван Лана сожрал? — спрашивает.

— Не знаю, дедушка, — отвечает Чжан Шуань.

А старик ему говорит:

— Подумай. Тогда и узнаешь.

Идут Чжан Шуань со старцем день, идут ночь, и пришли они наконец к каменному дому. Говорит старец:

— Это и есть мое жилище.

Вошел Чжан Шуань, видит: кровать в доме каменная, и котел каменный, и чашки каменные, и тазы каменные. Все из камня выточено. Велел

¹ Кан — отапливаемая лежанка.

старец Чжан Шуаню набрать сосновых шишек, еду сготовить. Вот уже семь дней прошло. Видит старец, юноша не унывает, надежды не теряет, и спрашивает:

— Хочешь Ли Хуа вызволить?

— Хочу, — отвечает юноша.

— Ступай тогда к западному краю неба, на Огненную гору, добудь из пещеры Огненного тигра меч драгоценный. Дам я тебе платье, которое от огня спасет, надень его и смело иди вперед. Но помни: сделаешь шаг назад — сожрет тебя огонь.

Надел Чжан Шуань белое платье волшебное, так и искрится оно, так и сверкает, и зашагал к западному краю неба. Не счесть, сколько дней он до той горы добирался, как вдруг видит: впереди пламя полыхает, злобно шипят огненные языки, вот-вот небо лизнут. Не испугался юноша, прямо в огонь пошел. Но что за диво! Огонь его не берет. Вот и пещера Огненного тигра на самой вершине горы, сам хозяин ее стережет, глаза у тигра — два храмовых колокола, из пасти пламя вырывается. Вспомнил тут Чжан Шуань про свою Ли Хуа, еще храбрее стал. Бросился он в пещеру, видит: меч на стене драгоценный висит. Схватил юноша меч, тигра ударил, свалился замертво тигр, и в тот же миг пламя на горе погасло. Взял Чжан Шуань меч, к старцу воротился.

Говорит ему старец:

— А теперь иди вызволять свою Ли Хуа. Унесла ее рыба-оборотень из Восточного моря и поселила на острове. Только знай, если страх тебя одолеет или сомнение, не спасешь свою любимую.

Взял Чжан Шуань драгоценный меч и пошел к восточному краю неба. Не счесть, сколько дней добирался он до Восточного моря. А морю тому изумрудному ни конца нет, ни края. Волна на волну набегает, буруны на буруны находят. Поглядел он на все четыре стороны и думает: «Хоть бы лодчонка какая утлая попалась. Не боюсь я ветра буйного, пусть разгуляется по морю, не боюсь я высоких волн, пусть хоть до самого неба вздымаются. Ничего я не испугаюсь! Только бы мне до того острова добраться!»

Идет юноша по берегу, ветер ему песчинками лицо колет, море водой ноги мочит, голод его мучает, холод насквозь пробирает. А юноша идет да идет.

Но вот однажды увидел он, что по морю персиковое дерево плывет. То волной его захлестнет, то снова на поверхность вынесет. Смотрит юноша на деревце, вдруг видит — три персика на нем алеют ярко среди

зеленых листочков. Плышет деревце прямо к юноше. Изловчился Чжан Шуань, ухватился за ветки, и так вдруг ему пить захотелось! Сорвал он персик с дерева, хотел его съесть, но тут раздался грозный рык и откуда ни возьмись тигр выскочил. С перепугу Чжан Шуань в воду плюхнулся. Тигр тем временем исчез, и персиковое дерево тоже куда-то подевалось. Чует юноша: тело его легким стало, ну прямо персиковый листик, и ступил он на воду, будто на твердую землю. Стоит и не тонет. Персик тот, оказывается, волшебный был, мог от воды спасти. Держит Чжан Шуань во рту волшебный персик и прямо к острову идет. Лежит тот остров посреди моря, черной мглой окутанный, буйной травой поросший. Только ступил юноша ногой на остров, навстречу ему из мглы рыба-оборотень вышла с солдатами-креветками да полководцами-крабами. У всех копья длинные да рогатины стальные. Сама рыба-оборотень черная, на голове шлем серебряный блестит, на теле панцирь из серебра сверкает. Закричала рыба, загудело в ответ ей море, окружили юношу креветки-воины да полководцы-крабы. Не испугался юноша, не стал назад пятиться. Поднял он свой меч драгоценный, повернулся к востоку — да как взмахнет, повернулся к западу — да как ударит! Побежала от меча белая дорожка огненная. В тот же миг мгла рассеялась, а воины да полководцы креветками да крабами обернулись, стали в разные стороны расплзаться.

Рыба-оборотень как взглянула на сверкающий меч — глаза зажмурила. Тут юноша ее и зарубил. Потом нашел он свою любимую, и стали они мужем и женой.

Сказка про хитрого У-гэна и верного Ши-е

Давным-давно жили два брата по фамилии Ван, отец с матерью у них умерли, жен еще не было. Собирали братья в горах хворост, тем и кормились.

Звали старшего брата У-гэн¹. Говорили люди про таких, как он: «Есть — здоровый, работать — хворый». И еще говорили: «Язык — сладкий мед, сердце — горький чеснок». Ленив был У-гэн без меры и без меры хитер. Потому-то и прозвали его У-гэнь².

Младшего брата звали Ши-е³. Был он на редкость трудолюбивый, честный и правдивый юноша, всегда делал людям добро и никогда не забывал о долге. Никто на несколько десятков ли вокруг не мог сказать про него худого слова. И прозвали юношу Ши-и⁴.

Соберет, бывало, Ши-и хворост и идет в город продавать его в дом богача Чжана. Отдаст хворост, сядет на заднем дворе на каменную скамейку и ждет, когда ему деньги вынесут. Сидит он однажды так на скамеечке, вдруг видит: окошко напротив, затянутое легким шелком, приоткрылось, из окошка девушка выглянула, годков ей восемнадцать от роду. Смотрит красавица на юношу, а глаза у нее большие, чистые, словно вода в роднике.

¹ У-гэн — букв.: «пять ночных страж». В старом Китае ночь делилась на пять двухчасовых страж, начиная с семи вечера.

² У-гэнь — букв.: «без корня», то есть без предела, без меры.

³ Ши-е — букв.: «десять ночей». В Китае принято давать братьям имена либо с одинаковым слогом, либо близкие по смыслу.

⁴ Ши-и — букв.: «правдивый, верный».

Так и звали ее Мин-чжу — Чистая жемчужина. Была она дочерью богача Чжана. Девушка, хоть и росла в довольстве, безделья не любила и всегда трудилась. Давно заприметила она юношу и сегодня нарочно окно открыла, чтоб и он ее заприметил.

Ши-и никогда не видел таких красавиц и влюбился с одного взгляда. «Вот бы взять ее в жены, — думает, — только пустые это мечты. Она — дочь богача, а я — дровосек».

Взял юноша свои деньги и печальный домой воротился.

Через несколько дней опять понес Ши-и хворост в дом Чжана. Сел, как всегда, на скамейку, долго дожидался. Вдруг видит: окошко напротив, как и в тот раз, отворилось, выглянула из него красавица, улыбнулась, розовый платок юноше бросила. Обернулся юноша, платок за пазуху спрятал, улыбнулся девушке и веселый побежал домой.

С той поры, как только придет Ши-и к богачу Чжану, красавица тотчас окошко открывает. Переглядываются юноша с девушкой, а когда никого поблизости нет, словечком-другим перекинутся. Шли дни за днями. Крепко полюбили друг друга девушка и юноша и уговорились, что Ши-и будет приходить с хворостом каждые три дня, пока не выпадет ему случай увидеться с Мин-чжу.

И вот однажды, как раз когда юноше надо было идти в город, он долго трудился в горах, устал и прилег отдохнуть под большой зеленой сосной. Вытащил он из-за пазухи платок, взглянул на него, и так сладко стало у него на сердце, будто сама Мин-чжу перед ним явилась. Размечтался юноша и не заметил, как прошло время свидания.

А Мин-чжу ждала, ждала юношу, и тревога ее одолела, открыла она окно и стала во двор смотреть.

Вдруг вихрем налетел ветер, засыпал людям глаза песком да пылью. Вслед за вихрем примчался Черный орел, схватил своими железными когтями Мин-чжу и умчался.

Долетел орел до гор, притомился и на сосну опустился. А как раз под той сосной Ши-и спал. Слышит он сквозь сон, будто плачет кто-то. Подивился, голову поднял. Смотрит: на ветвях черное чудище сидит в целый чжан длиной, птица не птица, не поймешь, а в когтях у чудища — девушка в красной одежде. Рассердился Ши-и, схватил коромысло, подпрыгнул и как стукнет орла — крыло и лапу ему перебил.

Вскричал орел страшным голосом, еще крепче тиснул когтями девушку, захлопал перебитым крылом и прочь улетел. Бросился Ши-и его догонять.

Долго бежал юноша, а орел подлетел к пещере на вершине крутой горы, клювом отодвинул огромный камень — из-за высокой травы его и не видеть, — вместе с девушкой скрылся в пещере, а вход камнем завалил.

Подбежал Ши-и к пещере, хотел камень поднять, где там — его и с места не сдвинешь.

А солнце вот-вот за гору спрячется. Воротился юноша к сосне, взял вязанки с хворостом и пошел домой. «Надо старшего брата позвать, — думает, — вдвоем, может, мы одолеем камень и вызволим девушку».

Вернулся Ши-и домой, а У-гэнь ему и говорит:

— Слышал я сегодня в городе, когда ходил за покупками, что дочь богача Чжана орел унес. Никто не знает, где она. По всему городу висят объявления: «Кто укажет, где барышня Мин-чжу, тому пожалую в награду двести лянов¹ серебра. А кто ее спасет и приведет домой, тому отдам ее в жены и дам двадцать тысяч лянов золотом в придачу». Эх, жаль, не знаю я, где барышня.

Понял тут Ши-и, что девушка, которую унес орел, и есть Мин-чжу, рассказал брату обо всем, что с ним приключилось, и попросил помочь ему спасти любимую. Обрадовался У-гэнь, закивал головой и говорит:

— Хай! Поздравляю тебя, брат! Повезло нам на этот раз, богатство и счастье придут к нам в дом. Надо тотчас же пойти в город и обо всем рассказать ее отцу.

Отвечает брату Ши-и:

— Не нужны мне ни золото, ни серебро, зачем я пойду в город? Давай лучше подумаем, как спасти Мин-чжу.

Тут У-гэнь заговорил совсем по-другому:

— Пусть не надобно тебе золото, все равно надо успокоить бедных родителей, сказать, где их дочь. Не хочешь — я сам пойду. — Сказал так, зажег фонарь и поспешил в дом богача рассказать все, что узнал о его дочери.

У-гэня знали в доме Чжана, он тоже изредка приносил туда хворост. Сел У-гэнь на лавку и давай врать: увидел, дескать, он птицу, погнался за ней, но не догнал. Где пещера орла, не сказал, зато пообещал через несколько дней привести барышню домой.

¹ Лян — мера веса, равная 31,25 грамма; в старом Китае расчеты велись на ляны серебра или золота.

Воротился У-гэнь из города на следующее утро. Взяли братья большую корзину из ивовых прутьев, веревку, бревно и отправились в горы. Добрались до вершины, подошли к пещере и как навалются оба на камень! Одолели камень, с места сдвинули. Укрепили у входа в пещеру бревно, привязали к нему корзину. Сунул Ши-и за пояс топор, сел в корзину, и У-гэнь стал потихоньку опускать его вниз, пока не опустил на самое дно пещеры. Вылез Ши-и из корзины, топор крепко держит в руке, стал ощупью в темноте пробираться. Шел, шел, вдруг видит: впереди посветлело, и дорога показалась, щебнем мощенная. Лежат по обеим сторонам той дороги груды костей. Посмотрел на это Ши-и, и взяла его злость: «Сколько жизней сгубила птица проклятая. Не успокоюсь, пока ее не изничтожу!» Идет он дальше, смотрит: лес перед ним темный, мрачный, в лесу — черный дом, тихо вокруг, как в могиле, ни звука не слышать. Схоронился Ши-и за высоким деревом, огляделся. Видит — изгородь, около изгороди — камень, на камне — девушка сидит, плачет. Подняла девушка голову. Пригляделся Ши-и — да ведь это Мин-чжу! Обрадовался юноша, вышел из-за дерева и позвал тихонько:

— Мин-чжу!

Увидела девушка Ши-и, кинулась к нему, плачет.

— Как ты пробрался сюда? — спрашивает.

Ши-и быстро рассказал ей все как было. Потом про орла спросил.

— Кто-то перебил вчера орлу крыло да лапу. Лежит он теперь и стонет. Ночью вставал, зелье какое-то пил. «Погоди, — говорит, — выздоровлю — поженимся мы с тобой». Съест он меня, коли противиться стану. А людям будет мстить за это. На сто пятьдесят ли вокруг сожрет всех собак да кур...

Не успела девушка все до конца рассказать, стал юноша ей шептать на ухо:

— Это я орла изувечил. Он еще мстить грозится! Да я убью чудовище, чтоб не вредило больше людям. Придумал я, как это сделать, только ты должна мне помочь.

Мин-чжу кивнула головой и скрылась в доме. Взял Ши-и топор, пошел к окну, смотрит — лежит на кровати парень, лицо черное, вместо рта клюв острый. Нога перевязана, сам громко стонет. Смекнул тут Ши-и, что это и есть проклятый орел, заскрежетал зубами от злости и еще крепче сжал в руках топор.

Мин-чжу между тем подошла к орлу и говорит ему тихонько:

— Ляг на спину, я тебя зельем напою. А выздоровеешь — мы с тобой поженимся.

Обрадовался орел.

— Ладно, — говорит, — сейчас повернусь.

Лег он на спину. А Ши-и тем временем пробрался в дом, подкрался к орлу, занес топор, размахнулся и как ударит! Убил поганую тварь.

Стали они с Мин-чжу выбираться из пещеры. Подошли к выходу. Корзина, веревка — все на месте. Посадил юноша Мин-чжу в корзину, подал знак У-гэню. Тот стал тянуть веревку и вытащил корзину вверх. Приглянулась У-гэню красавица, и замыслил он недоброе. «Избавлюсь, — думает, — от Ши-и, а девушку себе в жены возьму».

Опустил У-гэнь корзину вниз, подождал, пока Ши-и подаст ему знак, и потянул веревку. Больше чем наполовину корзину вытащил, потом отпустил нарочно веревку и как закричит:

— Ай-я! Веревка оборвалась, сбегая-ка я домой, другую принесу.

Спускается с горы и Мин-чжу за собой ведет. Дошли они до середины горы, старший брат и говорит Мин-чжу:

— Ай-я! Потерял я у пещеры одну вещь, посиди здесь, я сбегая и мигом ворочусь.

Прибежал У-гэнь к пещере, стал заваливать выход камнями.

Думал он, что брат разбился. А Ши-и жив остался. Вылез он из корзины, огляделся: яма глубокая, края отвесные. Стал он думать, как из ямы той выбраться. Вдруг сверху камни с грохотом посыпались. Понял тогда Ши-и, что старший брат недоброе против него замыслил. Теперь и думать нечего про то, чтобы наверх выбраться. И пошел Ши-и в глубь пещеры.

Бродит Ши-и по пещере, выход из нее ищет. Но перед ним только стены каменные. Вдруг слышит — кричит кто-то:

— Братец Ши-и! Спаси меня!

Подошел ближе, видит — огромный карп, больше трех чи длиной, тремя гвоздями к стене прибит.

Спрашивает Ши-и:

— Кто тебя гвоздями к стене прибил?

— Орел прибил. Я третий сын царя драконов Восточного моря. Резвился я как-то в воде, а орел схватил меня, унес и прибил гвоздями к стене. Он бы съел меня, да кто-то поранил ему ногу, когда он девушку одну похитил. Спаси же меня, юноша!

Пожалел Ши-и карпа, осторожно вытащил гвозди из его тела и вызволил беднягу. Карп трижды перекувырнулся, пригожим юношей обернулся. Стал юноша благодарить Ши-и.

Говорит Ши-и:

— Не благодари меня. Скажи лучше, как мне выбраться из пещеры? Ты ведь сын царя драконов и должен это знать.

— Выбраться отсюда совсем нетрудно! Закрой глаза и ложись мне на спину.

Ши-и так и сделал. Загудел, засвистел в ушах у юноши ветер: у-у-у. Не успел он опомниться, как вдруг слышит:

— Вэй! Открой глаза!

Открыл юноша глаза, видит: перед ним ровная дорога расстилается. По обеим сторонам дороги зеленая трава да яркие цветы. В изумрудном лесу дом золотом блестит. Никогда еще не видел юноша такой красоты и спрашивает:

— Куда это мы зашли?

Засмеялся царевич и говорит:

— Пещера орла теперь далеко-далеко осталась. А это дворец царя драконов. Будь же моим гостем, брат, зайди хоть ненадолго!

— Не могу я, — отвечает Ши-и, — надобно мне узнать, что случилось с девушкой, которую я спас. Прошу тебя, братец, отнеси меня скорее домой!

Отвечает сын царя драконов:

— Ты мой гость и должен сперва осмотреть дворец.

«Когда еще выпадет мне случай побывать во дворце царя драконов? — думает Ши-и. — Мин-чжу я вызволил, могу погулять здесь немного». Подумал так Ши-и и вслед за юношей вошел во дворец.

Пришли они в зал, в том зале каменья драгоценные сверкают — не счесть их. Посреди зала старец сидит, усы и борода белые-белые. Возле старца — красавица. И ведут они меж собой разговор.

Говорит юноша:

— Вот мой отец, а вот младшая сестра.

Поднялись царь драконов и царевна навстречу гостю. Юноша поведал им о том, как Ши-и спас его от гибели, и повелел царь слугам принести драгоценности — Ши-и одарить.

Говорит Ши-и:

— Ничего мне не надо — ни золота, ни серебра. Не ради награды спас я вашего сына.

Услыхал его слова царь драконов и думает: «Славный юноша этот Ши-и, отдам-ка я за него свою дочь».

Говорит царь драконов:

— Издавна известно: что желтое у царя драконов — то золото, что белое — то серебро; что круглое — то жемчуг, что блестящее — то драгоценные каменья; а кораллы да агаты хоть ведрами черпай. Одежды разной — не переносить, еды — не съесть, хоромы — просторные да богатые. Хочешь, сделаю тебя своим зятем? Будешь весь век счастливым.

Царь драконов и впрямь был богат, а царевна красоты такой, что Мин-чжу с ней и не сравниться. Но Ши-и даже думать не стал и говорит царю драконов:

— Спасибо вам на добром слове, только есть уже у меня жена. Очень вас прошу доставить меня поскорее домой. Век буду вам за это благодарен.

Вздохнул тут царь драконов и отвечает:

— Раз есть у тебя жена, ничего не поделаешь.

Повелел он сыну взять тыкву-горлянку и проводить гостя. Закрыл Ши-и глаза, лег на спину царскому сыну. Загудел, засвистел в ушах у юноши ветер, не успел он опомниться, как очутился на берегу моря.

Вынул царский сын тыкву-горлянку, тряхнул ее несколько раз и прошептал:

— Тыква-горлянка, тыква-горлянка! Обернись резвым красным конем!

И правда, выскочил тут из тыквы-горлянки резвый конь. Сел на него Ши-и, распрощался с царевичем и поскакал домой.

Вмиг домчал конь Ши-и до деревни. Слез Ши-и с коня, оглянуться не успел, а коня и след простыл.

Слыхал я после от людей, что не рад был У-гэнь, когда Мин-чжу к себе домой привел. Не успели прийти, а девушка уже торопит скорее в горы возвращаться — спасать Ши-и. Не пошел старший брат спасать младшего. А вскорости стал уговаривать Мин-чжу замуж за него пойти. Не согласилась Мин-чжу, а У-гэнь ей говорит:

— Напрасно ждешь. Нет Ши-и давно в живых. Он или убится, или с голоду умер.

Услыхала это Мин-чжу, и тяжесть камнем легла ей на сердце. Поняла девушка, что У-гэня корысть обуяла, и решила заманить его в город, уж там она придумает, как вызволить из беды Ши-и.

Говорит девушка У-гэню:

— Я согласна стать твоей женой, только сперва заручись согласием моего отца, пусть разукрасит дом разноцветными фонариками да флажками да свадьба чтоб пышная была. Одна я у отца с матерью, нет у меня ни братьев, ни сестер, все богатство тебе достанется. А не пойдешь к отцу, я лучше с собой покончу, а женой твоей не стану!

Как услышал У-гэнь про богатство, так сразу в город заторопился.

На другое утро отправились У-гэнь с Мин-чжу в путь-дорогу. Не думали они, не гадали, что Ши-и вдруг повстречается им. Увидел У-гэнь брата — не знает, куда от стыда деваться, и давай улепетывать, словно заяц.

Слыхал я от людей, будто лентяй да бездельник У-гэнь ходил из деревни в деревню, милостыню просил, вскорости умер с голоду.

А Ши-и с Мин-чжу весь век жили счастливо. Они не помышляли о богатстве, не пошли в дом Чжана, а вернулись в деревню, вместе трудились и в радости проводили свои дни.

Не знаю, в каком краю, не ведаю, в какие времена приключилась эта история. Да и не все ли равно? Может, далеко — там, где небо с землей сходятся. А может, близко — рукой подать. Жил некогда на свете юноша. Пригожий да статный. Каждый день ходил на реку рыбу ловить. И всякий раз старика там встречал. Сидит старик на берегу и тихо так приговаривает:

— Ловись, ловись, ловись! Ловись, ловись, ловись! Уходи, малая рыбка, приходи, большая!

Стал за ним юноша следить тайком да подсматривать. Рыбы, что побольше, все к старику плывут. Не стерпел как-то юноша и говорит:

— Добрый дедушка! Научи меня рыбу ловить, как ты ловишь!

Поднял старик голову и отвечает:

— Не стану я тебя учить рыбу ловить. Парень ты, вижу, честный, иди лучше вдоль речки по берегу, ждет тебя удача.

Сказал так старик, тряхнул леской, только волны по воде забегали, а сам исчез.

Подивился парень и думает: «Не иначе, как старик этот — бессмертный шэньсянь. Послушаюсь-ка я его, пойду по берегу, может, и вправду удача меня там ждет». И пошел юноша по берегу. С полудня шел до вечера. Уже солнышко закатилось, звезды на небе загорелись, луна засияла. Вдруг видит юноша — заводь перед ним появилась большая, вся лотосами поросшая. И луна будто ярче стала. А может, не луна это, а лотосы так сверкают. Залюбовался юноша, загляделся, как вдруг видит — листья лотосов легонько зашевелились, цветы заколыхались.

Сделал юноша шаг, да, видно, на зеленый лишайник наступил, поскользнулся и упал. А как поднялся на ноги и вокруг огляделся, места этого не признал. Звезды с неба на землю спустились, рассыпали свои огоньки по изумрудным тутам. Маленький домик в роще стоит, дверь приоткрыта чуть-чуть, в щель видно, как девица при лампе шелк ткёт. На девице длинная юбка надета, будто темно-зеленый лотосовый лист в пламени лампы светится. В волосы, черные как воронье крыло, воткнул свежий бутон лотоса. Подошел юноша к домику и спрашивает:

— Куда это я зашел?

Перестала девушка ткать, подняла голову и говорит:

— Не стану тебя обманывать. Забрел ты в деревню Лотосов, а я — Дева-лотос. Коль устал в дороге, в дом иди, отдохни.

Девушка и впрямь была хороша, будто лотос под луной. Обрадовался юноша, в дом вошел, а девица вымолвила слово, другое, опустила голову и снова ткать принялась. Да так быстро, что и не разглядишь, как она челнок под основу пропускает. Только серебряный наперсток белой дорожкой блестит. Молчит девушка, собрался юноша уходить, — не удерживает, молча до дверей провожает. Ступил юноша шаг, ступил другой, огляделся — все исчезло, только заводь большая сверкает. Стоит юноша и думает: «Никак, это цветок лотоса феей оборотился. Вот бы мне такую бессмертную деву в жены взять».

Вернулся юноша домой, делать ничего не может, не лежит у него душа к работе. Не стемнело еще, а он уже к лотосовой бухте подался. Солнце никак не спрячется за горы, по воде золотые чешуйки рассыпало, залило багрянцем лотосы. С великим трудом дождался юноша темноты, смотрит — перед ним и впрямь Дева-лотос появилась. Ласковая такая, ласковее, чем вчера. Велела девушка юноше рваную куртку снять и давай ее чинить: стежок за стежком, стежок за стежком. Починила и юноше подала. А юноша поглядел на девушку и говорит:

— Я ведь один-одинешенек на свете!

Дева-лотос будто не слышит, голоса не подает, провожает юношу до дверей.

Вернулся юноша домой уже за полночь. Никак места себе не найдет: сядет — не сидится ему. Встанет — опять нейдет. И побежал он снова к речке. Над речкой белый туман стелется, туфли от росы мокнут. А юноша бежит что есть мочи. Примчался к лотосовой заводи, когда уже птицы на ивах запели. Солнце взошло, разогнало туман. Еще прозрачнее показалась юноше вода в заводи, еще чище листья лотосов, а по нежным лепе-

сткам жемчужины-росинки перекатываются. Вокруг аромат лотосов разливается. Идет юноша вдоль заводи, смотрит — в середине цветов возвышается, самый большой, самый красивый. Стал юноша гадать: «Уж не этот ли цветок Девой-лотосом оборачивается?» Только подумал он так, смотрит — задвигался цветок, и на воде откуда ни возьмись Дева-лотос появилась. Идет дева по волнам, только юбка длинная по ветру развеивается. От радости забыл юноша, что перед ним фея, хотел удерживать ее, чтоб под воду не ушла, но только было собрался протянуть руку, а дева уже на берегу стоит. И радуется она и печалится.

Говорит дева:

— Не хочет мой отец, чтобы я с простым смертным зналась. Никогда мы больше с тобой не увидимся.

Будто громом поразило юношу. Стоит он, с места не двинется, а потом заплакал, да так горько. Увидела девушка, как он горюет, как убивается, головой тряхнула и говорит:

— Если не ведаешь ты страха и нет у тебя, как говорится, «трех сердец и двух мыслей», давай убежим с тобой к самому краю неба на остров морской.

Еще слезы у юноши не просохли, а уже он заулыбался:

— С тобой везде мне радость — хоть в высоких горах, хоть в диких лесах.

Выдернула девушка из волос бутон лотоса, дунула на него — раскрылся цветок: на каждом лепестке жемчужина перекатывается, вокруг зеленого пестика тычинки-звездочки, как золото, блестят! Подняла девушка одной рукой цветок, словно зонтик раскрыла, другой рукой юношу за руку взяла, и полетели они в поднебесье. Белые облака их по спине гладят, орлы у них под ногами крыльями машут. Так высоко они летят да так быстро, что и описать невозможно. Ни с чем их не сравнишь, разве что с чудесной падающей звездой. Будто времени совсем мало прошло, а они уже на землю опустились, прямо в горное ущелье. Поглядел юноша под ноги — все травой поросло, а на траве камни разбросаны. Поглядел вокруг — высоченные горы друг на друга громоздятся. Загрустил юноша, а Дева-лотос радуется:

— Я ткать стану, а ты охотиться, вот и будет у нас еда да одежда.

— А жить где будем? — спрашивает юноша.

— Не твоя это забота. Сменю я шелковую юбку на холщовую, не хуже тебя смогу сосновые ветви ломать да туты сажать.

Так и сделала девушка: скинула длинную зеленую юбку, бросила под ноги, полетела юбка, закружилась и стала тихонько на землю опускаться.

Подвела девушка юношу к тому месту, где юбка опустилась. Смотрит юноша — вместо юбки заводь большая, как изумруд блестит. Посреди заводи домик стоит. К дому мостик перекинут. Перешли юноша с девушкой мостик, вошли в дом — просторно там и чего только нет: котел, чашки, ковшики, тазы, циновки, одеяла, утварь разная, даже ткацкий станок у стены стоит.

Утром юноша на охоту собрался. Выбежала Дева-лотос за ворота, вытащила из волос бутон лотоса, отдала его юноше и говорит:

— Возьми этот цветок, он защитит тебя от всяких гадов, от волков и тигров, от кровожадных барсов. Увидят они его — сразу убегут. Только смотри береги его, никому не давай.

Взял юноша цветок и в путь отправился. Карабкается он на Восточные горы, а там зайцы и вправду человека не боятся, не разбегаются, фазаны не улетают. Наловил он фазанов и зайцев великое множество, в обратный путь собрался. Идет и видит — на горном склоне тутовый лес зеленеет. Подошел поближе, а это, оказывается, Дева-лотос тутовые ветви ломает, меж камнями втыкает. Не успеет воткнуть, а ветка уже в огромное тутовое дерево превратилась. Ломает дева сосновые ветки, отдыху себе не дает, ломает, меж камнями втыкает. Руки в кровь изранены, солнце лицо опалило.

Жаль стало юноше девушку, окликнул он ее:

— Пойдем домой, передохнем малость.

А дева знай смеется:

— Мы дом здесь поставим, хозяйством обзаведемся, вот я и хочу, чтобы протока эта большим озером стала, а на горах чтобы тутовый лес вырос.

Охотится юноша день, охотится другой, на третий взобрался он на Западные горы. Смотрит — дикие кони табуном пасутся, целые стада диких коз прямо к нему бегут. Схватил юноша козу, вскочил на коня, поскакал домой. А дома на кане зеленый шелк лежит. Берет Дева-лотос кусок шелка, на траве его расстиляет, шелк тотчас в зеленую воду превращается.

Завечерело, а Дева-лотос все ткет да ткет свой шелк, ни рук ни ног от усталости не чувствует. Пожалел ее юноша и говорит:

— Ночь скоро. Передохни малость.

А дева знай смеется:

— Мы дом здесь поставим, хозяйством обзаведемся, вот я и хочу, чтобы протока эта большим озером стала, а на горах чтобы тутовый лес вырос.

Прошел день, за ним другой, месяц кончился, другой начался. Неизвестно, сколько времени прошло. Наверно, много, потому что приметил юноша, что уже не так прекрасна Дева-лотос, как прежде. Не так блестят ее черные волосы. Розовое личико не так сияет. Спрашивает ее юноша:

— Не от работы ли да заботы состарилась ты рано?

Ничего не сказала Дева-лотос, только головой мотнула.

Отправился юноша однажды на охоту. С одной горы спустится, на другую взберется, из одного ущелья выйдет, в другое войдет. И добрался он до лощины по ту сторону горы. Поднял голову, огляделся — ни цветочка нигде, ни травинки, только пещера чернеет. Думал юноша, думал, смотрел, смотрел да и взобрался на гору. Взял лотос, который жена ему когда-то дала, и смело вошел в пещеру. Идет он, а в пещере все темнее становится, все мрачнее, да и кровью будто запахло. Вдруг откуда ни возьмись тигр выскочил, глаза — два фонаря, пасть разинута, того и гляди, бросится на юношу. Отпрянул в страхе юноша, цветок заветный тигру показал, из цветка того красный луч вырвался, тонкий и длинный, ну прямо молния. Повернулся тигр, прочь побежал.

Пошел юноша дальше, идет, вдруг навстречу ему стая волков. Хвосты длинные по земле волочатся, уши торчком. Окружили волки юношу. Отпрянул он в страхе, показал им заветный цветок. Вырвался из того цветка луч-молния. Опустили волки головы, повернули, наутек бросились. Пошел юноша дальше, идет, идет, вдруг видит — впереди светлее стало. Прошел еще немного, перед высокими воротами очутился. Распахнул ворота, смотрит — за воротами фонари яркие горят, свечи огнем полыхают. Кан стоит, на кане красавица. Лицо белое, губы алые, голос ласковый, вид приветливый. Заговорила красавица с юношей, вмиг с кана соскочила, навстречу кинулась. Вспомнил тут юноша Деву-лотос. Разве сравнишь ее с этой красавицей? Вошел во двор, сел на кан, поближе к красавице. А красавица щебечет, смехом звонким заливается, золотой бокал вином наполняет, на серебряных блюдах закуски подносит. Отвечал юноша закусок с серебряных блюд, из золотого бокала вина выпил, красавица вокруг него так и вьется. И взял юноша ее себе в жены. В утехе да забавах не заметил, как три дня прошло, три ночи пролетело. А про доброту Девы-лотос совсем забыл. Сам радуется, а не думает, как тяжело сейчас на сердце у феи лотосов. Вот и четвертый день настал.

— Хочу я родных навестить, — говорит красавица, — да боюсь гадов ядовитых, тигров злых и кровожадных барсов.

Не стал тут юноша раздумывать. Да и зачем? Как говорится, трижды по семь — двадцать один. Отдал он красавице цветок заветный. Эх! Только вышла красавица из дома, ворота за ней с грохотом захлопнулись и стало темным-темно. Вытянул юноша руку — наткнулся на камень, вытянул другую — опять камень. И под ногами камень. А за дверьми тигры рычат, волки воют. Вдруг камень под ногами зашевелился, да и над головой камни вот-вот обрушатся. Стал юноша кричать — никто не откликается, стал на помощь звать — никто не отзывается. Страшно стало юноше. Сел он у камня, пригорюнился.

А Дева-лотос о ту пору в доме сидела, шелк усердно ткала. Потом подняла голову, смотрит — на дворе уже полдень, а мужа все нет да нет. Заныло у девы сердце. Погадала она на пальцах и сразу все поняла: на земле час проходит, а в пещере день ночью сменяется. Значит, целых три дня милуется юноша с женщиной-оборотнем. Разгневалась дева, обидно ей стало, не знает, что делать: спасти его или не спасать. Вздохнула она тихонько, уронила две слезинки и решила: «Пусть он не хорош, а плох, все равно спасу ему жизнь». С быстротой ветра перебиралась она с горы на гору, из ущелья в ущелье. И наконец очутилась у северного склона той самой горы, где был заточен юноша. Хотела Дева-лотос в пещеру войти, смотрит — вход огромными камнями завален. Не стала она мешкать, забралась на самую вершину горы, сняла с пальца серебряный наперсток и бросила. Угодил наперсток прямо в камни, и раздвинулись они тихонько: ни искры не видать, ни грохота не слышать; ни узкой щели, ни широкого пролома. А только пробуравил серебряный наперсток колодец, круглый-прекруглый, глубокий-преглубокий — дна не видно. Гору ту громадную прямо насквозь пробил.

А юноша тем временем сидит в пещере, никак ему из нее не выйти, темно вокруг. Сожмет пальцы — кулака не видит. Разожмет — ладони не разглядит. Страшно ему, тоска его грызет. «Как же выбраться отсюда?» — думает юноша. И только он так подумал, светло стало в пещере, не успел моргнуть, а Дева-лотос тут как тут. Взяла она его за руку, за собой повела. Не успел юноша спины разогнуть, а уже на вершине горы очутился.

Дева наклонилась, серебряный наперсток подобрала, опять на палец надела. И в тот же миг колодец исчез, будто его и не было.

Стыдно юноше и тревожно. Не разгневалась на него фея, только слезы у нее из глаз закапали, и говорит она юноше:

— Не думала я, не гадала, что ты меня так обидишь! Не утаила я от тебя, что есть у меня два сокровища: этот наперсток — ключ, открываю-

щий горы, да лотос. Возьму лотос в руки — могу по синему небу летать, воткну его в волосы — молодой навсегда останусь.

Только Дева-лотос это сказала, налетел на пещеру грозный вихрь. Женщина-оборотень его наслала. Схватила дева юношу за руку, и побежали они прочь от этого места. Теперь заветным цветком владела злая колдунья, и не было у Девы-лотос силы такой, чтобы ее одолеть. Вот и решила Дева-лотос завлечь колдунью к себе в ущелье. Недаром говорят: «Медленный челн быстрого коня обгонит». Мчится дева — по стремнине плывет, юноша земли под собой не чувствует. А колдунья между тем нагонять их стала. Приблизиться не смеет, боится Деву-лотос, а юношу зовет:

— Вернись!

— Смотри не оборачивайся, — наказывает Дева-лотос, — не то погибнешь!

А колдунья не унимается:

— Вспомни, юноша, как хорошо нам в пещере было! Как три дня мы миловались! Про мою красу вспомни!

Слушал юноша, слушал, и завертелось у него все в голове, закружилось. Не стерпел он, обернулся. А колдунья махнула платком, и ноги юноши сами к ней побежали. Призвала тут колдунья змею, села на нее верхом вместе с юношей и с ветром к пещере полетела.

Вздыхнула Дева-лотос:

— Я ли не хотела тебя спасти! Я ли не старалась! Да все напрасно!

Спустя немного времени подошла Дева-лотос к пещере колдуни. Смотрит — одежда валяется и кости возле пещеры разбросаны. Взяла Дева-лотос одежду юноши, подобрала его кости, закопала возле своей хижины.

Очень трудолюбивой была Дева-лотос. Днем шелкопрядов кормит, тутовые деревья сажает. А ночью при свете лампы шелк тклет. Прошел год, другой, третий. Из тех сосновых веток, которые Дева-лотос в горах понатыкала, большие сосны выросли, из тутовых ветвей темно-зеленые туты поднялись — все горы вокруг зелеными стали. Зеленый шелк, который дева ткала, в сверкающее хрустальное озеро превратился. В темно-зеленой роще разноцветные бабочки порхают, на нежно-зеленом озере лотосы распускаются. И вот однажды увидела Дева-лотос, что на могилке возле ее хижины травинка выросла. Дотронулась до нее дева, а травинка застыдилась, свернула листочки и поникла.

Через несколько дней пришел на озеро рыбачить тот самый старик, которого однажды повстречал юноша. Дева-лотос рассказала ему все без

утайки про то, что с ней приключилось. Ушел куда-то старик и вскоре принес девушке заветный лотос, который он отнял у колдуньи. Воткнула девушка в свои черные волосы лотос, снова заблестели волосы, прежней красой засверкало личико. Собрал старик семена той зеленой травки и ушел в далекие горы. А на другой год весной зеленые травинки выросли повсюду: и в горных рощах, и у самого моря на прибрежных холмах, и даже в маленьких садиках у домов. И назвали люди эти травинки застыдись-травой, или мимозой. По сию пору стоит только дотронуться до мимозы, а она уже свернула свои листочки и поникла. По сию пору ходят по свету люди, похожие на того юношу. Увидят новое и сразу забывают о старом. И не стыдно им!

Есть в горах Ишань огромный водопад, издали посмотришь, кажется, будто вода прямо с синего неба падает. Сверкает серебром, искрится бурлящий поток, в долину катится. А из долины течет в большой залив. Вода в заливе — старая тушь, черно-зеленая, глубина в нем — дна не разглядишь. А за заливом глубокое ущелье, тянется ущелье на несколько десятков ли, змеей вьется. В том месте, где оно пошире, деревушка стоит. В той деревушке жил в старину бедный юноша по прозвищу Вань-шоу.

Отец с матерью у него давно умерли, был один дядя, материн брат, да и тот в другой деревне жил. Юноша редко его навещал, только по праздникам. Нанялся Вань-шоу в чужую деревню пастухом коров пасти. Как уйдет в горы со стадом, так и живет там, только за едой с гор спускается. И не скучно ему без людей.

В полдень, только коровы наедятся досыта, бежит Вань-шоу на крутой горный склон. Прибежит, схоронится за куст рододендрона и ждет. Вскорости из черно-зеленой воды всплывает сцена. Звучат гонги, гремят барабаны, с гулом водопада спорят. А юноше из-за куста все хорошо видно. И как старик мелкими шажками по сцене семенит, и как военный герой перекувырнется через голову и выскочит на сцену. Но вот наконец появляется молодая женщина¹. Походка у нее — быстрое течение реки. Голос — звон золотых бокалов, переливы серебряных колокольчиков.

¹ Старик — лаошэн, военный герой — ушэн, женщина — дань — традиционные персонажи старинной китайской музыкальной драмы.

Он звучит в сердце Вань-шоу. Поет женщина о печальном — юноше плакать хочется, поет о радостном — юноша смеяться готов.

И вот однажды женщина пела особенно хорошо, ее голос становился все звонче и звонче и вдруг весенним жаворонком взмыл в самую высь. Не стерпел тут Вань-шоу, выглянул из-за куста, хлопнул в ладоши и как закричит:

— Ай-я!

Вмиг смолкли гонги и барабаны, девушка исчезла, сцена ушла под воду. А по заливу волны пошли — словно буря на море разбушевалась. Юношу с ног до головы водой окатило, того и гляди, захлестнет. Уцепился он за куст, ухватился за дерево, залез на самую вершину горы. Обернулся — куда только волны подевались? Тишина да покой в заливе. Только с той поры не видел больше юноша того дива дивного.

Настала зима. На лугах высохли травы буйные, в небе закружились, заметались снежинки белые. Хозяева скотину всю домой угнали. И вот наступил третий день Нового года. Отправился Вань-шоу своего старого дядю проведать. Видит дядя — вырос племянник, радостно ему и печально.

— Пора бы, — говорит дядя, — и о невесте подумать, да кто тебе, бедняку, дочь в жены отдаст?

Сказал так дядя, слезу уронил. Тяжко стало Вань-шоу, камень ему на сердце лег, и думает юноша: нельзя дядюшке огорчаться, старый он. Да как его утешить? Вдруг мысль одна пришла в голову юноше. Прикинулся он, будто рад-радехонек, и говорит:

— Не печалься, дядюшка, жену я себе нашел, вчера в дом привел, вот и поспешил к тебе с радостной вестью.

Услыхал это старик, не стал спрашивать, правда это или неправда, хлопнул племянника по плечу и говорит:

— Оказывается, смекалки да ума тебе не занимать. Не зря я на тебя надеялся. Вот счастье-то! А как бы мать обрадовалась, коли б дожила!

Собрался юноша домой, дядя его за ворота провожает и говорит:

— Один ты у меня в целом свете, никакой родни больше нет, так что хочешь не хочешь, а вскорости я к тебе в гости нагряну, племянникову жену поглядеть хочу.

Испугался Вань-шоу и отвечает дядюшке:

— Лучше не ходи! Лет тебе много, а дорога в горах трудная!

Не поддается старик на уговоры, на своем стоит:

— Легко, что ли, было тебе жену добыть? Пусть шаг мой в три пальца длиной будет, все одно приду!

Воротился юноша домой, тяжело у него на душе: скоро придет к нему его старый дядюшка, что он ему скажет, что покажет? В доме у него только ветер гуляет! Узнает дядюшка, что он неправду сказал, рассердится да опечалится. Как же быть? Думал он, думал и придумал. Взял коромысло, повесил на него две корзинки, пошел на реку. Набрал глины, наполнил корзинки и грустный такой говорит сам себе:

— Не ведаешь ты, дядюшка, что племянник твой тебя обманул. Не знаешь, что радость твоя пустая.

Говорит так Вань-шоу, а слезы сами из глаз капают. Принес он глину домой, вылепил куклу, лицо ей мукою посыпал, чтоб белым было, нарисовал брови, длинные, вразлет, маленький рот чуть приоткрытый, вот-вот, кажется, заговорит кукла, просверлил два глаза, — глядят, будто живые. Смотрит Вань-шоу на куклу, тяжело вздыхает. И ладная она и красивая, а все равно кукла, не человек.

Шестого дня первого месяца ровно в полдень постучался в ворота дядюшка. Аж пот прошиб юношу, на лбу испарина выступила. Но в спешке, как говорится, без смекалки пропадешь. Схватил юноша куклу, на кан положил, подушку ей под голову подложил, сверху одеялом прикрыл и побежал ворота отворять. Вошел дядюшка, веселый такой, по сторонам посматривает, ищет — нигде не видать племянниковой жены. Только хотел про нее спросить, а племянник скамейку ему пододвинул и говорит:

— После дальней дороги первым делом отдохнуть надобно.

Только уселся старик, а Вань-шоу опять суетится:

— Поди, жажда тебя одолела. Я пойду, мигом воды вскипячу. — Не успел дядюшка и слова вымолвить, а Вань-шоу уже за хворостом убежал.

Воротился, вскипятил воду, напоил дядю и опять куда-то умчался. Уж очень хотелось ему чем-нибудь вкусным попотчевать дядюшку, да ничего у него не было, ни луковинки, ни кореньев. Стыдно юноше, стоит он перед дядюшкой, не знает, что делать. А дядя отхлебнул кипятку и поставил чашку на место. Сразу заметил, что не в себе племянник, и говорит:

— Давненько я у тебя сижу, а жены твоей так и не видел. Ну-ка, кликни ее, пусть потешит меня, старика!

Пуще всего боялся юноша этих слов. Отвечает он дяде:

— Хворает у меня жена. Уже который день с постели не встает!

Услыхал это дядюшка, опечалился, будто сам захворал, а может, сильнее, не стал кипяток пить, с места вскочил и говорит племяннику:

— Что ж ты раньше мне не сказал? Я пошел бы да проведаль ее! — Сказал он так и пошел в комнату, где кукла лежала. Вань-шоу вперед дядюшки забегает, подошел к кану и говорит:

— Дядюшка тебя проведать пришел, поднимись, коли сил достанет.

Смотрит старик: одеяло — будто мешок набитый, значит, есть под ним кто-то. Поверил он, что жена племянника и впрямь захворала, спрашивает:

— Полегчало тебе, доченька?

Кто бы мог подумать, что после этих слов чудо приключится. Одеяло зашевелилось и женским голосом отвечает:

— Полегчало, дядюшка, да ты садись, пожалуйста!

Испугался Вань-шоу, руку от одеяла отдернул. «Как же так? — думает. — Сам глиняную куклу под одеяло клал, а она возьми да и заговори!»

Женщина тем временем села в постели, откинула с ушей волосы и говорит юноше с укором:

— Что же ты за человек такой! В кои-то веки дядюшка старенький к нам пожаловал, а ты разбудить меня боишься, будто я и впрямь занемогла. А чем, скажи, будешь гостя потчевать?

Видит дядюшка — сидит на кане племянникова жена жива-здорова. Собою ладная, речи складные. Радостно старику, будто цветок у него в сердце расцвел.

И говорит дядюшка:

— Сыт я, невестушка, ничего мне не надо. Лежи да отдыхай.

А у юноши сердце скачет, колотится. Будто встречал он эту женщину где-то, только никак не припомнит где. А женщина опять ему говорит:

— Нелегкий да неближний путь прошел дядюшка, пока сюда добрался. Как же его не накормить? Ты здесь сиди, а я стряпать буду.

Женщина мигом соскочила с кана и пошла в соседнюю комнату. Старик рад, на кан забрался, а у племянника, как говорится, сердце семь раз вверх подпрыгнуло, восемь раз вниз упало. Ведет он с дядей разговор, а сам слушает, что делается в соседней комнате, ни звука не пропускает. Вот застучал по доске нож: тук-тук. Вот огонь в печи раздувать стали. Будто и времени совсем мало прошло, вносит женщина пельмени, пар от них так и валит, так и валит. Пуще прежнего дивится юноша: из чего же это она пельмени сделала?

Поел дядюшка и веселый домой пошел. Проводил его Вань-шоу, воротился, смотрит — женщина в доме сидит, его дожидается. Теперь-то уж он все у нее выведает.

Спрашивает юноша:

— Кто ты, скажи мне наконец!

Опечалилась женщина, подняла руку, показала пальцем под стол и говорит:

— Может, померещилось мне, что там глиняная кукла?

Заглянул юноша под стол, а там мешок валяется. Посмотрел в мешок, а в мешке и в самом деле кукла!

Вздыхнула тут женщина, да так печально, и говорит:

— Прежде мы чуть не каждый день с тобой встречались. Неужели не признал меня?

Вспомнил тут Вань-шоу. Да ведь это та самая женщина, которая на сцене тогда пела. И чудно ему и радостно. А женщина поглядела на Вань-шоу и холодно так говорит:

— Не ломай ты себе голову, я всю правду тебе скажу. Знаешь, кто я? Карп-оборотень! Незавидная мне выпала доля. Живу одна-одинешенька, ни одного родного существа нет рядом, а хозяйка моя, черная черепаха, с малолетства заставляет меня пеньем ее ублажать. Не спросит, здорова ль я, больна ли, в любое ненастье на сцену гонит. Несколько дней назад отправилась куда-то черепаха поразвлечься. Дай, думаю, поплыву по течению. Поплыла и добралась до вашей деревушки. Слышу — горюешь ты да убиваешься, вот и решила тебе помочь, а заодно и дядюшку твоего утешить.

Понял наконец Вань-шоу, что приключилось, застыдился, покраснел и спрашивает:

— Уйдешь ты от меня или останешься?

Впервые счастье привалило юноше. Но настало утро, опустила женщина голову и горько заплакала. Спрашивает юноша, да так ласково:

— Тебе бедность моя не по нраву?

Пуще прежнего заплакала женщина и говорит:

— Не вольна я над собой! Воротится домой черепаха, хватится меня, так и к тебе ненароком заявиться может. О себе я не пекусь — пусть бьет, пусть ругает. За тебя страшно. Не хочу я, чтоб ты из-за меня страдал.

Услыхал это Вань-шоу, потекли у него из глаз слезы. А женщина помолчала и говорит:

— Не горюй, Вань-шоу, не убивайся. Мы еще с тобой свидимся. Коли вспомнишь про меня, приходи к заливу, зайди за большой черный камень, трижды хлопни по тому камню легонько, я мигом выйду.

Сказала она так и тотчас же все слово в слово повторила, как бы Вань-шоу чего не пропустил. Потом тихонько к дверям пошла. Вышла за ворота, оглянулась, оборотилась стружкой голубого дыма и с ветром умчалась.

День прошел, другой пролетел. Отправился Вань-шоу к заливу. Спустился с крутого берега, смотрит — и впрямь черный камень в рост человека стоит. Сверху мох зеленый на нем, внизу цветы пестреют — мотыльки разноцветные. Юноша трижды легонько по камню хлопнул, как женщина его та научила. Исчез камень. А на его месте не то дверца, не то окошко, черным лаком крытое. Отворилось окошко, смотрит юноша — женщина из него вышла, рукой машет, велит Вань-шоу тишком да молчком в окошко лезть. Послушался Вань-шоу, влез в окошко. А там хоромы высокие да просторные. Провела женщина юношу в тесную темную каморку и тихо так говорит:

— Это мое жилище. А в тех хоробах черепахи живут. К хозяйке гости нынче пришли. Скоро меня петь позовут, так ты здесь обожди. Что бы ни приключилось, окон не отворяй, дверей не открывай, во двор не гляди.

Тут зазвенели гонги, загремели барабаны, женщина убежала и дверь за собой затворила. Немного спустя слышит Вань-шоу, представление началось. Гонги да барабаны все небо сотрясают, потом хуцинь¹ заиграл, ему стали вторить медные пластины гонга, и наконец раздалось нежное пение женщины. Не стерпел Вань-шоу, чуть окошко приоткрыл и думает: «Ничего не случится, коли я совсем его открою». Но только отворил он окошко, как послышалось: «Хуа-ла» — и голос, подобный грому, спросил:

— Что за чужак ко мне во двор забрался?

Вань-шоу аж подскочил с перепугу, бросился затворять окошко, да поздно. Стихли гонги, умолкли барабаны, только шум да крики слышатся. Подошла тут женщина, взяла Вань-шоу за руку и вывела наружу. Смотрит он — кругом одна вода, а за ним целая свора каких-то существ с длинными копьями да батогами гонится. Вдруг женщина как толкнет

¹ Хуцинь — смычковый струнный инструмент

Вань-шоу. И почувял он под ногами твердую землю. А женщина ему кричит:

— Беги, Вань-шоу, быстрее беги!

Пробежал он немного и очутился у большого камня на самой вершине горы, посмотрел вниз, а долину чуть не всю водой затопило, волны по ней ходят. Вдруг приметил юноша — женщину какой-то черномордый зверь под воду утащил.

На другой день вода в долине начала убывать. А залив из черно-зеленого бирюзовым стал, солнышко своими лучами его осветило. Смотрит Вань-шоу — в волнах большой золотистый карп плавает, длиной эдак в пять чи с лишком. Сколько раз после этого ходил Вань-шоу к заветному черному камню, хлопал по нему легонько, никто не откликался. Так и не видел больше Вань-шоу той женщины.

Рассказывают люди, будто Вань-шоу отомстил за женщину-карпа, только истории этой я что-то не помню. Одно я вам скажу: черепахи в том заливе перевелись, в чистой прозрачной воде резвятся только большие золотистые карпы.

Лежит в неведомых краях степь, десять дней на добром скакуне скачи — не обскачешь. Земля там — конца не видать, небо — глазом не объять. Не синее над степью небо — пурпурное. Только на юго-западном его краю тенью горы вырисовываются. Стоят в степи деревни да деревушки.

В одной деревушке жила мать с двумя сыновьями. Вырастила добрая старушка сыновей на редкость умных да разумных. Одна у нее забота: как бы сыновей женить? Уж очень хотелось старухе понянчить внуков. А сыновьям будто и дела нет до материнской печали. И так мать уговаривает и эдак — никак уговорить не может. Свахи не одну пару туфель стоптали, пока к женихам бегали, — все напрасно. Горюет старая, не спит-ся ей, не ложится. И вот однажды ровно в полночь поднялась она с кана, дверь отворила, смотрит — небо все звездами усыпано, а вокруг тьма кромешная. Подняла старая голову, вздохнула и говорит:

— Детки вы мои, детки, где же вам жен по сердцу найти? — Сказала так, а сама думает: «Наверно, звезды меня услышали, уж очень тихо вокруг». Не успела она это подумать, вдруг видит — в юго-западной стороне блестящий круг от земли отделился, чуть не больше луны, прямо к ней летит. Прилетел и во двор опустился. Блестит круг, глазам больно. Зажмурилась старая. Только открыла глаза, смотрит — старец в том кругу стоит, лицо доброе, красивое, борода белая, в руке палица с головой дракона. А лучи вокруг старца ярче самого круга сверкают. Улыбнулся старец — заколыхалась борода — и говорит ясным голосом:

— Подыскал я для твоих сыновей жен.

Не разгладились морщинки меж материнскими бровями, развела она руками и отвечает:

— Боюсь, что пустые твои хлопоты, почтенный старец небожитель! Никто не придется моим сыновьям по сердцу. Но коли дозволишь, я посмотрю на невест, потолкую со свахами.

Рассмеялся старец — борода по воздуху поплыла — и говорит:

— Не надобны свахи, не надобны приглашения на красной бумаге, и разукрашенные паланкины тоже не надобны. Дам я тебе два зеркальца, у каждого зеркальца на оборотной стороне цветы водяного ореха. Не думай только, что жены в зеркале — это обман. В третий день третьей луны¹ ровно в полночь надо взять зеркальце, оборотить его к юго-западу, от зеркальца луч пойдет, и тотчас широкая дорога откроется. По этой дороге и надобно за невестой идти.

Пошарил старик за пазухой, достал два круглых зеркальца, отдал старухе. В тот же миг будто солнце на небе взошло — поднялся сверкающий круг ввысь, полетел-поплыл к юго-западу и пропал падучей звездой.

Воротилась старуха в дом, разбудила сыновей, старшему сыну дала зеркальце, меньшому тоже дала зеркальце. Глянул старший сын в зеркальце, видит — девушка, в красное наряженная, в руке красный пион держит. Улыбнулась девушка, опустила голову, красным пионом любит-ся. Забыл старший сын, что девушку он в зеркале видел, и как закричит:

— Матушка! Она улыбнулась мне, после голову опустила. А как мне про свою любовь ей сказать? Дозволь, матушка, нам пожениться.

Слушает мать, ушам своим не верит, с места двинуться не может. Глянул меньшой сын в зеркальце, видит — девушка сидит, в зеленое наряженная, в руке зеленый пион держит. Поглядела девушка ласково, опустила голову, зеленым пионом любит-ся. Забыл тут меньшой сын, что девицу ту он в зеркале увидел, и как закричит:

— Матушка! Девушка взглядом ласковым про любовь мне поведала. Дозволь же мне на ней жениться.

А старая мать и смеется и плачет. Говорит она сыновьям:

— Детки вы мои, детки! Умом, что ли, вы тронулись? Красавиц-то вы в зеркале видели. Как же их в жены взять?

¹ В этот день в старые времена поминали усопших. В древности это был оргический праздник весеннего оплодотворения, во время которого юноши и девушки могли свободно общаться друг с другом.

Выслушал мать старший сын — запечалился, головой поник. Выслушал мать меньшей сын — затосковал, брови нахмурил.

Время бежит, грустят сыновья, бровей не распрямляют. Делать нечего, пришлось матери рассказать все как есть.

Наступил третий день третьего месяца. Говорит тут мать сыновьям:

— Не отпущу я вас обоих, как ни просите. Кто знает, что вас там ждет — счастье или беда злая?

Говорит старший брат меньшому:

— Я первым пойду, а ты пока оставайся.

Согласилась мать отпустить старшего и говорит меньшому:

— Твой брат на годок-другой тебя старше, пусть и идет первым.

Ровно в полночь взял старший сын зеркальце, вышел во двор, оборотил зеркальце к юго-западу, и тотчас от зеркальца белый луч побежал, в тот же миг горы из тумана вышли, ближе придвинулись, и увидел юноша причудливые камни, глухие леса, отвесные скалы да железные вершины. А белый луч в горы убежал, рос, рос и в светлую широкую дорогу превратился. Простился юноша с матерью, простился с меньшим своим братом и в путь отправился.

Всю ночь шел, а на рассвете у высокой крутой горы очутился. Обошел он гору, смотрит — скала, в скале пещера светом дивным светится. В пещере старец сидит, ноги под себя поджал, от старца сверкающие лучи во все стороны расходятся. Вспомнил тут юноша, что мать им с братом про старца рассказывала, и сразу все понял. Подошел он к старцу, вежливо поклонился и говорит:

— Почтенный старец! Я всю ночь шел, от конца до конца дорогу прошел. Где же мне теперь ту девицу искать?

Начал тут бессмертный старец юношу хвалить.

— Ты смелый юноша! Всю ночь шел, от конца до конца дорогу прошел. Только девица та на высокой горе живет. Пойдешь на запад, перейдешь Тигровую гору, переберешься через поток Водяных чудищ и увидишь дом злой волшебницы. Превратила волшебница ту девицу в красный пион, в саду позади дома ее держит. Проберись в сад да направь на пион волшебное зеркальце. В тот же миг пион красавицей обернется. А теперь сам решай, пойдешь ты дальше или не пойдешь?

Подумал юноша и говорит:

— Уж раз я сюда пришел, не ворочусь домой без девицы.

Говорит старик:

— Коль не ведаешь ты страха, я тебе помогу. Возьми кнут да ниток клубок, я научу, что с ними делать. Только помни: струсишь — кнут да нитки свою силу потеряют.

Вынул тут старик кнут и моток белых ниток, научил юношу, что с ними делать, дорогу показал, куда идти.

Пошел юноша той дорогой, кружил, кружил и на вершину горы взобрался. Поглядел вперед — еще гора стоит. Камней там — словно деревьев в лесу, один другого чуднее. За горой черный туман клубится. Постоял юноша и пошел на ту гору. Идет он, идет, все круче, все выше взбирается, того и гляди, в пропасть свалится. Притомился, весь потом измошел, а тут с горы на него два тигра ринулись, сами огромные, шкура пятнистая. Вмиг перед юношей очутились, пасти разинули. Взмахнул тут юноша кнутом, раз, другой, третий и крикнул:

— Эй, тигры! Стражи горные! Прочь с дороги! Я по свету хожу, невесту ищу.

Только он это сказал, разом закрыли тигры пасти, опустили головы и прочь убежали.

Поднялся юноша на вершину. Вниз посмотрел, а там ущелье, ни камня в нем, ни деревца — только бурный поток мчится. Спустился юноша с горы, к самой воде подошел. Вынул моток, оторвал нитку, в воду бросил и крикнул:

— Эй, чудища, стражи водяные! Живо мост перебросьте с берега на берег. Я по свету хожу, невесту ищу!

Только он это сказал — зашумела, забурлила вода, в тот же миг чудища на зеленую поверхность всплыли. Хвосты рыбы, туловища да головы человечьи, в черепашьи панцири одеты. Стали чудища нитку тащить, на другой берег вытащили. А нитка та мостиком обернулась. Взмахнул юноша кнутом и пошел по мостику. Мостик узенький — одноразъединое бревнышко. Глянул юноша вниз: там вода зеленая, в воде чудища, к самым ногам подбираются, красными глазами на юношу смотрят. Испугался юноша, думает: «Мостик узенький, того и гляди, в воду свалишься». Подумал он так, и тотчас ноги у него подкосились, в голове помутилось. Ай-я! Бревнышко вмиг тонкой ниткой обернулось. Свалился юноша в воду, и чудища его на дно утащили.

Ждет мать старшего сына, а он все не идет. Вот уже и год прошел. Утешает себя старая, успокаивает, а сердце тревога гложет. Вот и третий день третьего месяца наступил. Говорит меньшей сын матери:

— Матушка! Год прошел, как мой брат ушел. Нынче я пойду невесту для себя искать!

Отвечает ему мать:

— Да ведь брат твой до сей поры не воротился, как же ты, сынок, не боишься идти?

— Он не воротился, а я непременно ворочусь.

Болят у матери сердце о старшем сыне, и говорит она:

— Иди, да себя береги. Хоть найдешь ты невесту, хоть не найдешь — все равно домой возвращайся. Только смотри про старшего брата все разузнай — где он да что с ним.

Пообещал сын сделать все, как мать велит. Ровно в полночь вышел он во двор, оборотил заветное зеркальце к юго-западу. Побежал от зеркальца белый луч, рос, рос и в широкую светлую дорогу превратился. До самых гор крутых протянулась та дорога. Простился меньшей сын с матерью и в путь отправился.

Всю ночь шел. На рассвете до конца дороги дошел, увидел старца бессмертного, от старца блестящие лучи во все стороны расходятся. Дал старец юноше кнут, дал ниток клубок, научил, что с ними делать надобно, и говорит юноше:

— В том году об эту пору твой брат сюда приходил. Упал он после в воду, и чудища его на дно утащили. Вот и решай, пойдешь ты дальше или не пойдешь.

Услыхал юноша, что старший брат в пропасть свалился, покатались у него из глаз слезы, и говорит он старцу:

— Будь что будет, а я все равно пойду.

Выслушал старик юношу, дорогу показал к той девице. Идет юноша, кнутом помахивает, через Тигровую гору перебрался, к бурлящему потоку подошел. Достал клубок, оторвал нитку, в воду бросил и крикнул:

— Эй, чудища, стражи водяные! Живо мост с берега на берег перебросьте! Я по свету хожу, невесту ищу!

Только он это сказал — забурлила, зашумела вода, в тот же миг чудища на зеленую поверхность всплыли. Хвосты рыбы, туловища да головы человечьи, в черепаши панцири одеты. Стали чудища нитку тащить, на другой берег вытащили. А нитка та мостиком обернулась. Идет юноша по мостику, а мостик узенький — одно-разъединное бревнышко. Помахивает юноша кнутом, вниз не глядит, на чудищ внимания не обращает. Не дрожат у него колени, не мутится в голове. Перебрался он бла-

гополучно через поток на другой берег. Гору перешел, другую одолел, вдруг смотрит — меж изумрудных кипарисов и зеленых сосен домик стоит. Только юноша к домику тому приблизился, чует — аромат дивный вокруг разлился. Не пошел юноша к воротам, обошел дом, как ему старец наказывал. Подошел, смотрит — двор стеной обнесен, из-за стены сад с цветами виднеется. Не стал юноша цветы разглядывать, ударил кнутом по стене, в тот же миг кнут веревочной лестницей обернулся. Забрался юноша по лестнице в сад, дернул лестницу, она опять кнутом обернулась. Отыскал юноша в саду пионы — зеленый да красный. Один другого краше, один другого ароматней. Направил юноша на цветок зеркало и крикнул:

— Люй-мэй! Зеленая сестрица!

В тот же миг цветок девушкой обернулся. Ее-то и видел юноша в зеркале.

Говорит юноша:

— Зеленая сестрица! Я за тобой сюда пришел. Давай убежим!

Окинула его девица взглядом с головы до ног — улыбнулась. Повернула голову, на красный пион посмотрела — брови нахмурила, из глаз слезы-жемчужины покатались.

— Не могу я уйти, не могу старшую сестрицу бросить. Пусть мы вырвемся из рук злой волшебницы, все равно весь век буду сердцем печалиться.

Сказала она так, а на красном пионе росинки заблестели, на каждом лепестке по жемчужине.

Все понял юноша, пригорюнился. Не нашел старший брат красную сестрицу, загубили его водяные чудища. А что сделаешь без его зеркальца? Тут говорит ему зеленая сестрица:

— Пойдем быстрее в дом, злая волшебница воротилась.

Только вошли они в дом, а уж волшебница на переднем дворе. Поглядел юноша в дверную щелку, видит — одета волшебница в шелка да бархат, только лицо и руки у нее волосатые. Постояла волшебница во дворе, носом повела, ткнула пальцем в дверь и давай ругаться:

— Ах ты, тварь, смерти своей ищешь! Как ты посмела человеком обернуться? Кто тебе дозволил чужого мужчину в дом привести?

Пнула волшебница дверь ногой, в щепы ее разнесла. Юбкой взмахнула — загудел в доме ветер. Только с зеркальцем тем никакие чары не страшны. Не смогла волшебница зеленую сестрицу опять в цветок превратить. Видит старуха, плохо дело, улыбнулась и говорит:

— Взгляни-ка, доченька, какой пригожий юноша! Я тебя за него замуж отдам.

Молчат юноша с девушкой, словечка не вымолвят. А злая волшебница и говорит:

— Ты ведь не знаешь, что в доме у нас видимо-невидимо мулов, лошадей, коров да овец. А нынче ночью воры явятся. Пусть юноша вместе со мной дом постережет, а завтра я тебя с ним отпущу.

Сказала так волшебница и прочь пошла. Опечалилась тут девушка и говорит:

— Изведет тебя старая колдунья. Ничего у нее нет — ни мулов, ни коней, ни коров, ни овец. Пошла она созывать волков, гадов ползучих, тигров да барсов.

Стал юноша девушку утешать:

— Есть у меня кнут волшебный, от волков, гадов ползучих, тигров да барсов спасает.

Успокоилась девушка. Отлегло у нее от сердца.

Привела злая колдунья юношу на пустынную гору, а сама исчезла. Вот и ночь настала. Смотрит юноша: ни мула, ни лошади, ни коровы, ни овцы — ничего нет. Только терновник растет. Вдруг видит — волки, гады ползучие, тигры да барсы пришли, сверкают зелеными глазами, а приблизиться не смеют. Выбрал юноша место поровнее, лег и проспал до самого рассвета.

Видит старая колдунья — не извести ей юношу, прикинулась, будто плачет, и говорит:

— Уж так я люблю мою доченьку! Коли уйдет она, умру от тоски. Думала я, думала и надумала вместе с вами уйти.

Услыхала это девушка, недоброе почуяла. Наверняка замыслила старуха сгубить их в дороге. Смекалистой была Люй-мэй и говорит старухе:

— Согласна я, чтоб ты пошла с нами, только не угнаться тебе за молодыми. Усталость одолеет. Ты, коли хочешь, можешь большой сделаться, коли надобно — можешь маленькой стать. Вот и сделайся маленькой, полезай в медную вазу. Я тебя на спине понесу. Руки тебе не попорчу, ноги не сломаю. Хочешь — спи. Хочешь — сиди. Хорошо?

А колдунья злая только про то и думала, как сгубить юношу и девушку. Услыхала она девушкины слова, жжалась вся, величиной с крысу сделалась. Прыг-скок — в медную вазу влезла, а Люй-мэй только того и надо. Заткнула она быстро вазу. Потом велела юноше крышку принести, крышкой вазу крепко-накрепко закрыла. И пошли они с юношей. Подо-

шли к ущелью Водяных чудищ, вазу в воду бросили. Села Люй-мэй на землю, заплакала. Плачет да приговаривает:

— Ах ты, проклятая колдунья! Извела ты нас с сестрой, измучила. В цветы себе на потеху превратила. Не могу я тебя бросить, сестрица! Когда-то мы теперь с тобою свидимся?

Плачет Люй-мэй, слезами обливается. Не выдержали тучи, заплакали. Дождинками-слезами землю полили. Не стерпели сосны — заплакали. Росинки-слезы на ветках засияли. Вспомнил тут юноша старшего брата, не стерпел и заплакал в голос. Заблестела тут мутная зеленая вода, рассеялись черные тучи. С небес бессмертный старец спустился в блестящем круге. Взмахнул старец своей палкой и крикнул:

— Эй, водяные твари, вынесите на берег юношу! Он по свету ходил, невесту искал!

Послушались чудища — рыбы хвосты, человечьи головы, черепаший панцирь, вынесли на берег старшего брата. А он будто и не был на дне потока у страшных водяных чудищ. Это волшебное зеркало с цветами водяного ореха его от порчи уберегло. Взял старец юношу за руку, к себе потянул. Хэй! Юноша на ноги встал, глаза протер и говорит:

— Никак, сон мне привиделся?

Увидел он младшего брата, обнял, а бессмертный старец поднялся ввысь и исчез.

Воротились братья в дом колдуньи, в сад вошли. Взял старший брат зеркало, на красный пион наставил и позвал:

— Хун-цзе! Красная сестрица!

В тот же миг оборотился цветок девушкой. Ее-то и видел старший брат в зеркале. Поглядела девушка на юношу, улыбнулась.

Рассеялись в горах темные тучи, сладилась у людей свадьба. Дождь-лась мать старшего сына с женой, дождалась меньшого сына с женой. И стали они жить в радости да согласии.

Наперед знаю, спросишь ты: «Разве такое бывает?» Все в сказке бывает. Подумай, пораскинь мозгами, и поймешь, какой в этой сказке смысл заложен.

Жил в старину юноша по прозванию Да-чжуан. Жил вдвоем с матерью в маленьком домике у самой горы. И в холод и в зной ходил он в горы хворост рубить, тем и кормился. Рос Да-чжуан в бедности, да вырос могучим, плечистым, высоким и на редкость простодушным. В былые времена все отец с матерью решали: за кого дочь замуж отдать, на ком сына женить, — не то свадьба, не то торги — не поймешь. Часто до смерти чадо свое доводили. И все едино им было — полюбят молодые друг дружку или не полюбят. Только бы в богатый дом чадо свое сбыть — и ладно. У богатого в доме три женских покоя, а то и четыре наложницы сразу; бедный весь век бобылем живет.

Заговорился я что-то, не про то речь пойдет. Так вот, вырос Да-чжуан, пора бы ему жениться, а он все один да один. Понимает он, что мать в том не виновата, худого слова ей не скажет, обиды своей не выкажет. Жара холод сменяет, осень — весну, год за годом проходит. Молчит Да-чжуан, а сам уже ни на что не надеется, опостылела ему жизнь.

Но вот однажды пригрело весеннее солнышко, цветы расцвели, всю гору пестрым ковром укрыли. Еще зеленой стали сосны, еще прозрачней вода в родниках. Зазвенели на все лады ручейки. Легкий ветерок подул, запели-защебетали птицы. Скоро полдень, а Да-чжуан знай хворост рубит, обо всем на свете забыл. Вдруг слышит — рассмеялся кто-то, звонко так да весело. Оглянулся — что за диво! Стоят под высокой каменной

скалой две девушки — две птички, смехом заливаются. Чуть не рядом с юношей стоят. И все ему видно. Одна девушка в зеленое одета; лицо — овальное яйцо утиное, глаза узкие, брови тонкие. Красавица, да и только! Другая девушка в красное одета. Лицо круглое, глаза большие, щеки румяные, зубы белые.

Росла на вершине скалы слива дикая, красным цветом усыпанная. Подпрыгнула девушка в красном, за сосну ухватилась, легко на самую макушку вскарабкалась. Вмиг до середины отвесной скалы добралась, да так ловко, будто ветром ее туда занесло. Хоть и привык Да-чжуан по горам лазить, а подивился. Взобралась девушка на вершину скалы, наклонилась, полную охапку сливовых цветов нарвала. Распрямилась, видит — юноша с нее глаз не сводит, рассмеялась и бросила в юношу цветок. И вот диво: ни вправо не упал цветок, ни влево, ни вперед, ни назад — прямехонько в голову юноше угодил. Растерялся юноша, покраснел. А девушка так и покатывается со смеху.

Говорит ей сестрица:

— Не шутки у тебя, а зло одно. Пошли лучше домой. Увидит отец — не до шуток будет.

Повернулись девушки и за каменной скалой исчезли. Стал юноша думать, стал гадать: «Чьи же это дочери сюда ненароком забежали?» А потом решил: «Не мое это дело», — и снова принялся хворост рубить.

На другой день Да-чжуан, как всегда, в горы отправился. Рубит он хворост, вдруг — шварк — камешек прямо перед ним упал. Обернулся юноша — меж сосен красное платье мелькнуло. Звонкий смех бусинками рассыпался. Заколотилось у юноши сердце, никак не успокоится.

На третий день девушка в красном с охапкой хвороста Да-чжуану навстречу вышла, смехом заливается. Глаза у нее еще яснее, щеки еще розовее.

Говорит юноша:

— Ты... — и ничего больше сказать не может.

Бросила девушка хворост, засмеялась и убежала. Взяла тут юношу досада. Ругает сам себя: «Рот деревянный, язык непослушный». Обо всем забыл юноша, только про девушку и думает. Насилу день прожил. Утром пришел, смотрит — девушка на травке у реки сидит. Расхрабрился юноша, дай, думает, подойду к красавице. А красавица рот рукой прикрыла, так и прыснула со смеху. Застеснялся юноша, остановился, дальше идти не решается. А девица головой кивает, зовет юношу. Подошел он. Как звать девицу, не знает и спрашивает:

— Ты откуда?

А девушка смеется и отвечает:

— Не все ли равно откуда? Давай лучше я тебе хворост помогу рубить. Посмотрим, кто больше нарубит!

Девушка то на дерево заберется, то вниз спрыгнет. Руки проворные, сама легкая. Ломает хворост, да никак ей за юношей не угнаться — чуть поменьше его наломала. Забралась девушка на сухое дерево, с треском верхушку обломала. Вдруг из лесу голос послышался:

— Эр-ни! Хватит тебе проказничать, не маленькая! Иди скорее, отец пришел!

Спрыгнула девушка с дерева, на одну кучу хвороста посмотрела, дру- гую взглядом смерила, головой мотнула и говорит:

— Ты верх взял, больше меня хворосту наломал. А теперь мне пора. Старшая сестра кличет.

Повернулась девушка, к лесу побежала. Обернулась, засмеялась и исчезла.

С той поры девушка частенько прибегала из лесу. Шутки шутит, сме- хом заливается, юноше хворост собирать помогает. Сказала она, что про- зывается Эр-ни — Вторая дочь, что она из семьи Ху¹, живет за высокой горой, а девушка в зеленом старшей сестрой ей доводится.

Уж так рад юноша, когда девушка к нему приходит, что небо вместе с ним радуется, земля веселится. Зашебечут птицы — чудится юноше пенье дивное. Зашумят на ветру листья — слышится юноше звонкий смех. И цветы будто краше стали и ручьи звонче. Вот бы взять такую девушку в жены. Думает так юноша, а красавице ничего не говорит, боится.

Приметила мать: уходит сын раньше, домой возвращается позднее. Хворосту еще больше приносит. Радует старая — трудолюбивый у нее сын, и тревожно ей — неладное чует. То веселится юноша, то вдруг за- думается, как потерянный ходит. Не стерпела мать, спрашивает:

— О чем печалишься, сынок?

И рассказал ей сын все как есть по порядку.

Говорит мать:

— Горы глухие да пустынные. Откуда там девушке взяться? Коли встретишь ее опять, приведи, я на нее погляжу.

¹ Ху — одна из распространенных в Китае фамилий. Слово это, только в другом написа- нии, значит «лисица». В сказках и средневековых новеллах лисы-оборотни обычно но- сят фамилию Ху.

Наутро пришел юноша в горы, а девушка на прежнем месте сидит — на самой верхушке скалы каменной. Голова вся цветами изукрашена. Взяла Эр-ни один цветок, в волосы юноше воткнула, а сама смеется-заливается.

Говорит юноша:

— Не будем мы нынче хворост рубить.

— Отчего же не будем? — спрашивает девушка.

Отвечает юноша:

— Моя матушка на тебя взглянуть хочет.

Обиделась девушка и говорит:

— Эх ты! Хочешь, чтоб мать тебе подходящую жену выбрала?

Сказала так девушка, плечами повела, повернулась и убежала.

Растерялся юноша, быстро догнал девушку, говорит, а сам запинаятся:

— Хочу я с тобой век вместе прожить, коли не брезгуешь, соглашайся.

Застеснялась девушка и говорит:

— Да это я так, шутки шучу. — Сказала и опять смехом залилась.

Посмотрел юноша на девушку и тоже рассмеялся, пот со лба вытер.

Привел юноша Эр-ни к себе в дом, стала она его женой. И до того трудолюбива была Эр-ни! За что ни возьмется — все у нее спорится. Нисколько не гнушалась девушка бедностью Да-чжуана. День-деньской щебечет да смеется. С нею и старуха мать словоохотливей стала. Только вскорости закручинилась вдруг старуха, брови нахмурила. Стала ее Эр-ни спрашивать, что да как. А старуха ей и отвечает:

— Не хочу я тебя обманывать, доченька, все наши припасы кончились, нечего больше в котел класть.

Засмеялась молодая невестка и говорит:

— Не тревожьтесь, матушка!

Сказала она так и убежала куда-то. Немного времени прошло, смотрит мать: невестка с целой корзиной риса воротилась. Глазам своим не верит старуха. Радуетя, а у самой сердце ноет. И спрашивает она невестку:

— Где ты рис раздобыла, доченька?

Ничего не сказала Эр-ни, рассмеялась и за стряпню принялась. Дни долгие, ночи длинные. Старуха мать и думать про этот случай забыла.

Год прошел. Родила Эр-ни мальчика. Живут они вчетвером — не нарадуются. Оглянуться не успели — мальчик бегать научился. Но вот однажды, когда солнце уже за гору село, шел Да-чжуан домой с вязанкой хвороста, вдруг видит — Эр-ни с каким-то стариком разговаривает.

Хотел он было подойти посмотреть, что за старик такой, опомниться не успел, как старик исчез. Эр-ни одна осталась. Подбежал к ней Да-чжуан, смотрит, а у Эр-ни из глаз слезы-жемчужинки катятся. Растревожился юноша, дрожит весь, ни разу не видел он, чтоб жена плакала. Не успел он и рта раскрыть, а Эр-ни ему и говорит:

— Должны мы с тобой, Да-чжуан, нынче расстаться.

Смотрит юноша на Эр-ни, глаза широко раскрыл. Ему и во сне такое привидеться не могло, думает: может, ослышался. А жена опять ему говорит, да тихо так:

— Искал меня отец, искал и нашел наконец. А теперь с собою увести хочет.

Понял тут Да-чжуан, что приключилось, заныло у него сердце, и спрашивает:

— Уйдешь ты, значит, от меня?

— Не моя на то воля, отец неволит. Забудь обо мне, будто и не было ничего промеж нас. Никогда мы больше с тобою не свидимся. — Сказала она так и заплакала горько-горько.

Не стерпел Да-чжуан, уронил слезу и говорит:

— Не можем мы с тобою расстаться!

Ничего на это не ответила Эр-ни. А потом говорит:

— Надумал мой отец в дальние края податься. Ты сейчас воротись домой. А после, если не забудешь меня, иди на юго-запад, пройдешь тысячу верст, увидишь старую акацию. Десять тысяч лет ей. Под той акацией пещера есть в сто верст длиной, там и найдешь меня.

Закивал Да-чжуан головой, согласен, мол. Вдруг Эр-ни наклонила голову, что-то выплюнула, красное и блестящее, вложила в кулак юноше и говорит:

— Нечего тебе будет есть, попроси у жемчужины, скажи: «Жемчужина, жемчужина, дай мне еды!»

Посмотрел Да-чжуан на жемчужину, а она величиной с боб. Поднял голову — Эр-ни и след простыл, сидит у его ног на задних лапах огненно-красная лиса, из глаз у нее слезы на землю капают. Присел Да-чжуан на корточки и говорит:

— Возьми свое сокровище обратно, Эр-ни. Ты тварью оборотилась, а без тебя не видать мне счастья.

Замотала лисица головой. Хотел Да-чжуан ее на руки взять, вдруг слышит — за спиной у него кто-то кашлянул. Оглянулся — нет никого, а потом смотрит — и лисица исчезла. Чуть умом не тронулся юноша,

ищет везде — ни следа лисьего нет нигде, ни тени. Тут ночь наступила. Делать нечего, пришлось домой воротиться.

День и ночь думает Да-чжуан про Эр-ни, кусок ему в горло не идет. Сын с утра до вечера плачет, мать ищет. Старуха по невестке тоскует, внучонка жалеет, смотрит, как плачет дитя малое, и сама слезами обливается. Слез тех на целую заводь хватило бы. Горе радость сменило. А время бежит. И вот решил Да-чжуан в путь отправиться, Эр-ни искать. Наказала мать сыну взять жемчужину с собой. Все готова старая терпеть — голод, нужду, только бы сын Эр-ни нашел и домой с ней воротился. Собрала старая сына в дорогу, сухих лепешек ему положила, да не про то речь.

Отправился юноша в путь. Ветер его насквозь пробирает, иней, дождь да роса мочат, ведро ненастье сменяет. Уж и не знаю, сколько дней, сколько ночей он шел, год целый, а то и больше прошел. И увидел он наконец ту акацию. Недаром десять тысяч лет ей — вдесятером не обхватишь. Под акацией пещера, глубокая-преглубокая, дна не видать. Радуется Да-чжуан, только страшно ему. Эх, думает, будь что будет. И начал вниз спускаться. А дорога — косогор крутой, и темным-темно. Пришлось юноше ощупью пробираться.

Идет он день, идет ночь, еще день, еще ночь, вдруг видит — светло стало. Еще немного прошел — вдалеке высокая арка и большие ворота показались. Ворота лаком черным крытые. Подошел юноша к воротам, подергал за кольцо — ворота распахнулись. И увидел юноша девицу в зеленом платье, ту самую, которую Эр-ни своей старшей сестрой называла. Смотрит девушка на Да-чжуана, глазам своим не верит, одолела ее тревога, спрашивает:

— Ты как сюда попал? Вернется отец — не поздоровится тебе.

— Будь что будет, только надобно мне с Эр-ни повидаться.

Вздыхнула девушка, ворота заперла и говорит:

— Иди за мной.

Двор просторный, во дворе дом стоит, в доме с каждой стороны по флигелю — все из одноцветного кирпича сложены, черепицей крыты. Привела девушка Да-чжуана в восточный флигель, пальцем на кан показала:

— Вот она, Эр-ни.

Смотрит Да-чжуан — там лиса лежит. Тяжко стало у него на сердце. Вмиг вытащил он из мешка волшебную жемчужину. А лиса как увидела юношу, так и кинулась к нему. Рот раскрыла, а сказать ничего не может.

Положил тут юноша лисице в рот жемчужину, перекувырнулась лисица, смотрит юноша — опять Эр-ни перед ним стоит. Обрадовался сперва Да-чжуан, потом сердце у него заныло. Похудела Эр-ни, вроде бы старшей стала. А Эр-ни взяла его за руку, смеется. Смеялась, смеялась и как заплачет вдруг! Тут у ворот чей-то голос послышался. Испугалась старшая сестра и говорит:

— Прячься скорей! Отец воротился.

Да-чжуан от злости даже глаза вытаращил. Рванулся вперед. А сестра Эр-ни его легонько рукой отталкивает. Потом ушла, а сама дверь заперла.

Говорит Эр-ни:

— Станет отец тебя потчевать, крошки в рот не бери.

Только она это сказала, входит во двор старый лис, носом шмыгает, принюхивается:

— Чую человеческий дух. Чую человеческий дух!

А старшая дочь ему отвечает:

— Откуда тут человечесьему духу взяться? Это ты ходил-бродил, чужой земли на ногах принес.

Отвечает старый лис:

— Не я принес. Чужой пришел. Чую человеческий дух! Чую человеческий дух!

— Не чужой пришел, муж Эр-ни пожаловал.

А Да-чжуан уже все наперед прикинул. Не отдаст ему старый лис Эр-ни, он будет насмерть драться с ним. Тут как раз послышался во дворе хохот старого лиса. Расхохотался он и как закричит:

— Пусть муж Эр-ни живо ко мне выйдет! Поглядеть на него хочу!

Отперла старшая дочь дверь. Вышел Да-чжуан, смотрит — перед ним белолицый старец стоит, атласная куртка на нем. Увидал он юношу, стал рукой его манить да звать:

— Иди-ка быстреей наверх, в северную комнату. Небось проголодался? Попотчую тебя на славу!

Поднялся юноша вслед за старцем в комнату. В комнате стол стоит, лаком крытый, блестит. А на столе том яств видимо-невидимо: десять блюд да еще восемь чашек. И чего только нет. Курятина, рыба — ароматный дух прямо в нос бьет. У Да-чжуана в животе урчит, почитай, день целый не ел. Но крепко-накрепко запомнил он, что Эр-ни ему наказывала. И так его упрашивал белолицый старец, и эдак уговаривал — ни крошки юноша не взял.

Говорит старец:

— Не хочешь овощи — лапши отведай.

А юноша на своем стоит, к еде не притрагивается. Старец сам юноше отвар лапши подает, говорит:

— Не хочешь лапши — выпей хоть отвару.

У юноши во рту пересохло, аж сердце от жажды горит, и думает он: «Эр-ни только есть не велела, а про питье вроде бы ничего не сказала. Выпью немного, авось обойдется». Взял юноша у старца чашку с отваром, стал пить. Пьет-пьет и не заметил, как лапшинка в рот проскочила.

Вернулся юноша во флигель и стал животом маяться.

Спрашивает Эр-ни:

— Ел ты у отца, когда он тебя потчевал?

— Не ел, только отвар из лапши пил, да вот не заметил, как лапшинка в рот проскочила.

Стала его Эр-ни укорять:

— Зачем же ты отвар пил? Не лапшинка тебе в рот проскочила, змея ядовитая. Изведет она тебя.

Аж подскочил юноша с перепугу, а Эр-ни ему и говорит:

— Чтобы от змеиного яда уберечься, надобно белую жемчужину добыть. А отец ту жемчужину во рту держит. Дам я тебе жбан вина, возьми его, и вместе пойдем к отцу.

Пришли они в северную комнату, а старец о ту пору как раз спать собрался. Говорит ему Эр-ни:

— Отец, мой муж из дальних краев пришел, ничего он с собой не принес, только жбан отменного вина, чтоб уважение тебе выказать. Вино это на коричневых цветах настояно.

Сказала так Эр-ни, сняла со жбана крышку. Такой аромат разлился по комнате, что и рассказать невозможно. А старец как увидел вино, обо всем забыл, схватил жбан двумя руками и давай пить.

Все до капельки выпил — захмелел, податливым стал, как глина. Тут Эр-ни и вытащила у него изо рта белую жемчужину. Старец не заметил, как лисом обернулся. Эр-ни взяла жемчужину, бросила ее в чашку с водой и велела Да-чжуану выпить. Забулькало у юноши в животе и болеть перестало.

Вытащила Эр-ни из чашки жемчужину, положила себе в рот, взяла Да-чжуана за руку, и побежали они. Бегут — земли под собой не чувят. Выскочили из пещеры. Дня не прошло, а они уж воротились. И стали они опять жить все вчетвером в радости и довольстве.

В глубокую старину, уж и не помню, какой император о ту пору правил Поднебесной, жил на свете сильный, умный и пригожий юноша по прозванию Чжу-цзы. Ему давно сровнялось двадцать, а он все еще не был женат. Никогда не жаловался Чжу-цзы на свою одинокую жизнь, хотя его частенько одолевала грусть. Говорит ему однажды мать:

— Ох, сынок, и без того в нужде да бедности мы с тобой живем. Так в нынешнем году нас еще императорские чиновники обобрали. Отняли все, что уродилось на клочке нашей тощей земли. Кто же замуж за тебя пойдет, если мы сами себя прокормить не можем?

Прошло месяца три с лишком. Вот уже и Новый год скоро. Неплохо бы, думает мать, пельменями в праздник полакомиться. А то ничего они с сыном не едят, одни отруби да траву горькую. Только нет в доме белой муки на пельмени, откуда ей у бедняков взяться? Хорошо еще, что гао-ляновой с полмеры осталось! Но из одной муки пельмени не сделаешь, начинка нужна, а овощи дорого стоят. Придется одной редьки купить.

Позвала мать сына и говорит:

— Осталось у нас, сынок, десять монеток, возьми их, сходи на базар да купи редьки. Я пельменей наделаю.

Взял Чжу-цзы деньги, отправился на базар. Только дошел до овощного ряда, вдруг видит — старик стоит, старинными картинками торгует. На одной картине девушка изображена, красоты такой, что и рассказать невозможно. Залюбовался юноша, глаз отвести не может. Смотрел, смотрел — и влюбился. Не стал Чжу-цзы раздумывать, отдал последние десять монет старику, взял картину и пошел домой.

Увидела мать, что сын вместо редьки картину принес, вздохнула и думает: «Не придется нам, видно, пельменей поесть», а сама молчит, слова сыну не скажет.

Отнес Чжу-цзы картину к себе в комнату и пошел заработка искать. Воротился он вечером домой, зажег свечку, вдруг слышит — зашелестело что-то: хуа-ла-ла. Что это? Не мог же ветер пробраться в дом. Поднял юноша голову, смотрит — картина на стене будто качается. В одну сторону качнулась, потом в другую. Что за диво? Красавица сошла с картины, села рядышком с Чжу-цзы. Рад юноша, и боязно ему. Тут дева улыбнулась, заговорила, и весь страх у юноши как рукой сняло. Ведут они меж собой разговор, а любовь их все жарче разгорается. Не заметили, как ночь прошла. Но только пропел петух, девушка на картину вернулась. Ждет не дождется юноша вечера — сойдет красавица с картины или не сойдет? Наступил вечер, и красавица снова пришла к юноше.

Так продолжалось около месяца. Но вот однажды дева сошла с картины печальная, с поникшей головой. Стал Чжу-цзы допытываться, что ее опечалило. Вздохнула девушка и говорит:

— Полюбила я тебя, и не вмоготу мне смотреть, как ты с утра до ночи трудишься, а все равно в бедности живешь. Хочу я тебе помочь, да только боюсь на ваш дом беду накликасть.

Тут юноша с жаром воскликнул:

— Как вспомню, что вечером увижу тебя, так радостно становится на сердце, что не боюсь я ни бедности, ни голода.

Не дала ему дева договорить и спрашивает:

— Разве справедливо, что ты в такой горькой нужде живешь? Вот тебе двадцать монеток, завтра сходи на базар, купи немного шелковых ниток. Только смотри, как бы кто про меня не узнал.

Все сделал Чжу-цзы, как ему велела красавица. А вечером сошла она с картины и говорит:

— Ложись-ка ты спать, а я поработаю.

Вот и первый петух прокричал. Рассвело. Открыл Чжу-цзы глаза и зажмурился: вся комната так и сверкает от шелка да атласа, — красавица за ночь их наткала. Смотрел на них юноша, смотрел, будто замороженный, потом к матери кинулся. Увидела мать, замерла, глазам своим не верит. Тут рассказал ей сын все по порядку: как каждый вечер спускалась к нему дева с картины, как они полюбили друг друга, как дала она ему двадцать монет и велела немного шелковых ниток купить, как,

наконец, лег он спать, а утром проснулся и видит: вся комната так и сверкает от шелка и атласа.

Услышала мать, обрадовалась, а самой боязно: ведь неспроста все это. Подумала она так, а сыну ничего не сказала. Отнес Чжу-цзы шелка и атлас на базар и воротился домой с целой кучей денег. С той поры зажили мать и сын в довольстве.

Но вот однажды утром, когда Чжу-цзы ушел в поле, а мать хлопотала по хозяйству, явился монах-даос, который по деревьям собирал подаяние. Посмотрел он на старую женщину, испуганно вскрикнул и говорит:

— Вижу я на твоём лице знак волшебства.

Вспомнила тут женщина, что рассказал ей сын о волшебной картине, задрожала от страха.

А монах опять говорит:

— Если не хочешь, чтоб горе и смерть пришли к тебе в дом, отдай мне немедленно картину. Там красавица нарисована, она для вас шелка да атлас ткёт.

Как услышала женщина, что монах все про картину знает, ещё больше испугалась. Бросилась в комнату, сорвала картину со стены, свернула её и уже направилась к выходу, но тут услышала тяжёлый вздох. Это красавица вздохнула и говорит чуть не плача:

— Скажи сыну, что я в дальних краях. Если он любит меня, пусть идет в страну Сию¹. Буду ждать Чжу-цзы весь век, пока не дождусь.

Ничего не ответила бедная мать. Поспешила она отдать монаху картину, а сыну решила ничего не говорить: пусть лучше забудет Чжу-цзы свою красавицу.

Воротился юноша с поля домой, видит — нет на стене картины с прекрасной девой, один гвоздик остался. Бросился он к матери. И рассказала она сыну про монаха-даоса, который предсказал им горе да беду, если она не отдаст ему картину. Нечего и говорить, как закручинился юноша. Лег он на кан, пролежал до самого утра, захотел встать — не может: тяжёлый недуг его одолел. Каких только лекарей не призывала мать! Каких только снадобий не давала сыну! Все напрасно. День ото дня слабел юноша, и мать видела, что смерть уже совсем близко. Села она к сыну на кан, заплакала и говорит:

¹ Сию — букв.: страна Запада, где, по представлениям древних китайцев, находилось царство мертвых.

— Чжу-цзы, Чжу-цзы, сыночек мой единственный, никогда я ничего не делала против твоей воли. Пусть будет так, как ты хочешь. Вижу я, ты умираешь от любви.

Отвечает ей сын:

— Не стану тебя обманывать. Мне бы только разочек на нее взглянуть, вся моя хворь мигом бы прошла.

Сказал так Чжу-цзы, и из глаз у него слезы закапали.

Говорит ему мать:

— Эх, Чжу-цзы, я и сама теперь поняла, что не надо было монаху картину отдавать. А сейчас послушай, что я тебе скажу. Сняла я тогда со стены картину, свернула ее и пошла отдавать даосу, вдруг слышу — будто кто-то тяжело вздохнул, а потом дева чуть не плача говорит мне: «Скажи сыну, что я в дальних краях. Если он любит меня, пусть идет в страну Сию. Буду ждать Чжу-цзы весь век, пока не дождусь». Не хотела я тебе про то сказывать, думала, забудешь ты ее, да, видно, не бывать тому. Только где эта страна Сию, никто не знает, да и болен ты сейчас.

Но в сердце Чжу-цзы уже загорелась надежда. С каждым днем ему становилось все лучше и лучше.

И вот однажды мать положила в холщовый мешочек все деньги, которые они выручили от продажи шелков и атласа. Чжу-цзы вывел за ворота коня, вскочил на него, взял мешочек с деньгами, махнул матери на прощанье рукой и поскакал на запад.

Много ли, мало ли дней прошло — трудно сказать, только все деньги, что были в полотняном мешочке, Чжу-цзы истратил: даже коня давно продал, чтоб за еду да за ночлег платить, а страну Сию все не видать да не видать. Пришлось Чжу-цзы на поденную работу наняться. Заработал он немного денег и снова в путь отправился.

Много дней шел юноша. Притомился, про деву вспомнит и опять идет, будто силы в нем прибавилось. Все реже попадались юноше деревни, часто приходилось ночевать в поле.

Однажды он за весь день так и не встретил ни одного селения. Во рту у него не было ни капли воды, ни одной рисинки. А ночевать снова пришлось под открытым небом. Проснулся он на следующее утро, вдруг видит — поблизости небольшой овражек. Обрадовался Чжу-цзы, побежал к овражку, смотрит — воды там нет, ручей давно пересох. Пошел юноша вдоль оврага и вдруг заметил небольшую ямку, в ямке — вода. Спустился юноша вниз, присел на корточки и только хотел напиться, как вдруг откуда ни возьмись маленькая черная рыбка. Посмотрел на нее Чжу-цзы и говорит:

— Рыбка, рыбка! Выпью я эту воду — ты и часу не проживешь, не выпью — сам умру от жажды. Но двух дней не пройдет — ты все равно умрешь, потому что вода эта высохнет. Как же мне быть?

Думал, думал юноша и надумал. Взял платок, смочил водой, завернул в него рыбку, что осталось на дне, выпил и пошел дальше.

Много ли он прошел, мало ли, про то я не знаю, только солнце уже стало клониться к западу. Вдруг видит Чжу-цзы — река перед ним широкая с севера на юг течет. Глубины такой, что, сколько ни смотри, дна не увидишь. Пригорюнился Чжу-цзы, сел на берегу, не знает, что делать. Вдруг вспомнил о рыбке и говорит:

— Не знаю, что сам буду делать, а ты, рыбка, плыви себе на здоровье!

Сказал так юноша и выпустил рыбку на волю. Рыбка только чешуей блеснула на солнце и тотчас исчезла. Поглядел юноша направо, поглядел налево: нет реке конца, словно в небо она вливается. И лодки нигде не видно. Как же перебраться на другой берег? Неужели он никогда больше не увидит своей возлюбленной? Опустил юноша голову и пошел прочь.

Идет, идет, вдруг слышит — кто-то его окликнул:

— Чжу-цзы!

Оглянулся — нет никого. Померещилось, верно, думает юноша, кто это мог звать его здесь по имени?

И вдруг опять слышит:

— Чжу-цзы, Чжу-цзы, погоди!

Оглянулся Чжу-цзы и на этот раз увидел юношу высокого роста, одетого в черное.

Спрашивает юноша:

— Хочешь на тот берег перебраться?

Отвечает Чжу-цзы:

— Хочу, да не знаю как.

Говорит ему юноша:

— Твоей беде я могу помочь, мигом мост выстрою.

Сказал так юноша, обломил ивовый прутик, в реку бросил. В тот же миг прутик узеньким мосточком обернулся. Так обрадовался Чжу-цзы, что забыл поблагодарить юношу, побежал по мостику, а когда ступил на берег и оглянулся, ни моста, ни юноши уже не было. Только маленькая черная рыбка весело плескалась в воде.

Пошел Чжу-цзы дальше. Поднялся на гору, смотрит — внизу, в долине, небольшая деревушка. На северном ее краю двухэтажный дом

высится, в воротах старый монах-даос стоит. Видит Чжу-цзы, что солнце совсем уже низко, и решил на ночлег попроситься. Долго хмурил брови старый даос, насилу согласился пустить юношу в дом и отвел его в правый флигель. Пришли они в комнату, а там стены цветной бумагой оклеены. Кровать стоит да маленький столик.

Говорит монах:

— Ложись спать, только, смотри, ничего не трогай.

Сказал так и ушел.

Лег Чжу-цзы и думает: «Что здесь трогать, когда в комнате ничего нет». Думал он думал, и тревога его одолела. Ворочается юноша с боку на бок, никак не уснет. Вдруг ненароком рукой до стены дотронулся. Замерло у юноши сердце. Что это? Под бумагой маленькая дверка оказалась. Оборвал юноша с этого места бумагу, по комнате лунная дорожка побежала. Приоткрыл Чжу-цзы дверцу, смотрит — сад, в саду тропинка прямо к беседке ведет, в беседке огонек светится. Вдруг из беседки вышла женщина. Чжу-цзы тотчас захлопнул дверцу, но в серебристом свете луны успел разглядеть ее лицо. Это была его красавица, та самая, которая каждый вечер спускалась к нему с картины, его возлюбленная, которую он так долго искал. Юноша снова приоткрыл дверцу и крикнул:

— Неужели ты?

Женщина сделала ему знак, чтоб молчал, потом подошла и тихонько сказала:

— Вот и пришел ты в страну Сию. Я знала, что ты меня найдешь. А теперь давай убежим отсюда. Я похитила у старого даоса волшебный меч и убью его, если он будет гнаться за нами.

Сказала так женщина, оторвала полу своего халата, постелила на пол и велела Чжу-цзы встать на нее рядом с собой. Только он встал, как пола облаком обернулась и начала подниматься вверх, в самое небо. Летит Чжу-цзы на облаке — словно в паланкине его несут.

Вдруг красавица наклонилась к нему и говорит:

— Погнался все-таки старый монах за нами, но ты не бойся, закрой глаза и не оглядывайся, пока не скажу. Я и одна с ним справлюсь.

Сказала так красавица, вытащила волшебный меч. В тот же миг ударил гром, засвистел ветер, зашумел ливень. Страшный крик потряс все вокруг. Вслед за тем наступила тишина. Приказала тут женщина Чжу-цзы глаза открыть. Смотрит юноша — они с красавицей на твердой земле стоят. А у их ног лежит обезглавленный оборотень.

**Не увидев Желтый лотос,
сердце не остановится**

сказка народа хуэй

Есть пословица: «Не увидев Хуан-хэ, сердце не остановится». Только вот понимают ее часто неверно. Не про Желтую реку — Хуанхэ — идет речь, а про Хуан-хэ — Желтый лотос. И рассказывают о том такую печальную историю.

Давным-давно жила у нас в горах Люпаньшань семья хуэй — дунган, по фамилии Хуан. Глава семьи старик Хуан вел хозяйство, благо и земля имелась, и вол. Но вот беда — не было у старика сына, только дочь. К счастью, выросла она красивой: белые щеки словно розовым светом просвечены, улыбнется — будто цветок раскроется, ну точь-в-точь свежий водяной лотос. Старик Хуан души в ней не чаял и имя выбрал красивое — Хуан-хэ, что значит Желтый лотос.

Когда дочке исполнилось восемнадцать и настала пора подумать о замужестве, отец велел ей перебраться в глиняную башню, шить одежду, украшать узорами туфельки да подвески и ждать сватов. Разве мог он знать, что, сколько бы женихов ни обивало порог, ни толпилось у ворот, — Хуан-хэ никому согласия не даст. В конце концов от беспокойства у отца под глазами синие круги легли.

Надо заметить, что задняя стена глиняного терема выходила на крутой утес, а под ним бежала и уходила вдаль узкая извилистая тропинка. Как-то утром вышивала Хуан-хэ у окна подвеску, вдруг слышит — свирель запела. Выглянула в окно, видит: пастух лет этак двадцати гонит барашков и на бамбуковой свирели наигрывает. С того самого дня стал он часто под ее окном хаживать, а девушка в тереме привыкла его игру

слушать. Прошло время, и начали они словечком-другим перекидываться, а потом и разговоры вести. Пастух узнал, что девушку зовут Хуан-хэ, а она узнала, что он батрачит на богатея в их деревне, что зовут парня Си-юй — Радостный дождь и он тоже хуэй — дунганин.

Каждое утро, когда Си-юй, играя на свирели, проходил с овцами мимо, Хуан-хэ спускала ему на веревочке кусок лепешки, а вечером, когда он под напевы свирели гнал стадо обратно, девушка спускала из окошка печеной картошки ему на ужин. А однажды она и сама спустилась вниз по пеньковой веревке и отправилась вместе с Си-юем в горы пасти стадо. Бамбуковая свирель заменила им сваху, песенки — поручителя, и у чистого источника юноша и девушка сговорились быть вместе до конца своих дней. В знак сговора Си-юй сорвал лилию и прикрепил к волосам возлюбленной. А та в знак согласия привязала к его свирели вышитую подвеску в виде колоса с кистью. Поглядели они на свое отражение в источнике и заулыбались.

— У твоих родителей нет сына, вот я и буду вместо него в вашем доме, — сказал Си-юй.

— А кто будет кормить твою мать? Давай возьмем ее к нам, и две семьи превратятся в одну, — ответила Хуан-хэ.

На одной горе дождь, на другой — ведро, всем хорошим делам на свете трудно вершиться! Узнал старик отец про тайный сговор Хуан-хэ и Си-юя и от злости на три чи подпрыгнул. Запер дочь в глинобитном тереме, на двери замок навесил, заднее окно камнями заложил, глиной обмазал и в нее острых шипов навтыкал. А сам направился к Си-юю, злой-презлой, аж борода торчком встала.

— Парень перелезает через низкие ворота, а девушку выдают в дом с высокими воротами¹. Коль род твой худой, и не мечтай взять в жены мою золотую веточку, нефритовый мой листочек, желтый мой цветочек! Жалкий ты червяк, Си-юй!

И так себя старик распалил по дороге, что когда пришел к юноше, то схватил палку, которой осла погоняют, и давай Си-юя дубасить.

С того дня пастух не встречался больше с девушкой. В душе его поселились горечь и гнев. Стал он чахнуть, все сильнее и сильнее. Увидал хозяин-богач, что юноша с работой справляться перестал, и отправил его обратно домой.

¹ Дом с высокими воротами — знатный, богатый дом.

Дом Си-юя был в ста ли от той деревни, вернулся он к матери совсем больной и слег. Не ест, не пьет, не разговаривает, светлым днем и темной ночью лишь о Хуан-хэ и думает. У матери же, кроме него, никого нет, ухаживает она за сыном и плачет, от слез даже слепнуть начала.

Да что проку в плаче? Умирает сын. Взял он перед кончиной мать за руку и сказал ей, что в душе скрывал:

— Мама! Умирает твой сын от дум по девушке Хуан-хэ. Умру я, останешься ты, старая, без кормильца. Но слушай: когда обмывать меня будете, сердце мое изо рта выскочит. Пойди с ним к тому горному источнику, где мы с Хуан-хэ союз заключили, набери в чашку воды и положи в нее мое сердце, а свирель, к которой подвеска в виде колоса с кисточкой привязана, положи поперек чашки. Сердце тотчас же забьется, а свирель запоем нескончаемую песню. Исходить она будет из моего сердца, которое ради Хуан-хэ только и забьется. Пока не увидит оно девушку — не остановится, и свирель звучать не перестанет. Возьми чашку с сердцем и свирель и иди просить подаяние, люди не обидят. До какой области дойдешь, там и прокормишься, до какого уезда дойдешь, там и сыта будешь. Считай тогда, что сын тебя кормит. — Сказал так Си-юй и закрыл глаза.

Горько плакала, убивалась старая матушка. Когда же стали обмывать тело сына, и впрямь красное сердце у него изо рта выскочило. С трудом, но отыскала все-таки старушка тот родник, подле которого Си-юй и Хуан-хэ о вечном союзе сговорились, и сделала все, как наказывал сын. И сердце его вдруг забилось, а свирель запела так печально, что у всех, кто слышал эти звуки, душа разрывалась. Стала слепая матушка с этими диковинами по деревням ходить, в ворота стучаться, просить на пропитание. Так и жила год за годом.

Однажды брела она мимо того самого источника и видит: идет ей навстречу шествие со свадебным паланкином, судя по всему, невесту несут к жениху. Шум-гам стоит на всю округу. Поняла слепая, в чем дело, и поскорее пройти хотела. Но вдруг разукрашенный паланкин остановился прямо перед нею. Оказывается, невеста-то была не кто иная, как Хуан-хэ. Она сидела в паланкине и плакала и, когда услышала щемящий напев свирели, крикнула, чтобы носильщики остановились.

Хуан-хэ вышла из паланкина и увидела слепую на оба глаза седую старушку. В руках у той пиала с чистой родниковой водой, в воде розовое сердце плавает, поперек пиалы свирель лежит. Сердце бьется, не останавливается, звуки свирели душу девушке бередают, а подвеска-то у сви-

рели в форме колоса с кисточкой, та самая, что когда-то своими руками привязала. Вмиг поняла она все.

А слепая матушка горестно причитает:

— Подайте слепой, подайте незрячей!

— Мама! — вскрикнула девушка и бросилась на колени перед старухой. Догадалась тут старая, кто перед ней, и рассказала, как болел Си-юй, как умер. Обнялись они обе и заплакали, от плача этого горы зашатались, небо потемнело.

А старик Хуан свою дочь Хуан-хэ торопит скорей в паланкин садиться. Но та стоит не шевелясь, пиалу в руках держит, на сердце глядит, свирель слушает. Слезинки капля за каплей в чашку с водой падают. Падали, падали, и вдруг сердце в пиале биться перестало. Ведь говорилось уже, что Си-юй перед смертью сказал: «Не увидев Хуан-хэ, сердце не остановится». А увидело — и замерло. Вместе с ним и свирель смолкла.

Вновь старик Хуан дочь торопит, заставляет в паланкин садиться. Хуан-хэ все украшения с головы снимала, слепой матушке сунула да велела ей поскорее уходить. А потом взяла в руки расписную пиалу с сердцем Си-юя и бросилась со скалы, что возле родника. Пронесся в тот миг над горами гул, вода в роднике, смешанная с кровью, покраснела, какая-то тень вылетела из пиалы и воспарила к облакам. Хоть и неясная она была, но по свирели у нее в руках все поняли, что это Си-юй.

А Хуан-хэ? Горный родник тотчас превратился в прозрачное озеро, а капли крови девушки — в бутоны лотосов. Среди тысяч розово-красных цветов оказался один большой золотисто-желтый, нераскрытый. Только глубокой ночью, когда все затихает и Си-юй в облаках начинает наигрывать на своей свирели, а с неба падают тонкие нити дождя, окропляя лотосы посреди озера, — тогда раскрывается и большой золотисто-желтый бутон. Пестик его выплывает наружу и, омываемый дождем, танцует на лепестках под звуки свирели Си-юя.

Жил в Небесном дворце шэньсянь — бессмертный старец, и было у него семь дочерей, все уже взрослые. Самой младшей восемнадцать сравнялось. Отец очень боялся, как бы девушки не стали думать о земной жизни, а пуще того боялся, как бы они не нашли себе женихов в мире людей. Потому-то держал их старик в строгости, не велел им гулять, не велел развлекаться, и сидели они, бедненькие, во дворце, смертной скукой мучились.

Звали младшую дочь Ци-цзе¹. Уж очень хороша была собой девушка. И вот однажды, когда Ци-цзе отдыхала в своих покоях, ее слуха коснулись прекрасные звуки флейты, они доносились в Небесный дворец из мира людей. Флейта пела так сладко, что Ци-цзе невольно заслушалась. Ей не терпелось узнать, кто это играет, и вместе с пятнистым оленем, который прислуживал ей, она тихонько вышла из дворцовых покоев посмотреть сквозь облака на землю.

Стояла весна. В мире людей наливались пурпуром персики, зеленели ивы. Парами летали ласточки. Молодые супруги пропалывали поле зеленой пшеницы, пели песни. Зависть взяла Ци-цзе.

Повернулась Ци-цзе в ту сторону, откуда доносились звуки флейты, смотрит — молодой крепкий юноша сидит под развесистой ивой, на флейте играет. Глядит на него девушка, глаз отвести не может. Глядела, глядела и влюбилась.

Догадался олень, о чем его хозяйка думает, и говорит ей на ушко:

¹ Ци-цзе — букв.: седьмая дочь.

— Ты посмотри, Ци-цзе, как хорошо у людей! Вот бы спуститься к ним погулять!

Ци-цзе только головой кивнула.

А олень опять за свое:

— Видишь, юноша играет на флейте? Уж до того трудолюбив! С рассвета дотемна косит в горах траву! По нраву он тебе?

Покраснела Ци-цзе от стыда, а сама кивнула оленю головой и говорит:

— По нраву-то по нраву, только неизвестно, хороший он человек или дурной.

— Я вмиг это узнаю, хочешь, вниз спущусь?

Согласилась девушка, и олень стал потихоньку спускаться на землю.

Юношу, который под ивой сидел и на флейте играл, звали Ван Сань. Был он круглым сиротой, косил траву, тем и жил.

Кончил Ван Сань играть, поднялся, взял косу и только хотел за работу приняться, как вдруг видит — олень к нему бежит по дороге. Подбежал олень к Ван Саню, подогнул передние ноги, поклонился и стал просить:

— Спаси меня, братец косарь! Спрячь поскорее! За мною волк гонится!

Спрятал Ван Сань оленя в копну, а сам на дерево залез. В тот же миг волк появился. Подбежал волк к дереву, запыхался весь и спрашивает Ван Саня:

— Не видел ты, не пробегал олень по дороге?

Махнул Ван Сань рукой на запад и отвечает:

— Видел, он вон куда убежал.

Услышал это волк и помчался дальше, на запад.

Вылез тут олень из копны и давай благодарить Ван Саня. Потом спросил, велика ли у юноши семья.

Вздыхнул Ван Сань и отвечает:

— Эх, один я на белом свете. Один ложусь, один встаю.

Спрашивает его олень:

— Отчего же тогда не приведешь в дом жену?

Отвечает юноша:

— Беден я, кто жс за меня пойдет?

Говорит олень:

— Не печалься, братец Ван Сань! При твоём трудолюбии да не найди себе жены?! Вот погоди, я тебя сосватаю!

Отвечает Ван Сань:

— Не знаю, как и благодарить тебя.

Говорит ему олень:

— Сейчас уже поздно, мне пора уходить, но мы с тобою вскорости свидимся. Понадобится моя помощь, оборотись на юго-восток, крикни три раза: «Брат олень! Брат олень! Брат олень!» Мигом явлюсь.

Сказал так олень и исчез. Собрал Ван Сань траву и домой воротился.

На другой день встал юноша чуть свет и снова в горы отправился. Подошел к реке, смотрит: девушка в розовом платье белье на берегу стирает. Глаза у нее большие, лучистые, руки умелые, быстрые. И собою хороша. Загляделся Ван Сань на девушку и про свою траву забыл.

А девушка стирала, стирала да вдруг оступилась, в воду свалилась. Ван Сань и думать не стал, прыгнул за девушкой в воду, на берег ее вытаскивал.

Девушка промокла, дрожит вся и говорит Ван Саню:

— Ты и впрямь добрый юноша! Если твой дом неподалеку, дозвожь зайти к тебе обсушиться.

Отвечает ей Ван Сань:

— Зайди, обсушись!

И пошли они рядышком к дому. Пришли, а около дома олень стоит, их дожидается, две пары платья держит.

Удивился Ван Сань и спрашивает:

— Ты зачем пришел, брат олень?

А олень рассмеялся и отвечает:

— Говорил же я, что приду тебя сватать. Эту девушку зовут Ци-цзе. Ради тебя она покинула Небесный дворец и спустилась на землю. Пришлись ей по нраву твоё трудолюбие и доброе сердце, и согласна она выйти за тебя замуж. Ну как, возьмешь ее в жены?

Выслушал Ван Сань оленя, взглянул на Ци-цзе, и в сердце у него словно цветок расцвел; покраснел юноша и попросил Ци-цзе стать его женой. Счастливо зажили Ван Сань и Ци-цзе, усердно трудились. А олень часто приходил им помогать.

Узнал бессмертный старец, что его дочь вышла замуж, страшно рассердился, так и горит весь от злости. И вот однажды дождался он, когда Ван Сань в поле уйдет, спустился на землю и увел Ци-цзе в Небесный дворец.

Воротился Ван Сань с поля, а Ци-цзе дома нет. Стал он ее искать. Добрых полдня искал, нигде не нашел. Пригорюнился юноша и вдруг

про оленя вспомнил. Повернулся он лицом к юго-востоку и крикнул три раза:

— Брат олень! Брат олень! Брат олень!

Только он это крикнул, а олень уже перед ним.

Говорит олень юноше:

— Братец Ван Сань! Узнал бессмертный старец, что Ци-цзе за тебя замуж вышла, рассердился, увел ее в Небесный дворец и посадил в тюрьму. Велела Ци-цзе тебе передать, чтоб ты гаолян посеял и хорошенько за ним ухаживал, еще лучше, чем в прошлые годы. А когда гаолян созреет, не снимай его весь, оставь на поле один самый толстый стебель. За ночь он вырастет до самых облаков. По этому стеблю доберешься ты до Небесного дворца и встретишься с Ци-цзе. И еще она просила, чтобы ты каждый день на флейте играл, ей тогда веселее будет. Крепко запомни, что я тебе сказал. А теперь мне пора. Ци-цзе ждет...

Не успел Ван Сань глазом моргнуть, как олень исчез.

Опечалился юноша. Поднял он голову, поглядел на небо, ничего не увидел, только черные тучи. Где-то сейчас его Ци-цзе? Взял юноша флейту и заиграл, чтобы жену развеселить. Никогда еще его флейта не пела так звонко. Нежные звуки неслись прямо к небесной тюрьме. Услышала Ци-цзе, как играет Ван Сань, и колодки на ногах будто легче стали.

Уж очень хотелось Ван Саню поскорее увидеться с Ци-цзе, и сделал он все, как она велела: посеял гаолян, ухаживал за ним старательно. И вырос гаолян высокий-превысокий. Смотрит на него Ван Сань — не нарадуется.

А гаолян день ото дня крепче становится. Вот и метелки появились. Сидит Ци-цзе в небесной тюрьме, ждет не дождется, когда гаолян созреет. День ей годом кажется.

Но вот наконец пришла осень, гаолян красным сделался. Висят на стебле метелки пушистые. Один стебель заметней всех, такого никто и не видывал — толстый, высокий, с целое дерево будет. Убрал юноша гаолян, домой отнес, а самый высокий, самый толстый стебель на поле оставил. Вырос он за ночь до самых облаков. Подошел к нему Ван Сань, обхватил руками, стал подниматься на небо.

Вот и Небесный дворец. Вышли навстречу Ван Саню шесть девушек, на всех платья одинаковые.

Спрашивает старшая:

— Кто такой и зачем пожаловал?

Отвечает Ван Сань:

— Я — муж Ци-цзе, ищу свою жену.

Обрадовались тут девушки, все разом воскликнули:

— Значит, ты и есть муж нашей младшей сестры?

Отвечает Ван Сань:

— Да, я ее муж!

Говорит старшая сестра:

— Увидали мы, что гаолян красным сделался, навстречу тебе вышли.

Сестренка наша в небесной тюрьме томится. Да и оленя туда заперли за то, что он тебе весточку от нее передал. Сейчас ты все равно их не увидишь, так что спрячься пока...

Только она это сказала, как на дороге бессмертный старец появился. Идет, ковыляет, на посох опирается.

Показал старец посохом на юношу, спрашивает дочерей:

— Что за человек такой, откуда появился?

Отвечает старшая:

— Он прилетел с Земли на Небо!

«Видать, юноша этот умелый, раз сумел прилететь на Небо», — подумал так старец и спрашивает:

— Ты зачем пришел?

Отвечает Ван Сань:

— Я ваш зять, пришел выразить свое уважение и увести домой жену, вашу седьмую дочь.

Услыхал это старец, поник головой, потом улыбнулся ехидно и спрашивает:

— Хэй, хэй! Значит, ты и есть Ван Сань?

Отвечает юноша:

— Он самый!

А старец между тем надумал Ван Саню задачу задать, велел принести соху и говорит:

— Слыхал я, что ты мастер пахать! Видишь, на стене трава выросла? Ну-ка, перепаша ее! Сумеешь — отдам тебе дочь, не сумеешь — убирайся прочь!

Сказал так старик и заковылял по дороге.

Поле перепахать — лучшего пахаря, чем Ван Сань, и не сыщешь! Но как перепахать стену? Совсем было приуныл Ван Сань. Тут старшая из сестер и говорит:

— Не горюй, братец! Я помогу тебе.

Дунула она Ван Саню на ноги раз, дунула другой, встал юноша без труда на край стены, взялся за соху, вмиг перепачкал всю стену.

Вскороности старец воротился, видит — на стене и травинки не осталось, про себя думает: «А парень и впрямь умелый». И решил старец еще одну задачу юноше задать. Велел он принести один доу¹ отрубей и говорит Ван Саню:

— Видишь эти отруби? Свей из них веревку. Сумеешь — отдам тебе дочь. Не сумеешь — убирайся прочь!

Сказал так старец и заковылял по дороге.

Из пеньки или из травы вить веревку — лучшего мастера, чем Ван Сань, и не сыщешь. Но как свить веревку из отрубей? Совсем было приуныл Ван Сань, но тут вторая сестра тихонечко ему говорит:

— Не горюй, братец! Я помогу тебе.

Дунула девушка на отруби, взяла горсть и начала веревку вить. Свила немного, Ван Саню отдала. Стал юноша дальше вить, вмиг веревку свил.

Воротился старец, увидел веревку, а она гладкая да скользкая. Что тут скажешь? Не смирился старец, новую задачу задал юноше:

— Ладно! Нынче отдохни, а завтра пойдешь на Обезьянью гору, добудешь для меня небесный барабан. Сумеешь — отдам тебе дочь, не сумеешь — убирайся прочь!

Сказал так старик и заковылял по дороге.

Пуще прежнего приуныл Ван Сань и думает: «Как раздобыть небесный барабан?» Но тут подошли к нему все сестры разом, третья, четвертая, пятая, шестая, и говорят:

— Не горюй, зять. Мы тебе поможем.

Третья сестра дала юноше холщовый мешок, четвертая сестра — топорик, пятая сестра — камень, шестая сестра — иголку. Рассказали они юноше, что делать да как быть, чтобы небесный барабан добыть, и как после поступить. Не велели болтать, велели молчать, чтобы беды избежать да живым остаться.

Слыхал это Ван Сань, испугался, да что поделаешь! Надо выручать Ци-цзе!

Только рассвело, собрался Ван Сань в путь-дорогу, простился со сестрицами и отправился на Обезьянью гору.

Подошел юноша к горе, руками за колючий терновник ухватился, ногами в камни уперся — полез наверх. Уже руки у него в кровь исцарапаны,

¹ Доу — мера сыпучих тел, равная десяти литрам.

ноги в кровь стерты, платье в клочья изорвалось, а он знай карабкается да карабкается. Вот наконец и вершина!

Схоронился юноша в зарослях, огляделся. Куда ни глянь — обезьяны резвятся да скачут. Небесный барабан на высоком дереве висит, обезьяны его стерегут. Вдруг заприметил юноша яму, спустился в нее, повалялся, весь в глине вылез, сел на камень, на солнышке сушится.

Об эту пору обезьяны с горы к горному потоку мыться бежали, увидели Ван Саня, за глиняного бодисатву его приняли, хватать его стали, каждая к себе тащит. Притащили к небесному барабану, рядом поставили и давай перед ним поклоны отбивать. Плоды с дерева сорвали, сложили у ног Ван Саня и — пэн-пэн-пэн, пэн-пэн-пэн — убежали. Одну старую обезьяну оставили стеречь небесный барабан.

Вытащил тут Ван Сань из-за пазухи холщовый мешок, рукой поманил обезьяну и крикнул:

— Живо в мешок полезай!

Обезьяна и думать не стала, прыгнула в мешок, а Ван Сань взял да и завязал его. Духом на дерево взобрался, снял барабан, взвалил на спину и побежал прочь. Обезьяны сразу пропажу заприметили, всполошились, загудели будто пчелы в улье, вдогонку за юношей пустились.

Дун-дун-дун — бежит Ван Сань; пэн-пэн-пэн — мчатся следом за ним обезьяны. Видит юноша, что обезьяны близко, бросил на землю топорики. Вмиг бурная река разлилась, дорогу обезьянам преградила.

Хуа-хуа-хуа — зашлепали обезьяны лапами по воде, вплавь пустились.

Дун-дун-дун — бежит что есть мочи Ван Сань; пэн-пэн-пэн — мчатся следом за ним обезьяны. Видит юноша, что обезьяны еще ближе, бросил на землю кремни, вмиг за его спиной высокая гора выросла, дорогу обезьянам преградила.

Ци-лю-лю, ци-лю-лю — карабкаются обезьяны на гору.

Дун-дун-дун — бежит Ван Сань; пэн-пэн-пэн — мчатся вслед за ним обезьяны. Видит юноша, что обезьяны его настигают, бросил на землю иглу. Вмиг выросли за его спиной сверкающие скалы — ножи острые, путь обезьянам преградили.

Сверкают скалы — ножи острые, не взобраться на них обезьянам.

Убежал Ван Сань от обезьян, пришел в Небесный дворец. Встретила его старшая сестра, достала из хлопковой коробочки вату, велела Ван Саню уши заткнуть да палку крепкую припасти. Ван Сань так и сделал.

А бессмертный старец ничего не знает, сидит да радуется: «Хэй, хэй! Не вернется Ван Сань живым, разорвут его обезьяны».

Только он так подумал, вдруг Ван Сань в комнату входит, барабан на спине несет. Увидел старец — зять живой вернулся и барабан принес, еще больше обозлился, решил насмерть оглушить юношу и говорит:

— Дай-ка я проверю, настоящий барабан ты принес или ненастоящий!

Поднял старец свой посох да как ударит по барабану. Дон! — прогремел барабан; ша-ша-ша — посыпались с деревьев листья. «Ну, — думает старец, — оглушил я Ван Саня до полусмерти!»

А Ван Сань говорит как ни в чем не бывало:

— Ну-ка, стукни сильнее! А то я не слышу!

Подвигился старец, еще сильнее ударил.

Дон! — грохнул барабан; гэ-ча! гэ-ча! — задрожали стены. «Ну, — думает старец, — если и на этот раз он жив останется!..»

А Ван Сань опять как ни в чем не бывало говорит:

— Ну-ка, стукни сильнее! А то я не слышу!

А старец как ударил два раза по барабану, так у него в голове помутилось. Где уж ему третий раз ударять?!

— Не можешь? — говорит Ван Сань. — Дай я попробую. — Поднял Ван Сань посох. Дон-дон-дон — забил в барабан. Закачалось небо, ходуном заходила земля, опрокинулся навзничь вредный старик и дух испустил.

Сломал Ван Сань железные ворота небесной тюрьмы, снял с Ци-цзе колодки, вынул свою флейту и, радостный, вместе с женой спустился к людям.

Шесть сестер вместе с ними спустились на землю и нашли себе трудолюбивых мужей. Пятнистый олень тоже спустился к людям, и все они на земле зажили радостно и счастливо.

Есть в горах Ишань два места. Одно зовется Цзюлункоу — ущелье Девяти драконов, другое — Цилункоу — ущелье Семи драконов. Так вот, около ущелья Девяти драконов стояла маленькая деревушка, и жила в той деревушке старуха со своим единственным сыном, по прозвищу Тянь-тай. Девяти лет от роду уже умел Тянь-тай барсуков в горах ловить, двенадцати лет не страшился из волчьих нор волчат таскать. Пригожим да статным уродился юноша, никто с ним не сравнится. Лицо доброе, глядит весело, силен, смекалист, ростом высок. Уйдет спозаранку за хворостом в горы, вечером домой воротится. На высокие горы взбирается, с круч крутых спускается, через бурные реки переправляется, узкими тропинками-ниточками пробирается.

И вот однажды осенью в самый сезон дождей несколько дней кряду ливень лил, а у Тянь-тая в доме, как говорится, ни хворостинки не найдешь, ни зернышка риса не сыщешь. Ждали, ждали, пока дождь перестанет, ведро настанет, да ждать устали. Взял юноша веревку, коромысло, топор прихватил и отправился в горы хворост рубить. А топор у юноши, сказать про то надобно, супротив обычного вчетверо тяжелее был, кузнец нарочно таким его выковал. Перешел Тянь-тай через горное ущелье, вода там бурлит — гром громыхает, взобрался на склон, дождевой водой умытый, прошел по тропинке-ниточке и наконец до лесистого места добрался. Только успел он немного хвороста нарубить, ветер дождь пригнал. Как хлынет дождь — аж камни с горы вниз посыпались, загудело вокруг, зашумело. Дождь юноша, пока дождь перейдет, залез на дерево, на самую макушку, огляделся — все ущелье водой наполнилось,

реки из берегов вышли. Посмотрел юноша в ту сторону, где его деревушка стояла, и думает: «Мать, наверно, к воротам вышла, тревожится, может, унес меня бурный поток, ждет не дождется». Взяла юношу досада, так бы, кажется, и полетел сейчас домой! Только не управиться ему с горным потоком — свиреп очень! Думал юноша, думал и нечаянно топор из рук выронил. Дзинь! — упал топор на большой черный камень. Хотел юноша его поднять, наклонился. Ай-я! Камень шелохнулся, и вдруг откуда ни возьмись старуха появилась. Спрашивает старуха громким голосом:

— Кто ко мне в дверь стучался? Кто ко мне в дверь стучался? Кто ко мне в дверь стучался?

Два раза ничего не ответил юноша, а на третий расхрабрился, слез с дерева и отвечает:

— Я к тебе стучался!

А старуха опять его спрашивает:

— Что же тебе надобно, зачем стучался?

Решил юноша рассказать старухе все как есть и говорит:

— Ты, добрая женщина, видать, не знаешь, что я каждый день хожу за хворостом, каждый день с круч крутых спускаюсь, на горы высокие взбираюсь, тяжело мне, да не про то речь. Нынче все вокруг водой залило, как мне домой воротиться? Там меня мать дожидается одна-одинешенька. Надобно мне хворост продать да рису купить, а то нечего в котел положить.

Выслушала его старуха, поднялась с тростниковой циновки, дала ее Тянь-таю и говорит:

— Стоит сесть на эту циновку и подумать, где тебе сейчас хочется быть, мигом там очутишься.

Сказала так старуха и исчезла. А камень шелохнулся и на прежнее место встал.

Сел Тянь-тай на циновку и только подумал: «Хорошо бы сперва в воздух подняться», — как циновка медленно, плавно стала вверх подниматься. Захотел Тянь-тай на землю спуститься — циновка тихонько на землю спустилась.

Взвалил Тянь-тай на плечо коромысло с хворостом, сел на циновку и быстрее ветра помчался домой. Раньше, бывало, он за день всего раз принесет хворост, и то затемно воротится. А нынче летает себе и летает на циновке, раза четыре, а то и пять успевает с хворостом обернуться. Вскорости у него дома собралась целая куча хворосту, выменял он его на зерно — не на один день хватит. И сказал тогда Тянь-тай матери:

— Вырос я, матушка, взрослым стал, а дальше чем за сто ли от дому нигде не бывал. Есть у тебя теперь и еда и одежда, дозвожь мне по свету побродить, миром полюбоваться.

— Куда же, сынок, хочешь ты отправиться?

Подумал Тянь-тай, подумал и говорит:

— Слышал я, что в столице люду разного много да чудес всяких, вот и хочу туда отправиться поглядеть.

Говорит мать сыну:

— В столице сам император живет, смотри, сынок, будь осторожен, быстрее иди да поскорей возвращайся.

Пообещал Тянь-тай матери сделать все, как она велит, сел на циновку и взмыл в небо — ни ветром его не обдувает, ни пылью не засыпает. Не успел опомниться, как в столичном городе очутился. Глянул вниз — стены рядами высятся, к стенам красивые восьмиугольные башни пристроены, на улицах да в переулках народу видимо-невидимо. А в Запретном городе¹ каких только нет дворцов и павильонов, так и играют всеми цветами, так и переливаются. Деревья — изумруд зеленый, меж деревьев пагоды белеют, на голубой воде лодочки покачиваются. Поглядел на все это Тянь-тай, с неба вниз спустился. Походил по широким улицам, подивился на разные чудеса, которых отроду не видел, и захотелось ему в Запретный город пробраться, так захотелось, что не совладать ему с собой, — уж очень там красиво! Дождался Тянь-тай, пока лавки да харчевни закроют, а барабаны третью стражу отобьют, сел на волшебную циновку и прилетел в Запретный город. А там пейзажей дивных — рассказывать начнешь — не кончишь, сокровищ драгоценных — не сочтешь. В пруду лотосы растут, под карнизами круглые красные фонари повешаны, на нефритовых перилах драконы вырезаны — клыки страшные, когти острые. Стены все изукрашены не картиной, так рисунком, не рельефом, так резьбой или узором.

Прошел Тянь-тай тихонечко мимо львов — львы выше его ростом, из бронзы сделаны, пробрался через туннель — туннель в искусственной горе пробит, змеєю вьется. Вдруг смотрит юноша: среди деревьев да цветов дворцовый павильон стоит. Крыша на два ската зеленой черепицей выложена, колонны красные, окна узорчатые. Огляделся Тянь-тай — вокруг ни души, — на нефритовое крыльцо поднялся. Уж очень ему хо-

¹ Запретный город (создан в XV в.) — резиденция китайского императора в центре Пекина, самовольное проникновение в которую могло караться смертью.

телось получше разглядеть карниз, разрисованный цветами и травами, потрогать круглые колонны, лаком крытые. А пуще того хотелось внутрь заглянуть, в хоромы да покои. Налюбовался юноша цветами, на травы насмотрелся, потрогал круглые колонны. После подошел к резному оконцу, тихонько оторвал шелк, наклеенный на рамы, заглянул внутрь — темным-темно, хоть глаз выколи. Только хотел он назад податься, вдруг слышит: хуа-ла-ла — зашуршало что-то, вся комната разноцветными лучами заиграла, заискрилась. Увидел юноша в той комнате башенку, из слоновой кости вырезанную, бамбук, из золота сделанный, а рядом с бамбуком красавицу. У красавицы на запястьях золотые браслеты — от них золотые дорожки бегут, в волосах серебряные цветы, от них серебряные дорожки во все стороны расходятся. В ушах серьги из красного камня драгоценного, на плечах накидка разноцветная. Тонкая талия шелковым поясом перехвачена, юбка длинная чуть не до пят спускается, по нарумяненным щечкам слезы-жемчужинки катятся. Жалко стало Тянь-таю девицу. За что ее, такую нежную да слабую, наказали? За что темной ночью в доме пустом заперли? Ни кана здесь нет, чтобы лечь, ни циновки, чтоб сесть, ни одеяла, чтоб укрыться! Пока юноша думал, шелковый пояс вдруг поплыл в воздухе — стала девица к юноше приближаться. Вздригнув юноша, хотел убежать, но тут раздался нежный девичий голос:

— Вэй, куда же ты уходишь? погоди! Я должна тебе что-то сказать!

Тянь-тай невольно остановился и услышал, как девица промолвила:

— Давным-давно заперли меня во дворце и держат в неволе, с родным человеком свидеться не дают. Утро вечер сменяет, лето — зиму, а моя печаль не проходит. Вызови меня, добрый юноша!

Не мог юноша зла такого стерпеть, согласился. Да вот беда — не знает он, как девушку спасти. Со всех четырех сторон стража да ночной караул, рамы на окне крепкие, двери толстые. Молчит юноша, а сам не уходит.

Говорит ему девушка:

— Стоит тебе только вынести отсюда картину, на которой дворцовая девица нарисована, и я спасена¹.

¹ Согласно старинным преданиям, поскольку в гареме китайского императора обычно бывало несколько тысяч красавиц, придворным художникам вменялось в обязанность рисовать их портреты. По этим портретам государь выбирал одну из них и призывал к себе. Вынести из дворца портрет, по сути дела, означало исключить изображенную на нем девушку из числа императорских наложниц.

Хотел было юноша спросить, где та картина находится, только вдруг за спиной у него шаги послышались, в комнате опять темно стало, а девушка исчезла. Растревожился Тянь-тай, да делать нечего, сел он на свою циновку, поднялся на небо. Смотрит — скоро светать начнет. Пора домой возвращаться. Только подумал об этом юноша, как циновка его мигом домой отвезла.

Воротился Тянь-тай домой, обо всем матери рассказал, сел на циновку и отправился в горы Ишань. Залез на дерево, на самую макушку, уронил топор на черный камень. Шевельнулся камень, с места сдвинулся, и увидел юноша ту самую старую старуху.

Спрашивает старуха:

— Кто ко мне в дверь стучался?

Не стал Тянь-тай дожидаться, пока старуха его второй раз спросит, соскочил с дерева и отвечает:

— Я к тебе в дверь стучался.

— Волшебную циновку ты уже от меня получил. Чего же еще тебе надобно?

— Не гневайся, матушка волшебница! Выслушай, что я скажу! Везде в Поднебесной зеленеет трава, алеют цветы, везде есть обездоленные, им не ведомы ни покой, ни радость. Благодаря тебе я не страдаю от голода, избавился от непосильной работы. Сама подумай, могу ли я покинуть в беде несчастную девушку? Скажи, может, знаешь ты, где хранится картина, на которой нарисована девушка из дворца?

Выслушала его волшебница, перестала гневаться и говорит ласково:

— Сердце у тебя, юноша, доброе, речи твои справедливые. Везде в Поднебесной зеленеет трава, расцветают цветы, везде люди должны жить счастливо. Я согласна тебе помочь, сынок. А сейчас выслушай, что я скажу. Коли хочешь спасти ту девушку, отправляйся в горы Мэншань, отыщи Байдисяня — бессмертного духа Белой земли. Только помни: отыскать его нелегко. Как увидишь тростник высотой в три чжана, ухвати за него, дерни сильнее, сразу в ворота войдешь. Коли бессмертный спать будет, не жди, пока он проснется, он каждый раз сто двадцать лет спит. Кричи — не разбудишь, трясина — не проснется. Пойдешь к реке Красные пески, найдешь там матушку Черную рыбу, попроси у нее иглу волшебную.

Сказала так старуха и исчезла, а камень шелохнулся и на прежнее место встал.

Послушался Тянь-тай добрую волшебницу, сел на циновку, помчался к горе Мэншань. А возле той горы хребтов видимо-невидимо, вершин высоких да ущелий глубоких не счесть. На склонах каких только деревьев нет, вся земля цветами да травкою заросла. Кручи крутые и те цветами усеяны, золотыми да серебряными, вокруг дивный аромат разливается. Идет Тянь-тай, согнулся в три погибели, по берегам рек да речушек ищет, идет, головы не поднимает, по роцам да лесам рыщет. Обошел он все горные вершины, на те вершины и не заберешься, облазил все горные ущелья, над теми ущельями деревья густо переплелись, неба сквозь них не видать.

И пришел наконец юноша к отвесной круче, баран и то на ней не устоит. Смотрит: на той круче тростник высотой в три чжана растет. Ухватился за него юноша, выдернул и в тот же миг увидал дорогу. Пошел юноша по той дороге в самую глубь горы. Шел, шел и пришел к каменному дому, просторному да высокому. Внутрь вошел, смотрит: кан стоит, из камня сделанный, стол каменный, подушки и те каменные. Лежит на кане каменном старец бессмертный, ростом, почитай, в целый чжан будет, под головой у него подушка каменная. Спит старец, храпит — гром в небе гремит. Подошел Тянь-тай поближе, смотрит: глаза у великана крепко-накрепко закрыты, по всему видать — сладко спит. Взял его юноша за руку, стал трясти. Рука самое малое тысячу цзиней¹ весит, двумя руками и то не поднять. Ткнул юноша в бессмертного пальцем — плоть у него тверже камня. Постоял Тянь-тай, подумал, делать нечего, повернулся и ушел. Сел он на свою циновку и отправился искать реку Красные пески.

Летит по небу Тянь-тай — облако белое, четыре реки перелетел: одну кривую, другую прямую, третью желтую, четвертую зеленую, еще одну кривую, еще одну прямую. Мчится он над горными реками — вода мелкая, пена белая. Мчится он над бурными реками, ходят по ним волны — рыбы чешуйки. Девяносто девять рек Тянь-тай облетел, тысячу раз по девятьсот девяносто девять верст пролетел и однажды утром увидел реку — вода в ней чистая, прозрачная, посмотришь — дно видно. Опустился юноша на берег, на берегу красный песок блестит, от него и вода красной сделалась. В реке видимо-невидимо черных рыб плавают взад-вперед — челночки снуют. Думает юноша: «Не иначе, как это и есть

¹ Цзинь — мера веса, около 0,5 кг.

та самая река, которая Красные пески зовется. Но как тут отыскать матушку Черную рыбу?» Стал юноша ходить по берегу, думал, думал и наконец придумал. Пошел он в деревню сети просить — рыбу ловить. Услышали это люди и давай его отговаривать:

— Не ищи ты, юноша, своей смерти, не ходи черных рыб ловить, у них матушка — сама Черная рыба. Пусть лучше наши сети без дела сгниют.

Услыхал это Тянь-тай, и тревога его одолела. Стоял он стоял, думал, думал, потом взял сети и пошел к реке. Встал Тянь-тай на волшебную циновку, забросил сети в реку и начал их потихоньку тянуть. Попалась в сети тьма-тьмущая черных рыбешек, бьются, друг через дружку перепрыгивают. Не успел юноша оглянуться, а река забурилась, закружилась. Ветер завыл: у-у, обрушил на Тянь-тая лавину воды. Видит юноша — плохо дело, да как закричит:

— Лети!

Вмиг циновка в воздух поднялась. А вода кружится и тоже поднимается выше да выше. Ухватился юноша за сети, крепко держит их обеими руками, а сам кричит:

— Лети, лети, на ветру свисти!

На сто чжанов вверх поднялась циновка, а вода ее догоняет, на девяносто девять чжанов в воздух столбом взметнулась. Выше самой высокой горы поднялся Тянь-тай, тут ветер стих, вода в берега опять вошла. Глядит Тянь-тай вниз, видит — черная рыба в золотом уборе на воде стоит, никак, сама матушка, голову задрала и кричит:

— Эй, юноша! Взял ты надо мной верх! Отпусти моих деток и проси чего хочешь!

Только подумал юноша, что надобно на землю спуститься, а циновка уже тихонько вниз полетела, до макушки дерева долетела, остановилась.

Говорит матушке Черной рыбе юноша:

— Не надобно мне золота, не надобно серебра, лучше дай мне иглу волшебную да скажи, как той иглой бессмертного с горы Мэншань разбудить.

Согласилась матушка и говорит:

— Коли хочешь разбудить бессмертного с горы Мэншань, возьми иглу, колья его разок — мигом проснется. Только прежде отправляйся в верховье реки, в бухту Старого дракона к тетке Туаньданян. Она у меня нынче украла волшебную иглу, как раз когда вода из берегов вышла. Но этой беде помочь можно. Дам я тебе ложку-уховертку, вычерпаешь из бухты всю воду, игла и отыщется.

Сказала так матушка Черная рыба, вытащила из уха белую блестящую ложку, бросила юноше. А Тянь-тай выпустил из сети ее деток — черных рыбешек. Забрала их матушка и вместе с ними под воду ушла. Пришел Тянь-тай в деревню, отдал хозяину сети, сел на циновку и полетел. Летит и вниз смотрит, на реку. А река змеей вьется, то вправо повернет, то влево, то влево, то вправо. Вдруг смотрит юноша: гора перед ним невысокая появилась, вся красная, красными камнями усыпанная, а на той горе зеленые сосны растут. Красота такая, что и описать невозможно. «Так вот откуда река Красные пески течет», — подумал так юноша, заметил в ущелье заводь — изумруд зеленый, опустился на землю, сунул в воду ложку-уховертку, зачерпнул разок — воды в заводи сразу наполовину убавилось. Тянь-тай опять ложкой зачерпнул — того и гляди, до самого дна заводь осушит. А на дне нет ничего, только огромные черепахи ползают. Самая большая несколько сот цзиней, почитай, весит. Втянула она голову в панцирь и женщиной с черным лицом обернулась.

Говорит ей юноша:

— Живо отдавай волшебную иглу, которую ты украла, не то я всю воду из твоей заводи вычерпаю.

Поглядела черепаха на Тянь-тая сердито, да делать нечего, отдала волшебную иглу. Взял юноша иглу в руки, она толщиной всего в два пальца, а тяжелая — насилу поднимешь.

Взял Тянь-тай волшебную иглу, сел на циновку и полетел к горе Мэншань. Прилетел, ухватился за тростник в три чжана высотой, дернул его с силой, в тот же миг дорога перед ним открылась. Пришел он той дорогой к бессмертному, а тот как спал на кане каменном, так и спит, храпит — гром в небе гремит. Вытащил юноша иглу, кольнул легонько бессмертного в руку, а старец повернулся, сел да как закричит:

— Кто это укусил меня?

Отвечает ему юноша:

— Не кусал я тебя, добрый старец, разбудил, чтобы ты в одном добром деле мне помог.

Расхохотался тут бессмертный и говорит:

— Не иначе как Ишаньская старуха про меня тебе сказала. Ладно! Что за дело у тебя? Выкладывай!

Отвечает ему юноша:

— Об одном прошу! Помогите мне из императорских покоев картину раздобыть, на которой дворцовая девица нарисована.

Хлопнул тут бессмертный рукой по камню и говорит:

— Ничего в том мудреного нет, охотно помогу тебе, но знай, ни одного дела я до конца не довожу. А сейчас мне пора, скоро ночь на дворе. Ложись на мою подушку да спи. Во сне и увидишь, что я делать буду.

Сказал так бессмертный да как толкнет юношу! Свалился Тянь-тай на кан каменный, на каменное изголовье голову уронил и захрапел.

Привиделись юноше во сне разные чудеса. Увидел он, как старец великан из стороны в сторону качнулся, белой кошечкой обернулся. Помчалась-полетела кошечка в столичный город, перепрыгнула через красную стену. О ту пору уже вторую стражу отбили. Юркнула кошечка в императорские покои. Государь с государыней спят за царским пологом, расшитым золотыми драконами, а служанки возле полога стоят, ноги ломит, глаза закрываются, а они ни присесть, ни вздремнуть не смеют. Белая кошечка меж тем императрицын пояс стащила, нефритом отделанный, тихонечко так, без шума, как говорится: ни добрые духи про то не узнали, ни злые черти не проведали. Схватила кошечка пояс в зубы, перескочила через одну дворцовую стену, через другую перемахнула, побежала прочь из города, нашла высохший колодезь и пояс нефритовый в него бросила. Растревожился тут Тянь-тай, закричал и проснулся. А старец великан уже рядом стоит. Вскочил юноша, тут бессмертный зевнул во весь свой огромный рот и говорит:

— Ну вот, парень, чем мог, тем помог, а теперь сам соображай, что дальше делать, я сейчас спать лягу, а ты скорее в столицу ступай!

Соскочил Тянь-тай с каменного кана, а старец улегся, положил голову на каменную подушку и захрапел. Храпит — гром в небе гремит.

Только рассвело, сел Тянь-тай на волшебную циновку и полетел в столицу. Солнце уже на три шеста поднялось, когда государыня с постели изволила встать, начала причесываться, умываться да одеваться. Хочет платье надеть — нефритового пояса найти не может. У императрицы одним поясом меньше стало, а что тут поднялось, какой шум да крик! Как говорится, небо растревожили, землю с места сдвинули. Уж и не знаю, сколько народу снарядили тот пояс искать! Сколько народу из-за него безвинно пострадало! Где только ни искали, никак найти не могли. Издал тогда государь указ, и немедля на всех больших улицах, в каждом малом переулке тот указ на досках развесили. На нем черной тушью написано: «Кто найдет нефритовый пояс императрицы, чин получит, коли пожелает чиновником стать. Потребуется золото да серебро — золото да серебро получит».

Увидал Тянь-тай доску государеву, подошел и сорвал ее. Окружили юношу чиновники, которые за доской присматривали, отвели к императору. Набрался Тянь-тай храбрости и говорит:

— Издавна снятся мне сны вещи. Вот и вчера привиделось, будто какой-то человек нефритовый пояс государыни в высокий колодец за городом бросил.

Сказал так юноша и повел всех чиновников да полководцев за городскую стену к высохшему колодцу. Полез в колодец какой-то человек и сразу нашел пояс.

Спрашивает император юношу:

— Чин тебе пожаловать или денег хочешь?

Отвечает ему Тянь-тай:

— Ни чина мне не надобно, ни денег. Слышал я, что во дворце есть картина, на которой дворцовая девица нарисована. Отдай ее мне!

Обрадовался государь: картина не сокровище, не из золота — из бумаги сделана.

Он тотчас же велел принести картину и отдал юноше, даже не поглядел.

Взял Тянь-тай картину, вышел из города, сел на циновку и вмиг дома очутился, в своей тростниковой хижине, на три части разгороженной. Развернул юноша картину, а на картине та самая девица нарисована, которую он тогда ночью во дворце видел. Глядит юноша на картину, о бедной девушке думает. Вдруг девушка сошла с картины, рядом села. На запястьях золотые браслеты, от них золотые дорожки бегут, в волосах серебряные цветы, от них во все стороны серебряные дорожки расходятся. Повеселела девушка, разумянилась, еще краше стала. Не побрезговала она бедностью и, как была в золотых браслетах, стала помогать матери Тянь-тая стирать. Вскорости девушка из дворца и Тянь-тай поженились и весь век в горах Ишань прожили.

Есть на свете гора — Обитель бессмертных зовется. Посреди горы сад, называют его садом Нефритовой феи. Ну что тут скажешь, коли и не сад это вовсе, а так, склон пологий. Нету там дома, нет дворовой стены. Старые люди рассказывают, будто прежде на этой высокой горе, кроме камней, как говорится, одни камни были — ни деревца, ни кустика, а про Обитель бессмертных и говорить нечего. Поистине бедная гора, тощий хребет. Плохо жили люди, что вокруг селились, хуже некуда. Ходили они на гору, рубили камни, продавали, тем и кормились. Ветер дует, солнце печет, пот глаза заливает, во рту сухо да горько. Хоть бы два дерева на горе выросло! Пустые мечты. Разве вырастет что-нибудь на такой тощей земле? Но вот однажды на большом камне посреди горы персиковое дерево выросло. Дождем его хлещет, сердитый горный поток песок да камни вниз гонит, а деревце живехонько стоит, красными ветками да зелеными листьями убралось.

Жил о ту пору юноша. Каждый день ходил в горы камень рубить. Забрел он как-то в те места, там и остался. Никто не знал его прозвания. Ветер в горах сильный, солнце жаркое, потемнело у юноши лицо, залоснилось. И прозвали его люди Ван Черный — Ван Да-хэй. Лицо у Вана черное, а сердце доброе. Рослым да крепким уродился, руки золотые, а живет бобылем — ни жены, ни детей. Ему бы денег скопить, да где там! Последние штаны заложит, куртку продаст, только бы помочь человеку. Прославился он своей добротой на все деревни — и в южной стороне и в северной.

Идет Ван Черный в горы камень рубить, нет-нет да мимо персикового деревца пройдет. И вот однажды за ночь дерево из маленького в боль-

шое превратилось, розовыми цветами все усыпано, зелеными листочками укрыто. Идет Ван Черный утром мимо дерева, тихо вокруг, ветер не дует, ветви не колышет. Только росинки-жемчужины стучат по штанам да куртке — тук-тук-тук. Идет Ван Черный под вечер домой опять мимо дерева, солнце красное, Ван такого никогда и не видел, от цветов веет свежестью. Смотрит юноша: лепестки плавно-плавно летят прямо к нему. Подошел юноша к дереву, и — не знаю, по какой такой причине — почудилось ему, будто цветы улыбаются. Обрадовался юноша, куда только усталость подевалась. С той поры Ван Черный непременно отдыхал под деревом, когда возвращался.

Отправился как-то юноша в горы, идет мимо того дерева, смотрит: все дерево персиками усыпано, крупными, красными. Ветер вокруг дивный аромат разносит. Далеко ушел юноша, камень рубит, а в нос ему персиковый аромат бьет, дразнит. Время было как раз шестой месяц. Солнце жар разливает — яд ядовитый, камни — железо раскаленное, ноги жгут. А у Вана туфли дырявые, голову прикрыть нечем. Тростниковой шляпы и то нет. Скоро полдень. Все парни ушли тень искать, а Ван знай камень рубит, рукам отдыха не дает. Рубил, рубил, аж в голове помутилось, в глазах зарябило. Прислонился он к камню и не заметил, как уснул. Уж и не знаю, сколько времени он проспал, а как проснулся, такое блаженство почувствовал, словно в прохладной воде искупался. Открыл юноша глаза, смотрит — тень над ним. Не зонт его от солнца укрыл, ветви частые да листья густые. Персики румяные на ветках висят, не по одному — по два. Аромат дивный вокруг разливается. Листва колышется, прохладу навевает. Ван мигом вскочил, а сам думает: «Кто это ветку такую большую срубил да в землю воткнул?» Огляделся — парни все в сторонке спят. Ухватился Ван за ветку, хотел покачать, а это не ветка — настоящее дерево, корни прямо в скалу ушли, в расщелину глубокую. Вдруг завязь появилась, спелым персиком обернулась. Ахнул Ван: «Что за диво! Одно-единое дерево на горе росло, по самой середке, откуда же другое взялось?» Поглядел юноша на дерево, поглядел и соображать начал, что бы это значить могло. Пошел он на горный склон. Быстро идет, ноги сами несут. Бежит, аж сердце колотится. Подбежал к тому дереву, что по самой середке росло. Ветки качаются, персики свежие, румяные. Под одной веткой девушка стоит, персики собирает.

Пуще прежнего подивился юноша. Что за девушка? Не из ближней деревни, не из дальней. Где только не был юноша, а такой красавицы нигде не видел. Личико у нее — персиковый цвет весенний,

волосы — листочки зеленые. Улыбнулась девушка — на щеках две ямочки. Рукой махнула, смотрит Ван: с того места, где он камень рубил, что-то по воздуху плывет. Пригляделся, а это ветка, на ветке два румяных персика. Схватила девушка ветку, к стволу приложила — приросла ветка, будто всегда здесь была. Не успел Ван опомниться, а девушка сорвала два крупных персика, в него бросила. Ван будто и не хотел, а сам руку протянул, персики прямехонько на ладонь и опустились. Девушка смеется, заливаясь. Застыдился юноша, не знает, куда деваться. А девушка вдруг перестала смеяться, рукой махнула — ешь, мол, поскорее персики. Откусил Ван кусочек, персик сладкий — вода медовая. Взял и съел его целиком — прохладно стало юноше, будто он в реке искупался. Съел юноша один персик, съел другой. А девушка опять за ветку ухватилась, потрясла. Поплыли перед юношей лепестки, посыпались. Вдруг смотрит юноша — не стоит он больше под персиковым деревом, стоит в доме, вокруг все блестит, бирюзой сверкает, на потолке большой-пребольшой румяный персик нарисован.

Рассмеялась девушка и говорит:

— Звать меня Юй-сянь. Я Нефритовая фея, знаю я: на сто ли вокруг не сыщешь человека лучше тебя. Живешь ты один, трудно тебе. Пойдешь в горы камень рубить, мимо этого места иди, не сворачивай, коли что понадобится, меня разыщи.

Сказала так девушка, еще румяней стала, еще ясней глаза глядят — цветы персика под росой распускаются, лепестки на закате блестят.

Поглядел Ван Черный на ее светлое личико, послушал ее речи ласковые, уж так у него хорошо на душе, так отраднo, а как сказать про то девушке, не знает.

Опомниться не успел — исчезла девушка. Смотрит Ван: сейчас парни к нему подойдут. Близко они были, а ничего не заметили. Видно им только, как Ван под персиковым деревом стоит, на дереве плоды красные, листья зеленые.

Воротился Ван домой, а перед глазами у него Нефритовая фея. Спать лег, до полуночи так и не уснул. Может, это фея его персиками своими заморозила. Пошел он на другой день в горы. Быстро идет, быстрее прежнего. Только светать стало, а он уже у персикового дерева стоит. Моргнуть не успел, перед ним откуда ни возьмись Нефритовая фея, дом яркую бирюзой сверкает. Смеется дева, на юношу лукаво поглядывает. Покраснел юноша и говорит:

— Хочу я, чтоб ты мне куртку залатала, затем и пришел.

Обрадовалась Нефритовая фея, согласилась. Чует — не из-за куртки пришел юноша ее искать.

Говорит юноше фея:

— Знаю я, нынче ночью ты уснуть не мог. Иди в дом, там кан есть, поспи немного.

Недаром говорят: встретились чужие, стали как родные. Видит юноша — добра да ласкова с ним девушка, еще родней она ему сделалась. Послушался он ее, в дом вошел, будто в свой собственный, лег на кан и уснул. Взошло солнце, пришли парни к персиковому дереву, смотрят — Ван Черный крепко спит, рядом его куртка чиненая лежит.

С той поры Ван чуть не каждый день ходил к персиковому дереву на Нефритовую фею поглядеть. Дни длинные, дни долгие, чуют парни неладное и спрашивают как-то раз:

— Эй, Ван, ты зачем к персиковому дереву ходишь? Персиков-то на нем ни одного нет!

Никогда не врал Ван товарищам, всю правду им и выложил. Подивились тут парни, за Вана порадовались.

А надобно вам сказать, был в двадцати ли от того места уездный город, начальником там один чиновник, столичному сановнику родня. Наелся он как-то, напился, делать ему нечего, сидит и думает: «Все у меня есть, и власть и богатство, чего бы мне еще захотеть?»

Думал, думал и придумал:

«Надо мне еще сад разбить, чтоб горы в нем были искусственные, озера большие, павильоны, беседки, галереи, терема понастроены, тогда и желать больше нечего!»

Рассмеялся чиновник от радости: «Стоит мне слово сказать, все будет сделано».

Прежде и вправду так было: скажет чиновник слово — бедный люд кровь и пот льет. Стали парней гнать повинность отбывать, и Вана Черного тоже. С самого рассвета дотемна грузит он на тачку огромные камни, с горы в город их катит. Одежда на нем в клочья изорвалась, туфли до дыр протерлись. Докатил он как-то свой камень до середины горы, а туфля возьми да и разорвись совсем, никак на ноге не держится. Вот юноша и говорит парням:

— Вы меня здесь подождите, а я к Нефритовой фее сбегая, попрошу туфлю зашить.

Согласились парни, смотрят: Ван к персиковому дереву пошел. Только он отошел, стражник на них налетел, не стал ни о чем спрашивать,

давай всех без разбору лупить. Тут Ван Черный подоспел. Замахнулся на него стражник, а его вдруг кто-то возьми да и схвати за руку. Стал тут стражник самого себя по лицу хлестать: би-би, пай-пай! Больно ему, обе щеки уже вспухли, а он знай хлещет, руку остановить не может.

А парни — кто так на него глядит, кто со смеху покатывается, умора, да и только! Встал стражник на колени, хлещет себя по лицу, а сам о пощаде молит:

— Прости меня! Прости меня! Прости меня! Никогда больше никого бить не буду! — Сказал он так три раза, вдруг слышит — женский голос ему говорит:

— На этот раз прощаю.

Тут только рука у стражника остановилась.

А сам он исчез — струйка дыма под ветром, — в уезд кинулся. Все подробно доложил чиновнику, как говорится, от одного до пяти, от пяти до десяти. Подивился чиновник, велел оборотня немедля схватить и доставить. Не успел Ван камни с тачки свалить, как его связали и в ямынь привезли. Дали сорок палок, в тюрьму бросили.

Узнали про то парни, растревожились, рассердились, а потом тужить стали. Потолковали промеж себя, посоветовались и решили Нефритовую фею найти. Стали они в горы подниматься за камнями и к персиковому дереву поспешили. Подошли к дереву — не знают, что делать. Веткам да листьям про беду не расскажешь. Слышали они от Вана про Нефритовую фею, да не видел ее никто. Тут один из парней закричал громким голосом:

— Выйди к нам, Нефритовая фея! Дело есть! Поговорить с тобой хотим!

Только он это крикнул, как тотчас же раздался голос:

— Погодите, сейчас дверь отпру!

Зашевелились листочки на персиковом дереве, задвигались, в тот же миг увидели парни: дом чистой бирюзой сверкает, а сами они в том доме стоят. Только не стали они дом разглядывать, девушка их своей красотой покорила. Рядом с девушкой туфли лежат недошитые. Тут и думать нечего, сама Нефритовая фея им явилась.

Рассказали они ей все как есть по порядку.

Растревожилась фея и говорит:

— Не бойтесь, я его выручу.

Сказала она так, блеснула молнией и исчезла.

О ту пору уездный начальник как раз в большом зале сидел, властью своей тешился, приказы отдавал. Вдруг слышит голос с неба:

— Эй ты, продажный чиновник! За что в тюрьму бросил Вана Черного? Это я твоего стражника по лицу хлестала! Что ты со мной сделаешь!

Поднял начальник голову — никого нет. Глаза вытаращил. Помощники его от страха онемели — слова вымолвить не могут.

А тут опять голос с неба:

— Эй вы, волчья стая! Выпустите Вана из тюрьмы, да поживей!

Разобрал тут наконец чиновник, что это женский голос, набрался храбрости и отвечает:

— Эй, кто это кричит там, в небесах?

Рассмеялась фея зло и отвечает:

— Думаешь, побоюсь сказать тебе, кто я? Я Нефритовая фея.

Говорит чиновник:

— Один в уезде господин, один отец родной. Захочу — горой серебро насыплется, захочу — храмы друг подле дружки выстроятся. Ну-ка, покажись, чтоб я на тебя поглядеть мог!

А фея знай потешается над начальником:

— Хэ! Не вижу я никакого чиновника.

— Я самый и есть.

— А мне почудилось — это куча навозная. Неохота мне с тобой разговаривать! Место свое ты не заслужил, за несколько тысяч серебряных слитков купил. Серебро хуже навоза воняет. Не достоин ты меня видеть.

Уж, кажется, про все ему фея сказала, все ему припомнила, так нет же, ему и это нипочем. Бывают же такие люди толстокожие на свете. И говорит он фее:

— Меня сам император в седьмой ранг произвел¹, а Ван Черный простой каменотес...

Разгневалась фея, не дала чиновнику договорить, ругает его, поносит, ни в чем-де ему с Ваном не сравниться — у Вана сердце доброе, человечье, у чиновника — злое, волчье. Ругает его фея, да так распалилась, что толстокожего чиновника проняла. Не выдержал чиновник, покраснел, шея кровью налилась. А сделать ничего не может. Фея — она бесплотная, власти его не подвластна.

Усмехнулась фея зло и говорит:

¹ В старом Китае с III в. н. э. было установлено девять чиновничьих рангов, седьмой является одним из высших

— Ты на меня поглядеть хотел, так погляди лучше на мою силу волшебную!

Сказала так фея, и тотчас в дверь веточка персиковая влетела. В самой середине зала опустилась. На кирпичный пол корни пустила, вмиг в высокое дерево превратилась. Ствол толстый — ни рассказать, ни описать невозможно. Уперлось дерево макушкой в крышу — зашаталась, заходила крыша. Видят стражники да посыльные — плохо дело. Кто кричит, кто о помощи просит, кто прячется, кто хоронится. Сам начальник пуще всех испугался, не до важности ему сейчас, выскочил из зала —мышь трусливая. А караульные все врассыпную. Упал один из них на землю — встать нет мочи. Стал молить жалобно:

— Отпусти меня, фея!

И слышит в ответ:

— Отпустить я тебя отпущу, только ворота тюремные отпри поскорее!

Караульный и думать не стал, согласился.

Слышит Ван крики да шум снаружи, а что приключилось, понять не может. Распахнулись тут ворота тюремные. Обрадовались узники, толпой на волю ринулись, вместе с ними Ван Черный за городскую стену выбежал, домой воротился. На другое утро только собрался он в горы, во двор вышел, смотрит: Нефритовая фея вбегает. Запыхалась, волосы нечесаны, платье мокрое, на бровях росинки-жемчужинки. Подивился Ван Черный, не успел рта раскрыть, а фея ему и говорит:

— Не будет тебе житья от уездного начальника! Бежала я всю ночь, десять тысяч верст одолела, раздобыла для тебя долото волшебное. Возьми его...

Не успела девушка договорить, за воротами крики послышались. Это уездный начальник солдат пеших и конных прислал Вана схватить. Взяла фея юношу за руку и говорит:

— Бежим скорей!

Выбрались они за околицу, а солдаты за ними кинулись, догонять стали. Вот уже и вершина горы близко — солдаты не отстают, того и гляди, настигнут беглецов. Остановилась тут фея, указала пальцем на высокий утес каменный и говорит:

— Ван Черный, Ван Черный, возьми-ка молот да рубани разок вот здесь!

Послушался Ван фею, взмахнул железным молотом, по долоту ударил, удара не слышать, только загрохотало, загудело вокруг, смотрит Ван:

в каменной скале отверстие круглое величиной с ворота. Прыгнул Ван в то отверстие. Заглянули в него солдаты — Вана Черного и след простыл. Воины, что похрабрее, внутрь вошли, искать его пошли. Шли, шли, уж и не знаю, на какую глубину зашли, вдруг слышат — вода журчит. Река путь им преградила, широкая да глубокая — дна не разглядеть. Вода в ней быстрая, на лодке поплывешь — лодку в щепу разнесет. А на другом берегу сверкает что-то, аж глазам больно. Постояли воины, поглядели, делать нечего, повернулись, назад пошли.

С той поры никто больше не видал Вана Черного. Слух прошел, будто он бессмертным сделался. И стали называть пещеру в той каменной стене и саму гору Обителью бессмертных. Из пещеры частенько туман белый выплывает, всю гору укрывает. Если прислушаться хорошенько, слышно, как по горам разносится: дин-дин, дан-дан, дин-дин, дан-дан, вроде бы кто-то камень бьет. Говорят, будто Ван Черный и в пещере не сидит без дела. Оно и правда. Камень, который на той горе добывают, гладкий, блестящий, словно шлифованный. Куда исчезла Нефритовая фея, никто не знает. Только гора та вся поросла персиковыми деревьями. С той поры самую середку горы, где росло большое персиковое дерево, стали называть садом Нефритовой феи. Как пойдешь от сада Нефритовой феи к пещере, деревья все гуще, все пышнее становятся. Это чтобы Вана Черного солнце не пекло, когда он к фее навещается. Бывает, что туман подолгу над верхушками деревьев плавает — это значит, Ван Черный с Нефритовой феей повстречались.

Сказка про младшего брата

Жили в старину в маленькой деревушке на склоне горы отец, два сына да невестка. Когда младший сын на свет родился, отцу под пятьдесят было. Назвали мальчика Эр-сяо. Вырос он смекалистым, охочим до работы, и все его любили. А отец просто души в нем не чаял.

Когда Эр-сяо минуло тринадцать лет, отец захворал и умер. И стал Эр-сяо жить со старшим братом и невесткой. Брат — лентяй, а невестка злая да вредная. Была у них старая корова буренка. С утра до вечера пасет ее Эр-сяо. Разъелась буренка, толстая да жирная стала. Вот как-то раз и говорит злая жена своему ленивому мужу:

— Надо зелье добыть, Эр-сяо сгубить — не придется тогда делить хозяйство!

Ленивый брат о ту пору на кане дремал. Отвечает он жене, еле языком ворочает:

— Ладно!

Настряпала злая невестка пельменей, из белой муки и из черной. В белые отравы положила, младшего брата потчевать собралась. А черные себе да мужу оставила.

Пасет Эр-сяо буренку на берегу реки, уж полдень наступил. Наелась буренка, живот раздулся. Да еще Эр-сяо полную корзину травы нарезал, домой снести.

И говорит мальчик буренке:

— Пойдем, буренушка, домой. Полдень на дворе, солнце огнем жжет.

Стоит буренка, не шелохнется, а у самой слезы из глаз капают.

Подивился мальчик, спрашивает:

— Ты что, буренушка, не наелась, не напилась?

Открыла буренка рот и заговорила человеческим голосом:

— Добрый мальчик! Воротишься домой, ешь пельмени черные, не ешь белые.

Не понял Эр-сяю толком, в чем дело. Воротился домой, а злая невестка улыбается, говорит ласково:

— Ты, братец, корову пас, траву косил — видать, притомился. Я для тебя белых пельменей настряпала. Ешь поскорее!

Отвечает ей Эр-сяю:

— Оставь-ка, невестка, белые пельмени себе да старшему брату, а мне и черные хороши!

Сказал так, придвинул к себе пельмени из черной муки и давай есть. Невестка рядом стоит, глаза выпучила. Дождалась, пока Эр-сяю уйдет, взяла белые пельмени, выбросила и опять недоброе замыслила. «Ладно! — думает. — Хочешь черные пельмени есть, так я тебе и в черные отравы наложу». Так она и сделала. Наделала на другой день черных пельменей, отравы в них положила, а белые себе да мужу оставила полакомиться.

Пасет Эр-сяю буренку на склоне горы, уже полдень наступил. Наелась буренка, аж живот раздулся, да еще Эр-сяю полную корзину травы нарезал, домой снести.

Говорит мальчик буренке:

— Пойдем, буренушка, домой! Полдень на дворе, солнце огнем жжет.

Стоит буренка, не шелохнется, а у самой слезы из глаз капаят.

Подивился мальчик, спрашивает:

— Ты что, буренушка, не наелась, не напилась?

Открыла тут буренушка рот и заговорила человеческим голосом:

— Добрый мальчик! Воротишься домой — ешь пельмени белые, не ешь черные.

На сей раз смекнул Эр-сяю, в чем дело. Воротился домой, а злая невестка улыбается, говорит ласково:

— Ты, братец, корову пас, притомился. Говорил ты вчера, что по вкусу тебе черные пельмени, вот я для тебя черненьких и настряпала. Ешь поскорее!

А Эр-сяю бровью не повел, глазом не моргнул, отвечает:

— Невестушка, как отец умер, вы с братцем все белые пельмени едите, дай-ка нынче мне полакомиться!

Сказал так и принялся белые пельмени есть. Невестка рядом стоит, злость ее разбирает. Вчера хотела мальчика загубить, нынче пробовала — никак не выходит. Задумала она тогда по-другому извести Эр-сяо и говорит своему ленивому мужу:

— Скоро зима, снег выпадет, негде корову пасти, чего зря Эр-сяо кормить? Давай делиться. Эр-сяо дадим ток с маленьким амбаром да два му¹ тощей землицы. Нам — корова, на которой пахать можно, ему — большой рыжий пес. Нам — курица-несушка, ему — большой петух. Нам — целый плуг да крепкий хомут, ему — сломанный плуг да негодный хомут.

Зевнул ленивый старший брат, согласился: ладно, мол!

Так и разделились, младшего брата даже слушать не стали. Пришла зима. Эр-сяо в горы ходит, траву да хворост собирает, петух ему помогает, зернышки подбирает, пес ветки носит. Раскормил Эр-сяо петуха, раскормил собаку. А ленивый старший брат до самого вечера коровий хлев не запрет, сена не подбавит. Холодно буренушке, голодно, отошдала она — сухая хворостина тонкая. Глянет на нее Эр-сяо — сердце защемит от жалости.

Пришла весна, самое время пахать. Закручинился мальчик. Увидал рыжий пес, что хозяин его печальный ходит, залаял:

— Ван-ван-ван! Меня запряги — за корову сойду! Ван-ван-ван! Меня запряги — за корову сойду!

Увидал большой петух, что хозяин его печальный ходит, закричал:

— Гуа-гу-гу, я пахать могу! Запряги меня! Гуа-гу-гу, я пахать могу! Запряги меня!

Запряг Эр-сяо рыжего пса, запряг большого петуха, пошел поле пахать. Машет петух крыльями, тащит плуг, старается. Машет пес хвостом, тащит плуг, надрывается. Эр-сяо сзади идет, плуг держит. Так и режет плуг сырую глину, так и режет.

Вскорости Эр-сяо всю землю перепахал. Узнала про то злая невестка, опять недоброе замыслила, говорит своему ленивому мужу:

— Совсем немощной стала наша корова, телегу тащить не может. Сходи-ка к Эр-сяо, возьми рыжего пса да большого петуха, может, на них возить будем?

Обрадовался старший брат и думает: «Старую корову впряжешь, не подтолкнешь — не поедешь! Рыжего пса да большого петуха займешь,

¹ Му — мера площади, около 0,06 га.

в телегу впряжешь, они повезут, а сам отдохнешь!» Чуть не бегом помчался старший брат к младшему. Прибежал и говорит:

— Немоцной стала наша корова, телегу тащить не может, одолжи-ка мне твоего пса да петуха, может, они потащат?

Молчит Эр-сяо, будто и не видит старшего брата. Распрявился тогда старший брат, разогнул свою ленивую спину и говорит:

— Не дашь, ворочусь домой, уморю старую корову до смерти.

Пожалел Эр-сяо буренку, дал старшему брату пса да петуха. Запряг их лентяй, полнехоньку телегу навоза навалил, стегнул кнутом и приговаривает:

— Ну-ка приналягте, старшему брату послужите!

Сам телегу не толкает, только вид делает, того и гляди, на спину опрокинется, досадно ему, что петух да пес его самого не везут. Немного прошло времени, уморились петух да пес, потом изошли, еле тащатся, а лентяй знай кнутом их стегают. Рассердились горемыки, остановились, идти не хотят. Бил их лентяй, бил, так и забил до смерти. Сам устал, воротился домой, залез на кан и заснул.

Пришел младший брат с поля, про обед и не думает, сразу к старшему брату подался.

Увидел во дворе злую невестку и спрашивает:

— Где мой рыжий пес да большой петух? Я их домой уведу покормить!

Махнула невестка рукой и говорит:

— Ох, и не вспоминай лучше, забил пса да петуха твой старший брат, лежат они на дороге.

Услыхал это Эр-сяо, зашлось у него сердце, к дороге побежал. Смотрит — лежит на дороге большой рыжий пес, рядом петух валяется. И злость взяла Эр-сяо, и горько ему. Плакал, плакал, после взял на руки петуха и пса, к себе прижал, понес домой. Закопал он их на току перед хижинкой. Как воротится с поля, тотчас бежит на могилку поглядеть. Прошло несколько дней, и вырос на могилке вяз, листочки нежные, светло-зелененькие, блестят — камни драгоценные сверкают. Каждый день его Эр-сяо поливает. Вырос за год вяз выше самого Эр-сяо. Макушка густая, лист к листу, ну прямо зонтик зеленый. Пришла весна, на вязе почки появились — круглые монетки. Поднимет юноша голову, любитесь. Вдруг ненароком ствол рукой тряхнул. Ша-ша-ша — зашелестело, зашумело, почки с дерева дождем посыпались. Нагнулся Эр-сяо, поднять хотел, смотрит — глазам своим не верит: и не почки это вовсе — монеты

золотые да серебряные так и сверкают, так и переливаются. Собрал их Эр-сяо, купил бурюю корову. С той поры еще прилежней трудиться стал.

Узнала про это злая братова жена. И вот однажды, когда Эр-сяо в поле ушел, перелезла через стену к нему во двор, ухватилась за ствол вяза и давай его трясти. Хуа-ла-ла — с дерева почки дождем посыпались. Пэн-пэн-пэн — злую невестку по голове бьют. Отпустила она ствол, двумя руками голову ухватила.

— Ай-я-яй! — кричит.

Нагнулась, смотрит — никаких монет на земле нет, ни золотых, ни серебряных, одни каменные кругляши валяются. Пощупала невестка голову — голова вся в шишках. Рассвирепела, топор отыскала. Хан-ха — срубила вяз. Тут как раз Эр-сяо с поля воротился. Увидал: и досадно ему и горько. Спрашивает он злую невестку:

— Ты зачем мой вяз срубила?

А та глаза закатила, говорит с обидой:

— И не вспоминай ты лучше про свое дерево, всю голову мне изранило.

Сказала она так, рукой махнула и ушла.

Закручинился Эр-сяо, дерево рукой погладил, после ножик достал, веток нарезал, корзиночку сплел, под стрехой подвесил. Прилетели птицы с юга, прилетели с севера, яйца в корзиночку снесли. Прилетели ласточки с юга, прилетели с севера, яйца в корзиночку положили. К вечеру корзина до краев наполнилась.

Узнала про это злая невестка и говорит своему ленивому мужу:

— Видать, не любишь ты яйца есть! Гляди-ка, сколько их у младшего брата в корзинке под стрехой!

Услышал это старший брат, глаза вытаращил, на ноги вскочил.

— Сбегаю, попрошу несколько штук.

А жена отвечает:

— Не яйца проси, а корзиночку. Пусть ласточки да другие птицы сами нам яиц нанесут, вон сколько их будет, не то что в доме, во дворе не поместятся.

Отправился старший брат к младшему. Идет, а про себя думает: вдруг не даст ему Эр-сяо корзинку волшебную? Вошел, лицо жалостливое, и говорит, чуть не плачет:

— Дай, братец, твоей корзинкой попользоваться, а то я с голоду скоро помру. Последний раз это, потом сам буду прилежно трудиться.

Сердце у Эр-сяо доброе, услышал он, что старший брат с голоду умирает, дал ему займы корзинку. Увидела это злая невестка, аж рот от радости разинула. Подвесила корзинку под стрехой, сама у ворот села, покрикивает:

— Птицы, с востока летите, птицы, с запада летите, в мою корзинку скорее яйца кладите! Ласточки, с севера летите, ласточки, с юга летите, скорее в мою корзинку яйца кладите!

Прилетели птицы с юга, помет в корзинке оставили, прилетели птицы с севера, помет в корзинке оставили. Прилетели ласточки с юга, прилетели ласточки с севера, тоже помет в корзинке оставили и дальше полетели. Рассердилась злая невестка, схватила палку да как ударит по корзине!

Малые птахи чирикают:

— Чир-чир-чир! Невестка злая, сердце злое, печень злая! Чир-раз! Клюнем в глаз! Клюнем в глаз! Чир-раз!

А ласточки им вторят:

— Фьюить, фьюить, фьюить! Невестка злая, сердце злое, печень злая. Фьюить-раз! Клюнем в глаз, клюнем в глаз!

Кинулись тут разом на злую невестку птахи малые да ласточки, за-вертелась-закружилась злая невестка, больно ей, орет, кричит, а ленивый муж на кане лежит, сквозь сон бормочет:

— Ты чего орешь, мне спать не даешь?

Выклевали птицы злой невестке глаза, и померла она через несколько дней с досады. Ленивый брат вскорости с голоду умер. А трудолюбивый Эр-сяо жил в счастье и довольстве.

Было у матери пять дочерей. Старшую прозвали Дин-чжэр — Наперсток, вторую Шоу-чжор — Браслет, третью Цзе-чжир — Колечко, четвертую Эр-чжур — Сережка, пятую Хэ-бор — Кошелечек. Мать рано овдовела и во второй раз вышла замуж за торговца-разносчика. Недобрым был он человеком, а пуще того несправедливым. Да к тому же скряга. Не велел он падчерицам платья из новой материи шить, не велел хорошей едой кормить. Чуть что ему не по нраву, кричит да ругается:

— Хэй! Зря я белый рис перевозжу, зря первосортную муку порчу, кормлю пятерых девок — товар дешевый!

Отправился как-то разносчик спозаранку по деревням, а перед уходом наказал жене:

— Возьми полшэна¹ лучшей муки, налей полцзиня лучшего масла, напеки блинов масленых многослойных, ворочусь вечером, наемся досьга.

Сказал так разносчик, взвалил на плечо коромысло с товаром и ушел. Жена всех пятерых дочек на ток зерно сушить отослала, заперлась в кухне, собралась блины печь. Взяла самой лучшей муки, тесто замесила, огонь в очаге развела, стала блины в котле печь. Не успела первый блин испечь, слышит — старшая дочь пришла. Бан-бан-бан — стучится в дверь, кричит:

— Мама, мама! Отопри!

¹ Шэн — мера объема, около 1 л

Отвечает мать:

— Ты зачем пришла, отчего зерно на току не сушишь?

— Я за ситом пришла.

Отперла мать дверь, впустила дочку. А в очаге огонь полыхает, из котла пар валит.

Спрашивает дочка:

— Мама! Ты что делаешь?

— Отцу масленые блины пеку.

— Пахнет вкусно! Дай один отведать.

Сказала так Дин-чжэр, сняла крышку с котла, смотрит — блин подрумянился, жаром пышет, схватила его и есть принялась.

Говорит ей мать:

— Ты, доченька, так и быть, ешь, только смотри, на ток воротишься, сестрам ничего не рассказывай.

Согласилась Дин-чжэр, съела блин, сито взяла и ушла. Заперла мать дверь и второй блин печь принялась. Только стал он подрумяниваться, вторая дочь прибежала. Бан-бан-бан — стучится в дверь, кричит:

— Мама, мама! Отопри!

— Ты зачем пришла? Отчего зерно на току не сушишь?

— Я за решетом пришла.

Отперла мать дверь, впустила дочку. А в очаге огонь полыхает, из котла пар валит.

Спрашивает дочка:

— Мама! Ты что делаешь?

— Отцу масленые блины пеку.

— Пахнет вкусно! Дай один отведать!

Сказала так дочка, сняла крышку с котла, взяла блин и есть принялась.

Говорит ей мать:

— Ты, доченька, так и быть, ешь, только смотри, на ток воротишься, сестрам ничего не рассказывай.

Засмеялась дочка, доела блин, взяла решето и ушла. Закрыла мать дверь, третий блин печь принялась. Только стал он подрумяниваться, третья дочка прибежала. Бан-бан-бан — в дверь стучится, кричит:

— Мама, мама! Отопри!

— Ты зачем пришла? Отчего зерно на току не веешь?

— Я за веником пришла.

Отперла мать дверь, впустила дочку. В очаге пламя полыхает, из котла пар валит.

Спрашивает дочка:

— Мама! Ты что делаешь?

— Отцу масленые блины пеку.

— Пахнет вкусно! Дай один отведать!

Сняла дочка крышку с котла, взяла блин, есть принялась.

Говорит ей мать:

— Ты, доченька, так и быть, ешь. Только помни, на ток воротишься, сестрам ничего не рассказывай.

Закивала головой дочка, доела блин, взяла веник и ушла. Заперла мать дверь, четвертый блин на стенку котла налепила. Только стал он подрумяниваться, четвертая дочка пришла. Бан-бан-бан — в дверь стучится, кричит:

— Мама, мама! Отопри!

— Ты зачем пришла? Отчего зерно на току не метешь?

— Я за мешком пришла.

Отперла мать, впустила дочку. В очаге огонь полыхает, из котла пар валит.

Спрашивает дочка:

— Мама! Ты что делаешь?

— Отцу масленые блины пеку.

— Пахнет вкусно! Дай один отведать!

Открыла Эр-чжур котел, достала блин, есть принялась.

Говорит ей мать:

— Ты, доченька, так и быть, ешь, только смотри, на ток воротишься, сестрам ничего не рассказывай.

Засмеялась Эр-чжур, доела блин, взяла мешок и ушла. Заперла мать дверь, последний блин на стенку котла налепила, хворосту подбросила, испеку, думает, блин и спрячу подальше. Вдруг слышит: бан-бан-бан — в дверь застучались. Это пятая дочь прибежала, кричит:

— Мама, мама! Отопри!

Говорит мать:

— Ты зачем пришла? Отчего зерно на току в мешки не насыпаешь?

— Я за коромыслом пришла.

Отперла мать дверь, впустила дочь, дала ей коромысло и говорит:

— Темно уже, быстрее беги к сестрам, подсоби им зерно таскать!

А дочь отвечает:

— Дай мне блина отведать!

— Нет у меня блинов, рисовой каши жиденькой поешь!

— Сестрам дала блинов отведать, а мне не даешь! Выходит, их любишь, а меня нет!

Сказала так Хэ-бор, слезами горячими залилась.

Вздыхнула мать, вытащила из котла последний блин, отдала младшей дочери и говорит:

— Только один и остался, ешь, доченька.

Взяла Хэ-бор блин, улыбнулась весело и есть принялась. Увидала пестрая собачка, что Хэ-бор блин масляный ест, подняла голову, глядит. Отломил Хэ-бор кусочек, собачке бросила:

— Отведай и ты, собачка, узнаешь, какие вкусные блины масляные.

Доела девушка блин, а тут и солнышко за горы спряталось. Разносчик домой воротился, снял с плеча коромысло и говорит:

— Исходил я вдоль и поперек четыре деревни да восемь поселков, прошел хутора восточные, в западных селеньях побывал. Притомился, есть захотел. Скорей подавай мне блины масляные.

Отвечает жена:

— Блины масляные дочки съели.

Услыхал это торговец, закипела в нем злость — вода забурлила. Ничего не сказал, а сам план хитроумный придумал. На другой день утром припас он топор хворост рубить, закинул за спину веревку крепкую, взял палку толстую, сухую шкуру баранью, рассмеялся и говорит:

— Ну, доченьки, пойду я нынче в горы за хворостом, в горах цветы распустились, мотыльки порхают. И вы со мной идите, за день нагуляетесь.

Девушки доверчивые, услышали, что в горы пойдут играть да резвиться, обрадовались. Взяла старшая, Дин-чжэр, корзиночку, яблочки-дички, говорит, собирать буду. Захватила вторая — Шоу-чжор — лопатку, говорит: выкапывать буду целебные корни гортензии. Припасла третья — Цзе-чжир — маленькую цапку, травы душистые, говорит, добывать буду. Четвертая — Эр-чжур — лукошко на спину повесила, грибы, говорит, собирать стану. Пятая — Хэ-бор — малый серп взяла, ветки туи, говорит, срезать буду. Прихватили они еще дружка — пеструю собачку, чтоб в пути не скучно было. Вышел за ворота разносчик, вслед за ним пятеро сестер весело выбежали.

Девяносто девять отмерей прошли, девяносто девять излучин обогнули и пришли на Медвежью гору.

Говорит разносчик:

— Доченьки, я под горой хворост рубить буду, а вы на гору подымитесь, поиграйте да порезвитесь. Как умолкнет мой топор, так вниз спускайтесь.

Поднялись сестры на гору, а там красота такая, что и не расскажешь. Небо разноцветное, деревья зеленые, травы сочные, а цветов каких только нет да птиц разноперых! Персиков горных да яблок диких тьма-тьмуцкая, аж ветки гнутся. В озерах мальки зеленые, красные, желтые, синие. Взялись сестры за руки, пошли цветы рвать, яблоки собирать, мотыльков ловить, на траве кататься. Вырвались они на волю — птички из клетки вылетели, — не нарадуются. Набрала старшая сестра полную корзину яблок и говорит:

— Давайте к отцу воротимся.

Отвечают ей сестры:

— Погоди! Слышишь, отец еще хворост рубит?

Идут они дальше. Накопала вторая сестра корней гортензии и говорит:

— Хватит играть, давайте к отцу воротимся.

А три младшие сестры ей в ответ:

— Не бойся! Слышишь, отец еще хворост рубит?

Идут они дальше. Нарубила третья сестра целую охапку душистого рогоза и говорит:

— Далеко мы зашли, давайте назад воротимся!

А две младшие сестренки ей отвечают:

— Не далеко — близко, не далеко — близко! Слышишь, отец еще хворост рубит?

Идут они дальше. Набрала Эр-чжур полное лукошко грибов и говорит:

— Скоро солнышко спрячется, домой пора!

Услыхала это Хэ-бор, губы надула и говорит:

— У вас у всех корзинки полные, у меня одной ничего нет!

Увидали сестры: невесела Хэ-бор, потолковали меж собой и говорят:

— Раз-так, пройдем еще немного. Отцов топор пока не умолк.

Хотят они дальше идти, а собачка им поперек дороги встала, лает: ван-ван-ван!

— Не кусай нас, дружок, мы поиграем малость и назад воротимся.

Пошли они дальше и забрели в самую чащу лесную. Срезает Хэ-бор нежные ветки туи, сестры ей помогают, целую вязанку нарезали. Солнышко за горы село, птицы в гнезда попрятались, темно стало. Пошли

сестры назад, боязно им, дороги не разбирают — и заблудились. Вперед идут — горы крутые, назад — лес густой. В траве светлячки сверкают, в ущельях звери ревут. Птицы ночные по лесу летают, ветер в деревьях свистит да воет, в траве шелестит. Страшно в горах темной ночью, аж сердце замирает. Плутали, плутали сестры по Медвежьей горе, совсем с дороги сбились. Говорит тут старшая, Дин-чжэр:

— Не надо бояться, не надо из стороны в сторону метаться. Слышите? Отец все еще хворост рубит!

Прислушались сестры, взялись за руки и вместе с собачкой медленно пошли на звук топора. Перешли гору, миновали два ущелья, вдруг смотрят — дорога горная. Слышно, как топор дерево рубит.

Бан-бан-бан-бан! Обрадовались сестры, закричали разом:

— Отец, отец, мы пришли.

Только эхо им ответило, а голоса отчима не слышать. Смотрели они, смотрели при свете звезд, видят — висит на высоком дереве сухая баранья шкура, рядом палка толстая привязана. Палка от ветра качается, по шкуре бьет: бан-бан-бан-бан! А топора никакого нет.

Отец, отец, злое у тебя сердце, не пожалел ты дочерей, темной ночью в глухих горах на съедение волкам да тиграм бросил. Домой бы воротиться — ночь темная, горы крутые, дороги не видать. Куда же деваться? Где голову приклонить?

Вдруг далеко-далеко, в самой чаще горного леса, огонек блеснул. Раз лампа горит — значит, люди есть.

Обрадовались сестры, все разом заговорили:

— Пойдем поглядим, нас только бы на ночь кто приютил, а завтра чуть свет дорогу найдем, домой воротимся.

Одолели они страх, стали в гору подниматься. Вертится собачонка под ногами, идти не дает, лает что есть мочи.

Говорят ей сестры:

— Не лай, дружок, не злись, сейчас в дом придем, еды найдем, тебя досыта накормим!

Взялись сестры за руки, вместе с собачкой на дальний огонек пошли. А это и не лампа вовсе — фонарь у входа в пещеру светится. Поднялись сестры на каменные ступеньки, смотрят — двери каменные двустворчатые, одна половинка открыта. Заглянули — а там старая старуха сидит. Посмотрела она на сестер — что за диво дивное? — и спрашивает:

— Как это вы, детушки, темной ночью сюда забрели?

Отвечают девушки:

— Пошли мы в горы хворост собирать да заблудились. Дозволь, добрая бабушка, на ночь у тебя остаться.

Вздыхнула тут старушка и говорит:

— Видать, не знаете вы, в какое место забрели. Гора эта Медвежьей зовется и пещера тоже, потому как живет в ней медведь-оборотень. Не ест он вареной пищи, людей жрет. Кто здесь пройдет — тот в лапы к нему попадет. Видите, белые косточки в пещере горой громоздятся?

— А ты, бабушка, кто же будешь? Отчего медведь тебя не съел, пощадил?

Отвечает старуха:

— Он и меня сожрать хотел, в лапах сюда приволок. Только старая я да тощая. Кости да кожа. Вот и не стал он меня есть, велел за домом присматривать.

— А где он сейчас, медведь? Почему мы его не видели?

— Глупенькие вы, мои детушки! Хорошо, что не видели. Смотрите, как бы он вас не приметил.

Вышла старуха из пещеры, поглядела на небо и говорит:

— Пошел медведь на охоту людей ловить, скоро назад воротится. Уходите-ка вы отсюда подобиру-поздорову!

Ночь темная, горы глухие, где девушкам голову приклонить?

Спрашивают они:

— Бабушка, а бабушка, медведь воротится, где спать ляжет?

Отвечает старуха:

— Коли жарко — на холодный кан ляжет, коли холодно — на теплый кан залезет.

— А где у него теплый кан?

— В глубоком котле.

— А где у него холодный кан?

— На плоском камне.

Посоветовались меж собой сестры, потолковали тихонечко и говорят старухе:

— Не бойся, бабушка! Спрячь нас в пять больших корчаг, воротится медведь — уложи его спать на теплый кан. Придумали мы, как от него избавиться.

Только они это сказали — снаружи ветер засвистел, медведь на горе появился, тут уж не до разговоров. Открыла бабушка поскорее пять боль-

ших корчаг, из глины сделанных, велела сестрам спрятаться. А пеструю собачку в топке схоронила, больше негде. Только они попрятались, медведь-оборотень появился.

Вошел, носом водит, принюхивается:

— Пых-пых, что за дух?

Отвечает ему старуха:

— Может, это у меня ноги так пахнут?

— Пых-пых, не ноги.

— Может, это от тебя кровью свежей пахнет?

— Пых-пых, не кровью!

Бегаёт медведь по пещере, по углам шарит. Подошел к глиняным корчагам, хотел открыть да заглянуть. Испугалась старая, сердце запрыгало, удержать его — силенки не хватит, дорогу загородить — смелости недостает: «Плохо дело! Загубит он бедных девушек». Вдруг из топки собачка выскочила, вперед кинулась, тявкнула, хват медведя за ногу. Обернулся медведь, пнул собачку и говорит:

— Чую я дух чужой, а это паршивой собачонкой пахнет!

Говорит ему тут старуха:

— Уж и не знаю, что за собачка такая приبلудная, гнала я ее, гнала, не уходит.

— А ты привяжи ее, коли человека завтра не задеру, собачку съем.

— И то верно. А сейчас спать ложись. Время позднее.

— Жарко, пойду на холодный кан лягу.

— А ты посмотри, какой ветер дует, с полуночи холодать начнет, ложись-ка лучше на теплый кан.

Послушался медведь старуху, залез в котел, захрапел. Открыла тут старуха тихонько корчаги глиняные, выпустила девушек. Дин-чжэр с Шоу-чжор валуны тяжелые притащили, на крышку котла положили, не сдвинешь теперь крышку с места. Цзе-чжир с Эр-чжур сухого хворосту натаскали, стали в печи огонь разводиться. А Хэ-бор что есть мочи кузнечный мех растягивает: пай-да! Пай-да! Мех пыхтит, пламя котел лижет — жарче, горячее, жарче, горячее!

Проснулся медведь да как заревет:

— Жа-жа-жарко! Гр-гр-горячо!

Отвечают ему сестры:

— А ты не реви! Теплее — спать слаще!

— Ай-я! Жарко! Всю шерсть мне спалили!

— А ты не кричи! Шерсть медвежья — что шуба. Старую скинешь — новую наденешь!

— Ай-я! Жарко! Всю кожу мне сожгли!

— А ты не реви! Кожа медвежья что платье! Старое скинешь — новое наденешь!

Так злого медведя-оборотня живьем в котле и зажарили.

Наступило утро. Тревожатся сестры. Сердце у них — море бурное. Домой воротиться — там отчим злой, весь век маяться будешь. Не воротиться — тоска по матушке родной изведет.

Видит старая — загрустили, закручинились девушки, и говорит:

— Чего только на этой горе нет — и тыквы, и яблоки, и овощи разные, и травы целебные, и зерно — все тут растет. Мне, старой, тоже голову приклонить негде. Может, останетесь? Вместе жить будем.

И остались пятеро сестер на горе жить. Как изжарили они медведя-оборотня — спокойно на горе стало. В любви да согласии живут девушки со старухой, друг дружке во всем помогают.

Наловили они диких уток, фазанов да зайцев, коров диких пригнали, овец да кабанов, откормили их, стали звери смиренными, домашними. Всю землю на склоне сестры тляками да мотыгами перекопали, пшеницу посеяли, просо. На целине земля тучная, жирная; выкопали девушки канавки, с вершины вода по ним течет родниковая, чистая. Течет и течет, льется и льется. Навозу вдоволь, сорняки выполоты. Пшеница ростки пустила, зеленые, блестящие, на просе метелочки появились. Уродилось все на славу!

Стали сестры тутовый лист собирать, шелкопрядов кормить. Собрали хлопок дикий, принялись материю ткать. На яблоках вино настояли вкусное, ароматное, коноплю посеяли, масла надавили пахучего. Бамбук тонкий нарезали, корзины сплели. Толстые деревья срубили — дом построили. Все у них есть — и еда, и одежда, и жилье, и утварь разная — всего вдоволь.

Зима лето сменяет, жара — холод, незаметно три года прошло. Опять усыпали красные листья землю, опять у ворот персиковое дерево расцвело. Вспомнили сестры о родной матушке, решили весточку ей подать. Сняла старшая сестра наперсток медный, сняла вторая сестра браслет серебряный, сняла третья сестра кольцо позолоченное, сняла четвертая сестра нефритовые сережки зеленые. А младшей что снять? Отвязала она от пояса кошелечек, из атласа сшитый, парчой расшитый. Сложили в него сестры все свои украшения, сверху прикрыли лоскутами

шелковыми да атласными, горсточку зерна высыпали. Крепко-накрепко завязали мешочек, кликнули собачку пеструю, в родной дом ее отправили.

Долгих три года сестры дома не были. Долгих три года засуха за горами стояла, нет и нет дождя. Торговля у разносчика совсем захирела, какой был у него товар, весь продал, а деньги проел. Да и коромысла с товарами нет сил таскать. В ларе — ни зернышка, в ящике — ни горстки муки. Печь холодная, из трубы дым не идет. Сидят муж с женой, вздыхают да охают. Вдруг смотрят — собачка пестрая бежит, хвостом виляет, в зубах — узелок. Взяла жена узелок, развязала, а там наперсток медный, браслет серебряный, кольцо позолоченное, серьги нефритовые да еще кошелечек, из атласа сшитый, парчой расшитый. Заплакала мать от радости и говорит:

— Живы мои доченьки, все пятеро. Про то мне шпильки да заколки в мешочке атласном сказали. Есть у них еда, есть одежда. Про то мне лоскутки да зернышки сказали! Скорей беги вперед, собачка пестрая, приведи меня к моим детушкам!

Слышал это злой отчим и не знает, верить ему или не верить. Только дома все едино с голоду помрешь. И решил он вместе с женой идти. Собачка впереди бежит, муж с женой следом за нею. Прошли девяносто девять отелей, обогнули девяносто девять излучин, к горе подошли — Десять тысяч сокровищ зовется. Стали вверх подниматься. По склонам да по кручам поля зеленые, ухоженные; коровы мычат, козы скачут, куры, утки, свиньи, зайцы по горе бегают. Посреди горы — дом высокий, двор просторный. Тявкнула пестрая собачка три раза: ван-ван-ван!

Пять девушек, пять сестер к воротам вышли. Радуются, дивятся, слова вымолвить не могут. Кинулись они к своей бедной матушке и давай ее обнимать. Три года не видались, нынче вдруг встретились.

Отчим в сторонке стоит, покраснел весь, стыдно ему, совестно. Вздыхнул он тихонько и думает: «Виноват я перед дочерьми, повиниться надобно».

Повинился, прощенья испросил, на том и сказке конец. А коли спросите, чем пять сестер мать с отчимом потчевали, ответчу вам: вином да мясом, да еще блинами масляными многослойными, целыми блюдами их подавали.

Рос в старину в неведомом краю лес, густой, дремучий. Уж и не знаю, сколько дней, сколько ночей надобно идти, чтоб от конца до конца пройти. Каких только деревьев в том лесу нет! Сосны да кипарисы все четыре времени года зеленые стоят. Дикие орехи да утуны весной цветами умирают, клены и дубы осенью красными листьями укрываются, боярышник и груши плоды дарят. Хэй! Всех и не перечтешь! Трех ночей, трех дней не хватит. Росла в том лесу акация старая-престарая. Ветки на макушке кривые, изогнутые, не то ветки, не то дракон, в стволе дупло — целый дом. Жил в том дупле дух дерева. Мудрый был, все знал. Постель у него — громадные листья сухие, дверная занавеска — золотые да серебряные лианы, что вокруг дерева обвились. Расскажу я вам, какая с тем духом однажды история приключилась. Да вначале не про то речь пойдет.

Далеко-далеко от леса стояла маленькая деревушка. Рос в той деревушке большой вяз. На вязе резвилась да щебетала птаха малая, перья золотистые. Стояли возле вяза два дома крыша в крышу, меж домами стена глинобитная, тонкая. К западу от стены жил бедняк по прозванию Лю Чунь-тянь. Земли у него, как говорится, пальцем ткнуть не во что. Вставали они с женой чуть свет, в пятую стражу, и принимались жернова крутить, соевый сыр делать. Сами шелуху бобовую едят, пену с соевого сыра подбирают, а денег заработают — старую мать накормят, без малого восемьдесят годов ей. К востоку от стены богач жил — и мулы у него, и лошади. Ван Юй-фэн прозывался — Ван Нефритовый пик. Богачи своим детям всегда имена красивые дают. Была у Ван Юй-фэна мать-

старуха, лет эдак восемьдесят с лишком ей. На ухо туговата, глазами подслеповата. Слаба да немощна — с кана слезть не может. А Ван Юй-фэн только и знает, что односельчан зерном да деньгами ссужать, проценты и арендную плату взыскивать. И жена ему под стать: откроет рот — про деньги речь ведет. Закроет рот — про деньги думает. Не то чтобы о старухе позаботиться, так еще ворчит: что она-де под ногами у них путается, зря хлеб ест, никак не помрет.

Есть такая присказка: заморозил иней траву в лощине. В тот год в самом конце весны — огромный вяз уже нежно-зелеными листьями весь покрылся — занемогла мать Лю Чунь-тяня. Горюют Лю с женой, печалются. Им бы денег займы взять, только бедняку, как говорится, везде от ворот поворот. Снял с себя Лю Чунь-тянь ветхую одежку, жена бронзовые шпильки из волос вытащила — продали, едва наскребли денег на лекарство. Только не помогло оно старухе. Умерла горемыка. Вспомнил тут Лю Чунь-тянь, сколько мук приняла мать, пока его растила, а он так и не дал ей дня счастливо пожить. Болит у него сердце, будто кто его из груди рвет. Заплакали горько муж с женой.

Вдруг ветер стих, с неба дождь полил, поникли ветви вяза. Увидела золотая птичка, как убиваются бедняги, плач услышала. Раскрыла клюв, снова закрыла, не щебечет — грустно ей. В черных глазах светлые слезинки блестят, улетела она по дождю, по серому, по мелкому. А птице вяз покинуть — все равно что человеку родную деревню. Летела птичка, летела, нежданно-негаданно в тот самый лес залетела, огромный, густой, туманом скрытый, на старую акацию опустилась. Подул ветер, дождь перестал, на листьях капли засверкали, на тополях сквозь белую кору свежая кожица проглянула нежно-зеленая. Кричат кукушки, летают фазаны, а у золотой птички в черных глазах светлые слезинки блестят. Рассеялись тучи, солнышко выглянуло, трава заблестела — жемчуг драгоценный. Обвили старую акацию лианы, на лианах цветы расцвели — мотыльки золотые да серебряные. Росинки на землю падают, дивный аромат во все стороны разносится, над цветами пчелы гудят, бабочки порхают. Только золотой птичке грустно. Не удержалась она, стала клевать нежные блестящие цветочки. Клюнет — слезинку уронит, еще клюнет — еще слезинку уронит.

Задвигались, заходили по всему дереву золотые, серебряные цветочки, раздвинулись на обе стороны, открылось дупло, вышел из него добрый старик: волосы длинные, по самые плечи, блестят, как перья белые птицы аиста; лицо румяное, свежее, глаза живые, ясные, как у младенца.

Не раз, не два летала птичка по лесу, сразу смекнула — сам дух дерева перед ней. Не успела клюв раскрыть, а дух ей и говорит:

— Тысячу раз по тысяче лет живу я в лесу, а никогда не видел слез птичьих. Говорят люди, не умеют птицы плакать. Отчего же ты, золотая птичка, нынче заплакала, стариковское сердце слезами разбередила?

Зачирикала тут птаха малая, да так печально:

— Добрый дедушка! Вот что я нынче видела, вот отчего опечалилась...

Понимал лесной старец язык птичий, и рассказала ему золотая птичка все по порядку. Как Лю Чунь-тянь бедно жил, как за своей старой матерью ходил, как лекарство ей добывал, как вместе с женой убивался, когда мать умерла. Выслушал птичку старец, ничего не сказал. Стоит, молчит, думу думает. А птичка знай твердит:

— Верь, добрый дедушка! Хорошие они люди, Лю Чунь-тянь да его жена, справедливые!

Замотал старик головой и говорит:

— Вот что я тебе скажу, птаха малая! Чтоб узнать, хорош ли человек, плох ли, видеть еще надобно, как он к чужим людям относится.

Покачала птаха головой и отвечает:

— Да ты сам пойдди погляди, тогда и узнаешь, какие оба они справедливые да хорошие.

Старец шелохнулся, тощей старухой обернулся — платье латаное-перелатаное, живого места нет.

Говорит старуха:

— Птаха золотые перья! Я и впрямь схожу, на них погляжу!

А Лю Чунь-тянь с женой, как схоронили мать, в доме сидят, горюют, кусок в горло не идет. Вдруг смотрят — старуха в воротах стоит, тощая-претощая, ветер дунет — с ног свалит. Жалко им старуху — мочи нет.

А старуха им и говорит:

— Люди добрые, дайте хоть сухой лепешки поесть!

Вскочил Лю Чунь-тянь, поскорее лепешку выбрал самую лучшую, старухе отдал. Пуще прежнего жена печалится и говорит старухе:

— Матушка! В твои ли годы через овраги перебираться да через кручи! Небось и ноги не ходят!

Отвечает ей старуха:

— Одна я в целом свете, ни сына, ни дочки, негде голову приклонить, где упаду, там и смерть заберет.

Глядит Лю Чунь-тянь на старуху, матушку-покойницу вспоминает, и у этой горемыки, видать, ни одного счастливого дня в жизни не было. Слыханное ли дело, в такие-то годы побираться — у одного рису горсточку выпросить, у другого лепешки кусок.

И говорит Лю Чунь-тянь старухе:

— Оставайся жить у нас, матушка, коли не брезгуешь нашей бедностью!

А жена ему вторит:

— Наша матушка умерла, будешь в доме за старшую.

Согласилась старуха, стала жить с Лю Чунь-тянем и его женой. Уж так они за ней ухаживали, так ее обхаживали, что и рассказать трудно.

Лю нет-нет да и скажет жене:

— Смотри не давай ничего матушке делать. Старый что малый, слаб да немощен.

Сами они с женой ни днем ни ночью отдыха себе не дают. Видит это старуха, как ей на кане усидеть? Вот и старается помочь: то огонь разведет, то соевый сыр через сито процедит. А они как настряпают еды, так первым делом старухе отведать дадут.

Жена нет-нет да и скажет потихоньку мужу:

— Старому человеку рис силы прибавляет. А у молодого и так сила есть, поголодать может.

Сказать по правде, трудно им жилось. Но все трое друг дружке помогали, в согласии жили.

Верно говорят: много дней проживешь — человека поймешь. Прошел год, после еще год. Крепко полюбили Лю Чунь-тянь и его жена добрую женщину. Вот и третий год к концу подходит. Но как-то раз кликнула их обоих старуха и говорит:

— Пришла мне пора уйти от вас, детушки!

Не ждали не гадали муж с женой, что такое приключиться может. Говорит печально Лю Чунь-тянь:

— Чем не потрафили мы тебе, матушка? Или опостылела наша жизнь горькая?

Спрашивает жена:

— Уж не я ли ненароком слово тебе какое худое сказала или чем другим сердце твое поранила?

Покачала женщина головой и отвечает:

— Не мучайте вы себя напрасными думами. С вами и горькие дни сладкими покажутся, рана на сердце заживет. Только не могу я больше оставаться здесь, надобно мне уходить.

Не отпускает Лю Чунь-тянь старуху, и так уговаривает, и эдак увещевает. Жалость его одолела. Кто накормит горемыку, кто напоит?

Говорит ей Лю Чунь-тянь:

— Уйдешь, пусто в доме станет. В неведомые края подашься, где тебя искать будем?

Плачет жена, слезами заливается:

— Жили мы вместе — корни горькой лианы перевитые. Ветер да иней три года вместе терпели. Покинешь ты нас — не видать нам покоя.

Подумала старая, подумала и отвечает:

— Не надо меня уговаривать, не надо упрашивать, должна я уйти. Сходите лучше к дереву, у самых корней глины накопайте. Вылеплю я вам человечка, на меня похожего. Затоскуете — на человечка поглядите.

Видят муж с женой: никак не уговорить старуху. Пошли к дереву, накопили глины, домой принесли. Взяла старуха глину, давай ее мять. Мнет да приговаривает:

В деревне вяз стоит, у вяза Лю Чунь-тянь живет.

Жила я у него, жила, три года прожила.

Нынче ухожу, да нечего оставить ему.

Вылеплю из глины человечка,

Человечек плюнет — серебряную монету выбросит.

Сказала так старуха, а человечек уже готов, точь-в-точь старуха. Рот раскроет — изо рта серебряные монеты сыплются. Засмотрелись муж с женой, не заметили, как старуха исчезла. Тут только смекнули они, что старуха эта бессмертной была. Живут муж с женой — горя не знают. Прознали про то соседи, которые к востоку от стены жили, Ван Юй-фэн да его жена, подивились. Прежде, когда Лю Чунь-тянь с женой в бедности жили, соседи к ним ни ногой. А сейчас вдруг проведать их надумали. Вошел Ван Юй-фэн в дом, нет чтобы разговор завести, слово доброе сказать, рыщет по всем углам своими крысиными глазами, то на восток кинет взгляд, то на запад, смотрел, смотрел и высмотрел глиняного человечка. Стоит человечек на столике, изо рта у него серебряные монеты сыплются, звенят. До разговоров ли тут? Увидел Ван Юй-фэн человечка и спрашивает:

— Откуда у вас это сокровище?

Не умеют Лю Чунь-тянь с женой врать, всю правду и выложили. Побежал Ван Юй-фэн домой, все жене рассказал. Взяли они веревку и

мать задушили. Теперь, думают, в доме ртом меньше да еще глиняного человечка можно будет заполучить. Выгодное дельце обтяпали! Сели они во дворе, заголосили, а слез нет — слушать тошно. Прилетел ветер, зашумел, загудел, только бы не слышать этих злодеев. Солнце от злости еще желтее стало. Сердито закачались ветки на вязе. Увидала лиходеев золотая птичка, услышала их вопли истошные, разгневалась, острый клюв раскрыла, круглыми глазами на них зло смотрит. Опротивело ей слушать их притворный плач. Отряхнула птаха перышки, крылья расправила, вместе с песком да ветром улетела.

В беде друга ищут. И отправилась птаха малая искать доброго духа, того, что в дупле живет. Крыльями машет — летит, хвостом вертит — спешит. Летела-летела, в дремучий лес прилетела, на старую акацию села. Только не удержаться ей на ветке, сдуло ее ветром. Все крепчает ветер, листья с деревьев срывает, по небу их гонит. Стараются птаха малая, совсем из сил выбилась, никак не сесть ей на большую акацию. Все перышки ее блестящие ветер растрепал, все коготки ей поломал. Как теперь за ветки цепляться? Налетел ветер на лиану, все ветви ее перемешал, серебряные и золотые цветочки в кучу сбил. Хотела птаха за лиану уцепиться, ветер ее в сторону отбросил. Ударилась птаха о ствол сухой, ей бы разбиться, а она и не чует. Это дух из дупла руку высунул, птаху взял. Жалко доброму старцу птаху, и досада его разбирает.

Говорит старец:

— Птаха милая, перья золотые! Ветер дует, а ты по свету летаешь! Или беда какая тебя привела? Или неведомо тебе, что добрые супруги давно живут в довольстве, нужды не знают?

Отвечала золотая птаха:

— Добрый дедушка! Злость во мне аж кипит. Не знаешь ты, какие нынче дела творятся! А как узнаешь — поймешь, отчего я летела, ветра не побоялась, не будешь меня винить.

И поведала птаха малая все как есть, по порядку, как Ван Юй-фэн богато жил, мать не почитал да обижал, как на глиняного человечка позарился, как мать веревкой удавил. Как после со своей женой во дворе голосил, слез не лил. Про все рассказала старцу птаха малая, а потом говорит:

— Верь, добрый дедушка! Злые они люди, Ван Юй-фэн и его жена! Неправедливые!

Покачал старик головой и говорит:

— Птаха малая, перья золотые, не верю я, что есть такие лиходеи на свете! Слышанное ли дело, родную мать извести, до смерти ее довести!

Замотала птичка головой и отвечает:

— Да ты сам пойдй погляди, тогда и узнаешь, какие жадные они да зловредные!

Старец шелохнулся, тощей старухой обернулся — платье латаное-перелатаное, живого места нет.

Говорит старуха:

— Птаха малая, перья золотые! Я и впрямь схожу, на них погляжу!

А Ван Юй-фэн с женой, как схоронили матушку, только и думают, как бы бессмертная скорее пришла. Заголосят — глаза сухие, — за ворота выглянут, опять заголосят — опять за ворота поглядят. Уж и не знают, сколько часов они так просидели. Вдруг смотрят — ветер налетел, песок закружился, у ворот старая старуха появилась, до ворот кое-как добралась, остановилась. Хотела жена прогнать горемыку, муж не дал, старуха точь-в-точь глиняный человечек, которого он у Лю Чунь-тяня видел. Побежал он к воротам да как закричит:

— Добрая матушка, бессмертная! Заходи в дом поскорей. Мы тебя на славу попотчует! Не то что Лю Чунь-тянь!

Замотала старуха головой и говорит:

— Никакая я не бессмертная, простая старуха бедная. Пожалейте меня, дайте сухой лепешки поесть!

Пошла жена Ван Юй-фэна в дом за лепешкой, а сама ворчит:

— С какой стати старуху бедную потчевать как бессмертную?

Поискала жена, поискала, нашла сухую лепешку, которую собаке припасла, старухе бросила.

Говорит Ван Юй-фэн старухе:

— Матушка! В твои ли годы через овраги перебираться да через кручи? Небось и ноги не ходят!

— Одна я в целом свете, ни сына, ни дочки, негде голову приклонить. Где упаду, там и смерть заберет.

Услыхал это Ван Юй-фэн, обрадовался. Старуха эта наверняка бессмертная. Точь-в-точь такие слова она и Лю Чунь-тяню говорила.

А Ван Юй-фэну только этого и надо. Говорит он старухе:

— Оставайся с нами жить. В доме комната свободная есть.

Услыхала это жена, растревожилась, не стерпела и говорит громким голосом:

— Не успели от одного рта избавиться, ты дыру нашел, куда пищу сваливать.

Ничего старуха не сказала, за Ван Юй-фэном в дом пошла. Тут как раз и обед подоспел. Еды у Ван Юй-фэна всегда вдоволь, как на праздник. Отвели муж с женой старуху в пустую комнату, а сами ушли, наелись, напились, остатки старухе отнесли — немного овощей да холодного рису. На ужин то же самое подали.

Спать легли, в третью стражу проснулись — заныло у скряг сердце от жадности.

Жена бормочет:

— Бедняк он и есть бедняк. Зря еду переводим.

Взяло Ван Юй-фэна сомнение: «Вдруг старуха и впрямь не бессмертная, тогда это прямой убыток». Думал он, думал и как хватит кулаком по столу:

— Ладно, — говорит, — придумал я один способ!

Выслушала жена мужа, обрадовалась и говорит:

— Лучше и не придумаешь! Коли она и вправду бессмертная, будет у нас глиняный человечек, который серебряными монетами сыплет, коли просто старуха бедная, выгоним ее, и делу конец.

Видят они, что не уснуть им больше, встали, к старухе пошли. Спит старуха крепким сном. Разбудили ее муж с женой, силой подняли. Говорит ей Ван Юй-фэн:

— Коли ты и вправду бессмертная, а только обернулась старухой, слепи нам глиняного человечка, у которого серебряные монеты изо рта сыплются. Слепишь — я тебя три года кормить буду.

Смотрит на них старуха, молчит, никак не поймет, в чем дело. Обозлилась жена, не стерпела да как закричит:

— Так я и знала, никакая она не бессмертная, просто нищая да бедная! Не испугалась старуха, не рассердилась, улыбнулась и говорит:

— Пора мне от вас уходить. Идите к дереву, из-под самых корней глины накопайте. Слеплю вам человечка, не зря я к вам приходила!

Услыхали это муж с женой, себя не помнят от радости, пошли глину копать, накопили, в дом воротились. Взяла старуха глину, стала лепить. Лепит да приговаривает:

В деревне вяз стоит, у вяза Ван Юй-фэн живет.

Вчера пришла, до третьей стражи побыла, уходить пора,

Нынче ухожу, да нечего оставить ему.

Вылеплю из глины человечка,

Человечек плюнет — изо рта овод вылетит.

Сказала так старуха, а человек уже готов. Не то на Ван Юй-фэна похож, не то на его жену. Раскрыл человек рот, стали изо рта оводы вылетать, огромные, один другого больше, в три пальца толщиной. Кинулись оводы к лампе, жужжат. А старуха вдруг исчезла. Облепили твари поганые Ван Юй-фэна да его жену. Одного прихлопнут — второй жалит, второго отгонят — третий кусается. Вскорости лица у обоих распухли — глаз не открыть. Стали муж с женой от боли по земле кататься.

В глубокую старину на берегу Восточного моря жил рыбак по прозванию Ху Сы. Десять годков ему с лишним было, когда стал он рыбачить. Много лет он прорыбачил. Рыбы поймал с целую гору. А жил бедно, беднее некуда. Хоть бы лодчонкой утлой обзавелся или сетями — где там! Зернышка в доме нету. Возьмет в аренду у богатого соседа лодку да сети, круглый год по морю плавает, море бурное, ветер по нему волны гоняет, не ровен час, водой захлестнет. Наловит горемыка рыбы, продаст, а деньги соседу отдает в уплату за лодку да сети. Обидно рыбаку, и злость его разбирает.

И вот однажды вышел Ху Сы в море рыбу ловить. Вода голубая блестит, ни ветра не слышать, ни волны не видеть. Только забросил он сети, птица-рыболов прилетела: перья черные с зеленым отливом сверкают. Кинулась птица в море, мигом выскочила, рыбу в клюве держит.

Говорит ей Ху Сы:

— Птица, птица! Ты рыбу ловишь — клюв у тебя кривой, крылья есть. Я рыбу ловлю — ни лодки у меня своей, ни сетей.

Будто поняла птица-рыболов слова человечьи. Жалостливо так на Ху Сы поглядела, крылья расправила, к корме подлетела. Раскрыла клюв, из клюва золотая рыбка прямо в трюм упала, мечется, хвостом по веслу бьет. Только и слышно: дун-дун-дун. Подошел Ху Сы, посмотрел, а у рыбы слезы из глаз текут. Пожалел рыбак рыбку, отпустил в море. Перевернулась рыбка, хвостом вильнула, к Ху Сы оборотилась, трижды ему головой кивнула и уплыла в море.

Три раза кряду закидывал рыбак сети. Не идет в сети крупная рыба, одна мелкая попадает. Растревожился рыбак: чем хозяину лодки платить? Дома старуха ждет, рису надо купить, в котел положить. Задумался рыбак над горькой своей долей, пуще прежнего опечалился, аж заплакал. Хотел слезы вытереть, вдруг слышит, говорит кто-то:

— Не плачь, добрый человек.

Поднял Ху Сы голову, смотрит: старик перед ним, борода белая, в руке гаоляновый стебелек зеленый.

Говорит старик:

— Ты сына моего спас, за это я дам тебе все, что пожелаешь, только попроси.

Подумал Ху Сы, подумал и говорит:

— Ничего мне не надо, почтенный старец, только лодку хорошую да сети крепкие, чтоб я с легким сердцем ходил в море, рыбу ловил, а как домой ворочусь, об еде да об одежде чтоб не печалился!

Закивал головой белобородый старец, видать, по нраву ему пришлись речи рыбака, и говорит:

— Есть в горах Ишань утес в сто чжанов высотой. Бери-ка ты свою старуху да переселяйся на тот утес.

Спрашивает рыбак:

— А как нам туда добраться, добрый старец?

Отвечает старик:

— Не печалься, я знаю, как помочь тебе.

Сказал так старик, рыбаку зеленый стебелек отдал. Взял Ху Сы стебелек, а он тяжелый-претяжелый, холодный-прехолодный. Посмотрел на него рыбак — блестит, аж глазам больно. Подивился и думает: «На что он мне нужен?»

А старик опять говорит:

— Возьмешь стебелек, махнешь в сторону утеса и скажешь: «Отворитесь, ворота каменные, отворитесь, ворота каменные! Бедные люди пришли!» Только помни, как войдешь, ни в чем не сомневайся, смело вперед иди. И никогда не расставайся со стебельком.

Пуще прежнего подивился Ху Сы, только рот раскрыл, чтобы еще порасспросить старика, а старик вдруг исчез. Взял рыбак стебелек, домой пошел. Увидала старуха стебелек, рассердилась:

— Лучше б рису принес или муки, а этим стебельком и не наешься и не напьешься!

Отвечает рыбак:

— Что шумишь понапрасну? Весь век у тебя одна мечта была: лодкой да сетями обзавестись, чтобы об еде да одежде не печалиться.

Сказал так рыбак и рассказал старухе про все, что с ним приключилось, ничего не забыл.

Выслушала старуха, жадность ее обуяла, и говорит:

— Попросил бы чего-нибудь побольше и получше! А то лодка да сети!

Ничего не ответил Ху Сы, не стал с женой спорить. Одна она у него на свете, никого больше нет, весь век, бедная, в заботах да хлопотах. Собрал Ху Сы рыбу, положил ее в две корзины, корзины на коромысло повесил и отправился с женою в путь. Ровно два дня и две ночи шли, к деревушке подошли у подножья Ишаньских гор. Было в той деревушке, ну, самое большее, десять дворов. Идут рыбак с женою, смотрят — старуха у ворот сидит. Подошел к ней Ху Сы и спрашивает:

— Скажи, добрая женщина, далече отсюда до утеса в сто чжанов высотой?

Показала старуха пальцем на запад и отвечает:

— Пройдете прямехонько на запад пять ли, там и будет этот утес. Только никто там не живет, кому же ты собираешься рыбу продавать?

Подумал Ху Сы: а ведь правду говорит старуха, и стал ее просить:

— Оставь пока, добрая женщина, эти корзины у себя, а мы тем временем к утесу сходим, дело у нас там есть.

Старуха и впрямь доброй была. Отвечает она рыбаку:

— Ладно! Оставь здесь свои корзины и не тревожься, сколько пролежит рыба, столько пролежит, никто чешуйки не тронет. А тащить на себе тяжело.

Оставил Ху Сы рыбу у старухи, а сам с женой отправился к тому утесу. Только вышли из деревни, сразу утес приметили. Хэй! Что за скала огромная! В самое небо упирается. Подошли они ближе, головы вверх задрали, смотрят — белые облака вершину всю укрыли. Птицы разные летают. Махнул Ху Сы гаоляновым стеблем зеленым, крикнул:

— Отворитесь, ворота каменные! Отворитесь, ворота каменные! Бедные люди пришли!

Долго сказывать, да быстро делается. Только крикнул это Ху Сы — закачались горы, заходила ходуном земля, загремело, загрохотало вокруг, раздвинулся утес на две половины — и впрямь ворота каменные.

Дивятся Ху Сы с женой, и боязно им. Моргнуть не успели, из скалы женщина вышла: брови — серп луны, глаза — звезды блестящие, как ни

гляди — хороша собой, пригожа да прекрасна — солнышко ясное поутру, так и сверкает.

Говорит красавица:

— Вижу я, люди вы добрые, до работы охочие, может, войти хотите?

Отвечают рыбак с женой:

— Хотим.

Сказали так и внутрь вошли. Выставила женщина вперед палец, закрипели ворота, мигом захлопулись.

Спрашивает красавица:

— Что тебе надобно, добрый человек?

Отвечает ей рыбак:

— Ничего мне не надо, только лодку хорошую да сети крепкие, чтоб я с легким сердцем ходил в море рыбу ловить, а как домой ворочусь, об еде да об одежде чтоб не печалился.

Засмеялась красавица и говорит:

— Не печалься, добрый рыбак, все у тебя будет!

Сказала она так, пальцем на восток показала. Смотрит Ху Сы: море перед ним, ни конца ему, ни края, вода зеленая — нефрит драгоценный, ровная да спокойная — зеркало шлифованное. Из-за моря огромное солнце выплыло, море от него вмиг красным стало. По берегу люди ходят. Показала женщина пальцем на дом под черепицей и говорит:

— Вон твой дом, добрый человек!

После на новую лодку пальцем показала да на крепкие сети и опять говорит:

— Вот твоя лодка, добрый человек, вот твои сети.

Глядит Ху Сы на рыбацкую лодку, глядит на сети, радуется. Захотела жена еще всякой всячины у красавицы попросить, только исчезла вдруг красавица.

Живет рыбак со своей женой в высоком доме под черепицей, ни холод ему не страшен, ни зной. Есть чем сверху укрыться, есть что вниз постелить, есть во что одеться, а утвари всякой — девать некуда. Только еды нет ни крошки. Взял Ху Сы крепкие сети, взял новую лодку, собрался в море рыбу ловить. Поднялся тут западный ветер, подхватил рыбацкую лодку, качает ее, бросает, на самую середину моря пригнал. Пригнал и дуть перестал.

Блестит зеленая вода, ниточками тонкими, прозрачными струится. Рыб в воде — не перечесть. Вот рыба-сабля — пояс серебряный; вот карп — красная чешуя блестящая; вот рыба-хризантема — желтое брюшко зо-

лотистое; вот осетр — зеленая спина переливчатая. Забросил Ху Сы сети, вытащил, еще раз забросил, опять вытащил, рыбы наловил — на корме не встать, впереди не сесть. Только подумал рыбак: «Пора назад плыть», — ветер восточный задул, скользит лодка по воде, будто живая, вмиг к берегу пристала. Вышел рыбак на берег, рыбу на рис да муку обменял.

Утром уйдет Ху Сы в море, к вечеру с полной лодкой рыбы воротится. Уж и не знаю, сколько времени прошло — солнце в тех местах никогда не садится, — только листья на старой акации желтыми стали, потом зелеными, опять желтыми, снова зелеными. Живут Ху Сы с женой, ни в чем нужды не знают — ни в еде, ни в одежде.

А все не унимается старуха, ворчит да ворчит:

— Сходи к красавице, попроси золота да серебра. Сыта я, одета да обута, хочу теперь богатой стать.

Обуяла старуху жадность, золото ей подавай, аж глаза горят, злая-презлая сделалась. Раскричалась, расшумелась. Не стал Ху Сы жене перечить, никого у него на свете больше нет, и говорит:

— Давай вместе пойдем, отыщем красавицу, ты и попросишь, чего тебе надобно.

Взял Ху Сы гаоляновый стебелек зеленый, старуха два больших мешка припасла, и отправились они искать добрую красавицу. Уж и не знаю, сколько дней проискали, солнце в тех местах никогда не заходит, только листья на тополях у дороги зазеленеть успели, потом засохли, опять зазеленели, опять пожелтели. Отыскали наконец Ху Сы с женой ворота каменные. Увидели добрую красавицу.

Спрашивает красавица:

— Что тебе надобно, добрый человек, до работы охочий?

Молчит рыбак, слова вымолвить не может. Тут старуха и говорит:

— Серебра мне надобно и золота, да побольше!

Ничего не ответила женщина, только пальцем на запад показала. Вмиг заблестело все во-круг, засверкало. Что белое — то все серебро, что желтое — то все золото. Взглянешь, кажется, будто не золото это — солнце красное блестит.

Довольна старуха, не знает, что и делать от радости. Хватает пригоршнями золото да серебро, на мужа покрикивает, чтоб скорей собирал да в мешки клал. Целых два мешка набрали, тут и солнышко село. Темнеть стало. Опечалился рыбак и говорит жене:

— Кто знает, когда теперь солнышко взойдет? Как же мы в темноте свой дом найдем, рыбацкую лодку да сети?

Отвечает ему старуха:

— Не найдем — тоже не беда. Да и незачем нам здесь оставаться. Хочу я госпожой быть, а люди тут в достатке живут, прислуживать нам не станут. С золотом да серебром не пропадешь, богатым везде хорошо. Есть захочешь — рот пошире разевай, пить пожелаешь, руку протяни — вода тут как тут. Не придется тебе больше рыбу ловить.

Не по нраву рыбаку такие речи. Вспомнил он безбрежное море зеленое-зеленое — нефрит драгоценный, вспомнил лодку новую, сети крепкие. А старуха не унимается, на своем стоит. Думает рыбак, как ему быть, ведь жена она ему, и решил сделать все, как старуха хочет. Взвалили они на спину каждый по мешку, идут, кричат, насили до каменных ворот добрались. Махнул рыбак гаоляновым стеблем зеленым и говорит: «Отворитесь, ворота каменные! Отворитесь, ворота каменные!..»

Не успел договорить, задрожала земля, закачались горы, загрохотало, загремело вокруг, ворота каменные на две стороны распахнулись. Вышли рыбак с женой, опять земля задрожала, закачались горы, загрохотало, загремело вокруг, каменные ворота захлопнулись. А утес высотой в сто чжанов как стоял, так и стоит. Поглядел на солнце рыбак, поглядела старуха, только за полдень перевалило. Пошли они со своими мешками дальше, к той деревушке, где рыбу оставили.

Серебро да золото на спину давит — дышать не дает. Идут старик со старухой, потом обливаются. Держит рыбак в руке гаоляновый стебелек зеленый, а он, уж и не знаю отчего, все тяжелей да тяжелей становится. Не бросает Ху Сы стебелек, помнит слова старца белобородого. Стал со старухой совет держать, не выбросить ли из мешков немного серебра да золота.

Старуха не соглашается, говорит:

— Лучше гаоляновый стебель выбрось, на что он нам теперь?

Опять послушался ее рыбак, выбросил гаоляновый стебель зеленый. Загремело, загрохотало вокруг. Обернулся стебелек зеленым драконом, на небо улетел.

Идут старик со старухой, серебро да золото на спине тащат, в ту деревню идут, где рыбу оставили. Смотрят — дорога будто другой стала, на прежнюю не похожа. Прошли они пять ли, деревню увидели, только та маленькой была, а эта уж и не знаю во сколько раз больше. Самое малое несколько тысяч домов в ней. Человека повстречали, спросили, что за деревня.

Отвечает человек:

— Селенье это Тухлой рыбой зовется.

Спрашивает рыбак:

— Отчего же это оно так зовется?

Отвечает человек:

— Не век, не два минуло с той поры, как было в нашей деревне десять домов. Проходили тут муж с женой, коромысло с рыбой оставили, сами к утесу в сто чжанов высотой ушли. Так и не вернулись. Рыба протухла, вонь по всей деревне пошла. С той поры и прозвали наше селенье Тухлой рыбой.

Поглядели старик со старухой друг на дружку, подивились, ничуть они старше не стали, а ведь несколько веков минуло. Прошли они еще немного, смотрят — харчевня. Притомились старик со старухой, ног, рук не чувят, голод их мучит, жажда донимает.

Говорит старик:

— Давай передохнем, еды купим!

Опустила жена на землю мешок, хотела слиток серебра достать, глядь — а это камень белый. Стала золото вынимать, смотрит — опять камень, только желтый. Роемся она в мешке, а там одни камни. Аж позеленела старуха, руки трясутся. Вытряхнула она на землю мешок, думала — хоть на дне золото осталось, где там! Белые да желтые камни с грохотом по земле покатались. Вытряхнул на землю свой мешок Ху Сы, тоже камни с грохотом по земле покатались, ни горсти золота, ни крошки серебра.

Выдупили старик со старухой глаза, руками развели. Побежали к утесу в сто чжанов высотой. Может, отворятся ворота каменные? Не тут-то было! Где гаоляновый стебелек зеленый? Показал рыбак пальцем на утес, крикнул:

— Отворитесь, ворота каменные! Отворитесь, ворота каменные! Бедные люди пришли!

Кричал Ху Сы, кричал, аж охрип, а утес стоит себе как ни в чем не бывало, не шелохнется. Вспомнил рыбак свою жизнь прежнюю, нужду горькую, похолодел весь. Вздохнул он и говорит:

— Хотел других накормить полынью, да самому пришлось отведать. Не поешь полыни, не узнаешь горечь.

Думал, думал рыбак, и взяла его досада. Стал он головой о скалу биться, бился, бился, насмерть разбился. Завыла старуха, заревела в голос, не она ли сама себе лиходейка? Не видать ей больше своего дома. Разобрала ее досада, одной мало, к той досаде еще досада прибавилась, стукнулась старуха об утес, тоже насмерть разбилась.

На другой день, только солнышко взошло, стали над утесом малые птахи летать. Это рыбак да его жена ночью парой темно-серых птичек обернулись. Летают птахи, крыльями машут, кричат:

— Кэ ао хэн сыла! Кэ ао хэн сыла! Умерли с досады! Умерли с досады!

Месяц за месяцем идут, год за годом проходят, зима лето сменяет, зной — холод, а птахи малые летают да кричат:

— Кэ ао хэн сыла! Кэ ао хэн сыла! Умерли с досады! Умерли с досады!

Шло время, и прозвали люди серых птичек «аохэн-няо» — «птички грусть-досада». По сию пору в горах Ишань летают птички грусть-досада над утесом в сто чжанов высотой, летают и кричат:

— Кэ ао хэн сыла! Кэ ао хэн сыла! Умерли с досады! Умерли с досады!

Некогда в маленькой деревушке Уцзячжуан жил старик Лао Ли со своей старухой. Не богато жили и не бедно. Даже рис изредка ели. Одна у них беда — нет да нет детей, а очень им хотелось чадо свое иметь.

Говорит как-то вечером Лао Ли жене:

— Эх, старуха, нам бы с тобой сынишку, пусть маленького, с финик величиной.

И что бы вы думали! Послало им вскорости Небо мальчика, и впрямь маленького, не больше финика. Не нарадуются старик со старухой и прозвали сына Цзао-хэ — Финиковая Косточка.

Идут годы, а Цзао-хэ хоть бы чуточку вырос. Так и остался величиной с финиковую косточку.

Поглядел однажды Лао Ли на сына, вздохнул тяжело и говорит:

— Цзао-хэ, Цзао-хэ! Что проку растить тебя! Не будешь ты мне помощником! Зря я радовался, когда ты на свет народился.

Мать отцу вторит:

— Вот и я, посмотрю на тебя, только расстраиваюсь.

Отвечает им Цзао-хэ весело:

— Не печалься, матушка, не грусти, батюшка! Маленький я, да удаленький! Возьми меня, отец, в поле.

Смышленным да усердным был Цзао-хэ. Быстро научился за плугом ходить, мулов погонять, а про хворост и говорить нечего, всегда больше всех собирал. Маленький он — везде проберется, куда другой и сунуться не смеет. А подпрыгнет — сразу на крышу запрыгнет.

Хвалят соседи Цзао-хэ, не нахвалятся. Собственным детям его в пример ставят:

— Поглядите на Цзао-хэ, маленький, да спорый! А вы! Лентяи, хоть и большие выросли.

Уж так счастливы Лао Ли с женой, что и сказать трудно! Да и что в том дивного! Не только усердный да ловкий у них сын, еще и умный на редкость.

Вот что однажды с ним приключилось.

Была в один из годов засуха, ни зернышка крестьяне не собрали со своих полей. Самим есть нечего, а тут еще ямынь подать требует. Нечем крестьянам платить, и приказал тогда уездный начальник своим стражникам увести из деревни всех коров да мулов.

Увели стражники скот, плач да крик по всей деревне стоит. Посмотрел Цзао-хэ, послушал и говорит:

— Не печальтесь, люди, придумал я, как воротить коров да мулов.

Не поверили ему люди и отвечают:

— Сам маленький, а обещания большие!

Не стал Цзао-хэ спорить, а вечером прибежал ко двору уездного начальника, где коровы да мулы были привязаны, перепрыгнул через стену, дождался, пока стражники заснут, и залез в ухо к ослу.

Осел как закричит: э-хэ... э-хэ!..

Стражники мигом вскочили, прибежали — нет никого. Им и невдомек, что в ухо к ослу кто-то забрался.

Не успели лечь, осел опять закричал. Говорит тогда один стражник:

— Не обращайтесь внимания! Мало ли отчего осел кричит! Давайте лучше спать.

А Цзао-хэ только этого и надо. Дождался он, пока стражники уснут, отворил ворота и погнал скот в деревню.

Увидели крестьяне своих мулов да коров, обрадовались. Наутро узнал про все начальник уезда и до того рассердился, что рассказать трудно. Собрал он стражников и вместе с ними отправился в деревню проучить крестьян.

Увидел их Цзао-хэ, навстречу побежал и говорит начальнику:

— Это я коров да мулов вчера угнал. Делай со мной что хочешь!

Тут как закричит начальник уезда:

— Скорей вяжите его!

Схватили стражники железную цепь, кинулись Цзао-хэ вязать, да где там! Проскочил Цзао-хэ через колечко, глядит, как стражники

стараятся, хохочет. Думал, думал начальник, как быть, и наконец придумал: велел он посадить Цзао-хэ в кошель и отнести в ямынь на суд. Принесли стражники мальчишку в просторный зал.

Приказал тут начальник развязать кошель, показал стражникам на Цзао-хэ и говорит:

— Бейте, да сил не жалейте!

Взяли стражники каждый по палке, бьют, а никак по Цзао-хэ не попадут. Только стукнут — он уже с этого места на другое прыгнул. Они — туда, Цзао-хэ — обратно. Никак им с Финиковой Косточкой не совладать!

Начальник от злости аж позеленел, ногами затопал, орет:

— Еще людей да палок надо, черепашьи дети!

Опять Цзао-хэ прыгнул, и не куда-нибудь, а прямо на уездного начальника, ухватился за его ус и давай раскачиваться, будто на качелях.

Забыл начальник обо всем на свете и как заорет:

— Вот он, вот он, держите его, бейте!

Хотел стражник палкой Цзао-хэ огреть, да в начальника угодил, зубы ему выбил, на пол повалил. Все, кто в зале был, кинулись к начальнику, поднимают его, утешают. Суматоха поднялась, тут Цзао-хэ в окно выпрыгнул, на крышу залез, хохочет и приговаривает:

— Так тебе и надо, так тебе и надо, будешь знать, как у бедных крестьян скот отбирать!

В глубоком овраге за стеной старинного уездного города текла небольшая река, через реку мост переброшен из чистого белого камня. Камень тот с горы возили, не одну сотню ли проехали. На перилах львы искусно вырезаны, люди, цветы, травы разные — много сил да труда положено.

Давным-давно на месте глубокого оврага ручеек узенький был, через него не то что мост, бревна никто не перекинул. Ручей неглубокий, воды на самом доньшке, а все равно не перескочишь. С поклажей ли кто идет, пустой ли, разувается, через ручей перебирается — морока, да и только. А зимой того хуже, от ледяной воды кости ломит. Лежал у того ручья дивный камень, называли его люди Камень бессмертного. Поглядишь на камень издали — будто старик лежит, ближе подойдешь — глаза, ресницы да бороду рассмотришь. Говорят, камень этот в бессмертного два раза превращался. О ту пору и приключились там две удивительные истории.

Жил в те времена юноша, одинокий да бедный, ни земли у него, ни поля. Каждый день ходил в горы хворост рубить, каждый день перебирался через ручей, каждый день видел, сколько хлопот от него проходим. Нарубил юноша как-то хвороста вязанку, притащил к ручью, глядит на воду и думает: «Каждый день здесь столько народу проходит, хоть бы кто догадался мосток перебросить! Дай-ка я это сделаю, хворост у меня есть, пусть ненадолго, а на день-другой мостика хватит». Жалко ему хворост, только снял он его с плеча, в воду положил. Вода как текла, так и течет, идут люди, туфель не снимают, не боятся ноги промочить. Кто ни пройдет, каждый хвалит:

— Что за добрый человек мостик сделал? Хорошо-то как! Ни хлопот, ни забот!

Ходит юноша каждый день по своему мостику, вскорости и думать про него забыл. Только идет он как-то в полдень, смотрит — камень шелохнулся, старцем обернулся. Подошел старец к юноше и ласково так говорит:

— Жду я тебя, юноша, целую тысячу лет. Насилу дождался. Дал я зарок: кого похвалят при мне сто раз, дать тому богатство и славу.

Сказал так старик, рукой махнул, смотрит юноша — широкая дорога вдали, на дороге паланкин богатый сверкает, восемь носильщиков его несут, в паланкине — уездный начальник, шелковая шапка на нем.

— Видишь? Так вот, вскорости ты сам будешь в таком паланкине ездить.

Сказал так старик, рукой махнул, все исчезло — и дорога и паланкин. Увидел юноша паланкин, зависть его взяла, только не поверил он старику и говорит:

— Не знаю я ни одного иероглифа, какой же из меня уездный начальник?

Похлопал его старик по плечу и отвечает:

— Не печалься, юноша, иди, держи экзамены. Денег на дорогу я тебе дам. Есть у меня несколько лянов серебра, возьми!

Дал старик юноше деньги, лег у ручья, опять камнем оборотился. Взял юноша серебро, одежду себе новую справил, собрал вещи и отправился на экзаменационный двор. Только взял в руки кисть, а она сама по бумаге заходила, глядь — и сочинение готово. Пожаловали юноше степень сющая. Обрадовался он, в столицу отправился. Выдержал экзамен, пожаловали ему степень цзюйжэня. Еще экзамен сдал, получил степень цзиньши. Тут и государев указ вышел назначить его начальником родного уезда. Уселся юноша в большой паланкин, паланкин восемь носильщиков несут. Так со славой и воротился в родные края. Уж такое ему счастье привалило, такой почет, что и рассказать невозможно. Чего только у него нет! Свежей рыбы да мяса — ешь не хочу, шелков да атласов — носить не переносить. Думает начальник: «Весь-то мост — хворосту вязанка, а сколько счастья да богатства принес! Построю-ка я настоящий мост, большой да широкий, посмотрю, что будет». И велел он людей со всего уезда пригнать, каждого, кто работать может. Одни белый камень чистый с горы таскают издалека, другие землю роют, ручей шире делают. А было это весной, о ту пору, когда зерно сеять надобно. Стражников

там видимо-невидимо, у каждого кнут длинный-предлинный. Только не зря говорят: «Велика ладонь, да не закроет неба, один тысяче рот не зачкнет». Ропщут люди, стонут, душит их гнев да злость, и говорят: «Нет на уездного начальника погибели! Мост ему строим, а сеять когда будем? Придется, видно, осенью голодать!»

Много дней строили люди мост, построили, потом да слезами полили. Сел уездный начальник в большой паланкин, подняли его восемь носильщиков, к мосту понесли. Принесли. Слез начальник с носилок, на мост поглядел, отогнал всех, кто близко стоял, подошел к камню и говорит:

— Бессмертный, а бессмертный! Посмотри, какой мост я выстроил! Что ж на этот раз ты мне в награду дашь?

Камень шелохнулся, старцем обернулся. Подумал старец и говорит:

— Дал я зарок, коли один человек тысячу прогневит, должен я превратить того человека в черного осла ушастого!

Сказал так старик, рукой махнул, смотрит начальник — дорога узкая впереди появилась, неровная, по дороге черный осел идет, поклажи на нем — аж уши у бедняги отвисли. Бредет осел по дороге, поклажу тащит. Тут старик рукой махнул, и осел и дорога исчезли.

Испугался начальник и спрашивает:

— Разве этот большой мост хуже того, маленького? Этот из белого камня сделан, белый камень с нефритом поспорить может, тот — из вязанки хвороста.

Отвечает старик сердито:

— Ничего я тебе не скажу! Сам подумай! Только превратишься ты сейчас в осла мохнатого.

Не успел старик договорить, а у юноши уже длинные уши выросли, рот вперед вытянулся. Хотел он закричать, а заревел по-ослиному. Кто был с начальником, все к мосту побежали. Смотрят — нет начальника, возле камня черный осел стоит. Увели они осла домой, после торговцу солью продали. С той поры частенько гоняли осла с тяжелой поклажей по большому мосту, но никто так и не узнал, о чем осел думает.

Шляпа, которая по небу летала, и мотыжка, которая серебро копала

Давным-давно жила в деревне старуха с сыном, один он у нее был, и звали его Чжан Цай. Совсем от нужды извелись горемыки — утром поедят, вечером голодные сидят. И вот однажды, когда в доме и рисинки не осталось, говорит Чжан Цай матери:

— И в Хуанхэ вода прозрачной бывает, не верю я, что бедняку счастья не видать.

Сказал так юноша, в горы за хворостом отправился. Пришел он в горы, хвороста вязанку нарубил. Видит — полдень скоро, голод да усталость его одолели, лег он прямо на землю и уснул сладко-сладко. Привиделся ему во сне старец, борода белая, в руке посох.

Говорит старец:

— Извела вас с матерью нужда, приходи, Чжан Цай, ко мне, за Южную гору, я тебе денег дам.

Проснулся юноша, думает: «Разве можно снам верить?» Повернулся на другой бок, снова заснул. А старик возьми да опять явись ему во сне. Три раза засыпал юноша, три раза старец ему во сне являлся. И решил юноша: «Схожу-ка я туда, погляжу, верить снам или не верить».

Отправился юноша в путь. Какой дорогой велел ему старец, той и пошел. Миновал одну гору, потом другую, на третью залез, четвертую одолел. До Южной горы дошел. Высокая она да крутая, целый день на нее взбирался, проголодается — дикие плоды да коренья ест, только к вечеру до вершины добрался, когда солнце за гору село. Глянул вниз — ай-я! Сколько там домов! И все новые! Обрадовался юноша, со всех ног

вниз помчался. Подошел к деревне, смотрит: старик белобородый навстречу выходит, тот самый, которого он во сне видел.

Говорит старик:

— Давно я тебя жду. Заходи в дом поскорее.

Вошел Чжан Цай вслед за стариком в ворота, а там красота такая, что и не рассказать: трава свежая, деревья молодые. Усадил старик юношу в зале, где гостей потчуют, велел домочадцам вина да закусок принести. Наелся Чжан Цай досыта. Повел его старик спать. Подстилка новая, одеяло новое, мягко, тепло. Заснул Чжан Цай, только белым днем проснулся. Уходить собрался. Не держит его старик, шляпу соломенную выгащил, мотыжку маленькую юноше подарил, пошел его провожать. Только они за ворота вышли, двор и дома, деревня — все исчезло. Взял Чжан Цай подарки, пошел дорогу искать, по которой сюда пришел. Добрался до того места, где хворост рубил, хотел еще наломать, в деревне продать. Взял мотыжку, размахнулся, в землю всадил. Смотрит: диво дивное! В том месте, где мотыжка в землю вошла, серебро блестит. Запрятал он под халат серебро, сколько вошло, да еще под куртку, радостный домой воротился. Старую мать увидел, распахнул халат и говорит:

— Погляди-ка, мать, сколько серебра!

Сказал так и стал белое блестящее серебро выкладывать. Осерчала старая и говорит:

— Скажи правду, сынок, где ты взял это серебро — украл или на дороге нашел? Пусть мы бедные, но должны быть честными.

Услыхал это Чжан Цай, быстро из-за пояса мотыжку выгащил и говорит:

— Видишь эту мотыжку? Ей цены нет! Копнешь — из земли серебро покажется!

Рассказал юноша матери все по порядку, от корешка, как говорится, до самой макушки. Обрадовалась старая. И зажили они счастливо. День ото дня все лучше да лучше. Сердце у матери и у сына доброе, делятся они серебром с соседями, а те и не знают, как их благодарить.

Жил в той деревне помещик по прозвищу Шэн Лай-цзи — Вынь-Да-Отдай. Слыхал он однажды про волшебную мотыжку да про серебро, глаза разгорелись, сердце стучит. Решил он ту мотыжку обманом заполучить, недоброе замыслил.

Собрался как-то Чжан Цай на базар за покупками, взял тележку и пошел. Шел, шел, вдруг видит — девушка на дороге. Лицо круглое, брови изогнутые. Посмотрела она на Чжан Цая и говорит:

— Притомилась я. Подвези, сделай милость!

Согласился юноша. Села девушка в тележку, болтает без умолку. Увидела, что у Чжан Цая на лбу пот выступил, платок ему свой бросила. Пришли они на базар, прощаться стали. Девушка его долгим взглядом подарила и улыбкой.

Воротился Чжан Цай домой, все о девушке думает. Идет он как-то мимо помещичьих ворот, вдруг слышит — калитка скрипнула, со двора девушка вышла. Глянул на нее Чжан Цай — так ведь это та самая девушка, которую он на тележке вез. Смекнул он тут, что это дочь помещика, и материны слова вспомнил: «Только свяжись с помещиком, он и после смерти две шкуры сдерет!» Вся любовь у юноши мигом прошла, поспешил он убраться, а девушка калитку прикрыла, так и сияет улыбкой, за юношей следом идет, приговаривает:

— Я не тигр, я не волк, не беги от меня!

Подошла она к юноше, улыбнулась и говорит:

— С той поры как мы встретились, дня не проходит, чтоб я о тебе не думала. Коли хочешь, давай мужем и женой станем.

Глядит Чжан Цай на девушку, она будто еще краше стала, и спрашивает ее простодушно:

— А любишь ты меня?

Засмеялась девушка и говорит:

— Как увидела я тебя тогда на дороге, так полюбился ты мне, а то разве стала б я тебе свой платок давать!

Говорит девушка, и так и эдак уговаривает, закружилась у юноши голова. Приметила девушка, что в сердце ему запала, и говорит:

— Вижу я, человек ты небогатый. Подожди меня здесь, я мигом вещи соберу да серебра немного прихвачу, чтоб нужды нам с тобой не знать.

Услыхал эти слова Чжан Цай, поверил, что и впрямь полюбила его девушка, и отвечает:

— Не стану тебя обманывать, есть у меня мотыжка волшебная. Копнешь ею землю, из земли серебро появляется.

Покачала девушка головой и говорит:

— Не бывает таких мотыжек.

Засмеялся Чжан Цай, выгасил мотыжку из-за пояса, протянул девушке:

— Не веришь, так погляди!

Только девушка в руки мотыжку взяла, заскрипела калитка, распахнулась, из калитки сам помещик выскочил, дочь во двор втолкнул, а Чжан Цая смерил взглядом и заорал:

— Подлец ты эдакий, хотел мою дочь украсть!

Захлопнул он калитку, засов задвинул.

Остался Чжан Цай без своей мотыжки. Грустно ему и обидно. Отправился он на Южную гору белобородого старца искать. Шел, шел, притомился, у дороги под деревом отдохнуть сел, закрыл глаза, задремал и опять белобородого старца во сне увидел.

Говорит ему старец:

— Не печалься, Чжан Цай, помнишь, я тебе шляпу дал? Той шляпой небо пробуравить можно, куда пожелаешь, туда и отнесет. Да еще от людских глаз скроет.

Воротился юноша домой, взял шляпу-невидимку, поглядел, обрадовался. Поднял ее над головой и говорит:

— Шляпа, шляпа, отнеси меня в терем, в тот, что у помещика на заднем дворе стоит.

Сказал так юноша, надел шляпу, чувствует — подхватило его, в небо подняло. А дочь помещика о ту пору как раз у окошка сидела, на деревья да на цветы любовалась. Вдруг слышит — что-то об пол стукнуло. Это Чжан Цай прямехонько перед ней опустился и говорит:

— Отдай мне мою мотыжку!

Слышит девушка — говорит кто-то, а кто — не видит.

Испугалась и спрашивает:

— Ты кто — злой дух или оборотень?

— Не злой дух я и не оборотень. Чжан Цай я.

Услыхала девушка, что это Чжан Цай, за голову схватилась, плачет и говорит:

— Наконец-то ты пришел, а я день-деньской у окна сижу, про тебя думаю.

Видит юноша, как девушка плачет да убивается, пожалел ее и говорит:

— Закрой глаза и бежим отсюда!

Посадил Чжан Цай девушку на спину, загудел, засвистел ветер. Не успела девушка опомниться, а они уже на землю опустились. Открыла она глаза, смотрит — вода кругом бурлит. Не сказал Чжан Цай шляпе, куда лететь надобно, отнесла она их на остров посреди моря. Ни дома здесь, ни хижины, одни горы. Снял Чжан Цай шляпу, перед девушкой предстал и спрашивает:

— Ты куда мою мотыжку девала?

Отвечает ему девица сладко так да ласково:

— Мотыжку твою я в надежном месте схоронила. Только никак не могла с тобою свидеться. С того дня отец с меня глаз не спускал, карау-

дл. Нынче никто не помешает нам стать мужем и женой. Ну, а теперь скажи мне правду, как это нас сюда ветер принес?

Поглядел Чжан Цай на девушку и спрашивает:

— А ты и впрямь любишь меня, не обманываешь?

— Не обманываю. А то б закричала, когда ты в дом ко мне забрался.

Поверил ей юноша, все рассказал по порядку, шляпу дал поглядеть.

Выслушала его девушка, повертела в руках шляпу, ничего не сказала, на голод пожаловалась. Поглядел Чжан Цай по сторонам и говорит:

— Не печалься, видишь, сколько на той горе яблонь? Потерпи малость, я яблоч нарву.

Сказал так юноша, к горе побежал.

Подождала девушка, пока Чжан Цай уйдет подальше, надела шляпу и крикнула:

— Шляпа, шляпа, отнеси меня домой поскорей!

Только сказала она так, тотчас в небо поднялась.

Принесла ее шляпа не дальше, не ближе, прямехонько в дом. Юноша меж тем яблоч нарвал, воротился. Смотрит — и девица, и шляпа исчезли. Понял он тут, что на обман попался. А уже темнеть стало. На горах звери лютые завывали, заревели. Страшно Чжан Цаю, и залез он на высокое дерево. Вскорости луна вышла. Сидит Чжан Цай на дереве, смотрит — обезьяна с лисом мимо идут, разговаривают.

Говорит обезьяна:

— Братец лис! Видал? Нам по дороге два дерева попались: одно персиковое, другое сливовое. Так вот знай: кто персиков отведаст — уродной станет, вроде нас с тобой, а слив поест — человеком обернется, статным да пригожим.

Чжан Цай все слышал от первого до последнего слова.

Наконец светать стало, волки, тигры, барсы — все попрятались. Слез Чжан Цай с дерева, к горе пошел. Вдруг чует: персиками пахнет, вкусно так! Повел он носом и говорит:

— До чего же вкусно пахнет! До чего же сладко пахнет!

Чует юноша, откуда аромат доносится, и пошел в ту сторону. К дереву подошел, а оно все персиками увешано, румяными, сочными, каждый — величиной с кулак. Вспомнил тут юноша слова обезьяны, сразу смекнул, что за дерево. Отломил юноша ветку, на ней два персика, дальше пошел. Вдруг чует: сливой запахло. Отыскал он сливовое дерево, сливы на нем синие, блестящие. Сразу смекнул, что за дерево. Протянул руку, сливы сорвал, дай, думает, проверю, правду сказала обезьяна или неправду.

Вытер он рукой персик, откусил кусочек, соку — не проглотишь! Три раза откусил — нет персика. Стал рот рукой вытирать, смотрит — на руке волосы выросли, на другую поглядел — тоже волосы, щеки потрогал — мохнатые. Противно стало юноше, взял он сливу, давай скорее есть. Посмотрел на руку — волосы все пропали. Вдруг с лица не пропали? Помчался юноша к морю, в чистую воду глянул — хэй! Будто и не он там, а кто-то другой. Уж очень хорош да пригож!

Ночь пришла, схоронился Чжан Цай на дереве, вдруг смотрит — подходит к нему белобородый старец и говорит:

— Хочешь домой? Закрой глаза да ухватись за полу моего халата, только крепко!

Зажмурил Чжан Цай глаза, ухватился за полу халата. Загудел, зашвистел ветер. Мига не прошло, а юноша уже дома. Хотел Чжан Цай поблагодарить старика, опомниться не успел, как тот исчез. На пороге мать сидит, плачет горько.

Подошел Чжан Цай к матери, позвал:

— Мама!

На другой день отправился Чжан Цай в сад к помещику. Перемахнул через стену, ветви раздвинул, смотрит — помещичья дочь со своей служанкой цветами любуются. Сунул он ветку с персиками промеж других ветвей, тихонько прочь пошел. А девица играла, играла, вдруг чует: запах дивный в нос ей ударил.

Спрашивает она у служанки:

— Откуда это так вкусно пахнет?

Пошла служанка искать, смотрит — персик, подивилась служанка, аж вскрикнула, взяла его, хозяйке принесла. Смотрит девица — дивится. Откуда весной спелому персику взяться? А персик ароматный, свежий. Потекли у девушки слюнки. Не стала она вытирать его, раз, другой, третий откусила — вкусно! Целый персик съела. Вмиг на лице волосы выросли, и на теле тоже, рот вперед вытянулся, глаза, того и гляди, наружу вылезут. Испугалась служанка да как закричит:

— Оборотень, оборотень!

На крик помещик с женой выскочили, смотрят — дочка исчезла куда-то. Шуточное ли дело! Грохнулись они наземь, насмерть убились.

Услыхал про то Чжан Цай, побежал к помещику, шкафы пооткрывал, лари расписные поотпирал, забрал мотыжку, которая серебро копала, да шляпу, которая по небу летала.

Рос в старину в окрестностях горы Ишань густой лес, если и селился здесь кто, так все больше жители равнины. Пришел в те края юноша по прозвищу Ян У — Ян Пятый. В бровях и глазах — смешинка, лицо открытое, сразу видно — сердце у юноши честное, доброе. Прежде жили они с матерью у Желтой реки, дом у самой воды стоял, да случилось наводнение. Едва спаслись Ян У с матерью, с одним коромыслом в Ишань добрались. Сложили домик из ветвей да палок. Плох ли, хорош ли, а несколько комнат в нем. Так и остались здесь жить.

Сменил Ян У весла на топор, вместо рыболовных сетей стал на спине хворост таскать. Каждый день ходил в лес рубить хворост, да никак не мог весь лес исходить. Осень настала, жара спала. Иглы на соснах зеленые, листья на пробковых дубах уже покраснели, тополя в золотистый наряд оделись. Идет Ян по лесу, хворост рубит, не заметил, как в места забрел, где человека редко встретишь. Смотрит — целый лес из хурмы растет. Время за полдень, а солнце ясное, светлое, словно ранним утром. И не от солнца листья красные, а солнце от листьев красное. Меж красными листьями спелые плоды парами висят, так и сверкают. Ловким был Ян У, мигом на дерево залез, сладких плодов нарвал, домой воротился.

Только в ворота вошел, давай кричать:

— Матушка! Радуйся! Будет у нас на Новый год вино.

Увидела мать, что сын веселый пришел, заулыбалась. В тот год Ян У и вправду на хурме вино настоял, густое, ароматное. Снимешь крышку с чана — винный дух далеко разносится. В новогоднюю ночь мать и говорит сыну:

— Овощей у нас мало, сынок, масла совсем нет, а другой еды и по-давно. Притащи-ка корчагу с вином, подогреем и выпьем.

Сложил Ян У ветки, огонь развел, поднялись из чайника струи белого ароматного пара, стали во все стороны расползаться. Только налил юноша рюмки, как дверь чуть-чуть приоткрылась, юноша вошел: лицо темно-красное, глаза сверкают, собой пригож да принаряжен. Уставились на него мать с сыном, будто встречали его где-то, а где — не помнят. Сел юноша за стол, смеется, сразу видно, вина выпить хочет. Думают мать с сыном: «Новый год лучше с гостями встречать».

Мать и говорит:

— Коли не брезгуешь, оставайся, вместе встретим Новый год.

Поднес Ян У гостю чарку.

Стал юноша хвалить вино:

— Как пахнет! Что за аромат!

Обрадовался Ян У и говорит:

— Запах хорош, а вкус еще лучше.

Взял юноша обеими руками чарку, поднес к губам, выпил и опять нахваливает:

— Доброе вино, крепкое вино!

Услыхал это Ян У, पुще прежнего обрадовался. Выпил гость рюмку, Ян У ему вторую налил; выпил гость вторую, Ян У третью налил. За вином, весельем да разговорами не заметили, как заря занялась. Спихватился тут юноша и говорит:

— Завтра в полночь, брат, фонарь зажги, я мигом приду.

Сказал он так и быстрее ветра за ворота выскочил.

Запомнили мать с сыном слова юноши, и на следующий день, как только время к полуночи подошло, Ян У говорит матери:

— Матушка! Давай фонарь зажжем!

— Масла нет, ночью все выгорело, зажги-ка сосновую ветку.

Зажег Ян У сосновую ветку, вышел за ворота. Недаром говорится: огонь с вершок за сто шагов виден. Светло стало на дороге за воротами. Смотрит Ян У, глазам своим не верит, уж не от огня ли ему померещилось: перед воротами еда всякая, зерно, материи ворох. Тут на свет вчерашний гость выскочил, рукой машет, Ян У привечает. Ян У и радуется и дивится.

— Братец, — говорит, — не знаю, откуда это столько добра у моих ворот вдруг появилось.

Тут мать из дома выбежала, спрашивает:

— Что за диво такое, сынок?

— Матушка, — отвечает ей юноша гость, — это я вам все принес. А еще есть у меня подарок для моего младшего брата. — Сказал он так, вытащил из-за пояса золотую пластину величиной с коровий язык, а то и больше, отдал Ян У и говорит:

— Бери, братец. Это золото с горы Злого дракона, она вся золотая, эта гора. Стережет гору злой дракон. К ней и не подступишься.

Поглядел Ян У на золото, сверкает оно при огне, аж глазам больно. Говорит тут юноша гость:

— Пойду я, дел у меня — не переделать, уж как-нибудь в другой раз повеселимся.

Очень не хотелось Ян У расставаться с этим необыкновенным добрым юношей, да что поделаешь! И говорит Ян У:

— Раз у тебя дела — иди, только как нам с тобою опять свидеться?

Отвечает юноша:

— Ничего нет проще: пойдешь в лес, пройдешь сто шагов, обернешься к западу и крикнешь три раза: «Гэ-гэ — старший брат!» Я мигом явлюсь.

Проводили мать с сыном юношу, а вскорости и пятнадцатый день Нового года наступил. Наварила мать рису отборного, разных овощей наготовила. Сделал Ян У два красных бумажных фонарика, а сам думает: «Праздник сегодня, а в праздник делами не занимаются. Пойду позову его. Вдвоем веселее праздник встречать».

Взял Ян У коромысло, повесил на него фонарики, в лес пошел. Впереди деревья, от деревьев тень на землю ложится, под ногами снег скрипит. Идет Ян У, шаги считает, ни много ни мало — ровно сто шагов прошел. Остановился, повернулся к западу, громко крикнул три раза. Только утихло эхо, а юноша уже перед Ян У стоит. Увидели они друг друга да так обрадовались, что и рассказать трудно.

Вместе домой воротились, мать к тому времени из соевой муки фонариков налепила, так по обычаю положено, зажгла их, и в тот же миг по ларю с зерном, по глиняным чанам, по каменным плитам, по воротам — везде огоньки забегали, засверкали. Поели они втроем, вина напились. Тут мать и говорит:

— Слыхала я, будто в Янчжоу каждый год пятнадцатого числа первого месяца люди с разноцветными фонариками гулять выходят. Может, правду говорят, может, врут.

Отвечает матери Ян У:

— Ни капельки не врут, слышал я, будто лучше, чем в Янчжоу, разноцветных фонарей и не бывает.

Тут в разговор гость встрял:

— Значит, говоришь, в Янчжоу фонари красивые. Что ж, поглядеть надобно. Дел у нас вроде бы нет никаких, сегодня же вечером и отправимся.

Говорит мать:

— Будь до того города всего несколько сот ли, за один вечер туда не добраться, а до него уж и не знаю, сколько тысяч ли.

Засмеялся гость и отвечает:

— Мы мигом до Янчжоу долетим. Садись-ка, брат, ко мне на спину. Побыстрее отправимся, пораньше воротимся, еще выспаться успеем.

Посадил гость Ян У на спину, отошел на несколько шагов от дома, из виду исчез. Пока мать за ворота вышла, оба юноши уже далеко были, за несколько сот ли. На земле белый снег лежит, в небе луна светит, на снежно-белой земле огоньки фонарей красной ленточкой выются, в темном небе звезды сверкают-переливаются.

Мигом очутились юноши в Янчжоу. Увидели реку — гладкое чистое зеркало, дома старинные увидели, высокие да красивые. На больших улицах, на мостах и вправду узорчатые фонари горят разноцветные. От фонарей да от луны светлее, чем белым днем. Луна и фонари в воде отражаются, красные лучи с серебряными спорят. Повсюду фонари раскачиваются, сверкают, повсюду золото переливается, блестит. А людей на фонари глазеем столько, что, как говорится, можно гору сложить да море запрудить. Есть тут на что поглядеть, полюбоваться. Один фонарь — грозный лев, другой — нежный лотос, третий — красная слива; золотые цикады, золотые рыбки, бабочки, гранаты — на любой вкус найдется. Поглядели юноши на восток, на запад оборотились, не заметили, как до моста из белого нефрита дошли. А там народ толпится, друг дружку отталкивают, видать, диковинку какую-то разглядывают. Протиснулись юноши поближе, смотрят: два фонаря висят — две утки-неразлучницы, на фонарях цветы вышиты — просто загляденье, рисунки — глаз не отведешь. Все радуется, все оживает под красным светом их лучей.

Глядит Ян У на фонари, а сам думает: «Ловкими руками сделаны».

Про то же и народ вокруг толкует. Послушал Ян У, что люди говорят, узнал, что фонари эти барышня Цуй-цуй сделала, дочка господина Ли, давнего жителя Янчжоу. «Раз уж руки у девушки такие ловкие, — думает Ян У, — значит, ума да смекалки ей не занимать». Долго любо-

вался Ян У фонарями, пока друг не взял его за руку, и они оба выбрались из толпы.

Юноша впереди идет, Ян У следом за ним. Подошли они к месту, где людей мало было, тут юноша и говорит тихонько:

— Сведу я тебя барышню поглядеть, ту, что уточек на фонарях вышивала.

Ян У даже остановился, головой замотал:

— Разве можно? Нас в дом не пустят, да и перед барышней стыдно, мы ведь ей чужие, незнакомые!

Отвечает юноша:

— Слушайся меня и ничего не бойся.

Взял он Ян У за руку, к большим воротам повел, после дал ему ветку с двумя зелеными листочками и говорит:

— Это ветка-невидимка, держи ее — никто тебя не увидит.

Вошли они в большие ворота, потом в маленькие, никто их не приметил — ни привратник, ни девица, которая чай несла. Не пошли они в парадные комнаты, не пошли в большую залу, а отыскиали на большом дворе дом в укромном месте, маленький да ладный. Поднялись по лестнице, внутрь вошли, смотрят — большие да малые зеркала повешаны, большие да малые ящички расставлены. На кровати барышня сидит. Цуй-цуй, конечно. Кому ж еще здесь быть? Увидал ее Ян У, чуть не вскрикнул, до того она собою хороша.

А Цуй-цуй и впрямь пригожа. Сидит девушка, плачет, в больших глазах слезинки блестят, по щекам катятся, маленький рот плотно сжат, а все равно она прекрасной кажется. Повернула девушка медленно голову, поглядела на оконную бумагу, в которой отсвечивало красное пламя свечи, приоткрыла легонько рот и говорит:

— Ах, отец, твердишь ты без конца: подходящая пара, приличный дом, а ничего не ведаешь про дочерины думы, не знаешь, за кого дочь отдать хочешь.

Тут юноша и говорит:

— Не печалься, сестрица, не горюй, я тебя сватать пришел.

Всю комнату Цуй-цуй оглядела, что за диво, думает, голос слышать, а человека не видеть! Не испугалась девушка и спокойно так спрашивает:

— Кто ты: злой дух или бессмертный святой?

Отвечает юноша:

— Не злого духа, не бессмертного святого — пригожего юношу я к тебе привел.

Сказал он так, взял из рук Ян У ветку-невидимку, смотрит барышня: и впрямь молодец перед ней. «Хорошо бы, — думает, — замуж за него пойти, сердце успокоить. Приглянулся он мне. Да разве согласятся отец с матерью и старший брат с невесткой отдать меня за этого юношу?» И радуется девушка, и печалится, и боязно ей, и грустно. Спрашивает она Ян У:

— Ты как сюда вошел? Где твой дом и как тебя звать?

Рассказал ей Ян У все как есть, ничего не утаил, девушка еще о чем-то спросить хотела, да услышала шаги на лестнице. Испугался Ян У, к юноше обернулся, а тот невесть куда исчез. Хорошо, на столике ветка-невидимка осталась, только схватил ее Ян У, а служанка уже дверь открыла, в комнату вошла. Смотрит — барышня одна, никого больше нет.

Так и остался в ту ночь Ян У у Цуй-цуй.

На другой день принесла служанка Цуй-цуй завтрак. Ян У ветку в руке держит, сел за стол, вместе с барышней поел да попил. Только не наелись они — завтрак-то для одной барышни приготовлен был.

Говорит Цуй-цуй служанке:

— По вкусу мне нынче еда пришлась, в следующий раз принеси побольше.

Кивнула служанка головой, в обед тройную порцию принесла. Цуй-цуй и Ян У все прикончили без остатка — утром ведь не наелись. Дивится служанка: «Барышня всегда самую малость ест, что ж это с ней нынче приключилось?» В ужин тоже все было съедено.

Так продолжалось несколько дней кряду. Теперь уже не только служанка — и старая госпожа дивится. Стала она думать: «Отчего это не успеет дочка поесть, как сразу двери запирает? За три дня ни разу вниз не спустилась». Поднялась старая госпожа тихонько по лестнице, стала у двери, вдруг слышит: мужчина в комнате разговаривает. Как закричит она, велела тотчас дверь отворить. Вошла, смотрит — никого нет, только дочь. Рассердилась госпожа, дочери допрос учинила. А Цуй-цуй отвечает:

— Никого здесь нет, матушка, померещилось тебе.

Не поверила мать, искать стала, все обыскала, никого не нашла. Опять не поверила. Вниз спустилась, давай служанку со всей строгостью допрашивать. Та что знала, про то и рассказала. Вечером поведала старая госпожа обо всем мужу. Услыхал это господин Ли, аж подскочил, как говорится, огнем высотой в три чжана пылает, кричит, орет, живьем, мол, Цуй-цуй в землю закопаю. А мать не соглашается, жалко ей дочку.

Заспорили муж с женой, кричат, шумят, дальше — больше. Услыхал старший сын, что мать с отцом бранятся, стал у дверей, все и узнал, что ему надобно было, воротился, жене рассказал и говорит, да зло так:

— Убить ее надо, и все!

Скривила невестка губы, тычет в мужа пальцем и отвечает:

— Что это твои родители задумали? Не зря говорят: сор за ворота не выносят. Живьем человека закапывать — только небо удивлять да землю сотрясать. Рот разевать да языком трепать — и подавно нечего. Прoberемься-ка лучше к ней в дом, подожжем его, а сами скажем, что ее небесный огонь спалил. Похороним — и все шито-крыто.

Послушался старший брат жены, стал темной ночи дожидаться, чтоб злодейство сотворить.

Почуяли среди ночи Ян У и Цуй-цуй едкий дым, проснулись, дверь приоткрыли, смотрят — лестница вся сгорела, огонь, того и гляди, в комнату перебросится. Вспомнил тут Ян У про друга своего юношу и как закричит:

— Братец, братец, спаси нас скорее!

Только он крикнул, огромная птица откуда ни возьмись появилась, длиной в несколько чжанов будет, крылья сложила, в дверь вошла, не стали они думать да рассуждать, сели к ней на спину, взмахнула птица крыльями, поднялась в небо.

Тут из окон дым с огнем повалил.

Принесла их птица прямо к горе Ишань, опустилась у ворот дома Ян У. Только слезли они на землю, птица крыльями хлоп — юношей оборотилась.

Подивился Ян У и говорит:

— Братец, это ты?

Отвечает юноша:

— Много дней провел я ради тебя в Янчжоу, а мне домой пора, поглядеть, что там да как.

Сказал он так и в густом лесу исчез.

А матушка дома ждет не дождется сына, увидела, что он воротился да еще жену с собой привел, — заплакала от радости. Вот и второе число второго месяца наступило. В этот день все насекомые от зимней спячки пробуждаются. Скоро весенний гром прогрехочет, дождь польет, снег стает, лед растопится. Только дождь прошел, рассеялись тучи, отправился Ян У в лес за дровами. Тополя дождем омыты, зеленые листочки на ветках проглядывают, а у абрикосов ветки красно-розовые. Залез Ян У

на дуб сухие ветки рубить, ни одной не срубил, налетел ветер, сорвал сухие листья, те, что всю зиму на дереве висели, наземь их бросил. Ухватился Ян У крепче за толстые ветки, чтоб ураган его не унес. Только ураган пролетел, с северо-востока черные тучи налетели, черный дракон из них на землю упал, хвостом махнул. Загремел гром, засверкала молния. Увидел тут юноша, как дракон под большую сосну метнулся. Заглянул юноша под сосну, лучше бы не глядел, аж потом его прошибло — увидел он под сосной того самого юношу. Скинул юноша одежду, раз взмахнул, другой, как взмахнет — так молния гаснет. Засверкал черный дракон, на юношу бросился. То погаснет молния, то засверкает, то погаснет, то засверкает — и так десять раз самое малое, все ближе к юноше подбирается. Подобралась наконец, так и прыгает, так и скачет. Увидал это Ян У, да как швырнет изо всех сил топор в черного дракона, так пополам его и рассек. Забился тут черный дракон, заметался, а юноша тем временем взмахнул одеждой, прижал голову дракона к земле, хвост вверх поднял, как кинет его об землю — и убил.

Соскочил Ян У с дерева, подбежал к юноше, а тот и говорит:

— Это был злой дракон с горы Эрлуншань, помог ты мне, братец, жизнь мне спас. Понял я, что еще не научился как следует драться. Прощай, братец, пойду бродить среди четырех морей, науки постигать.

Очень уж не хотелось Ян У с юношей расставаться, и говорит он ему напоследок:

— Давно я тебя знаю, старший брат, а так и не понял, кто ты: человек или бессмертный святой? Скажи мне на прощанье!

Всего четыре фразы произнес юноша в ответ:

Добрый вырос Ян У,
Дружбу свел с бессмертным лисом,
Ездил в Янчжоу глядеть на фонари,
За тысячу ли нашел себе жену.

В старину стояла у подножья высоких гор на берегу бескрайнего моря деревушка. Жил там старик с семьей сыновьями. Статными да крепкими уродились сыновья и росту высокого. Старшего звали Чжуан-ши — Недюжинная Сила, второго Гуа-фэн — Задуй Ветер, третьего Те-хань — Железный Детина, четвертого Бу-па-жэ — Нипочем Жара, пятого Гаотуй — Длинная Нога, шестого Да-цзяо — Большая Ступня, седьмого Да-коу — Большой Рот.

Говорит однажды старик сыновьям:

— В неподручном месте стоит наша деревня. Пойдешь на запад — высокие горы, свернешь на восток — бескрайнее море. Хоть из ворот не выходи! Отодвинули б вы чуток и горы и море.

Согласились сыновья, в разные стороны разошлись: одни — на запад, другие — на восток. Подождал старик немного, вышел за ворота, смотрит: ни гор, ни моря, на все четыре стороны равнина простирается, черная земля блестит — не рыхлая, не вязкая, не влажная, не сухая.

Говорит тогда старик сыновьям:

— Негоже такую хорошую землю пустой оставлять, надобно на ней злаки разные посеять.

Согласились сыновья, пахать да сеять принялись. Вскорости на той равнине хлеба выросли — глазом не окинешь. Пшеница — желтое золото — вот-вот поспеет, просо к небу тянется, золотом сверкает. Смотрят старик с сыновьями — не нарадуются. Им и невдомек, что добро это для них злом обернется.

Дошла весть про этот благодатный край до самого императора в столице. Послал он сановников с указом зерно все дочиста в казну забрать.

Запечалился старик, вздохнул и говорит сыновьям:

— Не видать нам теперь, детушки, хороших денечков, у государя брюхо — что бездонный колодец, сколько ни сыпь земли — не засыплешь. Только покорись — всю жизнь будешь как вол на него работать, как кляча воз возить.

Рассердились тут все семеро сыновей и говорят разом:

— Не бойся, отец, мы правду найдем, к самому государю в столичный город пойдем.

Только стали братья к городской стене приближаться, увидали их полководцы, те, что ворота стерегли. Испугались, давай скорее ворота накрепко запирают, железные засовы задвигают, огромные замки со скрипом да с лязгом закрывают, сами в башнях попрятались.

Подошли братья к воротам, тут старший, Недюжинная Сила, как закричит:

— Отворяйте ворота, мы в столицу идем к государю правду искать!

Затряслись от страха полководцы, выглянули и говорят:

— Где это видано, чтоб простые мужики с государем рассуждали!

Рассердился тут старший брат, как толкнет ворота, только грохот раздался, попадали ворота да башни, пыль в небо столбом поднялась, посыпались кирпичи да камни — один в одну сторону катится, другой — в другую, придавили всех полководцев.

Вошли семеро братьев в город, подошли к дворцовым воротам. А они тоже крепко-накрепко заперты: ни щели, ни щелочки. Тут и говорит второй брат, Задуй Ветер, старшему:

— Отдохни малость, а я покричу.

Вытянул он шею и как закричит:

— Отворяйте ворота! Мы в столицу пришли к государю правду искать!

Кричал, кричал Задуй Ветер, да никто не ответил. Рассердился он, в рот набрал воздуха побольше и как дунет! Ну прямо ураган налетел; не закачались ворота, не зашатались каменные столбы с драконами — вмиг все на землю попадали. Испугались придворные да военачальники, выглянуть не смеют. Подошли семеро братьев к государевым покоем — никто им не помешал. Тут третий братец, Железный Детина, и говорит второму:

— Отдохни, братец, а я пойду с императором потолкую.

Сказал и в государевы покои направился. А государь с перепугу пожелтел и быстро так говорит:

— Где это видано, чтоб мужик с государем разговаривал, гоните его поскорее да голову ему рубите.

Услыхал его слова Железный Детина, рассмеялся и отвечает:

— Ты, государь, сперва посмотри, какие у меня руки!

Хотел он руку одному из военачальников показать, прямехонько на сверкающий меч наткнулся, на самое острие. Раздался звон, искры во все стороны посыпались, разлетелся меч, как говорится, на четыре части, на пять кусочков. Государь со страху аж с трона скатился. Кинулись сановники его поднимать, насилу во внутренние покои увели. Видит император — не убить ему братьев, приказал он тогда огнем их спалить.

Вмиг огненные шары загорелись. Столько их, что и не счесть. Дым густой валит, к братьям подбирается.

Говорит тут четвертый брат, Нипочем Жара:

— Отойдите в сторону, передохните, я один справлюсь!

Наступил он ногой на огненный шар, усмехнулся и говорит:

— Холодно что-то, огоньку бы подбавили!

Подскочил тут император от страха, приказал тотчас огромное войско собрать, всех семерых братьев разом в море столкнуть.

Говорит тут пятый брат, Длинная Нога:

— Не тревожьтесь, давно пора мне в море искупаться!

Сделал он шаг, сделал другой, прямо в синее море вошел. А вода ему и до щиколоток не достала.

Покачал юноша головой и говорит:

— До чего же мелко, и не искупаешься! Рыбки, что ли, половить?

Согнулся он в три погибели, стал двумя руками рыбу из моря хватать, хватает и на берег бросает. Рыбы черные, рыбы белые, в чжан длиной, в десять чжанов, огромные рыбины в сто чжанов — всех повиытаскивал. Целая куча из рыб на берегу выросла, с малую гору будет.

Ждут братья Длинную Нogu, никак не дождутся. Тут и говорит шестой брат, Большая Ступня:

— Схожу-ка я, позову его.

Ступил он шаг и на морском берегу очутился. Говорит он пятому брату:

— Видать, забыл ты, зачем мы к государю пришли, раз стал рыбу ловить!

Не дал седьмой брат, Большой Рот, шестому все до конца сказать и говорит:

— Не станет государь о правде толковать. А коли станет — государем быть перестанет.

Не спросил Большой Рот у братьев совета, всю воду морскую одним духом выпил. Повернулся, рот разинул, как хлынет у него изо рта вода, так и хлещет. Устремились волны морские ко дворцу, грохочут грозно, опрокинули стены высокие, так и утонул в волнах император со своими сановниками да полководцами.

Жили в старину два каменотеса. Из года в год от зари до зари камень в горах рубили. В ту осень как раз девятая луна миновала, десятая наступила, в горах листья с деревьев опали, хризантемы завяли. Грызут мастера сухие сухари, студеной родниковой водой запивают.

Вздыхнул каменотес по прозванию Чжан Эр — Чжан Второй — и говорит:

— Только и жизнь беднякам, что в шестой луне, а зимой, в холода одно мученье.

Ничего сперва не сказал Ван Сань — Ван Третий, только брови наммурил, думал-думал, потом поглядел на своего напарника и говорит:

— Хочу я, брат, в дальние края податься, а то маешься здесь год целый, а все едино нищ да гол.

Чжан Второй и раздумывать не стал, сразу согласился:

— Дело говоришь, давай сегодня же и отправимся!

Нет у каменотесов ни землицы, ни дома, а уж сокровищ или каких-нибудь там драгоценностей — и подавно. Как говорится: на поводу тащить некого, на коромысло вешать нечего. Сказано — сделано. Сборы недолгие. Решили и в путь отправились.

Повстречались им на дороге сапожники, спрашивают:

— Куда спешите, братья каменотесы?

Отвечает Чжан Второй:

— Да вот, Ван Третий надумал — надобно нам в дальние края податься, может, там на еду да на одежонку заработаем.

Услыхали это сапожники, обрадовались и говорят:

— День-деньской мы спину гнем, туфли шьем, а самим обуться не во что. Пойдем-ка и мы с вами.

Пошли они дальше, шли, шли, вдруг повстречали двух женщин, которые на богачей шили да вышивали.

Спрашивают женщины:

— Куда спешите, братья?

Отвечает им сапожник:

— Да вот, каменотесы говорят, надобно в дальние края податься, может, там на еду да на одежонку зарабатываем.

Услыхали это женщины, обрадовались и говорят:

— День-деньской мы спину гнем, платья шьем, а у самих одежонка старая да ветхая. Пойдем и мы с вами.

Пошли они дальше. Идут и каждый раз мастеров всяких встречают. Чем дальше от родных мест уходят, тем больше с ними народу идет: и плотники и кузнецы, всех ремесел мастера есть. Самое малое десять раз по сто. Одних каменотесов несколько сот будет!

Идут мастера — могучая лавина — все вперед и вперед. Уж и не знаю, в какие места забрели. За день хоть бы деревню встретили или на человека набрели. А тут стемнеет скоро. Увидели они в стороне от дороги дерево огромное да сухое. Остановился Ван Сань и говорит:

— Уж лучше нам в дупле заночевать, чем в поле под открытым небом.

По нраву всем пришлись его слова. Залезли они в дупло. Хэй! Ну и дерево толстенное! Ну и дупло здоровенное! Народу в нем спать улеглось не счесть! Не тысяча — больше тысячи. А коли надобно, еще полтысячи влезет. Что в брюхе пусто — про то никто и не думает. Спят себе, храпят, сопят да свистят.

А надобно сказать, что от того места, где мастера спали, самое малое за несколько тысяч ли, жила одна семья. Хозяйка о ту пору как раз ужин стряпала. Ей бы еще чуток пампушки над паром поддержать, а тут дрова того и гляди кончатся.

Вот и говорит она сыну:

— Сбегай побыстрее за дом, охапку травы принеси, да посуше!

Послушался мальчик, вышел за ворота. Вмиг очутился в том месте, где мастеровые спали. Поглядел на дерево и думает: «Вот оно и согдится нынче на растопку. С каких пор сухое стоит!» Подумал он так, поднатужился, сломал дерево. Такой треск раздался, что мастера все разом проснулись — думали, это из катапульты стреляют, — и из дупла на землю

посыпались. Увидел мальчик маленьких человечков, так обрадовался, что и не расскажешь. Присел на корточки, давай их разглядывать. Он и подумать не мог, что в Поднебесной такие чудеса творятся.

А тут светлячок появился, взад-вперед летает, светит, да так ярко, ярче десяти тысяч свечей, вместе взятых. От этого света лицо у мальчика красным стало, черные волосы на лбу будто масляные блестят. Огромного он росту, а с виду добрый. Глядят на него мастера, дивятся, слова вымолвить не могут, только Ван Сань, каменотес, помнит, что надобно товарищам помочь. Задрал он вверх голову, как закричит:

— Эй, мальчик-великан! Вижу я, сердце у тебя доброе. У нас нынче и рисинки во рту не было. Не найдется ли у тебя чего поесть?

Услыхал мальчик, что каменотес крикнул, и говорит:

— Погодите! Я мигом домой сбегая! Мать пампушки на пару печет, а меня за хворостом послала.

Вскочил мальчик с земли, одним махом выдернул толстого тростника охапку, домой побежал. Прибежал, смотрит — огонь в очаге еще не погас.

Вот и готовы пампушки. Не забыл мальчик свое обещание, попросил у матери одну, мастерам отнес. Только после домой воротился, сам принялся есть.

Обрадовались мастера. Да и как не обрадоваться! Пампушка огромная, с холм величиной! А белая — ну прямо снег! Да будь тут мастеров еще сто раз по тысяче, им за три года да шесть лун не съесть этой пампушки. Даже не знают, с какого конца к ней подступиться. Стали наконец есть. Много дней ели — маленькую дыру проели. Смотрят — в середине овощная начинка. Как же начинку не отведать? Стали они дружку толкать да отпихивать, в середину лезть, влезли наконец, принялись начинкой лакомиться. Овощи ароматные, свежие! Ни разу не довелось мастерам такую вкусную пампушку есть.

Живут они себе, поживают, тишина вокруг да покой. Много дней прожили. Но вот однажды, как раз когда они обедали своей пампушкой, раздался грохот — никак, небо обвалилось. Земля под пампушкой ходунном заходила. Кликнул Ван Сань парней, пошли они поглядеть, что произошло. Выглянули потихоньку. Ай-я! Что за диво! Дождь изо всех сил хлещет, только не капли с неба падают — струи льют, и не сотнями — тысячами — серебряный водопад с неба падает, сверкает. Земли будто и не было — море-океан вокруг разлился. Посредине пампушка плавает и горы из хрусталя прозрачные — много их. И впрямь диво дивное!

Глядят мастера, глядят, вдруг видят — еще горы из воды поднимаются, огромные, высокие. Одна гора прямо к ним плывет, того и гляди, с пампушкой столкнется. Закричали мастера со страху. В тот же миг гора на пампушку налетела. Хэй! Ни грохота, ни шума, пампушка как была, так и осталась целехонька, зато гора об нее на кусочки разбилась. Обрадовались Ван Сань и его товарищи, куда печаль подевалась! Поняли, что никакая это не гора, пузырь простой, который на воде бывает.

Вот и дождь устал, лить перестал, вынесло пампушку в большую реку. Ходят по реке огромные волны, воруют воду водовороты, качается пампушка из стороны в сторону, аж голова у мастеров кругом идет, перед глазами круги плывут. Поднатужились они, подтянули листок, который по воде плавал, заткнули тем листком дыру в пампушке, чтоб волны внутрь не врываются.

Плывут мастера по реке, а где — не знают, не видно им. Даже Ван Сань, уж на что бывалый, и то не может толком сказать, сколько времени прошло — нечем время мерить.

И вот в один прекрасный день чувят мастера — не качает больше пампушку, прислушались — тишина вокруг. Куда ж это они приплыли? Обрадовались мастера так, что и не расскажешь, все разом за лист ухватились, потянули. И тогда скользнул в дырку теплый солнечный луч. Небо синее так и сверкает, по небу легкие белые облака плывут — слитки серебряные. Опять загрустили, закручинились мастера: не к берегу, не к твердой земле пампушка пристала — снова по морю плывет. А море — небо голубое, только шире, больше, глаже да чище.

Глядят мастера на море — и большое оно, и красивое, а все едино тяжело у них на душе — нельзя же вечно по морю плавать. Уж и не знаю, сколько прошло времени, вдруг налетел откуда ни возьмись сильный ветер, волны поднял высокие, не ровен час, наскочит их пампушка на подводную скалу. Встревожился Ван Сань, а духом не пал, не повесил голову и говорит спокойно так, не быстро и не медленно:

— Что пользы печалиться? Море хоть и велико, а берег есть. Тут где-то ветка была, ее волною занесло в пампушку. Давайте сделаем из нее весла. Нас тысяча! Чего ж бояться? Неужто не догребем до берега?

Повеселели мастера, заулыбались. Пошли плотники ветку глядеть. Хороша! Самые тонкие веточки на ней толще обыкновенного ствола. Принялись плотники пилить да рубить. Вскорости весел смастерили — и не счесть.

Взяли мастера в руки весла, грести стали. Гребут — не передохнут.

И на заре гребут, когда небо алым цветом загорается, и ночью, когда звезды над морской водой блестят.

И вот однажды ночь пришла, луна взошла, море спокойное — ну прямо зеркало гладкое. Увидали тут мастера длинную черную тень — не то берег, не то остров. Обрадовались! Ведь столько дней их по морю носило! И хоть устали они, еще усердней грести принялись, а тень чем ближе становится, тем выше кажется. Подумали мастера, что это морской берег. Да, видать, шибко крутой. Как на него залезешь? А с самого верху блестит что-то! Уже самую малость плыть осталось, сейчас к берегу тому пристанут. Эва! Что за диво! Задвигался вдруг берег. Пригляделись мастера: и не берег это вовсе — рыба большая. Не успели мастера спастись: разинула рыба пасть, проглотила пампушку вместе с мастерами. Словно финик, проскочила пампушка в рыбе брюхо. Не насытилась рыба, хвостом вильнула, целый пароход проглотила, доверху шерстью груженный, опять не наелась, два парохода с полотном проглотила — наполовину голод утолила.

Страшно у рыбы в брюхе, темно; глухой ночью, когда небо все в тучах, и то светлее. Сидят мастера лицом к лицу, а друг дружку не видят. Вдохнул тут Чжан Эр. Ни разу, как из дома ушел, не вздыхал так. Уж очень он растревожился. Встал, прошел несколько шагов, на Ван Саня наткнулся и говорит печально:

— Уж лучше десять лет по морю носиться, которое под луной блестит, чем день в рыбьем брюхе просидеть.

Рассмеялся тут Ван Сань и спрашивает:

— Что это вы, ребята, головы повесили? Забыли, что в пампушку свиной жир положен? Сейчас зажжем его, и светло станет.

Чтоб в рыбьем брюхе огонь горел, такого отродясь никто не видал. А мастеровые зажгли свиной жир, и светло стало, будто белым днем. Обрадовались мастера: только что как слепые были, а сейчас опять зрячими сделались. Глядят друг на дружку, смеются, разговаривают. Немного времени прошло, еще радость им привалила. Увидели они возле пампушки два больших парохода с холстом. И впрямь радость!

И так одежка у них у всех ветхая, а пока в пути были, совсем износилась. Каждому в новое обрядиться охота. Хоть никого промеж мастеров смекалистей Ван Саня не было, а и он не мог сказать, сколько платьев сшить можно из той материи, что на кораблях была. Коли и вспомнил кто из мастеров дом родной, чистую речушку, красные цветы, только

запечалился: нечего было им в ту пору поесть, не во что одеться. И принялись они со спокойным сердцем за дело.

Пока мастеровые в рыбьем брюхе хлопотали, много всяких дел произошло. Рыбину к морскому берегу волнами пригнало, тут ее коршун увидал, к самой воде спустился, клюв разинул, проглотил рыбину. Крыльями взмахнул, взмыл в небо, потом к какой-то крыше прилетел. Ну и красиво здесь! Захочешь рассказать, да не сумеешь. Солнышко ласково светит, в самые укромные уголки розовые лучи посылает. Отряхнул коршун перья и как закричит. А во дворе девица с вышиванием сидела. Подняла она голову, увидела коршуна, взяла узорчатую туфельку, в коршуна бросила. А коршун расправил крылья, как раз взлететь собрался. Попала ему туфелька носком прямехонько в крыло и застряла. Не может коршун взлететь.

Смотрит девица — жирный коршун, и думает: «Приготовлю-ка я его для отца, пусть полакомится». Собрала девица свои нитки да иголки, взяла птицу, в дом пошла.

А мастера к тому времени во все новое оделись, довольны, улыбаются. Как говорится, радость на все небо, веселье на всю землю. Бегают, прыгают, поют, словно в праздник. Вытащила девица из брюха коршуна рыбину, слышит — смеется кто-то внутри. Подивилась девица: откуда голоса человечьи? Ей-то рыбина маленькой рыбешкой кажется. Вспорола она осторожно рыбье брюхо, а там три парохота да пампушка, в пампушке тысяча человек. А мастера таких чудес за это время насмотрелись, что ни капельки девицы той не испугались. Ван Сань даже вежливо поблагодарил девицу, рассказал, зачем они родные места покинули, про беды, которые с ними в пути приключились, поведал. Пожалела их девушка, сказала, чтоб они навсегда здесь поселились.

Кинулись мастера все разом во двор, уж очень им хотелось поглядеть на голубое небо, на ясное солнышко. А пуще того хотелось послушать, как птицы поют да ветер в деревьях шумит. Бегают мастера, суетятся, подня пробегали, а никак до дверей не дойдут. Вдруг смотрят — две горы друг к дружке прилепились, рядышком стоят. Ковырнули мастера разок гору, на вкус попробовали — сладкая, ну прямо тесто из рисовой муки. Оказывается, это девушка два зернышка рисовых обронила.

Лезут мастера на горы-зернышки, карабкаются, уж и не знаю, сколько времени прошло, пока их одолели. А тут стемнело, так и не увидели мастера, какие здесь места, пришлось назад идти. Полночи шли, пока к девушке той опять пришли.

К тому времени отец ее домой воротился. Борода белая, смеется весело, сразу видать — добрый, Рассказала ему дочь все как было, не стал старик есть, стал мастеров ждать, с ними ужинать. Принялись мастера с хозяином за коршунятину. Вкусная, нежная! Девушка в сторонке сидит, красную шерсть прядет и говорит:

— Отец, красные шарики у тебя на шапке совсем истрепались. Я нынче из рыбьего брюха немного шерсти достала, давай новые сделаю!

Взяла девушка всю шерсть, которая на пароходе была, сделала из нее два большущих красивых шарика, к отцовской шапке приделала.

В это время мастера как раз ужинать кончили. Поглядел старик на красные шарики, надел шапку, пообещал завтра мастеров с собой взять, по разным местам поводить, пусть посмотрят. На другой день кликнул старик Ван Саня, кликнул всю тысячу мастеров, велел им к себе на плечи залезть. Надел шапку с новыми шариками, сделал несколько шагов, у ворот очутился. Понес старик мастеров в сад. Издалека услышали мастера, как славно дикая слива поет. А в сад пришли, поняли — это пчелы жужжат. На темно-зеленой траве, на светло-зеленых листьях, на красных цветах, на тонких ивах — везде росинки-жемчужинки. Самые маленькие — больше и круглее луны в небе. Так и сверкают росинки, так и переливаются, то красными станут, то фиолетовыми. Сидят мастера на плечах у старика, вниз глядят, и кажется им, будто не росинки это, а тысяча раз по тысяче, десять тысяч раз по десять тысяч лун сверкают среди разноцветных облаков.

Подошел старик с мастерами к фруктовому саду. Чуют люди — яблоками вкусно запахло, аж слюнки потекли, захотелось им тех яблок отведать, уж старик непременно их попотчует. Но тут вдруг откуда ни возьмись черный орел прилетел. Уж очень ему понравились шарики на шапке у старика, отродясь он таких не видал. Расправил орел крылья, схватил шарики в клюв, к югу полетел. Всполошился тут старик, вдогонку за ним пустился. А мастера тоже растревожились, боятся, как бы старик их не уронил ненароком. В складках его одежды схоронились, только головы высунули, по сторонам глядят.

Летит орел все быстрее да шибче, старик за ним. Бежит, бежит, никак не догонит. Потом вдруг нагнулся, поднял с земли большую гору — три дня на нее лезть, три ночи взбираться, чтоб до вершины добратся, — и запустил той горою в орла. Не угодила гора в орла, упала на южный склон другой горы — еще выше и больше. Тут вдруг голос раздался, да такой, что небо испугалось, земля задрожала:

— Кто это в мою чашку песчинку бросил?

Услыхал старик голос, перешагнув через большущую да высоченную гору, а там старик на земле сидит, раза в три больше этого, круто сваренный рис ест. Взял тот старец палочками гору, выбросил из чашки, опять за еду принялся. А старик, который мастеров на плечах нес, извиняться стал и говорит:

— Ты уж прости меня, старший брат, это я за орлом гнался, хотел камнем в него угодить, а попал в твою чашку. Не сердись!

Старец не только не рассердился, наоборот, пригласил старика поесть вместе с ним. Просто это голос у него такой громкий.

Только не стал старик тут расслаиваться да угощаться, ничего больше не сказал, дальше помчался, за орлом вдогонку. Совсем уж было его догна́л, но тут перед стариком гора выросла, для него и то большущая да высоченная. Белая, гладкая, ни травинки на ней, ни дерева! С трудом одолел ее старик, едва до вершины дошел. Смотрят мастера: по лицу старика пот так и катится. Не зря говорят: «Идти в гору легко, с горы — трудно». Стал старик вниз идти, не удержался, в ущелье скатился. Смотрит — кругом стены каменные, отвесные. Никак не взобраться на них старику — все скатывается. Смотрят мастера — не выбраться им отсюда, разве что крылья вырастут. Поглядели они на Ван Саня, он тоже брови нахмурил, не распрямляет, не знает, как быть.

Ай-я! Что за диво дивное приключилось! Задвигались каменные стены, заходило ходуном ущелье, перевернулось дном к небу, ну прямо как таз. Вывалился из ущелья старик, хорошо, мастера крепко держались, а то бы на землю попадали. Глядят они, приглядываются, смотрят — парень перед ними, ростом выше ихнего старика в несколько сот раз будет. Приподнялся парень. Хэ! Никакое это не ущелье. В пупок великана, вот куда старик угодил.

Сел великан, глаза протер, видать, только что проснулся. Говорит ему старик:

— Очень тебя прошу, старший брат, погляди, куда черный орел полетел, а то мне не видно!

Вскочил великан, домиком руки сложил, поглядел на юг и закричал:

— Опоздал ты, старик, опоздал! Орел уже в Южные ворота неба влетел! Ну и хитрец! Боялся, что ты его догонишь, снес яйцо и привалил им Южные ворота неба!

Услыхал это старик, с досады ногами затопал, стал в грудь себя кулаками бить. Жалко его мастерам. А великан подумал, подумал и говорит:

— Встань-ка на мою ладонь, я тебя к небу подниму, к самым Южным воротам, может, отодвинешь то яйцо в сторону?

Так и сделал старик, залез великану на ладонь, а тот поднял руку, и в тот же миг старик с мастерами оказались на десять тысяч верст выше земли. Задрали они головы, смотрят — в пурпурных облаках дверца круглая, крепко-накрепко орлиным яйцом привалена, от дверцы во все стороны золотые лучи расходятся. Толкнул старик яйцо, а оно и не шелохнулось. Закручинился старик, аж слезы из глаз закапали. Потолковал Ван Сань с мастерами и говорит:

— Не печалься, почтенный! Сейчас пробуравим это яйцо, на небо взойдем, черного орла найдем!

Принялись тут мастера за работу. Молотками по зубилам стучат: чэн-чэн. Только твердая у орлиного яйца скорлупа, тверже камня. Ударят — искры во все четыре стороны разлетаются, еще ударят — опять искры летят. Но не отступились Ван Сань да его друзья-мастера. Зубила затупились, кузнецы горны поставили, давай зубила отбивать. Ручки у молотков обломались, взяли плотники топоры да пилы, новые ручки сделали. Пробили наконец орлиное яйцо. Белок и желток по земле растеклись. Из белка озеро Цинхай получилось, чистое-пречистое. Из желтка — река Хуанхэ, желтая да быстрая. За тысячу лет не высохнут, за десять тысяч лет не пересохнут. Тысячу лет текли, шесть тысяч лет будут течь. А трудолюбивые да умелые мастера вместе со стариком на небо ушли.

Говорят, что пионы в Лояне — самые красивые во всей Поднебесной. Я не был там. А вот в Шаньдуне, в округе Цаочжоу, каких только пионов нет: и темно-красные, и бледно-розовые, и желтые, словно вылепленные из янтарного воска. Некоторые люди даже живут тем, что выращивают пионы, а потом продают их. История, которую я хочу рассказать вам, как раз и случилась в округе Цаочжоу.

Жил на свете юноша, и звали его Ван Юй. Жил он один-одинешенек на восточной окраине деревни и выращивал там пионы. Славным садовником был Ван Юй! И семена у него, кажется, обыкновенные, как у других, а таких прекрасных пионов ни у кого не было: головки большие, яркие и сочные зеленые листья.

Однажды весной пошел Ван Юй к речушке по воду, чтобы цветы свои полить. Вода в реке чистая, прозрачная, а берега зеленые, изумрудные. Подошел он к реке, глядь, а под ивой девушка сидит, одежду стирает. Платье на ней старое, рваное, а сама красивая — будто ветка цветущей сливы. И молоденькая такая! Подняла она голову, взглянула на Ван Юя и снова принялась стирать. Сколько коромысел воды перетаскал Ван Юй, сколько стеблей нарезал, трудно сказать. Время уже к полудню близилось, а девушка все работала и работала. Хотел было Ван Юй окликнуть ее, да раздумал, — неловко как-то. Пошел он домой, пообедал, вернулся — видит, девушка все еще стирает. Опять стал Ван Юй воду носить, цветы поливать. Пригляделся повнимательнее к девушке, а у нее слезы глаза застилают. «Что печалит ее, — подумал Ван Юй, — может, я смогу чем-нибудь помочь ей?»

— Почему ты все работаешь и не идешь обедать, ведь время уже за полдень? — спросил он девушку.

Поняла красавица, что спрашивает ее Ван Юй от чистого сердца, и рассказала ему всю правду о себе. Звали девушку Ин-чжу. Ее мать вышла второй раз замуж и взяла Ин-чжу с собой в деревню, что к востоку отсюда. Жестокий отчим обращается с ней хуже, чем со скотиной. Даже овощей и рисовых отрубей не дает поестъ досыта.

Выслушал ее Ван Юй, и гнев закипел в сердце его. Жалко ему стало девушку. Быстро сбегал он домой, принес супа и риса. Обрадовалась Ин-чжу. Вот уж поистине: в первый раз люди увидятся — чужими себя чувствуют, во второй раз встретятся — друзьями становятся. Ван Юй частенько, украдкой от отчима, приносил девушке еду, а она также тайно одежду ему стирала. Полюбили они друг друга. И вот однажды Ин-чжу спрашивает Ван Юя:

— Ван Юй, а Ван Юй, уж не бессмертный ли ты шэньсянь, спустившийся с неба, или, может быть, ты сын царя драконов?

Не понял Ван Юй, почему она его так спросила, улыбнулся и отвечает:

— Я не шэньсянь и не сын царя драконов, я — простой смертный.

Рассмеялась Ин-чжу, покраснела и говорит:

— Ну, раз ты не шэньсянь и не сын царя драконов, то какая жена тебе нужна?

Тут Ван Юй догадался, в чем дело, и на другой же день послал сваху в дом Ин-чжу. Отчим зло рассмеялся и говорит:

— Кто в моем доме живет, тот мне и принадлежит. Дашь за Ин-чжу восемьдесят лянов серебра — сговоримся, не дашь — не о чем нам с тобой разговаривать.

— Раз моя Ин-чжу так хороша, — добавила мать, — то уж лучше я найду ей дом с большими воротами и высокими дверьми.

А Ин-чжу в это время притаилась под окном и все слышала. Опечалилась она и рассердилась. Обидно и горько ей стало. В глазах потемнело, и упала она без чувств.

Ван Юй был беден, где мог он раздобыть столько серебра? Сватовство не вышло, и Ин-чжу от горя захворала.

Вернулся Ван Юй домой и снова стал воду таскать, пионы поливать. Но что бы он ни делал, все думы его об одной Ин-чжу были. Смотрит на речку и вздыхает: «Вода в реке течет быстро, когда же, Ин-чжу, твоя болезнь пройдет?» Ухаживает Ван Юй за пионами, а сам об Ин-чжу

грустит: «Пионы вот-вот распустятся, когда же наша любовь расцветет?» Еда не казалась Ван Юю такой вкусной, и не видел он больше сладостных снов.

Никто не знал, почему Ван Юй сохнет.

А пионы расцвели на редкость красивые, там были и красные и фиолетовые, всех цветов и оттенков не перечесть — зеленые листочки поддерживали бутоны и были похожи на изумрудные блюдца, а Ван Юй ходит около цветов и поливает их горячими слезами. Никто не видел, чтобы он хоть раз улыбнулся. Стали люди уговаривать Ван Юя:

— Забудь, Ван Юй, о ней. Ведь если продать все твое маленькое хозяйство и даже все, что есть у твоих родственников и друзей, все равно не выручить и ста лянов.

Но Ван Юй в ответ лишь печально улыбался, а сам думал: «Из-за меня Ин-чжу заболела. Как мне вызволить ее от злого отчима? Где взять столько серебра?»

В тот вечер Ван Юю и еда в рот не шла, и дома ему не сиделось. Вышел он во двор — до чего же луна яркая! «Может быть, пойти в сад поработать, все на сердце легче станет». Вышел он из дому, и сам не заметил, как пришел к пионам. Озаренные лунным светом, пионы блестящие, словно хрустальные. Ветерок едва шевелил тени кустов. Но Ван Юй не замечал всей этой красоты. Вдруг он заметил в глубине сада мужчину и женщину. Ван Юй догадался, что это влюбленные, и, чтобы не помешать им, тихонько пошел к дому. Всю ночь не сомкнул Ван Юй глаз. А на другой день рано утром снова пошел в сад. Бутоны все распустились, а один куст, тот, что в середине сада, был особенно высок и прекрасен: на одном стебле распустились пионы пяти оттенков. Казалось, солнце освещало этот куст ярче, чем остальные, и жемчужинки росы на лепестках распространяли едва уловимый нежный аромат. Подошел Ван Юй к этому кусту и вспомнил, что влюбленные стояли именно здесь. Посмотрел кругом и видит, что земля разрыхлена и нет на ней даже самого легкого следа. Подивился юноша: ведь люди не бабочки и не пчелы, не могли же они стоять на лепестках или на листьях. Нагнулся, посмотрел, — нет, никаких следов не видно. Лишь под одним листочком заметил он изумрудное перышко. Взял его Ван Юй в руки, упал тут на перышко луч солнца, и стало оно излучать такой яркий свет, что даже ладони Ван Юя покраснели. Понравилось Ван Юю перышко, взял он его с собой, чтобы показать потом Ин-чжу. Вернулся домой, положил перышко на столик и ушел в сад. Вернулся поздно вечером из сада, взглянул на столик,

а перышко сияет словно звездочка. Подошел Ван Юй к столу, а перышко вдруг на пол упало, сверкнуло и стало расти, расти и превратилось в сверкающего всеми цветами Феникса.

— Я — царь птиц, вчера вечером ты сделал для меня доброе дело — не помешал нам. Какая у тебя печаль, расскажи мне обо всем, — сказал Феникс.

Ван Юй обрадовался и спросил:

— А можешь ли ты сделать так, чтобы я увидел Ин-чжу?

Не успел он это проговорить, как Феникс улетел.

А Ин-чжу как упала тогда без чувств, так не скоро пришла в себя. Целыми днями думала она о Ван Юе, и болезнь ее день ото дня становилась все тяжелее. Потом девушка и встать не могла...

В тот день лежала она на кане и слезы лила: никогда не увидит она больше Ван Юя. Сердце ее пылало огнем. Вдруг комната наполнилась светом, протерла Ин-чжу глаза, а перед ней Феникс стоит. Словно по волшебству, поднялась она с кана и, плавно летя по воздуху, опустилась во дворе Ван Юя. То ли потому, что увидела Феникса, то ли потому, что обрадовалась Ван Юю, забыла Ин-чжу о своей болезни.

Феникс улетел на восток, а Ван Юй и Ин-чжу радостные вошли в дом. Прежде Ван Юю ночи казались длинными, тут он досадовал, что время так быстро летит. Не успели они наговориться, как пробило полночь и прилетел Феникс.

— Ты побудь на улице, — попросил его Ван Юй. — Луна так хороша, и пионы расцвели, а мы посидим еще немного.

Согласился Феникс и улетел.

Раньше Ин-чжу ждала рассвета, и он долго не наступал, а сейчас небо быстро посветлело, исчезла луна, и опять прилетел Феникс.

— Лети, Феникс, обратно. Будь тут кирпич вместо подушки и небо вместо одеяла, я все равно не вернусь в дом к отчиму, — сказала Ин-чжу.

Согласился Феникс и улетел. А Ван Юй и Ин-чжу собрали свои вещи и хотели было убежать в другую деревню, как вдруг в дом вошли мужчина и женщина. Ван Юй тут же узнал их — это были те самые влюбленные, которых он видел ночью у себя в саду. Женщина была настоящей красавицей. На мужчине был ослепительно яркий, разноцветный наряд. Ван Юй и Ин-чжу даже привстали от удивления, а женщина обратилась к Ван Юю:

— Ты много лет ухаживал за мной, и вот сегодня я пришла проститься с тобой.

Ван Юй недоумевал, ведь раньше он никогда не видел эту женщину, как же он мог ухаживать за ней. Сомнение закралось в его сердце.

— Я дам тебе три плоских камня, — сказал мужчина, — поставь их в виде больших ворот, заходи туда и бери, что понравится, только помни хорошенько: как войдешь — не произноси ни слова.

С этими словами он протянул Ван Юю три темных камня, блестящих и гладких. Не успел юноша слова сказать, как мужчина и женщина исчезли.

Ван Юй и Ин-чжу вышли за ворота, но и там ничего не увидели. Только в небе сверкнули два расписных паланкина, окруженные множеством птиц, а через мгновение и они исчезли. Близился рассвет. Ван Юй и Ин-чжу побежали в сад, смотрят, а самого большого куста пионов нет. Понял тут Ван Юй, что женщина и была самым красивым и высоким пионом в его саду, а мужчина — Фениксом.

Поставил Ван Юй три камня, и выросли перед ним высокие ворота. Вошел, а там — налево лежит золото, направо — серебро, дальше — медь, железо, изумрудная яшма и драгоценные камни. Чего только там не было! Взял Ван Юй горсточку серебра и вышел, а на земле по-прежнему лежат три камня. Ин-чжу с нетерпением ждала его. Увидела она, что Ван Юй принес серебро, удивилась и обрадовалась. Пошел Ван Юй в дом к Ин-чжу и отдал серебро отчиму. Тот взял серебро и согласился отдать Ин-чжу.

С тех пор Ин-чжу и Ван Юй стали жить вместе. Жили они дружно. Ван Юй усердно работал в саду, а Ин-чжу разводила огонь и готовила ему пищу.

Однажды в дом к Ван Юю пришли мать и отчим Ин-чжу. Не успел отчим сесть, как сразу же заговорил о том, что хочет получить еще серебра. Достал Ван Юй свои камни, поставил их, и сразу же появились большие ворота. Ван Юй и говорит отчиму:

— Войди в ворота и бери все, что понравится, только ни слова не произноси.

Отчим вошел в ворота, выбрал большой слиток золота, вынес его, положил и говорит жене:

— Теперь давай войдем вместе, так мы сможем унести гораздо больше золота.

Вошли они в ворота вдвоем. Опять взял отчим большой слиток золота. И вдруг видит, что у жены в руках медь. Заволновался, забыл о словах Ван Юя и как крикнет:

— Да это же медь!

Только произнес он это, как стало совсем темно и вокруг выросли каменные стены.

Ван Юй и Ин-чжу увидели, как рухнули ворота, три камня исчезли, и лишь где-то вдалеке гулко отозвалось эхо. Перепугались они, а вскоре узнали, что рухнула большая гора, где-то на северо-западе.

С тех пор отчим и мать Ин-чжу больше не появлялись, и никто не знал, где они.

Золотая птица

сказка народа хуэй

Случилось это в прежние времена. К югу от города Куньмина жила одна семья по фамилии Ша — трое братьев и старенькая мать. Старшего звали Ша Исянь — Ша Мудрый, среднего — Ша Ичжэнь — Ша Правдивый, а младшего — Ша Идэ — Ша Добродетельный. Трое братьев были сапожниками, трудились изо всех сил, но ели не досыта, одевались не тепло.

И вот как-то раз в один из годов зарядил на много месяцев мелкий дождик, тонкий, словно хлопковые нити. Остались трое братьев без работы, незачем им крышку котла открывать — пусто в нем, вся семья голодная сидит. Изголодались за день, а ночью им всем приснился одинаковый сон. Утром встали, Ша Исянь и говорит:

— Этой ночью приснился мне удивительный сон. Видел я, как прилетела золотая птица, вся золотыми лучами сверкает. Куда золотой луч упадет, там все новым делается. Упал золотой луч на наш дом, тотчас он стал как новый. Упал золотой луч на нашу маму — и опять она молодая, попал золотой луч в комнату, стол, стулья, скамейки — все стало новым. Наша рваная одежда превратилась в новую, мушмула у нас во двореке вся желтыми плодами покрылась. У ворот множество людей стоят, все в новой одежде, и нас зовут. А мы-то всю стараемся, туфли шьем, торопимся, спешим, да на всех успеть не можем. От радости у нас и рты не закрываются, от радости-то я и проснулся.

Раскрыла мать широко глаза, сына слушает.

— Ха-ха, — засмеялся тут Ша Ичжэнь, прервал старшего, — и я во сне точь-в-точь то же самое видел.

— Вот дивно, мама! Я ясно-ясно помню, и мне золотая птица привиделась. Когда она над нашей крышей пролетала, крыльями хлопала, — сказал Ша Идэ.

Заморгала тут мать глазами и говорит:

— О боже, я ведь тоже такой сон видела. Все в новом платье, чаны рисом полны, на плите масло стоит, соль — всего полно. Куча хвороста до самого карниза поднялась, а чашки в доме все фарфоровые. Пошла я по воду, а вода из колодца сама в ведра бежит. А еще каждый из вас по мудрой жене в дом привел.

— Э, непременно золотая птица прилетит, раз уж мы ее все видели, — сказал средний сын Ша Ичжэнь.

— Вот хорошо, если бы золотая птица прилетела, — подхватил старший, Ша Исянь.

— Это доброе предзнаменование, — сказала матушка, — золотая птица непременно прилетит, и на что ее луч упадет, то все новым сделается.

— Мама, а ведь мы можем пойти искать ее туда, откуда она прилетела, — добавил младший, Ша Идэ.

— Кто знает, как далеко придется бежать за ней, все туфли, что у нас есть, износить можно, а уверенности нет, что отыщешь золотую птицу. Раз уж она прилетала, так и снова прилетит. Спокойно ждите ее, — сказал средний брат Ша Ичжэнь.

— Ну а если и вправду удастся найти ее, как было бы хорошо! — воскликнул старший брат Ша Исянь.

— Чем от голода помирать, идите уж! Старший не найдет, средний пойдет, второй не найдет, младший пойдет. Если есть на свете золотая птица, то ее можно отыскать, — решила мать.

— Работы никакой все равно нет, так что я пойду, — сказал старший из братьев.

Обрадовалась мать, пошла к соседям слева, заняла немного рисовой муки, сварила жидкой болтушки, чтоб он поел, да еще приготовила несколько лепешек ему в дорогу. Взял старший брат сапожный нож да молоток, простился с матерью и пошел в ту сторону, откуда во сне птица прилетала.

Миновала уже седьмая джума¹, как старший брат из дома вышел, подошел он к развилке. Видит — у дороги старушка спит. Приблизился к ней Ша Исянь и спрашивает:

¹ Джума (араб.) — молитвенное собрание, на которое мусульмане собираются по пятницам, отсюда значение: «пятница» (иногда неделя в целом).

— Тетушка, чтобы золотую птицу отыскать, по какой дороге идти надо?

Встряхнулась старуха разок, приоткрыла левый глаз и говорит:

— Влево пойдешь — к горе сокровищ попадешь, вправо пойдешь — к казенным амбарам попадешь. А коли хочешь отыскать золотую птицу — по средней дороге отправляйся.

Поблагодарил Ша Исянь старуху, только собрался ногу поднять, в путь отправиться, видит — распрямила старуха спину, села, а туфли-то у нее с ноги совсем свалились. Ша Исянь и говорит ей:

— Почтенная матушка! Дайте я вам помогу туфли надеть.

Кивнула старушка головой и подала свои туфли Ша Исяню. Надел ей юноша туфли, поднялся, собрался дальше идти, а старуха оба глаза раскрыла, оглядела Ша Исяня и замотала головой:

— Не ходи-ка лучше! На средней дороге гора на горе громоздится, в горах удавы да змеи кишмя кишат, всюду тигры да волки рыскают.

Замотал Ша Исянь головой, засмеялся:

— Я по материнскому наказу птицу искать пошел, река мне встретится — переплыву, гора попадется — перевалю.

— Ну, ладно! Запомни только хорошенько: тигр появится — за ним иди, змея проползет — за ней ползи, люди окликать будут — не отвечай, горы закачаются, земля завоюет — никогда назад не оборачивайся.

Поблагодарил Ша Исянь старушку и пошел по средней дороге.

Еще семь раз миновала джума, и подошел он к подножию огромной горы. Гора-то! Вверх идет — вершины не видать, лес на ней густой-прегустой. Полез на нее Ша Исянь, целую неделю взбирался, а дошел только до середины склона. Вдруг слышит — женщина какая-то у него за спиной кричит:

— Ша Исянь, Ша Исянь!..

Помнил юноша наказ матушки, не издал ни звука, тогда и голос где-то вдали постепенно смолк. Вторую неделю Ша Исянь вверх лезет, гора вся старыми деревьями заросла, густыми да толстыми, под ногами повсюду лианы колючие. Пройдешь сто шагов, пройдешь тысячу, одежда на тебе вся колючками изорвана, ноги все насквозь проколоты. Ползет Ша Исянь вверх, боль терпит. Змеи ядовитые с деревьев головы свешивают, тигры впереди режут. Бьется сердце у Ша Исяня, бин-бан, колотится. Сбоку вдруг выполз огромный змей-удав, глаза, словно два фонаря, горят, сам толстый, как бадья для воды, злобно так пасть свою разевает. От страха у Ша Исяня ноги ватными сделались. Вдруг слышит еще

за спиной грохот, гремит так, что горы качаются, земля ходуном ходит. Задрожал Ша Исянь со страху, забыл наказ старой тетушки, повернул голову, глянул, а в глазах только пелена темная. Вмиг превратился он сам в глыбу каменную.

Как ушел Ша Исянь из дому, мать его каждый день вдаль смотрит. Проглядела одну неделю, две... двадцать раз уже миновала джума, а не видать Ша Исяня, не идет домой. Пошла мать к соседям справа, заняла немного рисовой муки, сварила жиденькой болтушки, дала поесть среднему сыну Ша Ичжэню, приготовила несколько лепешек ему в дорогу.

— Иди, — сказала Ша Ичжэню матушка, — отыщи золотую птицу и своего старшего брата!

Не стал брать Ша Ичжэнь с собой сапожный инструмент, прихватил только лепешки да все туфли, что дома были, попрощался с матерью и пошел туда, откуда золотая птица прилетала.

— Буду молить Аллаха, чтоб защитил он тебя в пути, пусть дождемся мы от тебя доброй весточки, — сказала мать ему, стоя в воротах.

Семь недель шел Ша Ичжэнь и дошел до развилки дорог. Видит — у дороги спит какая-то бабушка. «Вот старый человек, а счастлив, заснула прямо в поле», — подумал он и закричал:

— Тетенька! Коль иду искать золотую птицу, какая дорога самая ближняя?

Приоткрыла старушка левый глаз и говорит таким тоненьким голоском:

— Двадцать недель я не ела, совсем горло у меня ссохлось.

Достал Ша Ичжэнь из мешка лепешку, отломил половину, протянул бабушке:

— Ладно, бабушка, нá — поешь пока.

Распрямила старая свою ленивую поясницу, съела лепешку и говорит:

— По левой дороге пойдешь — к горе сокровищ попадешь, по правой пойдешь — к казенным амбарам попадешь. Коли хочешь отыскать золотую птицу — по средней дороге отправляйся.

Приоткрыла тут старушка правый глаз, оглядела им Ша Ичжэня и говорит:

— Ай! Не ходи-ка лучше! На средней дороге гора на горе громоздится, по горам удавы да змеи кишмя кишат, всюду тигры да волки рыскают.

— Раз мама велела, ничего не поделаешь. Должен отыскать я золотую птицу и брата старшего домой привести.

— Ну, ладно! Запомни только хорошенько: тигр появится — не бойся, змея подползет — пусть ползет, люди окликать будут — не отвечай, горы закачаются, земля завоюет — никогда назад не оборачивайся.

Поблагодарил Ша Ичжэнь старушку и отправился в путь. Еще семь раз миновала джума, и подошел он к подножию огромной горы. Гора-то! Вверх идет — вершины не видать, лес на ней густой-прегустой. Взялся на нее Ша Ичжэнь полнедели, больше ползти нет мочи, забрался на большое дерево, заснул и проспал вторую половину недели. Вторую неделю взбирается вверх юноша, видит — тигр злощный, от страха Ша Ичжэнь голову поднять не может, взглянуть не смеет. Долго лез, к полудню большое дерево отыскал, только думал на него взобраться, поспать немного, вдруг слышит — женский голос зовет:

— Ша Ичжэнь, Ша Ичжэнь!

Дрогнуло сердце юноши, забыл он наказ старой тетушки. «Кто это? Может, тоже золотую птицу ищет?» — Не успел он так подумать, а голос уже совсем близко раздался.

— Ай! Здесь я!

Смотрит — перед ним прекрасная девица очутилась. По правде говоря, отроду не видал Ша Ичжэнь такой красавицы. Только глянул на нее, в глазах зарябило. Понял только, что красавица она удивительная. А девица захихикала весело:

— Что ж это ты на дереве спать собрался? Пошли ко мне, отдохнешь немного.

Потянула она его за собой, а у Ша Ичжэня в голове помутилось — ни согласиться, ни отказаться не может, а ноги-то сами собой за ней идут. Обогнули два больших дерева, и впрямь — домик. Дом-то совсем новый, до того новенький, что сверкает весь. Только вошли в ворота, а там кресло, шкурой покрытое.

— Садись, садись, — изо всех сил девица его усаживает.

Совсем поглупел Ша Ичжэнь, ничего не соображает, опустился в кресло, хый! Тотчас же превратился второй брат, как и первый, в каменную глыбу.

Как ушел Ша Ичжэнь, мать все на дорогу глядит да глядит. Неделю глядит, другую... двадцать недель прошло, а все не видно Ша Ичжэня. И вот однажды младший сын Ша Идэ и говорит матери:

— Мама! Теперь я пойду! Двадцать недель прошло.

Не пускает его мать:

— Молод ты еще! Уйдешь, я одна останусь. Может, братья твои еще воротятся.

Так и не смог Ша Идэ уйти. А мать каждый день говорит:

— Может, завтра они вернуться с золотой птицей.

Неделю так говорила, две, двадцать недель говорила, а все не видно на дороге сыновей. Ничего не поделаешь, пришлось матери согласиться.

— Ладно! Мой младшенький, сорок недель минуло, иди! Все равно не видать нам хороших дней без золотой птицы.

Пошла мать по знакомым и родственникам, заняла маленькую чашечку муки, только и хватило ее на три лепешки. Взял Ша Идэ три лепешки, выслушал материнский наказ да благословение и ушел.

Пошел Ша Идэ в ту сторону, откуда золотая птица прилетала. Семь недель шел и дошел до развилки дорог. У дороги старушка спит, голову платком накрыла. Подошел к ней Ша Идэ.

— Салям, матушка! — И вежливо так спросил: — Надо мне золотую птицу найти, не укажете ли мне, по какой следует дороге идти?

Зевнула старуха, села, на «салям» его ответила, приоткрыла левый глаз и говорит:

— По левой дороге пойдешь — к горе сокровищ попадешь, по правой пойдешь — к казенным амбарам попадешь. Коли захочешь отыскать золотую птицу — по средней дороге отправляйся.

Еще раз зевнула старая женщина и добавила:

— Э! Сколько же я спала? Как проголодалась-то, — говорит, а у самой в животе бурчит.

Быстро выхватил Ша Идэ оставшиеся две лепешки:

— Отведайте, почтенная тетушка!

Не стала старушка отказываться, взяла их, принялась есть, да так зараз обе лепешки и съела.

— Э, э! Ты за золотой птицей идешь, а на средней дороге гора на горе громоздится, по горам удавы да змеи кишмя кишат, всюду тигры да волки рыскают. Без драгоценного сокровища только туда дойдешь, а назад не воротиться.

— Я несу с собой материн наказ да благословение, разве это не драгоценные сокровища? — быстро ответил ей Ша Идэ.

— Э! Запомни тогда уж и мой строгий наказ: тигр появится — за ним иди, змея проползет — за ней ползи, люди окликать будут — не отвечай, горы закачаются, земля завоет — никогда назад не оборачивайся.

Поблагодарил Ша Идэ старушку и тронулся в путь по средней дороге. Шел он неделю, видит — на дороге пчела в лужицу упала. «Пчела-то должна нектар добывать», — подумал Ша Идэ и быстренько перенес ее на сухое место. Подождал, пока пчела улетела, тогда и сам дальше пошел. На третью неделю увидел Ша Идэ изумрудно-зеленую птичку, которую кто-то конским волоском к ветке привязал. «Птица-то должна летать свободно», — подумал юноша, подошел к ней и освободил ее, чтоб могла она улететь.

На седьмой неделе дошел Ша Идэ до подножия огромной горы. Горато! Вверх идет — вершины не видать, лес на ней густой-прегустой, даже солнце через него пробиться не может. По земле одни колючие лианы стелются. Полез он в гору. Всего десять шагов сделал, а колючки уж всю одежду порвали, тысячу шагов сделал — колючки ему лицо, руки и ноги поранили. Помнит он материнский наказ, терпит боль, вверх ползет. Вдруг маленькая змейка соскользнула с дерева и прямо ему на шею, холодная такая, скользкая. Отбросил он ее в сторону. А тут еще удав огромный впереди вылез, глаза, словно фонари, большие, пасть широко разинута; тигры справа и слева рычат, волки воют... Поначалу у Ша Идэ от страха сердце запрыгало, но вспомнил он материнский наказ и благословение, вспомнил строгие слова доброй старой тетушки, и успокоилось его сердце, прибавилось у него храбрости. Тут и тигры далеко ушли, и огромный удав уполз.

Дальше вверх Ша Идэ взбирается, вдруг слышит — сзади кричит кто-то:

— Ша Идэ, Ша Идэ!

Помнит он материнский наказ и благословение, помнит строгие слова старой тетушки — не отвечает. Голос и заглох вдали постепенно. Еще одна неделя прошла, а Ша Идэ все в гору лезет. Опять у тропинки кричит кто-то:

— Ша Идэ, Ша Идэ! Это я! Ша Идэ!

Голос-то на старшего брата похож, дрогнуло сердце Ша Идэ: неужели старший брат здесь? Да только подле тропинки одни камни огромные, нет тут людей.

— Ша Идэ, это я! Правда я, твой старший брат!

«Нет, помню я наказ моей матушки, помню строгие слова старой тетушки. Нет!» — подумал он так и стал по-прежнему изо всех сил вверх взбираться. А голос-то сразу и исчез.

Перевалил он через гору, потом еще через одну перебрался, лез, лез, вдруг слышит — за спиной грохот, да такой, словно небо валится. От

гула в ушах гудит. Горы дрожат, земля трясется, рев по спине пробирает, в сердце вгрызается. Заколотилось от страха у Ша Идэ сердце, с испугу холодный пот потек. «Помню я наказ моей матушки, помню я строгие слова старой тетушки», — только подумал так Ша Идэ, перестало прыгать его сердце, заглохли страшные звуки. Стали горы перед ним одна за другой ниже делаться, стали деревья перед ним шелестеть да на две стороны расступаться. Зашуршало что-то: шуа, и исчезли горы, открылся перед ним сверкающий сад, блеск от него такой исходит, что Ша Идэ глаза раскрыть не в силах. Сделал он усилие, моргнул раз, другой.

Хо! Уж не золотая ли это птица! Точь-в-точь как во сне привиделась, все тельце золотом блестит, все перышки золотыми лучами сияют. Как прекрасны цветы вокруг в золотых лучах! Остолбенел Ша Идэ, долго так стоял, потом вдруг очнулся, а раны на теле не болят, в ногах снова сила есть. Побежал он, помчал — вперед. Скорей! Сад, где живет золотая птица, вот он перед ним, совсем рядом. Бан — вдруг ударился он обо что-то. Упал Ша Идэ, пролежал долго, потом только с силами собрался, встал на ноги. Оказывается, то стена была хрустальная. Как высока она? Приподнялся он, рукой пощупал, не достал доверху. А птицы в саду высоко порхают, долетают до этой стены — стучаются. А велик ли сад? Пошел Ша Идэ вдоль стены, руками ее щупает, шел, шел, никак к тому месту, откуда начал, не вернется. Круглая стена, нет ни дороги, ни ворот. Как тут быть? Вроде два круга уже сделал, разволновался, заболели все раны у него на теле, затекли ноги, повисли руки, упал без сил Ша Идэ подле хрустальной стены и забылся тяжелым сном.

— Спаси меня, третий брат! — кричит из-под земли во сне ему старший брат.

— Скорей тащи меня, младший брат, — кричит второй брат, а сам в крови весь на земле лежит.

— Не видать нам счастливых дней без золотой птицы, — увидал он перед глазами грустное нахмуренное лицо своей матери.

Сердито раскрыл Ша Идэ глаза, поднял голову, стал старательно за золотой птицей смотреть да за цветами наблюдать. До чего же красивый цветник: крупные цветы, мелкие, высокие, низкие, всяких оттенков, всяких сортов. А золотая птичка привольно по яблоньке с золотыми плодами прыгает. Ай! Как жаль, что все это словно отражение в зеркале: видеть — видишь, а потрогать нельзя.

Побродил Ша Идэ туда-сюда, пошарил там-сям, всюду одно и то же. Видно все насквозь, а потрогаешь — стена ледяная — ни угла, ни

щели. Золотая птица там привольно прыгает, цветы цветут такие свежие, птицы всякие летают, пчелы хлопочут.

День глядел, два глядел, видит — одна пчела летала-летала да и вылетела наружу. «И-и! Вот диво-то!» Прилепился Ша Идэ к тому месту, откуда пчела вылетела, замер, смотрит. Много времени прошло, еще одна пчела вылетела. Подпрыгнул тут Ша Идэ от неожиданности, осторожно рукой пошарил. Э! Оказывается-таки, есть дырочка, величиной с замочную скважину. Как тут быть? Еще одна пчела влетела — другая вылетела. «Вот бы мне пчелой оборотиться», — подумал юноша. Стал опять на цветы глядеть — до чего же они свежие, как привольно там птицам летается. «Вот бы мне птицей оборотиться!» — подумал Ша Идэ.

Вдруг — пу-пу-пу — захлопали рядом крылья, и маленькая изумрудно-зеленая птичка подлетела и уселась ему прямо на руку, а в клюве у нее ключик. Схватил Ша Идэ поспешно ключик, вставил его в дырочку, дрогнула хрустальная стена. Толкнул он ее с силой, заскрипела дверь и отворилась! Чистый, ароматный запах ему в нос ударил, до чего же вкусно пахнет, никогда такого не чуял.

Вдохнул Ша Идэ глоток ароматного воздуха, по всему телу истома разлилась, вдохнул два раза — в сердце невольно радость почувствовал. Вдохнул еще раз. Хэ! Будто голову ему сменили. Все тело легкое стало, хоть пари в воздухе. Осветили его тело золотые лучи — вся одежда новой сделалась, раны на теле все затянулись. Тут изумрудно-зеленая птичка взяла опять в клюв ключик, хлопнула крыльями и улетела.

— Спасибо тебе, зеленая птичка! — поблагодарил ее Ша Идэ и легкими шагами, словно танцуя, пошел туда, где летала золотая птичка.

Если с чистым сердцем идешь искать золотую птичку, не станет она от тебя прятаться. Подошел к ней Ша Идэ и говорит:

— Золотая птичка, золотая птичка! Прошу тебя, спаси мою мать! Спаси моих братьев! Спаси весь наш город!

Кивнула головой золотая птичка, подлетела к нему, села на его правое плечо, а потом собралась с силами и в ворота вылетела. Ша Идэ за ней следом торопится, золотая птичка еще быстрее летит, Ша Идэ еще быстрее, бегом бежит. Летит золотая птица прочь от своего сада, а цветы да фрукты вслед за ней летят. Упадут золотые лучи на высокие горы, высокие горы в низкие превращаются. Упадут золотые лучи на огромного удава, а он в кучу земли превращается. Упадут золотые лучи на ядовитую змею, ядовитая змея в пепел превращается. Упадут золотые лучи на тигра или волка, тигры, волки в камни превращаются. Упали золотые лучи на

каменные глыбы — старший брат, средний брат снова в людей обратились. Упадут золотые лучи на пашню, созреют на ней все злаки. Упадут золотые лучи на старого человека, сразу он молодым становится. Молодого осветят — сразу мудрым делается.

Прилетела золотая птичка к дому Ша Идэ, и сам он домой вернулся. Приняла матушка золотую птицу, осталась птичка жить у них в доме.

А через две недели и два других сына вернулись.

С тех пор и семья Ша и все другие люди зажили счастливо.

Птичьи перья

корейская сказка

В старину в далеком глухом ущелье жили две семьи, обе небогатые. У одного соседа был сын, звали его Ма Даный, у другого — дочь. Имя ей было Коппыни, что значит Красавица. С детства они росли словно брат и сестра: вместе играли и пели, рядом в поле трудились.

Сделал однажды Ма Даный лук из сосновой ветки, спустил с тетивы стрелу и подбил красивую птицу. Обрадовался, подобрал ее и побежал домой — подарить Коппыни. Вдвоем они сняли с птицы шкурку с перьями, растянули на распялке и спрятали под циновку, что лежала на кане. На другой день снова пошел Ма Даный в горы и снова подстрелил красивую птицу из тех, что ему попались. И со второй птицы они содрали шкурку с перьями и спрятали на кан под циновку. Не раз, не два и не три ходил юноша на охоту. Каких только птиц не набил — и желтых, и белых, и зеленых, и синих. Всякие тут были цвета, разные тут были птицы.

Время летит как стрела. Дети день за днем подрастали, и вот Ма Данью уже восемнадцать, Коппыни — шестнадцать минуло. Стала Коппыни умной и пригожей девушкой, а юноша — хорошим охотником. Трудолюбивее их и не сыщешь. Солнце еще не взойдет, а они в лес идут целину поднимать, солнце к западу склонится, а они еще канавы роют или рассадку рисовую высаживают.

Вскапывал как-то Ма Даный целину на южном склоне горы. Вдруг слышит — внизу кто-то зовет его нежным голосом. Вмиг догадался юноша, кто его кличет. Выбежал из леса — перед ним и впрямь Коппыни. В одной руке у нее корзина, другой она дикие корни собирает. Стал он помогать ей корни выдергивать, а она ему — поле копать. Шумят,

смеются, не заметили, как и полдень наступил. Собралась девушка домой идти, да перед тем выгадила тихонько из-за пазухи какой-то сверток, сунула Ма Данью, засмеялась и убежала, только подол длинной юбки взметнулся. Юноша развернул, присмотрелся — а это портрет, и на нем Коппыни нарисована. Обрадовался юноша, глядит на картину — не наглядится, гладит портрет ладонью. Вдруг откуда ни возьмись налетел вихрь, вырвал у него из рук картину и унес в небо. Опустил голову Ма Даньей и понуро побрел к дому. У родника ему встретилась Коппыни, она несла на голове кувшин с водой, и он рассказал ей, что случилось с портретом. Девушка испугалась, но стала успокаивать Ма Данью:

— Дружба наша как вечноезеленый кипарис, ничто ее не разрушит. Подумаешь, лист бумаги ветром унесло: пропал так пропал!

Словно облака над головой, проносятся дни, словно вода под ногами, течет время, незаметно минуло двенадцать дней. Как-то вечером возвращается из города отец юноши и рассказывает такую удивительную историю: повелел-де король повсюду портрет расклеить, ищет королеву, подаренную ему небом. Говорят, двенадцать дней ищут, многие места уже обыскали, а найти не могут. Хы! Разве бывает на свете такое? Вот уж вранье!

Забилось у Ма Данья сердце, побежал он с Коппыни посоветоваться, что делать. Той же ночью помчался прямо в город. Видит — посреди улицы на высоком столбе доска прибита, на ней указ. Над указом портрет девушки наклеен. Вокруг народу — будто волн на море или деревьев в горах. Судачат люди на все лады. Ма Даньей протиснулся сквозь толпу, присмотрелся — и верно, та самая картина, что тогда ветер унес. Поспешил юноша домой и рассказал обо всем девушке. Ничего им не оставалось, как поведать о своей беде родителям. Опечалились старики, да что поделаешь, против королевского указа не пойдешь. День и ночь ломали голову Ма Даньей и Коппыни, придумывая, как им избежать несчастья, и наконец нашли выход. Девушка собрала разноцветные птичьи перья и принялась шить из них красивый наряд. Время шло, стая за стаей летели на юг птицы, наступила холодная зима. Настал срок, и явился в горы злой сановник с тремя тысячами солдат. Люди услышали крики и ржание коней, а Коппыни, как увидела пришельцев, закрыла лицо руками и в дом бросилась. Но не тут-то было — заметил ее королевский посланец.

А узнал он ее по той картине, которую ветром занесло в королевский дворец. Упала тогда картина прямо в руки этому важному сановнику. Он тут же понес ее королю и льстиво сказал государю:

— Милосердие и добродетель вашего величества стали известны небу, и оно послало вам красавицу.

Увидел сластолюбивый король девушку на картине, и от радости у него даже брови запрыгали, будто заплясали, тотчас повелел он художнику нарисовать сто копий и расклеить по всем большим и малым городам Кореи. А сановнику приказал взять солдат и отправиться на поиски красавицы. По всей стране такой переполох поднялся, что, как говорится, куры с испуга в воздух взлетать начали, а собаки на стены прыгать. Солдаты и чиновники тысячи девушек перебрали, а все не могли найти ту, что была нарисована на свитке.

Забеспокоился тут важный сановник, ведь стыдно ко двору вернуться с пустыми руками. Глаза у него тоскливые сделались, как у обезьяны. Повел он солдат по горной тропинке и вдруг увидел на опушке соснового леса девушку, копавшую картошку. Выхватил портрет, сличил — точь-в-точь походит. Подивился он, обрадовался, даже за уши себя ухватил, щеки потер.

— Оказывается, королева, посланная небом, родилась в бедной семье. — Не успел он выговорить эти слова, как солдаты, будто волчья стая, ринулись с горы вниз, схватили Коппыни, а дом ее спалили.

Привезли девушку в королевский дворец. Она в нем — словно попугай в клетке. Самые лучшие яства подносит ей король, самые красивые жемчуга и драгоценные камни дарит, а она все на пол швыряет, на подарки и не смотрит.

— Отчего ты не весела? — спрашивает король.

— Дух смерти поселился в моем теле, — отвечает Коппыни.

— Что это за дух смерти?

— То птичий дух. Чтоб избавить меня от недуга, надо созвать стрелков из лука со всей Поднебесной, а потом устроить пир на сто дней. Тогда дух исчезнет.

— Это дело нехитрое! — рассмеялся король.

Созвал он приближенных и сановников и повелел им закатить пир на сто дней, притом дозволил всем стрелкам из лука, пусть даже самым бедным, свободно входить во дворец.

На другой же день начали пир. Толпой повалили во дворец стрелки со всей Поднебесной. Минуло девяносто девять дней и ночей, а Ма Данья все нет. В сотый раз взошло солнце, а Ма Даньин не идет. Извелась Коппыни в ожидании, изболелось ее сердце: ведь мог он не услышать вести или случилось с ним что. И тут вводят стражники через южный вход

человека в одежде из разноцветных птичьих перьев: красных, синих, зеленых, желтых, черных. За плечами его — лук и стрелы, плечи — косая сажень, широко шагает, смело вперед идет. Увидала его девушка да как рассмеется! Удивился король и спрашивает:

— Ты чего смеешься?

— Посмотрите, какой красивый наряд, — ответила Коппыни и показала на юношу, — первый раз я вижу человека в птичьих перьях. До чего красиво!

— А если я надену этот наряд, он и мне будет к лицу! — поспешно проговорил король.

— Это будет чудесно! Восхитительно! — захлопала в ладоши девушка.

Соскочил король с трона, сорвал с Ма Данья одежду и взмахом руки приказал всем приближенным удалиться. Напялил король на себя птичью одежду — а был он толстый-претолстый — и стал словно шар из перьев. И вдруг запрыгал он по ковру. Катается, подпрыгивает, хочет остановиться, да не может. Опять засмеялась Коппыни, взяла королевский халат и велела Ма Данью надеть его поскорее да стать с нею рядом. Тут же позвала она сановников и придворных и объявила им:

— Пир на сто дней закончен. Выгоните этого пьяницу, что валяется перед тронном.

Услышал эти слова король и захрюкал, будто кабан:

— Негодяя! Ведь я ваш король!

Но тут вбежали стражники, надавали ему оплеух да еще и обругали:

— Как ты смеешь в королевском дворце такой вздор нести! — Стали бить его да ногами пинать и вытолкали короля за ворота, бросили в воющую канаву.

Король-то с малых лет умел только как следует за обе щеки наворачивать, а к делу был ленив, да и вообще ни к чему не приучен. Потому не прошло и нескольких дней, как король умер с голоду. А после смерти превратился он в злого коршуна, который все одно твердил:

— Кы-квы, ди-ли-ли, до чего я люблю цыплятами полакомиться!

Каждый день таскал он у крестьян по цыпленку. Но однажды увидел его Ма Даный. Просвистела стрела и пронзила коршуна голову. С тех пор распутный и жестокий король уже не мог больше причинять людям зло. А молодой Ма Даный и прекрасная Коппыни стали мужем и женой. Роздали они бедным все королевские богатства, казнили злых сановников, а потом, взявшись за руки, радостные вернулись домой, чтобы вместе рудиться в поле.

Бытовые сказки

Давным-давно жил юноша по прозванию Ван Лао-да — Ван Старший.

И вот однажды попросил Ван Лао-да соседей помочь ему стену из глины сложить. Стал глину копать. Копал, копал, вдруг смотрит — большой чан, весь плесенью покрытый. Чан как чан, ничего особенного, только стал с него Ван землю сбивать, чан зазвенел, да дивно так: ва-ва. Дивятся соседи, друг дружку отпихивают, ближе подошли. Тут с головы Вана соломенная шляпа слетела — и прямо в чан. Не стал юноша раздумывать, запустил в чан руку, вытащил шляпу. Хотел надеть, глядь: в чане точь-в-точь такая же. Вынул он ее, а там еще одна. Так вытащил Ван кряду девяносто девять шляп, а с той, что на голове у него была, сто шляп — целая куча.

Дивятся все да радуются. А вместе со всеми Ван Лао-да. После взяли они чан, взяли шляпы, в дом отнесли. О ту пору как раз самая жара стояла, а в жару кому не надобна соломенная шляпа? Потолковал юноша с соседями, и порешили они односельчан позвать, каждому шляпу подарить. Так и сделали. Очень довольные разошлись крестьяне по домам.

Надобно теперь сказать, что жил в той деревне помещик по прозвищу Ненасытный. Узнал он о волшебном чане, стал думать, как бы завладеть им, и говорит однажды:

— Этим волшебным чаном еще деды мои и прадеды владели. А Ван Лао-да взял да и выкрал его из моего дома, не знаю только, кто ему помог.

Сказал так помещик, послал слуг к юноше чан взять. Ну а юноша, конечно, не отдал сокровище. Пришлось Ненасытному раскошелиться и с жалобой в уезд отправиться.

Рассказал он уездному начальнику по прозвищу Большой Клоп про волшебный чан. Разгорелись у Клопа от жадности глаза. В тот же день после обеда заготовил начальник бумагу, велел схватить Ван Лао-да и с соседями привести в ямынь, а заодно прихватить волшебный чан.

Узнали в городе про чан, разволновались, растревожились, любопытных в ямыне — струйка воды не просочится. Кто в зале не уместился — внизу толпится. Даже отец уездного начальника, больной старик, и тот приковылял. Пробрался сквозь толпу, подошел к чану, неловко повернулся, зацепился за кирпич, пол в зале кирпичом был выложен, в чан опрокинулся — луковица, перьями вниз посаженная. Не стал начальник слушать жалобу, бросился к чану отца вытаскивать. Вытащил, смотрит — в чане еще старик — точь-в-точь отец, вытащил старика, а там еще один. Так вытащил он кряду девяносто девять одинаковых стариков. Смотрит — из чана еще один выглядывает. Стало теперь у Большого Клопа ровно сто отцов. Стоят они в зале, спины сторбили. Который из них настоящий, сам начальник разобрать не может.

Смеются стражники, весь народ со смеху покатывается!

— Ха-ха! У нашего начальника отцов не перечеть.

А Большой Клоп, который только и думал, как бы завладеть волшебным чаном, поглядел на старцев, услышал, как народ над ним потешается, чуть со стыда не умер, разозлился, аж позеленел, и как закричит:

— Подлецы! Вон отсюда! Вон! Вон! Вон!

Приказал начальник в барабан бить, дело прекратить.

Куда теперь помещику со своей жалобой податься? Заморгал он глазами, съежился весь и, словно заяц, наутек пустился.

Толпу любопытных слуги разогнали.

Взял уездный начальник сто стариков, взял чан, пошел в другой зал.

Вечером все чада и домочадцы Большого Клопа, все сто новоявленных отцов собрались вокруг чана, глаза раскрыли, ждут, когда из чана сокровища посыплются.

Взял Большой Клоп слиток золота, положил в чан, после руку в чан запустил. Что за диво! Пусто в чане, слитка как не бывало.

Растревожился Клоп, велел жене свечу принести посветить. Не думал он, не гадал, что жена нечаянно свечу в чан уронит. В тот же миг загудело в чане, густой черный дым из него повалил. Вслед за дымом пламя вверх взмыло. От страха начальник и его родня глаза выпучили да рты разинули. А огонь так и полыхает, весь дом охватил.

Только никто не пошел пожар тушить — уж очень не любили люди Большого Клопа. Увидели, что ямынь горит, в ладоши захопали, кричат от радости.

А огонь все злее, лижет дом со всех сторон, так и сожрал дотла, один пепел остался. Уездный начальник со своей родней тоже сгорел. Только волшебному чану ничего не случилось. Вокруг обломки да черепки валяются, а чан целехонький стоит.

После свадьбы Чжан совсем перестал работать. В поле не идет, целый день дома сидит, молодой красавицей женой любит. Чем больше смотрит на нее, тем меньше хочется ему из дому уходить. Не только работу забросил — из-за жены обо всем на свете забыл.

Прошло полгода, потом год... К концу второго года приданое жены: столы, да стулья, да белье — все было заложено или продано, в доме не осталось ни монетки.

Жена Чжана и впрямь была прекрасна. Сидит она и думу невеселую думает: «Как сыграли свадьбу, муж ни разу из дому не отлучался. И днем и ночью стережет меня, ничего не делает, только ест. Скоро жить не на что будет».

Стала она корить мужа:

— Все люди работают, один ты целыми днями дома сидишь.

Посмотрел Чжан на ее нежное личико, растроважился: «Уйду, а она с другими любезничать станет».

Не послушался Чжан жену, опять дома остался. Лучше, думает, буду самую простую пищу есть, только бы с женой ничего не приключилось.

Но в один прекрасный день Чжан понял, что они с голоду умрут, если завтра же он не заработает на хлеб.

Рано утром распрощался Чжан с женой и пошел в соседнюю деревню искать работу.

Повстречался ему мужчина лет пятидесяти и спрашивает:

— Как пройти в ближайшую деревню?

— Пойдем вместе, — отвечает Чжан, — я тоже туда иду.

По дороге Чжан пожаловался незнакомцу:

— Несчастный я человек, оставил дома красавицу жену, а сам иду на заработки, чтобы с голоду не умереть.

— А ты посади жену в бутылку, уж чего проще!

— Что?!

— Говорю тебе, что это совсем просто. Я дам тебе бутылку. Как станешь уходить, погляди на жену, дунь в бутылку, в тот же миг жена в бутылке окажется. Вот и не будешь с ней никогда разлучаться. На, возьми!

Мужчина протянул Чжану бутылочку в полтора вершка и пропал. Чжан спрятал бутылочку в мешок, повторил про себя все, что сказал ему незнакомец, и, весело напевая, поспешил домой.

На следующий день решил он испытать волшебную бутылочку. Жена как раз перед зеркалом прическу делала. Поглядел на нее Чжан, дунул в бутылочку. Жене в зеркало все видно, но только хотела она спросить мужа, что это он делает, в тот же миг память потеряла, а когда очнулась, уже была в бутылке.

Успокоился Чжан, теперь никто его жену не увидит. Воротился вечером домой, опрокинул бутылочку, красавица жена снова перед ним.

Но как-то раз пришлось все же Чжану оставить жену дома. Собрался он в баню, велел жене никуда не отлучаться, взял мыло, полотенце и ушел.

А жена, только проводила мужа, побежала на речку стирать. Взяла мужнину рубашу, что-то твердое в кармане нащупала, сразу смекнула: «Э, так ведь это та самая бутылочка, в которую муж каждое утро меня прячет. Он никогда не расстается с ней, отчего же это вдруг сегодня оставил ее дома?»

Тут женщина заметила, что на другом берегу красивый юноша стоит, на нее смотрит. Поглядела на него красавица, застыдилась, голову опустила. Нечаянно дунула в бутылочку, глядь — молодой человек пропал.

Выстирала женщина белье, положила бутылочку на место, не торопясь домой пошла.

Утром Чжан в поле собрался, взял бутылочку, дунул в нее, жена опять в бутылочке оказалась.

Как идет Чжан в поле, так каждый раз незнакомца вспоминает с благодарностью, того, что ему бутылочку заветную подарил. Теперь никто его жену не увидит. Воротился Чжан домой, опрокинул бутылочку, так и застыл на месте: рядом с женой прекрасный юноша стоит.

Что за диво! Как мог юноша в закрытую бутылку влезть?

А ведь правда, как ни стереги, не убережешь молодую красивую жену!

Как-то раз приглянулась одному монаху жена крестьянина. И вот весной, когда крестьянин в поле рассаду высаживал, подошел к нему монах, постоял, помолчал, а потом говорит:

— Сын мой, тяжело небось целых три, а то и четыре месяца кряду в поле работать, мозоли натирать. Куда вольготней нам, монахам, живется: читай себе молитвы, бей в колокол да странствуй где хочешь. Благодарить! Живем в высоком храме, к небу ближе, от земли дальше, не то что вы, смертные!

Выслушал крестьянин монаха и думает: «И впрямь житье у монахов вольготное», — и решил тоже в монахи податься. Воротился домой, все как есть жене рассказал. Услыхала жена, что вздумалось мужу монахом сделаться, давай его ругать:

— Дурень ты старьй! Ведь страдаешься, целыми днями будешь сидеть взаперти в монастыре. Да разве усидишь ты без дела? Воистину, увидел ты, как монахи лепешки едят, да не заметил, как они постриг принимают. Выбрось из головы эту блажь!

Думает крестьянин: «А жена-то ведь права», — и расхотелось ему в монахи идти.

На другой день опять пошел крестьянин в поле работать. Скоро полдень. Собрала жена обед — чашку рисового супа с клецками, — мужу в поле отнесла. Сели они на меже, клецку за клецкой палочками из супа вытаскивают, едят.

А монах тут как тут. Смотрит, как милуются крестьянин с женой, зависть его разбирает. Пуще прежнего възграла в нем кровь! Прошел он

раз, прошел другой, а женщина и головы не повернула. Присмотрел крестьянин, что монах на его красивую жену поглядывает, сразу смекнул, в чем дело, и решил его проучить.

Поели они. Собрала жена чашки и палочки в корзину, к дому пошла. Подошел тут монах к крестьянину, спрашивает:

— Ну как? Пойдешь в монахи? Вчера у нас с тобой про это разговор был.

Отвечает крестьянин:

— Я-то не прочь, жена не соглашается. Вот если бы торговцем стать, тогда другое дело.

Обрадовался монах и говорит:

— Что же, займись торговлей!

— А деньги где взять?

— Я тебе в долг дам, даже процентов не возьму. Из первой выручки вернешь. Лучше всего открыть мелочную лавку. Очень прибыльное дело. Так что отправляйся поскорее за товарами.

Обрадовался крестьянин и говорит:

— Коли и вправду денег дашь, спасибо! А принесешь когда?

Видит монах, что его заветное желание того и гляди исполнится, решил не мешкать и говорит:

— Дело срочное. Я тотчас за деньгами сбегаю!

Высадил крестьянин еще несколько кустиков рассады, домой воротился.

Только поел, входит монах, двести серебряных юаней несет. Пригласил его крестьянин сесть, велел жене чай приготовить. Жена сразу смекнула, в чем тут дело, решила помочь мужу. Заваривает чай, сама на монаха поглядывает лукаво, а у того аж сердце замирает.

Говорит крестьянин:

— Потолковал я с женой, она согласна. Завтра же в путь отправлюсь, через месяц ворочусь, за все тебя отблагодарю.

Отвечает монах:

— Какая еще благодарность! Что за церемонии!.. Ведь мы друзья!

Посидел монах недолго, распрощался и ушел.

Собрала жена мужа в дорогу, на рассвете вышел он из дому.

Монах, только завечерело, бросил все дела, к жене крестьянина пошел. Сидят они, разговор ведут, смеются. Монах только и ждет случая, чтобы о чувствах заговорить. Да никак не решится. Уж очень неприступный у женщины вид, аж «кости размягчаются и мышцы слабеют», как

это в пословице говорится, слова в глотке застревают. А женщина взяла вдруг монаха за руку, наверх повела. Но только хотел он ее обнять, кто-то изо всех сил в ворота застучал. Трясется монах от страха, сразу смекнул, что муж воротился. Спрятала женщина монаха в пустой ларь для риса, где нынче терновник держали. Впились колючки в жирного монаха, а он терпит, охнуть боится.

Тем временем женщина вниз спустилась, отперла ворота, вместе с мужем наверх поднялась.

Говорит муж:

— Лодка наша потонула, вот я и воротился. Да вдобавок воры напали, двести юаней отобрали, которые мне монах дал. Не повезло! Уж лучше мне по-прежнему в поле работать. Не знаю только, как с долгом быть? Эва! Придумал! Отдам-ка я монаху в счет долга этот ларь для риса!

Легли муж с женой и как ни в чем не бывало уснули. Только сейчас смекнул монах, что они задумали. Всю ночь в ларе промаялся, а наутро кликнул крестьянин двух монастырских служек, попросил их отнести монаху ларь. Продели служки шест в кольцо на крышке ларя, подняли его и, согнувшись в три погибели, потащили в храм. Несут, а ларь на шесте раскачивается из стороны в сторону. Подошли к храму, вдруг слышат — внутри кто-то кричит:

— Осторожней! Больно! О-ой-ой! Откройте скорее!

Тотчас подняли служки крышку. Что за диво! В ларе настоятель сидит весь в синяках да в кровоподтеках.

Был у одной женщины глупый муж. Ничего делать не умел, за что ни возьмется, все у него вкривь да вкось.

Послала его как-то жена к родичам ткацкий станок взять. Идет он назад, притомился, сел у дороги отдохнуть. От скуки принялся станок разглядывать. Разглядывает и думает: «Чего это я тебя на себе тащу, коли у тебя четыре ноги? Ступай-ка сам, быстрее меня при-дешь».

Поставил он станок посреди дороги, сам домой пошел. Воротился, а жена про станок спрашивает.

Отвечает дурак:

— Сам придет. У него четыре ноги.

Говорит ему жена:

— Что ты, что ты, разве может станок ходить, ноги-то у него деревянные! Беги скорей обратно!

А тут на дворе темнеть стало, и решил дурак утром сходить.

Пошел он на другой день за станком, смотрит — а станок от росы весь мокрый.

Говорит дурак:

— Бедолага! Аж вспотел, так спешил.

Сказал так дурак, взял станок, домой понес.

В другой раз соткала жена полотно, велела дураку на базар снести.

Идет дурак по дороге, смотрит: два столба стоят. А дурак те столбы за людей принял и давай кричать:

— Эй! Кому полотно?

Столбы, само собой, молчат.

А дурак опять кричит:

— Полотно купите!

Подошел он к столбам, положил полотно и говорит:

— Вот вам полотно, давайте деньги!

Неподалеку коза ходит, блеет: ме-е-е!

А дураку послышалось: «Не-ет!»

Говорит дурак:

— Сегодня не получу, завтра приду!

Сказал так и пошел домой.

Спрашивает жена:

— Кому полотно продал?

Отвечает дурак:

— Двум парням. Чудные какие-то! Стоят у дороги, молчат. А как про деньги спросил, сразу «не-ет» говорят.

Выспросила обо всем жена, смекнула, в чем дело, послала его назад скорее полотно принести.

Пришел дурак к столбам, а узла с полотном нет.

Вдруг смотрит — идет по дороге народ, видимо-невидимо, все в белое одеты, хоронят кого-то.

Поглядел дурак, подумал, что это они его полотно украли, и давай кричать:

— Отдайте мое полотно, не то всех изобью!

Услыхали это люди, подбежали к дураку, поколотили.

Воротился он домой, жене пожаловался, а она и говорит:

— Дурак! Ведь это ты похороны видал. Помог бы им гроб нести, они б тебя не побили, спасибо сказали.

— Ладно, — отвечает дурак, — наперед умней буду.

Сказал он так, прогуляться пошел.

Смотрит дурак — несут расписной паланкин носильщики, и как закричит:

— Эй вы! Дайте я вам гроб помогу донести!

Услыхали это носильщики, побили дурака.

Воротился он домой, плачет, а жена посмеивается:

— Ну и бестолковый же ты! Свадебный паланкин за траурные носилки принял, надо было улыбаться и в ладоши хлопать.

Ответил дурак:

— Наперед умней буду, — и лег спать.

Вышел утром на улицу, смотрит — у соседей дом загорелся. Побежал поглядеть. Нравится дураку, как пламя полыхает, заулыбался он и ну хлопать в ладоши да приплясывать.

Опять его поколотили.

Идет он домой, причитает:

— Бедный я, несчастный, все-то меня бьют, никому угодить не могу.

Услыхала жена, аж руками всплеснула и говорит:

— Дурак ты, дурак, кто ж на пожаре в ладоши хлопает? Взял бы лучше ведро с водой, залил огонь!

Услыхал это дурак и думает: «Как увижу пожар — непременно потушу».

Пошел он по деревне, на кузницу набрел. Смотрит — огонь полыхает, искры во все стороны разлетаются. Схватил дурак ведро с водой, залил огонь. Прибежали кузнецы, давай его бить, так избивали, что еле до дому добрался.

— Эх ты, — говорит жена, — кто же в кузнице огонь заливает? Лучше б молотом по наковальне поколотил, тебе б кузнецы спасибо сказали!

Обрадовался дурак:

— Вот и хорошо, буду знать наперед, что делать!

Идет дурак, смотрит — дерутся двое, палками размахивают, кричат громко.

Подбежал дурак, схватил палку, давай их дубасить.

Забыли те двое про свою драку, кинулись на дурака, едва ноги унес.

А жена опять говорит:

— Дурачина ты, простофиля, не бить надо было — разнимать.

Запомнил дурак, что жена ему сказала, да не к добру: сцепились два быка, а он давай их разнимать.

Поднял его бык на рога, на соседний пустырь забросил. Только к вечеру нашли дурака, еле живого.

Жили на свете муж с женой. Только и думали с утра до вечера, как бы разбогатеть. Скажет, бывало, жена:

— Давай портняжничать станем, одежду шить!

— Не дело это — портняжничать, — отвечает муж. — День-деньской иголку втыкать да нитку тянуть. Устанешь только, а заработаешь самую малость.

— Тогда давай займемся красильным ремеслом, — не унимается жена.

— Красильное ремесло и того хуже. И сами в краске, и вокруг одни краски. Что за жизнь! А корысти опять-таки никакой.

Спорили они, спорили и решили наконец устроить постоялый двор. Устроить-то устроили, и дела у них пошли неплохо, а богатства все равно не нажили.

Богатые гости добро привезут, да с собой увезут. А с бедняка что возьмешь? Он сам нищ да гол.

И вот забрел однажды на постоялый двор почтенный старец — борода белая, посох длинный, на посохе красной тушью иероглифы выведены: «Коли я войду в ворота, всех избавлю от заботы». Увидал муж, что написано на посохе, и думает: «Не иначе как это бессмертный предсказатель судьбы».

Не вытерпел он и спрашивает:

— Господин, а господин! Расскажи, как ты людей от забот избавляешь?

— Есть у меня одно зелье, — отвечает старец, — кто выпьет его — обо всех невзгодах забудет! Печали, тоски да забот — как не бывало!

Услыхали это муж с женой и стали просить старца, чтоб продал им волшебное зелье. Согласился старец, отвесил пол-ляна.

Взяла жена зелье и говорит мужу:

— Ну, теперь мы непременно разбогатеем, подсыплем богатым го-
стям этого порошка в рис или чай, и забудут они здесь свои мешки да
тюки.

И надо же́ было так случиться, что прямо на другой день заехал на
постоялый двор богатый купец. Ларцы жемчугом набиты, мешки —
яшмой, ящики — кораллами да бирюзой. А украшений золотых и сереб-
ряных — не счесть! Разгорелись у жадных хозяев глаза. Пока муж смот-
рел, как купец в своей комнате бесценные сокровища возле кана склады-
вает, жена на кухне в чай да в рис всыпала гостю весь порошок до ка-
пельки. Гость съел весь рис, опорожнил целый чайник чаю и спать лег.
Жадные хозяева от нетерпения всю ночь дрожали и не сомкнули глаз.

А рано утром, только купец уехал, кинулись к нему в комнату: подле
кана рыщут, на кане ищут — ничего найти не могут. По углам искать
стали, пол разворотили, кан разобрали, все напрасно: не то что драгоцен-
ностей, камешка — и то не нашли!

— Обманул нас проклятый старик! — в ярости закричала жена. —
Не волшебное это зелье, все купец с собой увез, ничего не забыл!

— Ах, черепашьё отродье! — еще громче завопил муж. — Забыл!
За постой уплатить забыл! Говорил нам старик: «Кто выпьет зелье, обо
всех невзгодах забудет!» А мы эти его слова запомнили!

Жадность, видать, память отбивает!

Как три зятя тестя поздравляли

Было у старика три дочери. Старшую и среднюю он за сюцаев замуж отдал, а младшая за крестьянина вышла. И вот однажды решил старик день своего рождения справить. Все три дочери с мужьями пришли долголетия ему пожелать, только не глядят старшие зятя на младшего. Сели все за праздничную трапезу, решили тут сюцаи себя показать, меньшого зятя посрамить, велели каждому стих сочинить. А кто не сможет, тому мяса не дадут, вина пить не дозволят.

Старший зять первым стих сочинил:

Дважды восемь — шестнадцать,
Первым съем кусок мяса.

Сказал он стих и, очень довольный, взял кусок мяса пожирнее, рюмку ароматного вина выпил. Вслед за ним второй зять стих сочинил:

Дважды девять — восемнадцать,
Два куска мяса одним махом подцеплю.

Сказал он стих и, очень довольный, два куса мяса сразу съел, две рюмки вина выпил. Дошла очередь до третьего зятя, взял он сперва в руки блюдо с закуской, а потом начал стих говорить:

Четырнадцать — дважды по семь,
Полное блюдо держу и ем.

Сказал стих — целое блюдо дочиста опустошил да кувшин вина — буль-буль — вылакал. Злятся ученые зятья, а сказать ничего не могут. Только не смирились они, дождались, пока закуску по второму разу принесли, и, когда гости за палочки взялись, сказали, что надо еще по стиху сочинить, а кто не сумеет, тому есть не дозволят.

Спрашивает тут третий зять:

— А про что сочинять?

Отвечает второй зять:

— Про все. И про птицу, которая в небе летает, и про зверя, который по земле рыщет, и про драгоценность, которая на столе лежит, и про человека, который у стола стоит.

Опять начал первый зять:

Птица в небе парит — это феникс, фэнхуан,
Зверь по земле бежит — это горный козел.
На столе сочинение лежит,
А по бокам красавицы стоят.

Второй зять подхватил:

Птица в небе парит — это гриф, пэнцзю,
Зверь по земле идет — это носорог, синю.
На столе «Весны и Осени» лежат¹,
По бокам две служанки стоят.

Потом третий зять стал стих говорить, спокойно, не спеша:

Тварь пернатая в небе боится ружья,
Зверь по земле бежит — это свирепый тигр,
На столе уголек раскаленный лежит,
По бокам юноши стоят.

Не успел он до конца сказать, захотали ученые зятья, стих, говорят, чересчур грубый, да и рифмы никакой нет, не давать-де ему закусочку.

¹ «Весны и Осени» — название летописи древнекитайского царства Лу (на территории полуострова Шаньдун), описывающей события, происходившие в 722—481 гг. до н. э. Считалось, что ее отредактировал сам Конфуций; входила в число канонических книг, изучение которых и составляло старое китайское образование.

А третий зять отвечает:

— Погодите, дайте я до конца договорю, — и стал все сначала повторять: — «Тварь пернатая в небе боится ружья» — ружье может убить вашего грифа и феникса. «Зверь по земле бежит — это свирепый тигр» — тигр может загрызть вашего носорога и горного козла. «На столе уголек раскаленный лежит» — уголек может сжечь ваши «Весны и Осени» и другие писания. «По бокам юноши стоят» — они могут жениться на ваших служанках да красавицах.

Услыхали это сюцаи, аж рты поразевали, языками ворочают, а сказать ничего не могут. Хотели ученые мужи посрамить крестьянина, да самим от него досталось. Недаром говорится: не держи камень за пазухой — тебе же на ноги упадет. И поделом им!

Жил в прежние времена император, глупый был, ему бы только сладко поест, нарядно одеться да народ обобрать, денег с него побольше получить.

И вот однажды завелась в золотых императорских покоях мышь. Испугался государь, потому как отродясь мышей не видывал, и решил, что это нечисть какая-нибудь. Со страху в дальних покоях схоронился, уж и не знаю, сколько дней в тронной зале не появлялся. Стали сановники военные да штатские совет держать и порешили, что во дворце оборотень объявился.

Время идет, видит мышь — все боятся ее прогнать: и император и сановники. Совсем обнаглела. Хвостом помахивает, каждый день по золотым покоям взад-вперед прохаживается вперевалку, императорский халат с драконами прогрызла, пояс, нефритом отделанный, проела. Пуще прежнего испугались тут император да его сановники. Военные говорят: человека найти надобно, чтоб чудище изловил, штатские советуют моления устраивать, жертвы чудищу приносить. Совсем растерялись государевы приближенные, не знают, как тут быть, под конец решили и военных и штатских послушаться: утром и вечером перед чудищем трижды поклон совершать, на рассвете и в сумерках благовония возжигать да поскорей доски вывесить, а на досках написать: ищем-де людей мудрых, с понятием, чтоб смогли зверя диковинного изловить. Внизу мышь нарисовать и приписать: «Кто изловит оборотня, десять тысяч слитков золота получит да цветного атласу тысячу кусков».

Увидел молодой крестьянин объявление, смешно ему стало: не оборотень там нарисован, самая что ни на есть обыкновенная мышь. И решил

он изловить ее. Встал спозаранку, спрятал в рукав большого кота, во дворец отправился. Смотрит — государь да сановники перед жертвенным столом на коленях стоят, поклоны бьют. На столе мышь сидит на задних лапках, в передних пирожок масляный держит, за обе щеки уплетает. Глядит крестьянин на дураков этих твердолобых, хохочет во все горло: не волка испугались, не рыси, мыши обыкновенной. Услыхали император да сановники — смеется кто-то, головы повернули, а это, оказывается, крестьянин. Хотели тотчас связать его да судить. А крестьянин спокойно так говорит:

— Не тревожьтесь, пожалуйста, я оборотня пришел ловить!

Сказал и кота выпустил. Увидел кот мышь, к жертвенному столу кинулся, мышь насмерть загрыз. Император и сановники аж глаза вылупили, рты разинули. Они и мыши отродясь не видали, а кота и подавно.

Взял крестьянин кота на руки, прочь пошел. Всполошился тут император: и так удерживает крестьянина, и эдак уговаривает:

— Уйдешь ты, а вдруг снова нечисть какая объявится, что тогда делать! Оставайся во дворце императора охранять!

Крестьянин ни в какую. Поднес ему государь еще десять тысяч слитков золота, еще тысячу штук атласной материи прибавил. Согласился тогда крестьянин зверя своего государю оставить, который котом зовется, нечисть всякую ловить.

Воротился крестьянин домой, золото да парчу бедным роздал. Узнал про это жадный помещик и думает: «Мне бы десять тысяч слитков золота получить да тысячу штук атласа! Не было бы богаче меня в Поднебесной». Чем больше думает, тем сильнее жадность в нем разгорается. О ту пору задумал император наложниц во дворец набрать, во все стороны людей разослал красивых девушек искать. А кому охота родную дочь государю в наложницы отдавать? Только богач обрадовался. Вот, думает, удача привалила, такое раз в тысячу лет бывает. Достал свадебный паланкин разукрашенный, принарядил дочь, к императору повез. А сам думает: «Ну, я-то побольше золота да атласа получу, чем крестьянин». Только лопнули все его надежды. Привел помещик дочь к императору, а император ему и говорит:

— Нет больше во дворце оборотней, всех кот загрыз, вот я и жалую тебе этого кота, десять тысяч слитков золота да тысячу штук атласа отдал за него.

Так и получил помещик кота взамен дочери. Досадно ему и обидно, да разве осмелится он перечить императору? Делать нечего, запечалился помещик, голову повесил, с котом домой воротился.

Назначили Бао-гуна чиновником. Услыхала про это жена его старшего брата и думает: «Чересчур он молод в ямыне сидеть, дела решать». И надумала невестка испытать Бао-гуна.

Сварила она вкрутую яйцо, велела служанке Чунь-сян его съесть, а потом и говорит Бао-гуну:

— Оставила я нынче утром в комнате яйцо, да кто-то съел его. Как бы узнать, кто это сделал, да человека не обидеть зря!

Стал Бао-гун в уме прикидывать: в комнату старшей невестки ходят только служанки, наверняка которая-нибудь и стащила яйцо. Да как узнать, которая? Их ведь несколько!

Вынес Бао-гун во двор скамейку и столик, на столик две чашки поставил: одну с водой, другую без воды, сам рядом сел, кликнул служанок, выстроил в ряд перед столом, велел каждой отпить глоток из чашки, прополоскать рот, а воду в пустую чашку выплюнуть. Девушки так и сделали. У всех вода чистая, у одной Чунь-сян желтые крупинки плавают.

Взял тут Бао-гун кисть и написал: «Поскольку установлено, что яйцо украла Чунь-сян, к ней и следует применить наказание. Но поскольку преступление совершено впервые, надобно явить милосердие и простить преступницу. Остальные служанки к делу не причастны, равно как и прочие люди».

Поняла тут невестка, что Бао-гун справедлив, умеет правду от лжи отделать, успокоилась и отпустила его на службу в ямынь.

Жил в старину один бедняк по прозванию Ван У-цзы — Ван Пятый. И был у него осел, он на нем хворост да уголь возил. Других руки кормят, а бедняка ослиная спина. Берег бедняк своего осла ну прямо как сокровище драгоценное, поил, кормил, мелкую траву и то секачом для него рубил. Так он своего осла холил, что шкура у того стала гладкая, щетина блестящая. Кто ни увидит — всяк похвалит:

— И впрямь сокровище четвероногое!

Был, конечно, осел тот упрямым, так на то он и осел! С утра до ночи копытами бьет, отдыху себе не дает. На другого осла самое большее сто двадцать цзиней навьючишь, а этот и двести сорок одолеет. Другой осел в один конец сбегает, а этот в два поспеет.

Навьючил бедняк на осла уголь древесный, повез в городок продавать. Осла у ворот привязал, сам мешок с углем на продажу понес. Воротился — нет осла. Вместо него к дереву другой, ледащий осел привязан. Всполошился бедняк, заметался, то на восток побежит, то на запад кинется, где только не искал! Осла и след простыл. Взяла Вана Пятого досада, рассердился он, потащил паршивого осла ледащего к судье Бао жалобу подавать, да не знает, ответчиком кого назвать. Думал, думал, на осла ледащего жалобу подал.

Вышел судья Бао в зал, стал дела разбирать. Дошел до жалобы Вана Пятого, приказал стражникам ответчика привести и давай его ругать:

— Хэй! Ты откуда взялся? Как посмел чужое имя присваивать, себя за другого выдавать!

А осел голову понурил, молчит, хоть бы слово вымолвил!

Пуще прежнего рассвирепел судья Бао, как стукнет колотушкой по столу, как закричит:

— Ван Чао, Ма Хань! Живо намордник на осла наденьте! Не кормите его, не поите! Крепко-накрепко под арест на три дня закройте. После снова ему допрос учиним!

Едва не рассмеялись стражники, и те, что на возвышении подле судьи стояли, и те, что внизу в зале были, да не осмелились. Пришлось им выполнить приказ судьи. Заперли они ответчика почтенного, осла ледащего, в пустом загоне. Тем временем новость эта на все четыре стороны разнеслась, дивятся люди, отродясь про такое не слышали. И на третий день, когда опять был суд назначен, не сотни — тысячи людей заполонили присутствие. Каждому охота поглядеть.

Три раза в барабан ударили, поднялся судья Бао в зал, на судейское место сел. Стражники тотчас осла притащили: брюхо у него ввалилось, голова опущена, смотреть жалко. Стукнул судья колотушкой по столу и как закричит:

— Эй, стража! Дайте-ка этому паршивцу сорок палок, да посильнее бейте!

— Слушаюсь, — разом ответили стражники, взяли батоги и давай осла дубасить. Десять, двадцать, тридцать — все сорок палок ему дали.

Напоследок судья Бао приказал:

— Теперь отпустите его, пускай идет куда хочет.

А осел ледащий три дня взаперти просидел, три дня не ел, три дня не пил, сорок палок получил, страху натерпелся. Как вылетит он из зала, как помчится! Только его и видели. Приказал тут судья Бао одному стражнику да Вану Пятому по следу пойти, поглядеть: в чей он дом забежит — тот и есть его хозяин, тот самый вор, который осла у Вана Пятого увел, а своего ледащего оставил.

Пошли Ван Пятый со стражниками по следу, с ними еще несколько зевак увязалось, целых пятнадцать ли прошли, смотрят — осел ледащий к хозяину одного хутора забежал. Пошли люди за ослом следом. Нашли, конечно, осла, которого у Вана Пятого увели, и самого вора схватили.

Сел однажды Бао-гун в паланкин, отправился в суд дела вершить. Едет он по улице, смотрит: сидит на каменной плите мальчик, плита старая, аж почернела, сидит и горько плачет. А рядом с ним стоит плетеная корзина бамбуковая.

Приказал Бао-гун носильщикам остановиться, подозвал мальчика и спрашивает:

— Кто тебя обидел, мальчик? Отчего ты плачешь?

Отвечает мальчик:

— С самого утра торговал я пончиками. Натрговал на двести медяков, деньги положил в корзину. Тут фокусник пришел, стал фокусы показывать. Сел я на этот камень, стал смотреть. Недолго смотрел. Потом в корзину заглянул, а денег нет.

Сказал так мальчик, еще горше заплакал.

Выслушал Бао-гун мальчика, брови нахмурил, подумал немного и говорит:

— Деньги лежали в корзине, корзина стояла на камне. Вдруг деньги исчезли. Наверняка каменная плита их украла. Стража! Доставить в ямынь мальчика и плиту на допрос.

Услыхали люди, что Бао-гун каменную плиту допрашивать будет, друг другу передавать стали, недаром говорится: один десяти скажет, десять — сотне. Подивились, скорей к ямыню побежали допрос послушать.

Поднялся Бао-гун в зал, велел внести плиту; перед столом поставить. Мальчику рядом с плитой велел встать, а народ весь по обеим сторонам стола расположился.

Сел Бао-гун на судейское место, опрос начал:

— Признавайся, плита каменная, ты у мальчика деньги украла? Только правду говори, не то я велю тебя бить и пытать.

Но камень — он камень и есть, лежит себе да молчит. Рассвирепел Бао-гун, стукнул по столу, велел стражникам бить плиту. Слышал народ, что судья камень бить приказал, смех, да и только! Но в ямыне не посмеешься — боязно. Подняли стражники палки, принялись камень колотить. Бьют, колотят, аж щепки от палок во все стороны разлетаются. Не стерпели тут люди, захохотали, да так громко, что и не слышно, как палки о камень бьют.

Только Бао-гун не смеется, в дощечки стучит, чтоб народ утихомирить, и говорит:

— Вы что, порядка не знаете? Не умеете себя в ямыне вести? Стража! Запереть двери, никого не выпускать!

Видят люди — рассердился Бао-гун, упали на колени, о пощаде молят.

Говорит судья:

— Ладно, на этот раз я вас пощажу, только пусть каждый, прежде чем домой идти, монетку даст. Коли согласны, отпущу я вас с миром.

Приказал Бао-гун стражникам притащить большой чан с водой, посреди зала поставить. Потом каждому велел монету в чан бросить, сам рядом стоит, смотрит. Одна за другой падают монеты в чан, люди друг за дружкой из зала выходят. Но вот подошел какой-то человек, монету в чан бросил. Смотрит Бао-гун — на воде кружочки жира плавают.

Как закричит судья:

— Это ты, пес, у ребенка деньги украл? Признавайся!

Испугался вор, дрожит весь.

Приказал Бао-гун обыскать вора, нашли у него стражники сто девяносто девять монет, с той монетой, которую он в чан бросил, ровно двести. Отдал Бао-гун все двести монет мальчику, а вора приказал побить хорошенько и вон выгнать.

Только тут поняли все, зачем понадобилось Бао-гуну каменную плиту допрашивать. С той поры стали люди пуще прежнего мудрого судью почитать.

Прощение

сказка народа хуэй

Жил некогда молодой крестьянин по имени Харсан. Был он человек верный и добрый, мужественный и сильный. Начнет работать, так тысячу да еще восемьсот цзиней на коромысле перетаскает. Только вот с малых лет остался он сиротой, без отца, без матери, и батрачил на одного богача. Вечно ел не досыта, одевался не дотепла, что ни день сносил хозяйские попреки. Вот он как-то и подумал: «Тружусь я целый год, все четыре сезона, в ветер ли, в дождь ли... Но год кончится, а ничегошеньки ведь не получу, кроме брани и побоев. Эх, да со своими руками я нигде не пропаду, на пропитание-то всегда заработаю!» И убежал Харсан от хозяина, подался в чужие края.

Случилось это в самую жаркую пору. Солнце, словно раскаленный таз, висело прямо над головой, в полдень пекло так, что пот с Харсана потоками лил. Как назло, нигде ни тенька, лицо у парня от жары почернело, во рту так пересохло, что казалось: вот-вот вспыхнет пламя. И тут Харсан заметил вдалеке зеленую-зеленую рощицу. Подошел поближе — оказывается, это яблоневый сад. Яблоки налитые, ветви к земле клонятся, а она спелыми плодами усыпана. У Харсана во рту сухо, язык потрескался, он как увидел столько яблок, без раздумий подобрал одно и принялся откусывать, большими кусками и маленькими. Съел и потом только огляделся повнимательнее. По краю сада тянулся неглубокий арык, ровный, аккуратный. Вода в нем до того прозрачная, что урони зернышко — и то видно будет. Скинул Харсан рубаху, с наслаждением умылся и почувствовал, как отступает дорожная усталость. Посидел он в тени яблонь, отдохнул немного и решил идти дальше. Надел рубаху и вдруг

подумал: «А ведь я без спроса съел чужое яблоко. Что теперь делать? Надо поискать хозяина сада, попросить прощения и тогда идти». И Харсан побрел вдоль арыка искать хозяина. Прошел немного, видит — старик, заросший бородой, в белой шапочке¹, старательно ветки подрезает. Харсан неспешно приблизился к нему, поздоровался и спросил:

— Батюшка! Не вы ли хозяин этого сада?

Старик обернулся, поглядел на парня и ответил:

— Да. Что у тебя за дело?

— Шел я, батюшка, мимо, — объясняет Харсан, — дорога дальняя, день такой жаркий, жажда замучила — сил нет. Вошел я в ваш сад, посмотрел, сколько яблок на земле валяется, не утерпел и съел одно. А потом думаю: что же я разрешения-то не спросил, нельзя было есть. Но раз уж съел, надо у хозяина прощения попросить. Вот за этим я к вам и пришел.

Старик выслушал Харсана, бросил срезанные ветки на землю, внимательно оглядел парня: скроен ладно, лицо доброе. Понял старик, что Харсан — простодушный крестьянин, и сказал:

— Простить? Отчего же не простить, но сперва ты должен выполнить одно условие.

— Говорите, батюшка. На все согласен, только простите! — весело ответил Харсан.

— Хорошо же, — продолжал старик. — Есть у меня единственная дочь, да вот только слепая она, немая, плешивая и безногая. согласишься ты взять ее в жены — прощу тебя. А нет — считай, что без спроса мое яблоко съел.

Выслушал Харсан старика и опечалился. Согласиться? Взять в жены уродину, да еще и калеку? Но не согласиться — значит не получить прощения. Долго раздумывал парень, однако в конце концов ради прощения согласился жениться на дочери старика.

Сразу сговорились, сразу и свадьбу назначили. Старик на торжество всех соседей и знакомых созвал, и ближних и дальних. Гости, увидев, какой ладный парень Харсан, обрадовались, стали наперебой старика и жениха поздравлять. А Харсан грустит, лица на нем нет: боится того момента, когда солнце за горы зайдет и придется к уродливой невесте идти. Да, как говорится, небу не прикажешь, солнце все-таки закатилось за горы, гости постепенно разошлись, а оставшиеся повели Харсана в покои новобрачных. Запинаясь, он вошел в комнату, и пред ним предстала

¹ Белая шапочка — обычный головной убор мужчин хуэй (дунган) в Китае.

невеста. Одежда на ней красивая, длинная юбка до самого пола, на голове тонкое розовое покрывало из шелка. Попереминался-попереминался жених с ноги на ногу и, наконец решившись, обратился к девушке:

— Хочу я, чтобы стали мы навеки мужем и женой¹. — Сказал, а сам думает: «Да ведь она немая, как же ответит мне?»

А невеста вдруг возьми и заговори:

— Я тоже хочу, чтобы мы стали навеки мужем и женой. — Голосок звучал так приятно, что Харсан не верил собственным ушам. Он поспешно откинул шелковое покрывало с лица невесты. Хэй! Ее красота могла сравниться с прелестью цветка или блеском луны! Глаза ясные, большие, волосы черные, блестящие. Изумился Харсан: девушка совсем не походила на ту, что описывал старик.

— Эй, девушка! Вправду ли ты дочь того старика? — спросил он быстро.

— Да, я его единственная дочь, — застенчиво ответила невеста.

— Так почему же твой отец сказал, что ты слепая, немая, лысая и безногая? Что за обман?

— Нет, отец тебя не обманул, — ответила девушка. — Он все это придумал, и ловко, чтобы испытать тебя, проверить, держишь ли ты слово.

— Но если не обманывал, что же значат его слова?

— Он сказал, я слепая, — это значит, что я не видела в жизни ничего скверного и злого. Он сказал, я безногая, — это значит, я никогда не ходила в неподобающие места. Он сказал, я лысая, — это значит, что я никогда не обнажала на людях свою голову.

Выслушал ее Харсан и необычайно обрадовался, а потом засомневался:

— Ну а если так, почему же отец решил отдать такую красавицу дочь мне в жены?

— Да потому, — ответила невеста, — что отец мой весь век трудился не покладая рук, чтобы вырастить сад. Он хочет оставить его самому трудолюбивому, самому добродетельному, самому надежному человеку. Отцу показалось, что ты и есть такой человек.

Так Харсан женился на дочери старика. С тех пор не приходилось ему больше сносить побои и ругань богачей хозяев. Вместе с красивой и мудрой женой он заботливо ухаживал за садом и прожил всю жизнь счастливо.

¹ По старинному дунганскому обычаю, когда жених входил в спальню для новобрачных, юпоша и девушка должны были сказать друг другу эту фразу, означающую признание супружеских отношений.

Рассказывают старики, что давным-давно у подножья Люйлянских гор жил удачливый охотник. Стоило ему только увидеть зверя, как стрелы сами летели в цель. Возвращался он домой всегда с богатой добычей, приносил много дичи: птиц, зайцев и других зверей. Вся округа знала, какой он хороший стрелок.

Потом он служил в солдатах: за меткость и отвагу — стрелок убил много врагов — сделали его военачальником. Так и дослужился он до чина правителя уезда. Тут-то он и возгордился: много у него появилось серебра, золота и драгоценностей, да еще и в жены взял себе красавицу.

Все было бы хорошо, только вот заскучал он сильно, не привык к такой спокойной жизни: с детства охотился, на военной службе бился храбро, а сейчас нужно было целыми днями сидеть в ямыне без дела.

И придумали подчиненные такое развлечение для своего начальника: из тюрьмы выводили заключенных, их вместо мишени ставили у стенки, а уездный правитель натягивал лук и стрелял по ним. Но посылал стрелы так, что ложились они рядом с целью, или чуть правее, или чуть левее. И не опускал стрелок лука до тех пор, пока осужденный не падал чуть ли не мертвым от страха.

Каждый раз, когда правитель стрелял, жена его должна была стоять рядом и смотреть на упражнения мужа. Все присутствующие расхваливали его искусство, и сам он был очень горд собой, думая, что в мире нет лучника искуснее его.

Однажды потребовался правителю цирюльник — очень уж отросли у него волосы, — и слуги привели к нему мастера. Цирюльник этот был

не таким, как все другие: те брили, крепко держа бритву в руках, а этот брил, подкидывая свою бритву вверх.

Подождал цирюльник, пока уездный начальник вымоет голову и усядется, и подкинул вверх бритву. Казалось, острое ее вот-вот рассечет голову чиновника. Начальник весь покрылся потом, а цирюльник ловко подхватил бритву и провел ею по коже. Потом опять подбросил бритву и снова провел по голове.

Каждый раз, когда бритва летела вниз, у начальника уезда замирало сердце от страха. Но он думал: «Я — уездный правитель да еще искусный стрелок из лука, если я покажу, что боюсь, то потеряю уважение людей!» — и терпел до конца бритья.

Когда голова чиновника наконец была выбрита, он встал со стула весь мокрый от пота, даже штаны и те промокли.

— Что с тобой? — спросила жена, когда он прибежал в спальню переодеться.

— Я только что побывал в шкуре заключенных, которые служат мне мишенью, — ответил муж.

И с тех пор больше по живым мишеням не стрелял.

Понадобилось как-то одному крестьянину пойти в уездный ямынь и подать жалобу, что землю его обмерили неправильно. Позвал писарь начальника ямыня, тот с достоинством вошел в зал, где разбирались обычно все дела, и видит — стоит перед ним бедняк в изорванной одежде. Он нахмурил брови и зло крикнул:

— Ну, выкладывай!

Отвечает ему крестьянин:

— К югу от моего дома есть полоска земли. Издавна...

Не дождавшись, пока он договорит, чиновник сердито прервал:

— Ты подаешь жалобу, а с тобой пришли все твои соседи?

— Нет, господин начальник!

— Убирайся вон! Я не буду разбирать твоего дела, пока ты не приведешь всех своих соседей!

Чиновник повернулся и вышел.

На следующий день крестьянин привел четверых соседей. Начальник ямыня поднялся на возвышение в зале и видит, что людей-то пришло всего пятеро, и еще больше разозлился:

— Это и все твои соседи?

— Да, все.

— Для того чтобы разбирать жалобу о неправильном обмере земли, нужно привести всех соседей твоих соседей. Идите по домам и больше не являйтесь без них.

На третий день чиновник поднялся в зал и самодовольно улыбнулся — целая толпа людей стояла перед ним на коленях. Его самолюбие

было удовлетворено. Вдруг он нахмурился. Один крестьянин продолжал стоять.

В то время было принято, что стоять в присутствии начальника ямыня мог только тот, кто имеет большие заслуги.

— Ты кто? — удивился чиновник. — Какие такие у тебя заслуги, что не опускаешься на колени перед лицом господина?

— Я-то простой крестьянин, а вот шурина моего шурина сдал в столице экзамены и получил военный чин.

Начальник от злости даже ногами затопал:

— Подлец! Так то ведь шурина твоего шурина, к тебе-то он имеет какое отношение?

Крестьянин улыбаясь отвечает:

— Я сосед соседа того крестьянина, который жалуется на неправильный обмер земли, разве его жалоба имеет ко мне какое-нибудь отношение?

Уездному начальнику оставалось только молча проглотить насмешку.

Как-то один помещик отправился в город по делу. Он взял с собой и своего сына. Отец по ошибке надел разные туфли: левую — на тонкой подошве, а правую — на толстой. Прошел немного — неудобно идти! Будто охромел на правую ногу. В чем дело? Он и говорит сыну:

— Сегодня у меня правая нога почему-то короче левой!

Сын посмотрел на ноги отца и отвечает:

— Да ты надел разные туфли!

Услыхав это, помещик подумал: «Какой же у меня умный сын, сразу догадался! Быть ему великим ученым!» — и послал мальчика домой принести другие туфли.

Пришел сын домой, увидел на полу две туфли: правую на тонкой подошве, левую — на толстой. Отнес обе туфли отцу и, передавая их, сказал:

— Ничего не поделаешь! Эти туфли тоже разные!

Помещик тяжело вздохнул, надел другую пару разных туфель и, прихрамывая на левую ногу, продолжал свой путь.

Лепешка и охапка хвороста

Нанял как-то помещик батрака и послал в горы собирать хворост, а на дорогу дал ему всего-навсего одну маленькую кругленькую лепешку, шириной не больше мизинца.

— Этой лепешкой и воробья не накормишь, — сказал работник, — откуда я сил-то возьму хворост собирать?

— Будет с тебя, — ответил помещик. — Ты попробуй-ка ее перед едой положить в воду, она разбухнет и станет большой. Вот и наешься.

Батрак еще и полпути не прошел, в животе от голода уже у него забурчало: гу-гу. Положил он лепешку в рот и сам даже не заметил, как ее проглотил. Где уж там утолить голод. А когда он добрался до горы и начал собирать хворост, то сил у него было так мало, что набрал батрак три-четыре хворостины и пошел домой.

Увидел помещик, что хворосту-то работник принес маленькую охапку, покраснел от злости и давай ругаться:

— Ах ты, черепаший выродок, лепешку-то мою съел, а принес лишь несколько хворостин, и кан растопить не хватит!

— Не беда, хозяин, — спокойно ответил батрак, — ты сперва помоги хворост — он разбухнет, вот и станет его много.

Что мог ответить на это помещик?!

В древние времена при дворе китайского императора жил один силач. И хоть телом он и был силен, а вот ума-то ему небо выделило немного — решил он, что нет в мире человека сильнее его.

Но однажды к придворному силачу пришел маленький мальчик и предложил тому помериться силами.

— Глупый ты, глупый, — ответил силач, — куда тебе тягаться со мной? Стоит мне только пальцем дотронуться до тебя, и тебя словно никогда и не было на свете.

— А давай все-таки попробуем, — не унимался мальчик.

Силач даже разозлился. Вот ведь нашелся какой хвастунишка! «Пусть сам на себя пеняет, если я ненароком убью его», — решил силач и согласился помериться силами с мальчиком.

А мальчик предложил перекинуть через стену, высотой не больше одного чжана, соломинку.

Пожал плечами силач, поднял с земли соломинку и кинул, а соломинку подхватил ветер и унес в обратную сторону. Мальчик же свернул соломинку несколько раз, перевязал ее травинкой и легонько перебросил через стену.

— Ну, скажи-ка теперь, кто из нас сильнее? — с улыбкой спросил силача мальчик.

Тот даже не посмотрел в его сторону.

— Так и не веришь, что я сильнее тебя? — еще раз спросил мальчик. — Тогда давай-ка посмотрим, сумеешь ли ты убить муравья.

И он указал рукой на большой камень, по которому полз крохотный муравей. Недолго думая, силач со злостью размахнулся и что было силы

ударил кулаком по камню, глупец подпрыгнул от нестерпимой боли, а муравей как ни в чем не бывало полз себе дальше. Мальчик же тихонько надавил пальцем, и от муравья ничего не осталось. Когда он оглянулся, то увидел лишь спину силача, который, посрамленный, шел к императорскому дворцу.

Плохо ведь, когда у человека очень много силы, но не очень-то много ума.

Кто быстрее пьянеет?

В винной лавке собрались пьяницы и стали хвастаться своей трезвостью. Один говорит:

— Я очень мало пью, пропущу рюмочку — уже пьян!

Другой говорит:

— А я от одного глотка пьянею!

— А уж я, — вмешался третий, — только губы обмочу — на ногах не устоять!

— Я-то даже от винной гущи могу опьянеть, — сказал четвертый пьяница.

— Мне одного запаха достаточно! — заметил пятый.

— Ну а вот я, не поверите, откушу кусочек маньтоу¹ из рисовой муки и будто рисовой водки напился! — расхвастался шестой.

— Не терплю я этих маньтоу, — вставил седьмой пьяница, — от одного вида их голова кружится!

— А уж я... я... как завижу где бритую голову, похожую на маньтоу, сразу под стол валюсь! — выпалил восьмой пьяница и был признан самым большим трезвенником.

¹ Маньтоу — пирожки с мясной начинкой

Жил в нашей деревне жадный богач. За свою долгую жизнь многих он перехитрил и обобрал, но ни разу не упустил своей выгоды.

И вот пришло ему время отправляться в подземное царство Янь-вана¹. Он беспокойно ворочался на кане и что-то неразборчиво бормотал. Его старший сын наклонился и спросил:

— Отец, о чем ты еще хочешь распорядиться?

— Ни о чем, только я не могу спокойно умереть! — прохрипел старик.

— Почему? Что тревожит тебя?

— Да вот однажды ходил я к твоей двоюродной тетке пить вино и не смог выловить последний пельмень, так он и остался в чашке!

— Странно, что ж тут мудреного, насадил бы его на куайцзы!²

— Да на куайцзы уже был один!

— Ну а тот надо было положить в рот!

— Но и во рту ведь был пельмень!

— Так чего же ты его не проглотил?

— Не смог, в горле-то стоял еще один пельмень!..

¹ Янь-ван — владыка царства мертвых в китайской мифологии.

² Куайцзы — палочки для еды.

Хитрый товар

сказка народа хуэй

Лет десять тому назад жил в нашей деревне один зажиточный человек. Было у него много-много земли и много-много коней и мулов. И хотя взял он себе несколько жен, был у него только один сын. А уж единственный мальчик в богатом доме — воистину сокровище!

Как говорится: «Дракон рождает дракона, феникс — феникса, а когда крыса народит мышат — она для них готова пещеру вырыть». Двадцать пять лет молодому хозяину стукнуло, живет в праздности, ни о чем не думает, знает только орать, пить, играть да блудить.

Держал богач обоз, коней сотню да еще десятков, тридцать с лишним конюхов, чтоб за ними смотреть, были наняты. Вернется обоз домой — деньги, товары, яства всякие, безделушки весь двор завалят. Шумят возчики, про то, про это рассказывают, на что в том городе поглядеть можно, как в другом поселке погулять можно. Начнут про всякие вкусные вещи говорить, станут фрукты перечислять — у молодого хозяина слюнки изо рта потекут на целый чи. И хотя с обозом частенько привозили всякие диковинные фрукты, да только разве за месяц сохраняют они свою свежесть.

И вот однажды проигрался молодой хозяин, домой вернулся, нашел отца и стал советоваться:

— Папа! — говорит. — Уеду-ка я из дому: и денег загребу, и повеселюсь хорошенько.

Обрадовался отец:

— Замечательно! Сам поедешь, убытки в пути меньше станут, — потом помолчал, помолчал и добавил: — Хын! На этот раз этот вонючий артельщик не обманет меня.

Как вспомнил хозяин про своих возчиков, так еще больше распалился:

— Всю жизнь их кормлю, а они хорошее от плохого отличить не могут. И в глаза, и за глаза все твердят, что им от меня одни обиды. Пьй! Не понимают доброты. — Он перевел дух и добавил еще: — Афу! Сумей хорошенько постоять за себя, вот вернусь я в землю праведников¹, хозяйство тебе достанется.

Так они порешили. Обоз-то как раз домой пришел, позвал старый хозяин возчиков, сперва несколько добрых слов сказал, а потом объявил:

— С этого раза Афу сам ездить будет. Ваше дело теперь только лошадей погонять, а за торговлей он будет сам наблюдать. Всем надлежит слушаться его приказаний, не вздумайте упрямиться.

В тот же день приготовили несколько десятков вьюков — материи, украшений для причесок, соли, всякого мелкого товара, назавтра попросили ахуна² прочесть молитвы из Корана и пригласили родственников и соседей закусить и выпить. А на третий день поутру в путь тронулись. Бедняку из дома уйти — одни страдания, богачу из дома уйти — одни радости. На коня садиться, с коня слезать — всегда подмога найдется, отдохнуть, остановиться на ночлег — всегда есть кому позаботиться: ни тебе хлопот, ни тебе раздумий — до чего приятно.

Молодой хозяин хоть и в первый раз из дома выехал, но думал, что торговое дело знает до дна: торговать что на деньги играть — и там и там надо ловко говорить. Хитрого товару продаст побольше и, конечно, денег загребет побольше. А уж раз хозяин сам поехал, ясно, что умнее работников все придумает.

Ехали они, ехали и однажды к вечеру добрались до уездного городка. Не велик городок, а шумный. Только остановились они на постоялом дворе, как Афу тут же позвал двоих работников вместе с ним погулять. Сперва разыскали они харчевню с арабской вывеской, поели там, а потом пошли побродить, куда ноги понесут. Немного прошли, дошли до какой-то улицы, глядят — весь народ подле одной лавки теснится. Увидал Афу толпу и тоже в гущу полез. Э! Оказывается, какой-то человек с маленькой бамбуковой трубочкой развлекается. Возьмет в руку трубочку, а у трубочки на одном конце остренькие волосики. Обмакнет ее в черную воду и давай на бумаге рисовать. Нарисовал на листке не очень чтоб большим, а люди ему большой серебряный юань подносят.

¹ Вернуться в землю праведников — умереть.

² Ахун — мулла.

— Это что он делает? — спросил Афу у работников.

— Иероглифы пишет. Почерк у него знаменитый!

— Так, глядишь, и деньги зашибить можно?

— Конечно! Да одной только кистью, что у него в руке, — хый! — за один день самое малое целый вьюк серебра загребешь.

«Вот это, пожалуй, неплохо, — подумал Афу, — вот это хитрый товар. Купить несколько десятков таких кисточек и увезти с собой». Надумал он так и говорит работникам:

— Эй! Спросите-ка, сколько их у него? Я все куплю.

Не осмелились работники перечить, в самом деле пошли спрашивать. Поначалу каллиграф не хотел продавать, потом поговорили так, порядились эдак, сговорились, что уступит он им две кисточки по десять вьюков товару за каждую. В тот же вечер привезли они двадцать вьюков и обменяли на кисточки. Спрятал их Афу в свой карман.

— Ха-ха! Сколько теперь захочу денег, столько у меня и будет. А всего-то потратил двадцать вьюков — хитрый товар большие деньги делает! — радовался Афу.

Поехали они дальше, ехали, ехали и как-то раз в полдень остановились на дороге отдохнуть. А подле дороги какой-то крестьянин, не боясь ни ветра, ни палящего солнца, поле свое мотыжит.

— Вэй! Чего ты там пляшешь, чем размахиваешь? — уставился на него Афу с удивлением.

— Ты про ту штуку, что у меня в руках, спрашиваешь? Мотыгой она зовется. Золота иль серебра накопать, одежду ли добыть, еду ль, платье — все с ее помощью можно — такая уж драгоценная вещь, — ответил ему крестьянин.

— Хэ! Вот хитрый товар! И золото, и серебро, и платье — все дает. А сколько их у тебя?

— Э-хэ! Как говорится: «Раздобудь такое сокровище — не будет недостатка в платье и еде». Зачем же мне несколько?

— Вэй! Вот хитрый товар, продай-ка мне! Глянь, сколько у меня добра, — сказал Афу и показал на разложенные у края дороги вьюки, — сколько вьюков запросишь, столько и дадим.

Крестьянин запросил только тридцать вьюков и отдал за них Афу свою мотыгу.

— Ха, ха! Захочешь одеться — будет новая одежда, захочешь голову покрыть — будет новая шляпа, а всего-то потратили тридцать вьюков. Хитрый товар — большие деньги дает! — радовался Афу.

Поехали они дальше, ехали, ехали и добрались как-то до большого уездного города. Видит Афу — народу много, суета кругом, велел всем отдохнуть тут денек.

Взял он в тот день двоих работников и отправился бродить. Дошли они до перекрестка, видят — и тут толпа стоит, окружили люди кого-то. Втиснулся Афу, поглядел — какой-то человек держит небольшой деревянный ящичек, вправо-влево вертится.

— Что он делает? — Афу у работников спрашивает.

— Фокусы показывает, — работники ему отвечают.

Пригляделся Афу внимательно, видит — человек тот покрутил немного, перевернул ящичек, дал поглядеть всем — пустой, затем накрыл его платком, пробормотал что-то, крикнул:

— Давай, давай, давай!

Медленно снял платок и принялся вынимать из пустого ящичка рис, овощи, деньги, сладости... — целую гору всякой всячины!

— Хэ! Вот это уже совсем хитрый товар! Вэй! — Афу крикнул работникам: — Отдайте ему оставшиеся вьюки, выменяйте его ящичек.

— Хозяин! Фокусы ведь — это одна видимость!

— Нечего болтать! Делайте, как я велю.

Получил Афу деревянный ящичек, обрадовался: «Ха-ха! Есть захочешь — вот еда, пить захочешь — вот питье, а всего-то за сорок вьюков. Хитрый товар, большие деньги даст!»

Осталось теперь у Афу только девяносто мулов. Вернулся он на постоялый двор и придумал мудрый выход: «Подумай сам, так много погонщиков, уйма мулов, а везти нечего, да за один постоя-то сколько денег платить надо. Прогоню-ка их!»

Роздал он мулов погонщикам и велел им самим домой катиться. Обрадовались они, не стали ему перечить и ушли. «Вот дураки, — думает, — по дороге за постоя за себя да за скотину им теперь самим платить придется, а они довольны. Ха-ха!»

Засмеялся Афу:

— Вот на этот раз торговля удачная! Повезло с сокровищами.

Афу сам-то оставил себе одного коня да три хитрых покупки. Погулял он в городе еще два дня, а на третий домой тронулся.

Знал молодой хозяин, только как верхом на коне сидеть, а чтоб кормить коня — не его забота. Ехал, ехал, и вот как-то конь под ним упал недвижим. Слез с него Афу, со злости несколько раз кнутом выгнул,

а тот не шевелится. «Не двигается, так придется бросить», — подумал Афу, взял свои сокровища и пошел дальше.

Пешком-то идти и вправду трудно! За день и полпути до почтовой станции не прошел, а ноги все волдырями покрылись, поясница, икры гудят аж до боли. Прошел еще день, деньги все вышли.

К полудню ноги у Афу так разболелись, что мочи нет идти. Делать нечего, уселся он отдохнуть на краю дороги. Вот где его хитрые покупки пригодятся! Вынул он сперва деревянный ящичек. Покрутил как попало, потом достал платок, накрыл его и забормотал:

— Хитрый товар, хитрый товар! Слушай меня скорей, вкусную рыбу, вкусное мясо подавай побыстрей! Давай, давай, давай!

Медленно приподнял он платок. Э! Пусто! Запустил руку, пошарил — опять пусто. Разозлился тут молодой хозяин, схватил кнут, так его, так, полоснул несколько раз, и ящичек превратился в кучку деревянных дощечек.

— Ну ничего, — сказал он, — один сломался, другой появится, сломалось лезвие, можно колокольчик сделать. Ящик — пустой, но мотыга-то настоящая.

Взял он мотыгу, стукнул ею по земле три раза и забормотал:

— Хитрый товар, хитрый товар, слушайся меня! Не нужна мне добрая одежда, не нужна новая шляпа, а подай скорее вкусных овощей да хорошего вареного риса. Выходи, выходи, выходи!

Поглядел он вниз, а внизу — одна земля, нет ни вкусной овощной закуски, ни вареного риса. Стукнул еще три раза, кун-кун-кун — прозвенела, ударяясь о землю, мотыга, на земле только немного мелких комочков прибавилось, а вкусных овощей и вареного риса по-прежнему не видеть. Еще три раза ударил... вспылал, собрал все силы да как швырнет мотыгу, а она и на три чи не отлетела, обратно повернула, бын — по голове Афу стукнула. «Ай-я-я», — завопил он от боли. Одной рукой голову трет, а другой — кнутом мотыгу лупит, трижды по ней стукнул, аж застонал от злости. «Ничего, — думает, — из трех сокровищ два негодные, так уж третье непременно принесет удачу. В кармане еще бамбуковые трубочки есть. Побегу в поселок, за день вьюк денег заработаю». Размечтался он про свой хитрый товар, из последних сил приподнялся, — ай-я! — к ногам словно каменный каток весом в тысячу цзиней привешен, в подошвы словно десять тысяч тоненьких вышивальных иголочек воткнуто. Да только что делать? На дороге ни одного человека не видно. Не пойдешь — ничего не добудешь. Делать нечего, стонет Афу, кричит:

— Ай-я, папа, ай-я, мама! — Вполшага бредет, вперед тащится.

Солнце уже скоро за гору собралось садиться, добрался он только до маленькой деревушки. Вошел в деревню и сел на землю. Отдышался, вытащил из кармана маленькую бамбуковую трубочку и стал ею как попало по земле чертить. И вправду, этот хитрый товар волшебным оказался. Не успел одну картинку нарисовать, сразу человек пять женщин с детьми подошли. Рисовал, рисовал, народу и впрямь собралось немало. Обрадовался в душе Афу, словно и не было прошлых неудач, а сразу несколько выюков денег выиграл. Давай дальше рисовать, рисовал, рисовал, людей еще больше стало, а денег никто не несет. Стал он кричать, приговаривать:

— Хитрый товар, хитрый товар, в день зашибаю денег выюк. Кому надо иероглифы писать, скорей деньги тащи!

Раз прокричал, никто не шелохнулся, два прокричал — никто денег не несет. Три, четыре, пять раз крикнул — все кругом смеяться стали. Семь, восемь, девять... От крика губы пересохли, язык к гортани прилип, а все не видать никого, кто бы деньги нес. Солнце вот-вот сядет, а все никто с ним не заговаривает.

Потихоньку и небо потемнело, и народ разошелся. А в деревне той ни харчевни, ни постоялого двора нет. Ну а молодой хозяин? Как говорится, и наелся вдоволь, и счастьем насладился, «папа-мама» сколько ни кричи, все равно, конечно, сыт не будешь.

Да только из всех талантов у Афу один этот остался — знай себе глотку дерет да слезы из глаз пускает, «папа-мама» изо всех сил вопит.

Разбитая пиала

узбекская сказка

Давным-давно правил в Коканде жестокий хан Мадали. Богатствам его счету не было, но дороже всего ценилась его пиала. На ней был такой тонкий орнамент, что без увеличительных стекол, сделанных китайцами, его невозможно было разглядеть. Пиалу эту сделал самый лучший хорезмский мастер еще тысячу лет назад. Как жаль, что никто не выучился его ремеслу! Оно умерло вместе с мастером. Во дворце у хана Мадали эта драгоценная пиала стояла на золотой подставке, излучая изумрудное сияние. Сто отважных воинов днем и ночью охраняли ее.

Однажды хан с победой вернулся домой и велел трубить в рог. Музыканты подняли к небу самый большой рог. От его могучего рева задрожали стены дворца. Пиала упала на пол и разбилась. Услыхал хан это печальное известие и пришел в ярость, из ноздрей у него даже показалось пламя. Три дня не выходил он за ворота. А на четвертый велел призвать во дворец лучших мастеров и приказал им склеить пиалу так, чтобы не было ни одной трещинки.

Гончары отказались. Но хан стал топтать ногами, бить кулаками в грудь и ругаться:

— Бесполезные твари, если на чашке будет хоть одна трещинка, я велю повесить каждого третьего из вас!

Никто не осмелился перечить хану. Собрали гончары осколки в мешочек и печально побрели домой. Весь вечер они возились с осколками, но даже самый старый и опытный мастер ничего не мог придумать. Когда рассвело, из гончарного ряда донеслись печальные вздохи и плач.

Тогда вышел старший из гончаров — Чернобородый Али и, заткнув уши, закричал:

— Не нужно плакать! Хан жесток, но слезами горю не поможешь. Может быть, старый Усман что-нибудь придумает. Ему уже сто лет, а он по сей день каждую пятницу привозит на базар целую тележку горшков. Тот, кто знает в них толк, готов отдать двадцать монет за каждый горшок. Потому что даже в знойный летний день вода в нем как горный лед.

Гончары вскочили на коней и помчались в далекий кишлак искать старого Усмана. Старый гончар усадил гостей на кан и велел своим ученикам — они приходились ему правнуками — подать чай. Гончары выпили уже по двенадцать чашек, а старик все вертел своими огрубевшими пальцами черепки ханской пиалы. Солнце клонилось к западу. Наконец старик покачал головой и сказал:

— Нет, эту пиалу не склеишь!

Заплакали гончары, а старший из них, Чернобородый Али, воскликнул:

— Никто теперь не спасет нас!

— Ай нет, — поспешил сказать старик, — я не дам вам умереть! Пойдите-ка вы к хану и попросите у него отсрочку на год. Год — срок большой, может быть, мы что-нибудь и придумаем!

В тот год никто не видел старого Усмана, целыми днями сидел он дома и даже за ворота не выходил. А гончары со страхом в душе ждали последнего дня срока.

Незаметно пролетели триста шестьдесят четыре дня, и наступило утро триста шестьдесят пятого. Гончары со всего города собрались на площади; на женщинах были голубые паранджи. В это утро дети плакали особенно громко. Жестокий хан не знал, что такое любовь к людям, никогда никого не жалел. Он велел приготовить плаху и приказал палачу принести веревки покрепче. Воины забили в барабаны, объявляя о начале казни. У гончаров пропала последняя надежда.

Но в этот миг люди увидели Усмана. Старый гончар спокойно ехал на осле, а следом шли его внуки и осторожно несли большой сверток.

Прошел всего год, но как постарел Усман! Руки его дрожали, глаза потускнели. Он, как всегда, поздоровался со всеми и тихонько опустился на ковер рядом с гончарами, потом махнул рукой, и внуки развернули сверток. О, чудо! Гончары увидели драгоценную ханскую пиалу. Черепки, которые стоили не больше чем горсть земли, вновь превратились в ни с чем не сравнимую драгоценность. Как ни переворачивали гончары

пиалу, сколько ни стучали по ней камушком, поверхность ее оставалась гладкой, без единой трещины, она лишь издавала мелодичный, чистый, серебряный звук. Звук этот вызывал безмерную радость в сердце каждого, заулыбались спасенные гончары. Слезы счастья полились у них из глаз, и они запели ликующую песнь.

Тогда старший из гончаров, Чернобородый Али, взял большой деревянный поднос и стал обходить всех. Женщины клали на поднос серьги и золотые браслеты, мужчины щедро кидали золотые монеты, дети не хотели отставать от взрослых и клали на поднос свои расшитые тюбетейки. Когда поднос наполнился, Али с поклоном преподнес его старому мастеру. Но тот не принял подарок:

— Я вполне вознагражден за свой труд, я сохранил для людей эту прекрасную драгоценную пиалу, а вашим женам и детям сохранил мужей и отцов. Это самый лучший подарок для меня.

Не прошло и недели, как слава о старом Усмани разнеслась по всему Коканду. На площадях, на базарах, в каждой семье, в каждом доме и в каждой мечети только и говорили о нем.

— У старого Усмана золотые руки, он так склеивает фарфор, что ни одной трещинки не заметишь. Старые, ломаные вещи превращает в новые! Усман стар, дни его сочтены. Так неужели он не откроет нам секрет своего искусства?!

И гончары решили снова отправиться к Усмани. Старший из них, Али, и пять самых искусных мастеров оделись по-праздничному, воткнули за уши цветы гвоздики, сели на коней и торжественно, словно это было свадебное шествие, отправились в деревню.

Старый гончар терпеливо выслушал гостей. Затем опустил голову, долго теребил огрубевшими пальцами свою белую бороду и наконец ответил:

— Нет у меня никакой тайны. Я так же замешиваю глину, добавляю песок, подливаю воду, как и вы. Так же обжигаю блюда и горшки и так же остужаю их. Только я с детства горячо люблю свое ремесло, и, что бы я ни делал, будь то глиняная крынка для крестьянина или фарфоровая пиала для хана, я во всем добивался совершенства и красоты. Другого секрета у меня нет. А этот секрет может постичь любой.

Так и вернулись гончары домой, ничего не добившись. Они не поведали старику и стали упрекать его: очень уж он скрытен, не хочет научить их своему мастерству. Правнук его, Гафар, думал так же. Однажды стал он перед дедом на колени и говорит:

— Пожалей нас, прадедушка! Ведь у тебя никого нет, кроме меня и сестренки Сурмуахун. Мы с малолетства слушаем тебя и почитаем. Передай нам свое мастерство, и мы будем еще лучше заботиться о твоей старости и похороним тебя как полагается!

Но старый мастер не сказал ни слова, посмотрел только суровым взглядом на юношу и молча ушел в свою гончарню. С этого дня невесело стало в доме Усмана. Гафар все время ходил грустный, хмурился, а у его сестренки глаза часто были мокрыми от слез. Старик же с утра до заката сидел один в своей мастерской и молчал.

Пришла пятница. Гафар думал, что дед пошлет его на базар продавать горшки, но тот сам нагрузил тележку и отправился в город. Гафару стало стыдно и горько. Неужели он обидел деда? Но печальнее всего было то, что дед не верил ему.

Грустный, сидел он на берегу арыка и размышлял об этом, как вдруг услышал крик сестры. Сурмуахун звала его, стоя в дверях мастерской.

— Ты почему забралась в мастерскую? Разве ты не знаешь, что дед терпеть не может этого! — с опаской сказал юноша.

Но сестра потянула его за собой.

— Скорее! — говорила она. — Пока его нет, мы сможем узнать его тайну!

Гафар вошел вслед за сестрой, а шустрая Сурмуахун разгребла кучу земли и вытащила оттуда сверток:

— Смотри! — воскликнула она и тихо добавила: — Когда я приносила деду поесть, я видела, как он рассматривал эти черепки...

Гафар развернул сверток, глядь... что за диво! Разве это не осколки ханской пиалы?!

«В моем искусстве нет вовсе никакой тайны, — вспомнил юноша слова деда, — только я с детства горячо люблю свое дело». Тут луч правды разорвал тьму, Гафар все понял: старик трясущимися руками создал эту драгоценную пиалу ничуть не хуже мастера из Хорезма! А сколько надо было для этого терпения и сил! Какую награду мог он потребовать за такой труд! А он молчал. Молчал, чтобы избавить гончаров от ханского гнева и спасти их от смерти.

Гафар, опустив голову, вышел из мастерской, теперь он понял, почему дед никого не пускал в свою мастерскую. Стемнело. Закрутилась пыль на дороге, Усман на телеге возвращался с базара домой. Белая повязка на его голове пожелтела под лучами солнца, в уголках глаз прятались слезинки. Но в глазах Гафара дед сейчас вовсе не был белоголовым

стариком: он казался ему настоящим героем. Гафар пошел навстречу деду и почтительно поцеловал его дрожащую руку. Глаза их встретились. Они хотели сказать что-то друг другу, но слова застыли у них на губах.

— Живи тысячу лет, мой дорогой барашек! — тихим голосом сказал дед. — Только по-настоящему люби свое дело, и я готов поручиться, что ты превзойдешь твоего деда...

Эти слова навсегда запали в душу юноши. Пусть помнят их и те, которые вступают в жизнь.

Мудрая жена

корейская сказка

Была у одного крестьянина жена, и собой пригожа, и умом остра. И вот приглянулась она помещику, тот даже во сне теперь измышлял, как бы ее к себе в дом забрать. Однажды он позвал крестьянина в усадьбу, вытаращил глаза по-страшному и закричал:

— Ступай купи мне муленка, купишь — получишь тысячу лянов серебра, а нет — отдашь мне свою жену!

Крестьянин опечалился, идет домой, думает: «Ведь не бывает у мулов детеньшей, где ж я ему муленка достану?» Вошел в свой дом, толкнул ширму, уткнулся головой в циновку, стал думать, а придумать ничего не может.

Жена принесла ему поесть риса с овощами, несколько раз предлагала, а он отказывается. Почуяла она, что у мужа на душе беспокойно, и ласково стала его выпрашивать:

— О чем ты задумался, отчего не скажешь мне о своем горе, может, я какую хитрость придумаю?

«Жена у меня мудрая», — подумал крестьянин и говорит:

— Велит мне хозяин муленка для него купить, добуду — даст тысячу лянов серебра, а нет — тебя заберет.

— Ну, это дело несложное, дай-ка я сама пойду к этому зловредному черту.

На другое утро пошла она к помещику, барабанит в ворота и кричит:

— Эй, хозяин дома?

А помещик сладко под одеялом спит. Услышал сквозь сон женский голос и сразу догадался, что это жена крестьянина пришла. Сердце

его так и запрыгало от радости. Бросился он ворота открывать, спрашивает:

— Это ты сама ко мне пришла?

— Да ночью муж мой сына родил, вот я и решила попросить у тебя немного морской капусты, накормлю его — молоко будет.

Удивился помещик и говорит:

— Что за глупости ты мелешь, где это слыхано, чтоб мужчины детей рожали!

А женщина в ответ:

— Верно! А где это слыхано, чтоб мулы детенышей приносили?

Понял помещик, что проиграл: делать нечего — пришлось отдать тысячу лянов серебра.

На другой день опять позвал богач крестьянина и давай орать на него:

— Ступай на берег реки и смастери мне из речной гальки лодку. Даю тебе сроку три дня. Не сделаешь — жену отдашь, а смастеришь — тысячу лянов получишь.

Опечалился крестьянин. Вернулся домой, жена опять стала его спрашивать. Ничего муж не утаил — все ей рассказал.

— Ну, это еще легче! Дай я пойду к этому ненасытному черту.

Прошла ночь. Не рассвело еще, а она уже в ворота помещичьего дома стучится. Богач поднялся с теплого кана и заорал:

— Эй, что там случилось?

— Да вот хочу у тебя одну вещь в долг попросить, да не знаю, есть ли она у тебя, — говорит жена крестьянина.

Как услышал помещик ее голос, у него по всему телу истома разлилась.

— Хоть не люблю я, когда просят, и сам никогда ничего не прошу у других, но тебе дам все, что пожелаешь. Говори скорей, чего надобно.

— Да мне бы песку — веревку свить, чтоб галечную лодку к берегу подтащить.

Остолбенел помещик, изумился.

— Что за чертовщина! Разве можно из песка веревки вить?

А жена крестьянина ему в ответ:

— Что верно, то верно. А разве можно из гальки лодки строить?

Понял тут богач, что опять проиграл. Да делать нечего, пришлось ему, стиснув зубы, отдать вторую тысячу белоснежных слитков серебра.

Дважды он оставался в дураках и решил наконец придумать какую-нибудь хитрость. Снова призвал крестьянина, метнул на него злобный взгляд и говорит:

— В бронзовых столбах, что стоят в переднем зале моего дома, завелись черви. А ну, говори быстро, как их вывести? Ответишь, дам тысячу лянов серебра, а нет — немедля присылай ко мне свою жену.

Крестьянин и рта раскрыть не успел, как его умная жена высунулась из-за его плеча и молвила:

— Ну, это дело нетрудное! Возьми топор, расщепи его ножом, вытащи из него костный мозг и намажь колонну. Черви тут же сдохнут.

Застыл помещик как пень от такого ответа. Хотел что-то сказать — язык заплетается, полслова выговорить не может.

Так крестьянин и его смекалистая жена в третий раз тысячу лянов от помещика получили.

Жил когда-то один император, больше всего на свете любил он слушать сказки.

Император заставлял всех своих сановников рассказывать ему сказки. Но всегда, как только рассказ доходил до самого интересного места, — сказка кончалась. Это сердило императора, и он приказывал казнить рассказчика. Император не хотел уже слушать обычные сказки, он требовал сказку, которая никогда не кончалась бы.

Каждый день посылал он чиновников и солдат ловить людей, которые должны были рассказывать ему сказки. Люди выбирали сказки самые длинные, только ведь и длинные сказки имеют конец. Всех рассказчиков император казнил, ни один человек не вернулся из императорского дворца.

Привели однажды к императору юношу, а этот юноша нисколько не испугался и действительно рассказал императору сказку без конца:

— Очень-очень давно жил один император, да такой богатый, что не было никакой возможности сосчитать его богатства. А зерна у него было так много, что и класть не знали куда. Призвал он плотников и велел построить амбар, такой большой, чтобы конца его не было видно, с самых древних времен и по сей день не было амбара больше этого. Доверху засыпали его зерном. Только когда строили, недоглядели, и в стене осталось одно небольшое отверстие, ни мало, ни велико, как раз воробью под стать. Тучи воробьев прилетели к амбару полакомиться царским зерном. Но дырочка была мала, залетит один воробей, вылетит, на его место другой сядет, потом третий залетит, возьмет зернышко, вылетит, потом

четвертый залетит, схватит зернышко, потом еще один залетит, схватит зернышко — вылетит, потом еще один...

Император сначала слушал очень внимательно, а тут слышит одно и то же: «Опять залетит воробей, схватит зернышко...» — не стерпел, прервал юношу и спросил:

— Ну, склевали воробьи все зерно, а потом что?

— Они еще не склевали, не торопитесь! — ответил тот.

Очень хотелось императору узнать, что было дальше, и он вновь спросил:

— Ну, к примеру, они все склевали, что же дальше?

— Чтобы узнать, что случилось потом, нужно дожидаться, пока они все склюют, — сказал юноша.

Очень уж хотелось императору узнать, что произошло потом, и он позволил юноше продолжать. Весь день до самого вечера юноша только и повторял: «Залетел воробей, схватил зернышко, вылетел наружу...» И так много-много дней подряд все рассказывал он, не переставая, то об одном воробье, то о другом. Не вытерпел тут уж император и опять спросил:

— Скоро ли склюют все зерно?

— Нет еще, — ответил юноша.

Проходил день, проходила ночь, много дней уже прошло. А воробьи все никак не могли склевать зерно в амбаре. Император сердился все больше и больше.

— Почему до сих пор они не съели все зерно? — спросил он наконец юношу.

— Не торопись, такой большой амбар, зерна уж и не знаю сколько, так быстро не склюешь его.

Неизвестно, сколько времени должно было пройти, чтобы воробьи склевали все зерно. Не захотел император слушать эту сказку дальше и велел казнить юношу. Но тот сказал ему:

— Я действительно рассказываю сказку без конца. Конца ей еще не видно. Как же можно казнить меня?

Нечего было ответить императору, пришлось ему отпустить юношу домой.

Рассказывают, что основатель династии Сун¹ — император Чжао Куан-инь — с младенческих лет был очень озорным. В молодости он постоянно устраивал скандалы, играл в азартные игры. Выиграет — соберет деньги и уйдет; проиграет — так начнет искать предлог, как бы не отдать долг, да еще и побьет того, кому проиграл. Никогда он не признавался в своих проступках, никогда не считал себя проигравшим. Но однажды его проучил один старый огородник.

Жарким летом днем шел Чжао Куан-инь полем, и есть ему хотелось, и жажда мучила, а кругом — ни кустика. Вдруг видит — впереди бахча. Ветер доносит оттуда ароматный запах дынь. А на бахче старик собирает дыни. Взглянул Чжао Куан-инь, слюнки у него так и потекли, не может пройти мимо. Пощарил рукой в карманах — ни одного медяка. Денег нет, но все равно: раз встретилась бахча — нельзя не попробовать дынь. «Если старик потребует денег, скажу, что запросил он слишком дорого, изобью его хорошенько и уйду...» — думал он.

И Чжао Куан-инь смело подошел к бахче.

— Старик, дыни есть? — закричал он.

Старик поднял голову, взглянул: стоит перед ним юноша, сердитый такой, кричит, словно злой дух, и дынь требует.

— Есть, есть, есть, — поспешил ответить старик, — прошу вас, посидите немного!

Затем старик принес несколько ароматных дынь и сказал:

¹ Династия Сун правила в Китае с 960 по 1279 г.

— Прошу вас, выбирайте сами. Не понравится одна, возьмите другую, — и уселся рядом на корточки, потягивая трубку.

Чжао Куан-инь попробовал, действительно хороши дыни — и голод утоляют и жажду; съел он сразу штук семь-восемь. Потом вытер руки и грубым голосом спросил старика:

— Сколько за все?

Чжао Куан-инь уже давно решил про себя: как только хозяин попросит денег, он сразу же закричит, что дорого, побьет старика и уйдет.

— Какие деньги, что там считаться из-за нескольких дынь. Вы ведь не частый гость у меня!

Такого ответа Чжао Куан-инь не ожидал. Он сделал вид, что хочет заплатить, и сказал:

— Нет, так не пойдет! Где это видано, чтобы бесплатно кормили дынями? Сколько, в конце концов, я тебе должен, отвечай быстро!

На самом деле он не думал платить за дыни, но и не хотел уступить старику. А старик подумал и сказал:

— Человек шел по дороге и утолил жажду несколькими дынями. За что же тут требовать деньги? Но раз уж вы не согласны принять мое угощение даром, то дайте одну медную монету. Этим вы выразите мне свою благодарность.

Совсем озадачили эти слова Чжао Куан-иня. Сказать, что одна медная монета — дорого, нельзя, ведь нет монеты мельче. Сказать: слишком дешево, — но ведь у него и медяка в кармане не найдется. Лучше всего было бы принять бесплатно угощение старика. Сам навязался с деньгами, а как теперь выйти из положения, не знает. Но делать нечего, поднялся Чжао со скамеечки и проговорил со вздохом:

— Поверишь, хозяин, в долг?

Старик сделал затяжку и, улыбаясь, сказал:

— Я говорил — не надо денег, а ты непременно хотел заплатить мне; я попросил одну монетку, а ты и ее просишь записать в долг. Чего там запоминать одну монетку, лучше уж так, без денег.

Чжао Куан-инь не мог сказать, что у него нет никаких денег, и подходящего предлога для ссоры тоже не находил. Оставалось только приветливо улыбаться и продолжать разговор.

— Дедушка, я не хочу обманывать тебя, сегодня я не захватил с собой денег, монетки и то нет. Прошу тебя, найди для меня какую-нибудь работу, чтобы я мог расплатиться с тобой. Я не откажусь ни от какого дела, — сказал он с решительным видом.

Старик поднялся, подумал и ответил:

— Какая работа! Мне самому-то нечего делать. Ну, если уж тебе очень хочется что-нибудь сделать, перекувырнись через голову, а я погляжу. А не хочешь, так не надо.

Услышал его слова Чжао Куан-инь и призадумался. Хоть много сил и не требуется на это, да позорно. Рассердиться? Сам ведь сказал: «Не откажусь ни от какого дела». Да и старик еще добавил: «Не хочешь, так не надо». Не рассердиться? Тогда остается лечь на землю и перекувырнуться. На лбу Чжао выступили капли пота величиной с бобы, он дважды обошел бахчу и наконец решился. Огляделся вокруг, никого нет, и бросился на землю. Вдруг старик подбежал к нему, схватил за руки и, смеясь, сказал:

— Хорошо, хорошо, и этого достаточно! Я вовсе не хочу смотреть, как ты кувыркаешься. Только когда ты пришел ко мне, у тебя был очень заносчивый вид, словно ты никому не подчиняешься. Вот я и пользуюсь случаем, чтобы сказать тебе, что человек, кем бы он ни был, обязательно должен с уважением относиться к людям. Правильно говорит пословица: «Если на твоей стороне правда, то переспоришь любого. А если нет правды, всегда будешь горе мыкать». А теперь иди, у тебя, наверное, много дел поважнее!

Чжао Куан-инь никогда никому не уступал ни в чем. А на этот раз старый огородник хорошо проучил его.

У одной бедной женщины по имени Сю-ин долго не было детей, а ей очень хотелось иметь дочку. Выдашь дочь замуж — получишь большой выкуп, и старость безбедная обеспечена.

Но у Сю-ин родился сын, и решила она скрыть это от людей. Пока мальчик был маленьким, он жил у матери: она одевала его как девочку, и все думали, что у Сю-ин растет девочка. А когда ребенок подрос, Сю-ин отправила его в дальнюю деревню к бабушке. Так никто и не узнал ее тайны.

Между тем в соседней деревне один богач прослышал, что у Сю-ин есть дочь, и захотел он просватать за нее своего маленького сына.

«Ничего, что девушка бедна и много старше моего сынка, — думал богач, — зато в доме будет даровая работница, а потом при случае можно будет ее и выгнать».

Получила Сю-ин за невесту богатый выкуп: много серебра и одежды. Договорились родители и о дне свадьбы.

В назначенный день привела Сю-ин своего сына домой, одела его как невесту и сказала:

— Сегодня тебя повезут в дом жениха, ничего не бойся и делай, что я тебе скажу.

Затем она поведала сыну свой план.

Вдруг послышались удары барабана и звуки флейт. Показался красиво расписанный паланкин, который несли четыре носильщика. Со всей деревни к дому Сю-ин сбежались люди, чтобы поглазеть на выход невесты. Собралась огромная толпа, односельчане весело переговаривались и рассматривали богатый паланкин.

Но вот из дому вышла Сю-ин, ведя за руку «невесту», одетую в красное платье, волосы на голове невесты были завязаны узлом и заколоты золотыми шпильками.

Никому из соседей и в голову не могло прийти, что это юноша. Сын Сю-ин уселся в паланкин, и носильщики двинулись по деревне; еще оглушительней загрохотал барабан, еще пронзительней запели флейты.

Носильщики шли очень быстро, и вот деревня осталась далеко позади. Стояла сильная жара, пот градом катился по лицам уставших мужчин. Прошли они еще немного и решили передохнуть. Опустили паланкин на землю, а сами прилегли около да и заснули.

А сыну Сю-ин только этого и нужно было. Как услышал он храп носильщиков, потихоньку вылез из паланкина и спрятался в кустах. Снял свадебный наряд, распустил прическу, надел свой костюм и стал опять самим собой. Кто бы мог догадаться, что это и есть «невеста»?

Тем временем носильщики проснулись и обнаружили, что невеста исчезла. Обыскали все кусты, кричали до хрипоты — как сквозь землю провалилась! Испугались они и заплакали с горя.

Тогда юноша подошел к ним и спрашивает:

— Что случилось? Чего вы плачете?

Носильщики, конечно, его не узнали и отвечают:

— Несли мы в паланкине невесту, очень устали и присели отдохнуть. Пока спали, невеста пропала, нигде ее найти не можем. Что нам делать? Без невесты вернемся — нас в тюрьму посадят.

Пожалел их сын Сю-ин и говорит:

— Постараюсь вам помочь. Возьмите-ка вы побольше глины и слепите ростом с человека куклу, оденьте ее в красное платье. Когда придет в дом жениха, скажите, что невеста устала с дороги и хочет отдохнуть, и идите с паланкином прямо в ее комнату, а как получите плату, сразу уходите.

Поблагодарили носильщики и сделали так, как он сказал. Слепили из глины большую куклу, завернули ее в кусок красной материи, усадили в паланкин и понесли.

А в доме жениха уже все было готово к встрече невесты. Собралось много родных и гостей.

Вот показался расписной паланкин. Забили барабаны, запищали флейты, захлопали хлопушки, вспыхнули огни фейерверка. Паланкин поднесли к воротам, и все гости выбежали смотреть невесту. Но носильщики предупредили, что невеста очень устала, и понесли носилки прямо

в комнату. Уложили они глиняную куклу на кан, а сами, получив деньги, поскорей ушли.

Наступил вечер. Гости разошлись, а мать жениха отправилась проведать невесту. Открыла дверь и видит: невеста лежит на кане.

— Ишь ты! — закричала свекровь. — Все еще спит! Вставай! Нечего бездельничать, ты к нам не на отдых приехала!

Кукла, конечно, молчит. Рассердилась свекровь, подбежала к кану, хотела ударить невестку, но так и обомлела: вместо человека кукла лежит.

Поняла она, что ее надули, разозлилась, схватила молоток и разбила куклу на мелкие кусочки.

А наутро отправилась свекровь к судье с жалобой. Удивился судья такому случаю, но, получив хорошую взятку, пообещал наказать Сю-ин.

На другой день вызвал Сю-ин и говорит:

— Как ты смела обмануть почтенную госпожу из семейства Ван? Ты зачем послала ей куклу вместо невесты? Рассказывай всю правду.

Тут Сю-ин притворилась опечаленной и расплакалась.

— Она на меня клеветет. Вся деревня видала, как я свою дочь в панкин посадила, ни о какой кукле я и не слыхала. Отдайте мне мою дочь! Где эта проклятая кукла, в которую вы обратили мою дочь?

— Покажи нам эту куклу, уважаемая госпожа Ван. Мы сейчас выведем на чистую воду презренную Сю-ин.

Услыхала это мать жениха и отвечает:

— Я разбила куклу, а осколки бросила в пруд.

— Тогда делать нечего, — говорит чиновник, — придется Сю-ин отпустить, без улик судить нельзя.

Так и пришлось матери жениха уйти ни с чем, а Сю-ин с сыном стали жить весело и безбедно.

**Мифологические предания,
сказы и легенды**

Очень-очень давно, не знаю уж чем, провинились люди перед небесным правителем Юй-хуаном — Нефритовым государем. Несколько дней злился Нефритовый государь, а потом придумал, как отомстить им. Он велел Духу ветра Фэн-бо и Повелителю дождя Юй-ши спуститься на землю и поднять такую бурю, чтобы все дома людей повалить, а потом такой ливень устроить, чтобы вся земля на три ли под воду ушла. Люди заволновались и устремились к высоким местам; те, что на равнинах жили, на деревья взобрались. Кто мог думать, что ветер будет дуть все свирепей и свирепей, а дождь хлестать все сильнее и сильнее. И трех дней не прошло, как безбрежная вода залила все кругом до горизонта и скрыла под собой людей.

Так что же, все утонули и прервался род человеческий? Нет, оказывается, не все люди под водой погибли. Остались Фуси и его сестра Нюйва, их один бессмертный шэньсянь спас, не дал им утонуть. Вот как это было.

Фуси и Нюйва были работающими, добрыми, встретится им голодный человек — всегда дадут что-нибудь, помогут. Об этом узнал один небесный бессмертный. Услыхал он, что Нефритовый государь собирается отдать приказ утопить всех людей, принял облик нищего и спустился в мир людей. Подошел к воротам дома Фуси и стал просить подаяние. Фуси и Нюйва гостеприимно приняли его, как всегда своих бедных братьев принимали, дали ему одежды и денег. Увидел бессмертный шэньсянь, что они и вправду добрые люди, и решил спасти их. Он отдал им свою бамбуковую корзину и сказал:

— Дарю вам эту корзину, а вы храните ее хорошенько. Если случится потоп, залезайте в нее оба — тогда не потонете.

Только Фуси взял в руки корзину, как нищий тотчас же исчез. Поняли Фуси и Нюйва, что это был спустившийся в мир людей бессмертный, и спешно стали кланяться да на небо поглядывать.

Прошло несколько дней, и впрямь наступил потоп. Фуси и Нюйва, помня совет шэньсяня, забрались в плетенную из бамбука корзину и поплыли по разлившейся воде. Вода подымалась все выше и выше — и бамбуковая корзина подымалась все выше и выше, вода опускалась — и корзина опускалась, словно лодочка. А когда вода отступила, бамбуковая корзина легонько опустилась на землю. Фуси и Нюйва вылезли из нее, оглянулись: ай-я! Во всей Поднебесной только они вдвоем, брат с сестрой, и остались. Что делать? Стал Фуси с сестрой советоваться: а не вылепить ли нам людей из глины, чтобы не прервался род людской на земле? Обрадовалась Нюйва, согласилась. Накопали они глины, замесили ее, подлив воды, и принялись лепить людей.

Кто мог знать, что только примутся они за дело, как явится к ним Матушка-земля — Диму няннан и скажет сердито:

— Хотите человечков из глины делать? Нет ничего проще! Да только сразу вы мне урон нанесли. Ведь вам сколько глины надо, а где мне самой глины взять, чтобы яму, которую вы выроете, засыпать? Нет, раз уж решили продолжить род людской, должны вы, брат с сестрой, стать мужем и женой!

После этих слов тягостно стало у них на сердце. Да делать нечего, пришлось, как говорится, сдержав гнев да проглотив язык, отказаться пока от своих намерений.

Только Фуси не бросил мысль о том, чтобы человечество возродить. Думал он так, прикидывал этак, видит, хоть и не очень-то хорош совет Матушки-земли, да ничего другого не придумаешь. И вот однажды сказал он об этом своей младшей сестрице. Услыхала Нюйва его слова, покраснела от стыда, сжалась вся — ничего не ответила. Семь дней, семь ночей они про то толковали, а потом Нюйва и говорит Фуси:

— Если нужно нам стать мужем и женой, так это нетрудно. Я побегу, а ты догоняй. Догонишь — поженимся, не догонишь — ничего не выйдет.

Фуси подумал: «Я мужчина, а она женщина. Неужели я не догоню ее!» И согласился.

Вот пустились они бежать. Нюйва впереди бежит. Фуси сзади догоняет. Кто мог знать, что Нюйва бежит так быстро! Пустилась она вокруг

большой горы, Фуси за ней вокруг горы побежал, семь раз гору обежал, — все никак сестру не догонит. Видит, черепаха выползла, кивнула ему и говорит:

— Ты в другую сторону беги, тогда догонишь.

Повернул Фуси в другую сторону и тут же столкнулся с Нюйва, обнял ее. Так вот и догнал.

А Нюйва страшно рассердилась на черепаху за то, что она эту хитрость Фуси подсказала. Как пнет ее ногой, так весь панцирь ей и раздавила. Фуси подумал: черепаха мне помогла, а теперь у нее панцирь раздавлен, даже глядеть жалко. Соберу-ка я его по кусочкам. Стал он обломки собирать и составил весь панцирь. Не верите — взгляните: и по сей день у черепахи по линиям на спине видно, что ее панцирь из обломков собран! Починил Фуси черепахе панцирь, хотел с Нюйва свадьбу справить. Кто мог знать, что Нюйва опять не согласится!

— В тот раз, — говорит, — тебе черепаха помогла, это не в счет. Давай еще раз состязаться. Видишь, жернова лежат, бери на спину верхний камень, а я возьму нижний. Затащим их на вершину той большой горы, а потом вниз спустим. Если жернова внизу опять соединятся, то мы поженимся, а коли нет, так ничего не выйдет.

Взвалили они на спину по жернову и полезли к вершине. Спустили оттуда вместе оба жернова и сами вдогонку за ними к подножию горы побежали поглядеть. Сказать и то удивительно: оба жернова у подножия горы один на другом лежат. Нечего было больше сказать Нюйва. Так и стали они мужем и женой.

Прошло после этого сто дней, и родила Нюйва комочек мяса. Посмотрел на него Фуси и расстроился. Схватил нож и давай рубить-крошить мясной комок. И вот что удивительно, каждый кусочек мяса тут же в человечка превратился. Посчитал их Фуси — ровно сто человек вышло. Повсюду бегают, повсюду прыгают. Одни к реке побежали, другие на деревья забрались. Тут брат с сестрой и стали им фамилии придумывать: тем, кто к реке побежал, дали фамилию Хэ, что значит Река; тем, кто на персиковые деревья залез, — Тао, то есть Персик; тем, кто на сливовые, — Ли, значит Слива... По тем местам, где их остальные дети поселились, они и фамилии получили. Так вот и вышло потом сто фамилий. С тех пор в Поднебесной снова род людской возродился.

После того как Фуси вместе с сестрой создали человечество, людей на земле день ото дня становилось все больше. Тогдашние люди не были похожи на нынешних. В те времена не знали земледелия. С утра и до поздней ночи люди охотились на диких животных, ели их мясо и пили их кровь. Мало убьют зверей — еды им вдоволь не достанется. Совсем никого не убьют — в животах пусто будет. Еду в те времена нелегко было добыть.

Фуси видел все это, и на душе у него было тяжело. «Если так всегда будет, много людей умрет от голода», — думал он. Прикидывал так, прикидывал этак, думал три дня и три ночи, да так и не придумал, как быть с едой для детей и внуков. На четвертый день пришел он к реке. Бродит по берегу, думает. Ходил, ходил, вдруг поднял голову — глядь, большой, жирный карп из воды выпрыгивает, высоко так подпрыгивает. Тут и второй карп выпрыгнул, за ним третий. Стал Фуси присматриваться. Подумал: «Большие карпы, жирные, поймай да ешь, чем плохо?» Решил он так и спустился к реке, чтобы схватить рыбину. Много сил не затратил, поймал прямо руками большого, жирного карпа. Очень обрадовался Фуси, унес карпа домой.

Узнали дети и внуки Фуси, что он рыбу поймал, прибежали обрадованные, стали с расспросами приставать. А Фуси разорвал рыбу на части и каждому по кусочку раздал. Попробовали — понравилось. «Раз рыба вкусная, давайте теперь ее ловить, вот и будет нам подспорье», — сказал Фуси.

Дети и внуки его, конечно, согласились и тотчас побежали к реке. Пробыли там от полудня до вечера, и почти каждый поймал по рыбине.

А были и такие, что по три и даже по четыре исхитрились схватить. Радости людей не было предела. Принесли они рыбу домой и с удовольствием съели. Фуси тотчас же послал гонцов с письмом к тем своим сыновьям и внукам, которые жили в других местах, советуя им тоже рыбу ловить.

Не прошло и трех дней, как все дети и внуки Фуси научились рыбу ловить. Только, как говорится, со всяким хорошим делом много мороки. На третий день явился царь драконов Лун-ван со своим первым министром — черепахой и злым голосом говорит Фуси:

— Кто тебя звал рыбу ловить? Вон сколько вас, людей, так всех моих драконовых сыновей и внуков переловите! Немедля брось это дело!

Но Фуси не испугался слов Лун-вана, а спокойно так, с достоинством, в свою очередь спросил его:

— Ты не разрешаешь нам ловить рыбу, что же тогда нам есть?

— Что вам есть? А мне какое дело? Я не разрешаю вам рыбу ловить! — сердито сказал Лун-ван.

— Ладно! Не разрешаешь ловить рыбу, не будем. Только смотри, нечего будет есть — станем воду пить, всю воду подчистую выпьем, все твои водяные твари передохнут.

Лун-ван, вообще-то говоря, может только слабых обманывать, а сильных боится. Услышал он слова Фуси, перепугался. Вдруг Фуси, его дети и внуки и вправду всю воду выпьют, чего доброго, и сам не спасешься! Вроде бы и согласен разрешить людям рыбу ловить, да трудно назад свои слова взять. Как говорится, и вперед идти тяжело, и назад отступить трудно. Черепаха — его первый министр — подползла к его уху, тихонько так шепчет:

— Смотрите, люди-то эти руками рыб хватают. Поставьте им такое условие: если они не будут всю воду пить, пусть рыбу ловят. Только не разрешайте ловить ее руками. А без рук они ни одной рыбы не поймают. Так и можно будет и драконовых детей и внуков сохранить, и вашу, государь дракон, жизнь сберечь. Пусть они все глаза у реки проглядят — вот хорошо-то будет!

Вслушал Лун-ван совет черепахи, и понравился он ему. Расхохотался он, повернулся к Фуси и говорит:

— Если не будете всю воду пить, то можете рыбу ловить. Но только запомните одно условие: не хватать рыбу руками. Если согласны, на том и порешим, чтобы больше ни у вас, ни у меня никаких обид не было.

Фуси подумал-подумал и согласился:

— Ладно!

Лун-ван решил, что ему удалось провести Фуси, и, радостный, вместе со своим министром-черепахой отправился обратно. А Фуси тоже забрал своих детей и внуков и к себе пошел. Вернулся домой, стал думать, как без рук рыбу ловить. Думал весь вечер, на другой день до самого обеда думал — все не мог ничего придумать. После обеда улегся он под деревом, стал в небо глядеть да думать.

Видит, между двумя ветками паук паутину плетет. Слева нить пропустит, справа нить продернет, вот и готова круглая сеть. Закончил паук свое дело, отбежал в уголок, спрятался. Вскоре летавшие поодаль комарики да мухи все в сеть попали. Тогда паук спокойно вылез из своего уголка и принялся за еду.

А Фуси, когда он глядел, как паук плел свою сеть, вдруг осенило. Он побежал в горы, отыскал лианы и свил из них веревку. Потом, словно паук, плетущий паутину, сделал грубую сеть. После этого он срубил две палки, смастерил из них крестовину, привязал к ней сеть, потом приделал к крестовине длинный шест, и все было готово. Он отнес снасть к реке и опустил в воду. Фуси стоял на берегу и тихонько ждал. Прошло немного времени. Фуси потянул сеть вверх, — ай-я! — в сети трепыхались и прыгали рыбы. Способ этот и впрямь оказался удачным. Рыбы попало в сети куда больше, чем когда ловишь ее руками, и людям теперь не нужно было стоять в воде. Фуси передал секрет плетения сетей своим сыновьям и внукам. И с тех пор все его потомки знали, как ловить сетью рыбу, и не испытывали больше нехватки в еде. И по сей день люди ловят рыбу сетями.

А Лун-ван, увидев, что Фуси стал ловить рыбу сетью, изошел злобой, потому что люди теперь ловили рыбу, не хватая ее руками. Царь драконов раскаялся в своих словах, но брать их назад ему было неловко: еще рассердишь Фуси и его сыновей и внуков, а те и вправду возьмут да и выпьют всю воду в реке. Сидит Лун-ван в своем дворце, беснуется, глаза его чуть из орбит не вылезают. Потому-то люди и стали рисовать царя драконов с выгаращенными глазами. А его черепаха-министр, увидев, что государь так разволновался, решила еще что-нибудь для него придумать. Разве могла она знать, что только заберется она Лун-вану на плечо, приблизится к его уху да рот раскроет, как Царь драконов ударит ее и она упадет в тушечницу, что стоит перед Лун-ваном на столе. Перевернулась черепаха в тушечнице два раза и окрасилась в черный цвет. С тех пор черепахи черные-пречерные, это все оттого, что первого министра — черепаху Лун-ван тогда в тушечницу сбросил.

У государя Яо было две дочери, старшая — Эхуан — приемная, младшая — Нюйин — родная. Обе сестры красивыми выросли, умом других превосходят. Яо очень любил их, каждый раз, когда Яо отправлялся объезжать свои владения, Эхуан и Нюйин вместе с отцом ехали.

А когда Яо собрался уступить свой престол Шуню, он решил и дочерей отдать ему в жены. Недаром потом говорили: «Две дочери Яо — две жены Шуня». Узнали девушки, что их вместе за Шуня замуж отдадут, и очень обрадовались. Только жена Яо опечалилась. Она все думала, как бы так сделать, чтобы ее родная дочь Нюйин стала старшей женой, а приемная — Эхуан — наложницей. Государь Яо никак на это не соглашался. Придумал он три задачи, чтоб определить, кто из дочерей талантливей, проворней, умней, — та и будет главной. Делать нечего, пришлось жене согласиться.

Первая задача была — бобы сварить.

Дал Яо каждой дочери по десять зерен бобов, по пять цзиней хвороста. Которая первая сготовит, та и победит.

Старшая, Эхуан, за много лет привыкла обед готовить. Плеснула в котел немного воды, как говорится, воды стакан, а дров — телега, прошло совсем немного времени, бобы сварились, а хворост еще остался. Младшая, Нюйин, наоборот сделала, воды в котел много налила, воды — много, дров — мало, дрова сторели, а вода так и не закипела. Нечего и говорить, что бобы и вовсе не сварились. Жена Яо из себя вышла, да сказать нечего.

Вторая задача — подошвы простегать.

Велел Яо своей жене принести две подошвы и дратву. Дал каждой дочери по подошве и по куску дратвы. Кто скорее простегает — та и победила.

Старшей, Эхуан, часто приходилось туфли шить, дело привычное, шнуровки не занимать. Порезала она дратву на короткие отрезки, один кусок кончится, второй берет, и полдня не прошло, подошва прошита, да так ровно-ровно, и красиво, и прочно. А Нюйин стала длинной-длинной дратвой прошивать, хлопотно это, да и дратва то и дело в узелки завязывалась, за полдня и полподошвы не прошила, да и то, что получилось, — наперекосяк, стежки редкие, глаз не радуют. Государь Яо ничего не сказал, а жена разозлилась, стала втайне прикидывать, что бы такое придумать.

Перед тем как дочерей к Шуню отправить, Яо третью задачу задал: которая из дочерей быстрее до горы Лишань, где Шунь жил, доберется, та и победит.

Тут жена Яо и вмешалась.

— Эхуан — старшая, ей прилично на колеснице ехать, трех коней впряжем, красивей будет, Нюйин — младшая, ей прилично и на муле верхом ехать, пусть одна отправляется, так проще.

Государь Яо, конечно, понял, в чем тут дело, хотел было поспорить, да время отправлять дочерей пришло, не успел. Пусть уж так едут.

Скачет Нюйин на мулице, узкими тропинками вперед спешит, а сестра Эхуан медленно на колеснице едет. Да вот незадача, проехала Нюйин полпути, мулица вдруг жеребиться надумала.

— Чтоб ты сдохла, — рассердилась Нюйин, — не вовремя жеребишься, такое важное дело из-за тебя расстраивается, не будет больше у тебя детенышей!

Поэтому с тех пор у мулов и не бывает детенышей. А место то называется Лоцзюйцунь — Деревня, где родился муленок. Но это уже после его так назвали.

А в это время Эхуан на своей колеснице подросла. Эхуан увидела, что с младшей сестрой такое дело приключилось, тотчас же сошла с колесницы, взяла Нюйин за руку и к себе посадила, так они вместе к Шуню и поехали.

А Шунь их обеих в жены взял, но не стал одну старшей женой звать, другую — младшей, одну — женой, другую — наложницей. Сестры дружно всеми силами ему помогали Поднебесной управлять и много добра людям сделали.

Великий Шунь в древние времена был добрым государем. Прежде чем он сел на престол, его несколько раз пытались извести, но все-таки не смогли сжить со свету.

Почему Великий Шунь столько терпел? А дело было вот в чем. Когда его мать умерла, его слепой отец взял в дом новую жену. Новая жена родила сына, которого назвали Сян, то есть Слон. Сян был очень гордым, люди так и звали его — Сяньао, Сян Гордый. Вырос он с черным сердцем: только и думал, как бы ему над людьми стать, чужое добро захватить. Частенько он с матерью советовался, как бы Шуня извести. Пословица гласит: «Раз есть мачеха, есть и пасынок». А слепой его отец полный дурак был — вскоре он по той же дорожке пошел, что и его новая жена и ее сын.

Вот однажды мачеха и говорит Шуню:

— Шунь, а Шунь! Слишком много нас в доме, а поле совсем крошечное. Оглянуться не успеешь, как еда вся вышла. И решили мы с твоим отцом: иди-ка ты на гору Лишань целину подымать. Справишься за три года — возвращайся. А не сумеешь...

Не успела мачеха договорить, как слепой отец Шуня стукнул палкой оземь и сердито сказал:

— Не распашешь целину — помирай на чужбине!

Услышал Шунь эти слова и понял, что семья хочет извести его: гора Лишань огромная, разве за три года ее вспашешь? Однако Шунь все-таки согласился. А в душе подумал: «На земле люди умирают с голоду, но не случилось, чтобы умирали от усталости». Придется распахивать

целину. Надо напрячь все силы, и только. Когда Шунь собрался уходить, Сяньбао вывел из хлева больного вола и дал брату сломанный плуг — ясно, что хотел навредить Шуню. Но Шунь не сказал ни слова, поднял сломанный плуг, потянул за собой больного вола и ушел.

Пришел Шунь к горе Лишань, а там и клочка хорошей земли нет. Вся гора заросла кустарником и буйными травами. Смастерил он себе у подножия горы навес из тростника, взял нож и стал срезать кустарник да траву. Починил плуг, подлечил больного вола. Много месяцев так трудился, пока наконец принялся землю пахать.

Больше полугодя прошло. Сидит Сяньбао дома, ничего не делает. Решил как-то к горе Лишань сходить, поглядеть, как Шунь целину подымает. Идет по дороге и думает: «Такая огромная гора, наверняка он и травинки не выдернул!» Кто бы мог подумать, что Шунь уже полгоры распахал! На распаханной земле семена посеял. Злаки выросли зеленые-презеленые. Шунь как раз землю пахал, когда брат пришел. Радостно стал его в дом звать, угощать. Увидел Сяньбао, что стол вином да закусками уставлен, неприятно стало у него на душе. Раз-раз, съел все угощение, даже спасибо не сказал, ушел.

Пришел домой, лицо вытянулось. Мать его спрашивает:

— Ты что такой невеселый?

Сяньбао сердито матери рассказал во всех подробностях, что он там, на горе Лишань, видел. Мать спрашивает:

— Что теперь делать думаешь?

Сяньбао почесал голову, подумал и говорит:

— Есть выход! Все зерно, что он на горе соберет, мы отберем. А ему оставим совсем немного, чтобы в два дня один раз поесть. Будет полухлопый от голода, тогда поглядим, как он дальше пахать станет.

Услышали это слепой отец и мачеха и велели Сяньбао так и сделать. Осенью Сяньбао все зерно, что Шунь собрал, мешок за мешком домой перевез, а Шуню чуть-чуть зерна оставил. А Шунь по-прежнему изо всех сил трудится. Великий Шунь трудиться хорошо умел, с людьми приветлив был, увидит, что человек хлопочет, всегда поможет. Потому и взрослые, и дети — все любили его. Из дальних краев люди сюда перебираться стали, с Шунем вместе жить. Не так много времени прошло, глядь — заброшенная гора Лишань в оживленный город превратилась. Шуню зерна не хватает — кто ему мешок принесет, кто корзину. Шуню и не съесть всего.

В это время и привалило Шуню счастье. Царь Яо состарился, видит — девять сыновей у него, а все недостойные, с великими делами не справляются.

Взял он двух своих дочерей, Эхуан и Нюйин, и отправился вместе с ними в путь, жениха им искать. Хотел найти добродетельного и способного зятя, чтоб управление страной ему передать.

И вот добрался Яо до горы Лишань. Разузнал все про Шуня, а потом позвал его самого и стал о великих делах Поднебесной расспрашивать. Много говорил Шунь, хорошо на все вопросы отвечал. Очень он государю Яо понравился. Решил Яо, что Шунь — самый подходящий для него человек, и отдал ему в жены обеих своих дочерей. Тут же и свадьбу справили. Сам Яо домой отправился, чтобы с гражданскими и военными сановниками о передаче своего трона посоветоваться, а дочерей с Шунем вместе поселил.

Сянъао услышал эту новость и даже зубами заскрипел. Думал так, думал эдак, придумал-таки хитрый план. Позвал свою мать и стал ей на ухо что-то нашептывать. А мать, не дождавшись, пока Сянъао договорит, головой закивала, торопить сына стала, чтобы скорей шел.

Сянъао со всех ног помчался к горе Лишань. Подошел к Шуню и участливо так говорит:

— Братец, устал ты тут целину подымать. Нам всем без тебя плохо. Жизнь сейчас лучше стала. Мать с отцом послали меня, чтобы я тебя домой привел. Целину теперь можно и не распахивать.

Сянъао не стал дожидаться, пока Шунь ему ответит, бросился в дом брата, стал его вещи собирать. А Шунь, узнав, что мачеха и отец велели брату его домой привести, решил, что те и впрямь подобрали. Радостно собрал все вещи и со своими женами Эхуан и Нюйин в обратный путь отправился. Народ, что на горе Лишань поселился, никак с Великим Шунем расстаться не мог, толпой далеко-далеко провожать его отправился.

Когда Шунь вошел в дом, слепой отец и мачеха притворились, что очень ему обрадовались, достали хорошего вина, вкусных закусок, чтобы угостить его. Кроме того, еще ему с женами отдельный домик выделили. На другой день рано утром, только-только позавтракать успели, мачеха и говорит Шуню:

— Не знаю, с чего бы это, вода в колодце невкусной стала. Знаешь пословицу: «Прочистишь колодец три раза, и вода вкусной станет». Надо бы почистить колодец.

Шунь согласился, тотчас взял мотыгу, прихватил корзину и стал спускаться в колодец. А Сянъао, как увидел, что старший брат в колодец полез, тут же стал приготовленные заранее камни и черепицу в колодец

бросать, весь колодец и завалил. Да еще взял две корзины глины, сверху все замазал и ногами утрамбовал. Потом весело к дому брата побежал. Бежит и думает: «Вот повезло, теперь обе невестки-красавицы мои, да еще того гляди и государем стану». Чем больше он о том думал, тем слаще у него на сердце становилось. Подошел к дверям Шуня, а тут дверь — пэк! — как стукнет его по голове! От неожиданности Сяньао навзничь упал, глазами в небо уставился. Мог ли он думать, что из дверей Шунь выйдет! Увидел Шунь, что Сяньао на земле лежит, и спрашивает:

— Братец, давно ли ты пришел? Что не заходишь, почему на земле лежишь?

А Сяньао при виде Шуня подпрыгнул с испуга, вскочил с земли и, даже глину с себя не стряхнув, бросился наутек.

Как же это произошло? Оказывается, бог местности Ту-ди узнал, что Сяньао задумал погубить Шуня, и, когда Шунь спустился в колодец, он его под землей вывел и домой проводил. А Сяньао решил, что он среди бела дня привидение встретил.

Не удался этот план Сяньао, он придумал другой. Выпучил свои злодейские глазки и говорит отцу с матерью:

— Не падайте духом! Утопить его не удалось, так огнем сождем! Иди, мать, позови его, пусть отец ему скажет, что у амбара крыша прохудилась, надо, мол, перекрыть ее. Только он на крышу залезет, мы лестницу уберем, внизу огонь разожжем, хворост вокруг сарая раскидаем, поглядим, куда он убежит!

Услышал слепой отец, что Шуню смерть в огне уготовлена, сперва не мог такое вынести, долго рта не раскрывал. Но Сяньао и жена так на него надели, что он в конце концов согласился.

На другой день, как только Шунь на крышу поднялся, внизу пламя занялось. Заметался Шунь, а возле него рыжебородый старец оказался, велел ему глаза зажмурить. Зажмурился Шунь, а старец поднял его за шиворот и легко перенес обратно к нему в комнату. Этот рыжебородый старец, оказывается, был дух огня Хо-шэнь. Узнал он, что Шуню грозит жестокая гибель, и поспешил на спасение.

А Сяньао, мачеха и слепой отец втроем у амбара стоят, глядят, как огонь все сильнее разгорается, вмиг весь амбар спалило дотла. Решили они, что уж на этот раз Шуню не удалось спастись, и были очень довольны. Сяньао побежал в комнату брата, думал с невестками породниться, не ожидал, что дверь у Шуня будет плотно прикрыта. Подбежал к ней Сяньао, изо всех сил как толкнет — бин-бан! — поскользнулся и упал,

на собачьем дерьме растянулся, на лбу шишку с гусиный зоб набил. А Шунь услышал шум у дверей, выглянул, видит — Сянъао лежит, жалобно стонет. Бросился Шунь его подымать. Подымает и говорит:

— Братец пришел, вот и хорошо, зачем же только сразу земные поклоны бить?

Позвал Шунь своих жен Эхуан и Нюйин, велел вина и закусок принести, брата угощать. А Сянъао увидел Шуня, изумился, перепугался, стыд его мучит, злоба снедает. Поднялся с земли, даже не отряхнулся, поскорей наутек бросился.

Вбежал он в дом, а мать и спрашивает:

— Сынок, ты что так быстро вернулся? Все ли в порядке?

А Сянъао заплакал:

— Какое там в порядке!

И рассказал матери все, что случилось. А мать со злобой и говорит:

— Чтoб ему башку отрубили, нельзя его живым оставлять! Скорей еще что-нибудь придумай!

Сверкнул Сянъао хитрыми глазками и говорит:

— Так сделаем: я его завтра позову к себе вина выпить, а стол позади комнаты поставлю, в пристройке, где колодец. Я колодец сверху циновкой прикрою, на циновку стул поставлю и скажу ему, чтобы он на тот стул сел. А под стулом-то дыра, как он сядет, так в колодец и провалится. Тут мы дыру и завалим. Поглядим, сможет ли он опять выбраться.

Мать обрадовалась, затараторила:

— Годится, годится! Так и сделаем!

На другой день Шунь собрался было идти работать, а к нему Сянъао вбегает:

— Братец, очень я перед тобой виноват. Пословица говорит: «Конь спотыкается, человек ошибается». Натворили мы дел, вот я и пришел перед тобой извиниться, прощения просить. Мать с отцом вина да закусок приготовили, зовут тебя, братец, посидеть с ними за угощением.

Проговорил он так, руки на груди сложил, поклон совершил. А Шунь от природы добрый был, услышал он такие слова, не стал долго думать, радостно, весело с братом отправился.

Увидали мачеха и отец, что Шунь идет, навстречу поспешили. Длинные речи говорят, короткие речи произносят, любовь к сыну выказывают. Потом усаживать Шуня повели. Одно место ему уступают, другое, все нороят, чтоб он на тот стул, что над колодцем стоит, сел. Шунь все стеснялся садиться, трижды отказывался, дважды другим место уступал.

Тут Сянъао не выдержал, чуть не взорвался. Подмигнул он матери, и взяли они Шуня за руки да силой на тот стул усадили. Сказать и то странно: усадить усадили, а стул стоит себе крепко на колодезной дыре и не проваливается.

Сянъао видит, что Шунь спокойно, ровнехонько на стуле сидит как ни в чем не бывало, и сердце у него прямо волдырями пошло. Смотрит на Шуня, ничего понять не может. Вытянул он тогда ногу под столом, приподнял легонько циновку, а под циновкой-то драконья голова величиной с меру для зерна. От страха у Сянъао из трех душ-хунь две сразу отлетели, из семи душ-по пять душ улетели¹. Бросился он на землю да так ползком из комнаты и уполз. Мать его не поняла, что случилось, и вслед за ним выбежала.

А что на этот раз произошло? Оказывается, когда они колодец циновкой накрыли, царь драконов Лун-ван узнал, что они опять Шуня извести задумали, и свою голову под циновку подставил. Потому-то Великий Шунь в колодец и не провалился.

После этого случая Сянъао и его мать поняли, что Шуня им не загубить, и не осмеливались больше вредить ему. А потом, когда Шунь стал государем, он ничуть обиды не таил, а послал людей, чтоб его слепого отца, мачеху и Сянъао к нему привели, да еще дал Сянъао чиновничью должность.

¹ По традиционным китайским представлениям, у человека имеется десять душ. Три из них, называемые хунь и символизирующие духовное начало, находятся в печени, а семь, называемые по и символизирующие материальное начало, — в легких. Со смертью человека сперва отлетают души хунь, а потом исчезают души по.

Город Сучжоу своими каналами славится, маленькие мостики над текущей водой переброшены, такой городок прелестный. А если захотите узнать, почему там так много каналов, нам придется рассказ начать с истории о том, как Великий Юй потоп усмирал.

В прежние времена в местах подле озера Тайху каждый год наводнения случались. Как весенняя вода придет, так народу беда: дома порушит, людей загубит, а оставшимся в живых деваться некуда. Отправился тогда Великий Юй с двумя своими помощниками воды усмирять. Прошел год, а воды по-прежнему разливаются, второй год на исходе, а незаметно, чтобы вода отступила. Юй туда-сюда носится, к местности приглядывается, водные пути ищет, всякие способы придумывает, чтобы выход найти. Сам день ото дня все тоще становится. Полмесяца назад обоих его помощников потоком унесло, остался он один; как говорится, «перед заброшенным храмом одна палка от стяга торчит».

Вот однажды Великий Юй находился за день, голодный и усталый присел отдохнуть на камень. Вынул из сумы две засохшие лепешки. Только собрался перекусить, вдруг с порывом ветра донесся до него тяжелый вздох. Поднял голову, а перед ним на камне седовласый старец ничком лежит, одежда на нем наполовину красная, наполовину черная, глаза закрыты, дышит тяжело. «Это все оттого, что никак я воды не усмирю», — подумал Юй, и раскаяние его взяло. Быстро поднес он лепешку к лицу старика и сказал:

— Утолите хоть сперва немного голод, уважаемый!

Старик поел лепешки, приободрился и просительно так проговорил:

— Есть у меня, старика, одно дело, не подскажешь ли, как быть?

Увидел старик, как Юй головой кивнул, и продолжил:

— В овечье стадо волк забрался, что тут, по-твоему, надо делать?

Юй подумал и ответил:

— Чтобы не потерять овец, надо поскорее выгнать его.

— Как ты мудр, как ты мудр, — рассмеялся старик, — ждет тебя удача.

Потом проглотил еще кусок лепешки и сказал:

— Съел кусок твоей лепешки, помогу тебе книгой из трех свитков, отправляйся поскорей на гору Лесной хижины, добудешь книгу — все поймешь.

Подивился Юй таким странным словам, только хотел обо всем подробно расспросить, а старца уже нет — ни следа, ни тени не осталось. Кусок лепешки, что старик на глазах у Юя проглотил, целехонький на камне лежит. Взял его Юй в руки, чтобы разглядеть, — вот диво! — кусок лепешки в сверкающий белый нефрит обратился. Еще больше подивился Юй, пригляделся, а на прекрасном камне с обеих сторон замысловатые знаки, похожие на земляных червей, вырезаны. Слева глядел Юй, справа рассматривал, с трудом все-таки на одной стороне прочитал: «Расчищай русло, веди воду, все сто рек потекут в море», а на другой: «Будешь усердно и честно трудиться, раскроются пред тобой металлы и камни». Тут только Великий Юй понял, что это бессмертный шэньсянь ему путь указал! И отправился он к горе Лесной хижины, чтобы «Книгу вод» добыть, день и ночь туда стремился. Только где она, гора Лесной хижины? Где эта «Книга вод»? Сколько гор перевалил Великий Юй, сколько рек перешел, всюду расспрашивал, на девятую девять — восемьдесят один холм, восемьдесят одну вершину поднимался, семью семь — сорок девять дней и ночей повсюду искал. Все свои сухари съел, всю воду выпил, а так ничего и не нашел. Подошел он однажды к воротам своего собственного дома. В животе от голода бурчит, тут еще собака выбежала, на него залаяла, будто в дом зовет поесть, а из дома запах риса и овощей доносится. Но Великий Юй не вошел в ворота, все думал — как воды укротить.

Нашел он потом себе двух новых учеников, и втроем стали они советовать, как быть. В конце концов добрались они до Западной дунтинской горы в Сучжоу. Эта гора как раз посреди озера Тайху возвышается, со всех сторон водой окружена, поэтому зовется еще Бао-шань — Охва-

ченая водой гора. Пики у нее острые торчат, красота необыкновенная. Самый высокий пик называется Пямяофэн — Туманный пик. Стал Юй со своими учениками эту гору обшаривать, одну пещеру нашли, потом другую, один хребет, потом другой, напоследок у Туманного пика еще одну пещеру отыскали. Она-то и называлась Пещерой лесной хижины. Уже потом назвали ее еще Девятый рай в Поднебесной. Отверстие ее чернотой зияет, глубину не измеришь. Белые летучие мыши взад-вперед летают, странные какие-то букашки свистят. Внутри темно, не поймешь, что там на самом деле.

— Я в пещеру войду. Если не вернусь обратно, то все дела с усмирением вод на вас останутся.

Стали тут ученики наперебой первыми идти проситься. Спорили, спорили, а потом все вместе, втроем, ощупью вперед пошли. Шагов так через тысячу в темноте пещеры вдруг светлое пятнышко показалось. Пошли они на свет, чем дальше двигаются, тем светлее. А дорожка узкая, извилистая, зигзагами двигались они по ней, ползком ползли, шагом шли, падали, опять ползли, подымались, опять падали. Наконец до дна пещеры добрались. Кто мог знать, что тут свет вдруг исчезнет? Стали руками водить — перед ними высокая отвесная каменная стена. Оба ученика досаду сдержат не могут, только вздыхают да стонут. А Великий Юй терпеливо все руками шарит да шарит. Нащупал-таки в каменной стене закрытую каменную дверь, а на ней большой каменный замок. «Если не взломать этот замок, — подумал Юй, — то внутрь и комар не пролетит».

Пока он раздумывал, вдруг перед глазами свет блеснул: оказывается, это у Юя на груди прекрасный нефрит, в который лепешка превратилась, лучами засверкал. Взял его Юй в руки, потер, поглядел, а он по величине точно как замочная скважина. Не иначе как это и есть ключ к каменному замку. Вставил он его в скважину, чжи-чжи, гэ-гэ, заскрипела тут каменная двустворчатая дверь и постепенно на обе стороны распахнулась. Хэ! А за ней огромная каменная комната, еще дальше — восьмиугольный павильон из белого нефрита, в павильоне круглый стол белого нефрита, подле — три каменные скамеечки, на столе маленький узелок. Быстро, большими шагами подошел Юй к столу, развязал узелок, а в нем книга из трех свитков. На книге древние письмена, два знака в глаза бросились: «Шуи чи» — «Водяной аршин». Раскрыл первый свиток, в начале его вдоль и поперек водные пути нарисованы. Раскрыл второй — картины высоких и низких горных хребтов, третий густо-густо

иероглифами испещрен, знаки все такие витиеватые — не поймешь смысла. Стал Юй, затаив дыхание, книгу рассматривать, вдруг какое-то мычание раздалось, только звук затих — из водной пучины, что подле беседки была, рогатое чудище показалось, пасть разинуло, на Юя бросилось. Заметался Юй, не знает, куда спрятаться. Схватил свой прекрасный нефрит и со всей силы швырнул в чудовище. И вот чудеса! Проглотила тварь нефрит и тотчас же закивала головой, завилала хвостом, расплесталась на земле, садись, мол, мне на спину.

Расхрабрился Юй, вместе с учениками на чудище уселся. Только расслось, вскочило оно на ноги и помчалось прочь.

Так и вынесло Юя к горе Тяньтай. Встретил он там седовласого старца, который, знак за знаком, стал ему «Книгу вод» объяснять, а Юй слушал внимательно. Разобрался он в сути дела, понял, что, если с водяной бедой борешься, непременно надо водам где-то проход давать, а где-то воды скапливать. Потому-то он после не только озеро Тайху соорудил, но и уговаривал людей русла рек прорыть, воду в море отвести. Сучжоу — место низкое, словно дно у котла. Чтобы это дно сохранить, Великий Юй специально для сучжоусцев такую вещь придумал: побольше каналов прорыть, все равно что котел на сто ножек поставить. Так и для урожая лучше, и от засухи предохранит, и от разлива. Сучжоусцы послушались Великого Юя, взялись все вместе и прорыли сотни и тысячи больших и малых каналов. А потом уже много-много лет их в порядок приводили и превратили Сучжоу в город на воде, про который давно сказано: «Прибыл государь в Сучжоу и видит — люди все к рекам притулились».

Как Великий Юй трижды мимо своего дома проходил

Только Юй с Тушань-ши в Тайсане поженились, на четвертый день получил он повеление государя Шуня потоп усмирить. Как ушел, тринадцать лет не возвращался. С древности говорят: «Трижды мимо своего дома проходил, да не зашел».

Первый раз мимо своих ворот Юй утром прошел, совсем близко был. Еще издалека услышал, как его мать, Сюцзи, ругается:

— Отец воды усмирял, над горой Юйшань погиб. Сын воды усмиряет, четыре года не возвращается. Отец — глупец, а сын — круглый дурак!

Тут из дома детский плач донесся. Мать Юя опять ругаться принялась:

— Хоть с трех лет до старости голоси, а все равно отца не дозовешься! Хочешь плакать, иди к отцу, не бреди бабушкино сердце!

А потом послышался голос Тушань-ши, это она ребенка утешала. А мать Юя еще пуще ругаться стала:

— Только замуж вышла, через четыре дня муж и ушел. За четыре года не отыскался, не показался. Только и название-то молодая жена, а на деле — при живом муже вдова.

Слышно было только, как Тушань-ши тяжело вздыхает.

Думал было Юй в дом войти, голос подать, да побоялся сердитой матери: втянет в перебранку, не отвяжешься. Смирять воды — дело важное. Как можно из-за семейных дел время терять? И он потихоньку от ворот пошел.

Второй раз Юй мимо своего дома в полдень проходил. Накануне ночью Юй все о доме думал, тоска его одолевала. Еще не рассвело, а он

верхом домой помчался. Скачет, скачет, в животе от голода урчит. К полудню на холмик недалеко от дома поднялся. Юй остановил своего белого коня с высокой холкой, глянул — над домом белый как молоко дымок вьется. Подумал: раз над очагом дымок виден, значит, дома все тихо, спокойно. Тут еще петух прокричал, голос его далеко окрест разнесся, ясно слышно, как поросята хрюкают. Успокоился Великий Юй, отлегло у него от души. Стал пальцы загибать, считать, сколько лет, как родные места покинул, «спиной к родному колодцу повернулся», — получилось семь лет.

Тут из дома вдруг веселый смех его матери, Сюцзи, раздался, а затем и возбужденный голос ее:

— Внучек, а если твой отец вернется да не узнает тебя, как быть?

— Не узнает, побью его.

— Зачем же его бить? — услышал Великий Юй нежный голос своей жены.

— А он разве не заслужил, если своего сына не узнает, — пронзительно и капризно закричал мальчик, — побью, жив останется!

— Золотко, — мать Юя сказала, — характер у тебя точно как у бабушки! — и опять засмеялась.

А Юй задумался: «Прошлый раз мимо дома проходил — ругань, плач, вздохи — а я все-таки не зашел, в этот раз дома все в порядке, зачем заходить?»

Объехал он вокруг дома и помчался дальше потоп усмирять.

Третий раз проходил он мимо своих ворот под вечер. Было это еще через четыре года. В тот день он недалеко от дома водные пути прокладывал, вот и подумал, не заглянуть ли домой. С тех пор как он во второй раз мимо дома проходил, уже три или четыре года прошло. Сегодня он по своим водным делам недалеко оказался, вот и захотелось поглядеть, как там и что. Да, как назло, погода не задалась: в полдень тучи за клубились, гром загрохотал, ливень хлынул, словно у Небесной реки дно прохудилось! А Великий Юй, голодный, все вперед едет, торопится. К вечеру только родные ворота показались. Обрадовался Юй: отдохну дома, погляжу на родных, уж десять лет, как с ними расстался, просушу одежду, поем — вот будет хорошо, приятно.

Подъехал на своем коне Юй почти к самым воротам, глянул — под козырьком крыши девятилетний мальчик мотыжкой из-под галереи воду отводит, путь ей прокладывает. Увидал мальчик незнакомца и пронзительно, перекрывая шум дождя, закричал:

— Эй, дяденька, не видел ли ты моего отца?

А Великий Юй нарочно спрашивает:

— А кто твой отец?

— Да Великий Юй. Дяденька, отнеси ему письмо, пусть он домой вернется нас проведать, поможет мне канавку вдоль галереи прорыть.

Тут из дома послышался голос матери Юя:

— Ах ты чертенок! Не мели языком! Твой отец в Поднебесной потоп умиряет, только сейчас у него дело на лад пошло, а ты его домой зовешь канавку копать.

За ней и жена Юя голос подала:

— Бабушка правду говорит, пусть отец сперва потоп умирят, а потом домой возвращается.

— Ладно, — подхватил высоким голоском мальчик, — пусть отец воды умирят, а потом домой придет.

Услыхал эти слова Великий Юй, обрадовался:

— Хорошо, — сказал он мальчику, — непременно твои слова Великому Юю передам!

Повернулся Юй, вскочил на коня, и вынес его нетерпеливый конь обратно на дорогу.

Тринадцать лет прошло, как Юй воды умирять отправился, сколько гор исходил, сколько рек пересек, повсюду свои следы оставил. А про то, как Юй три раза мимо дома своего проходил, а ни разу не зашел, до сих пор такие стихи повторяют:

Первый раз к воротам подошел — брань услышал,

Второй раз к воротам подошел — смех услышал,

Третий раз мимо ворот проходил — устное письмо унес,

Только когда потоп умирал, вернулся домой.

Как небо и землю разделили и как солнца вставили на небо

сказка народа мяо

В древнейшие времена небо еще не отделилось от земли, а земля от неба. Наверху не сияли солнца, луны и звезды, а внизу не высились горы, не текли реки и ручьи. Над головой не плыли облака и не летали птицы, под ногами не шныряли крысы, в воде не плескались гольцы. Не существовало ни террасных полей, ни выстроенных в ряды деревянных домов, не жили ни домашние куры, ни домашние утки, ни дикие кабаны, ни дикие собаки, не было ни мулов, ни лошадей, на которых можно ездить верхом, ни коров, ни буйволов, которые могли бы тащить соху или борону, не прятались в зарослях тигры и не карабкались по лианам проказливые обезьяны. Люди не обрабатывали поля, не засевали землю, не ткали материю, не сажали деревья. Небо и земля были словно вязкая каша из клейкого риса. Белый день, темная ночь будто бы смешались в перевернутом котле: земля в небесный сумрак глядела, небо в зеленую тьму смотрелось. В мире не существовало ни лет, ни лун, ни дней, только тянулась долгая ночь — не сосчитать, сколько страж прошло. Много-много времени минуло, пока появился отделившийся небо от земли Налюиньгоу.

У Налюиньгоу широкие, как земляной склон, покатые плечи, ноги о восьми суставах, ступни длиной больше двух ли. Куском ткани в двенадцать саженей не закроешь и половинки его колена, из двух тысяч травяных накидок не сошьешь и кармана для его штанов. Протянет руки — может коснуться облака, опустит — землю проткнет насквозь. Три тысячи коромысел кашицы из клейкого риса не хватит ему на раз глотнуть, девятьсот корчаг маринованной рыбы не хватит на два раза куснуть. Десять тысяч лет пить не будет — не умрет от жажды, тысячу лет есть

не будет — в глазах не зарябит. Захрапит — словно десять тысяч тигров зарычат, кашляет — будто двенадцать громовников раскалывают горы.

Сказал он как-то своему другу Жэньюнгуло, что хочет небо от земли отделить, тьму и свет разъединить.

— Поглядим, что в том огромном глиняном чане — земле — вареный рис или вино, соленые овощи или мясо?

— У меня есть восемь толстых деревянных столбов да еще шестнадцать стеблей желтого проса, — ответил ему Жэньюнгуло. — Столбами подопрешь небо — валиться не будет, из стеблей подпорки под землю сделаешь, на бок не упадет.

Налоиньгоу обрадовался, взмахнул рукой, словно топором, — ладонь вместо лезвия, разрубил небо и землю надвое. Тогда небо приоткрыло рот, земля разжала зубы, небо не могло больше держать в зубах землю, земля не могла больше кусать небо. Уперся Налоиньгоу ногами в землю, руками — в небо, опустилась тут земля на тысячу чи, поднялось тут небо на пять ли. Подпер Налоиньгоу небо деревянными столбами, укрепил его над головой. Но небо зависло невысоко, земля опустилась не низко. Небо землю любит, земля по небу скучает. Прошло немного времени, стали черви древесные столбы точить, сердцевину выгрызать, принялись скорпионы длиннохвостые столбы грызть, стали их жуки точить — рухнули подпорки, упало небо на землю. Накрыли небеса землю, крепко вцепилась земля зубами в небо. Налоиньгоу спросил Жэньюнгуло:

— В один год со мной рожденный, что еще у тебя есть?

— Еще у меня есть тринадцать больших железных столбов, скорпионы хвостатые их не сгрызут, жуки не источат.

— Хорошо, носи их, попробуем.

Притащил Жэньюнгуло на плече столбы, подперли ими небо, да вот беда: спустя немного времени столбы ржавчина проела, небо вновь на землю рухнуло. Опять сказал Налоиньгоу:

— Жэньюнгуло, деревянные столбы жуки источили, железные столбы ржавчина проела, что еще придумать можешь?

— Есть у меня еще двенадцать каменных столбов, скорпионы хвостатые их не прогрызут, ржа не проест. — И притащил на плечах каменные столбы. Налоиньгоу стал землю ногами топтать, небо столбами подпирать. Укрепилось было небо над головой, да прошло немного времени, и потрескались каменные столбы, наклонилось небо, обрушилось на землю.

Опять обратился Налоиньгоу к своему другу Жэньюнгуло:

— Сверстник ты мой, деревянные столбы черви прогрызли, железные столбы ржа проела, каменные столбы растрескались. Какие еще столбы у тебя есть?

Жэньюньгуло помотал головой — мол, нет больше, и сказал:

— В месте под названием Гэньцзугэньсо, у реки Ушайуле, живет старуха Улоусо, сердце у нее доброе, а уж хитра... Не иначе как придется тебе спросить ее, нет ли еще какого способа поддержать небо.

Распроцался Налойньгоу с Жэньюньгуло, отправился на реку Ушайуле и спросил старую Улоусо:

— Бабушка, задумал я небо от земли отделить, да небо надобно подпереть. Нет ли у тебя таких столбов, чтоб и черви не точили, и ржа не ела, и чтобы не трескались, не ломались?

Спросила его старуха:

— Небо не ранит твои руки, земля не ранит твои ноги, зачем же надо их разъединять?

Сказал ей Налойньгоу:

— Земля — что котел, небо — что крышка котла, а в котле спрятаны вино, мясо да соленые овощи.

Улыбнулась тогда старуха и пальцем на его восьмисуставные ноги указала:

— Вот они, подходящие столбы — и черви их не подточат, и ржа не съест, и тяжесть не раздавит.

Выгацил Налойньгоу четыре сустава из ног, один на западе воткнул, другой в южном углу водрузил, третий на северной окраине, четвертый на восточном склоне. А потом по такому же подобию слепил по четыре ноги свиньям и собакам, буйволам и баранам, тиграм и барсам, волкам и медведям, к тому же столам и скамейкам из дерева по четыре ножки вырезал. Укрепилось небо, отделилось от земли. Погладил Налойньгоу небо, и стало оно ровным-ровным, помял землю, и стала она бугристой. Да только не дает небо соленого мяса и маринованных овощей, не прячет земля у себя внутри ни вина, ни хлебов. Спросил он старуху Улоусо:

— Что же делать с небом, какую пользу от земли извлечь?

Ответила ему Улоусо:

— Разбей на земле поля, а небо пусть тебе шалашом служит.

Выковырял тогда Налойньгоу у неба сердце, разрыл землю, бросил сердце в земную пыль. Куда побольше попало — там горы вздыбились, где ленточкой распласталось — там хребты протянулись, где мало лег-

ло — там холмы образовались, а куда ничего не долетело — там равнины остались. Только вот небо небольшое вышло, земля неширокая оказалась. Похлопал Налоиныйгоу по небу ладонью, помял пальцами землю, — с тех пор небо стало бесконечным, а земля бескрайней.

Сделал он небо, сделал землю, да только небо — черное, а земля — темная. Вздыхнул тут Налоиныйгоу:

На небе темным-темно,
 На земле черным-черно,
 Не пылает в небе факел,
 Не горит на земле светильник,
 Отделил небо — зря потратил силы,
 Отрубил землю — понапрасну старался.

Жэньюнгуло сказал Налоиныйгоу:

— Старая Улоусо умнее всех, спроси-ка ее, нет ли у нее чудесного светильника.

Налоиныйгоу пошел и спросил Улоусо:

— Бабушка, небо не раскрывает глаза, земля не открывает очей, нет ли у тебя факела? Нет ли у тебя свечи?

А Улоусо ответила:

— Факел не осветит край неба, пламя свечи не достигнет угла земли, дам я тебе лучше двенадцать чудесных яиц, которые светятся ярко-ярко. — Сказав так, она достала чудесные яйца: красные алеют, белые белеют, желтые золотом отливают, пестрые глаза спят, черные в темноте выделяются, пурпурные глаза режут, серые мерцают, зеленые — словно листочки молодые; одни круглые-прекруглые, другие мягкие-премягкие, третьи — продолговатые, блестящие, четвертые — приплюснутые, светящиеся.

Улоусо наказала отнести их к реке Ушайуле, промыть чистой ключевой водой, а потом пойти в место, называемое Фэньшуиннэн, и отыскать птицу юаньпэнбанлю.

— Птица эта, — молвила она, — может чудесные яйца высидеть.

Распрощался Налоиныйгоу с Улоусо и понес яйца к истокам реки Ушайуле. У истока ее ключ бьет, вода глубокий темный омут вымыла. Родники бьют, дают реке начало. Налоиныйгоу отмыл яйца дочиста, оттер добела, засверкала у них скорлупа, заблестела еще пуще. Пошел он в Фэньшуиннэн и попросил птицу юаньпэнбанлю:

— Девушка-сестрица, крылья у тебя самые широкие, перья самые красивые, пушок самый теплый, сердце самое доброе, помоги мне, высиди двенадцать яиц.

Посмотрела на него птица юаньпэнбанлю и ответила:

Сокровища твои высижу,
Только помоги мне сухой травы накопить.
Сокровища твои пригрею,
Только помоги мне веток натаскать.
Сооруди мне из веток терем,
Выстели сухою травой гнездо.
Как будет гнездо построено,
Так и вернусь я высиживать яйца.

Принялся Налойньюго хворост таскать, сухую траву косить, терем строить, гнездо устраивать. А юаньпэнбанлю поспешила к другой птице — куньхэванхэн, позвала ее, и они вместе полетели к реке Ушайуле, стали песни петь, познакомилась там юаньпэнбанлю с матерью куньхэванхэна. А потом две птицы брачный союз заключили.

Терем построен, гнездо свито, юаньпэнбанлю — молодая жена — сидит в гнезде на чудесных яйцах, не ест, не пьет, не воркует, не поет, даже шею не вытянет, крыльями не хлопнет. Много дней прошло, не вытерпел Налойньюго, пришел к ней и спрашивает:

— Молодица милая, как там птенчики?

А юаньпэнбанлю отвечает:

— Яйца ледяные, холодные, не проснулись еще птенчики.

Снова много дней прошло, птица юаньпэнбанлю уже весь пух свой потеряла, приходит опять Налойньюго и спрашивает:

— Невестушка добрая, открыли птенцы глазки?

А юаньпэнбанлю отвечает:

— Яички согрелись, крепко спят.

Прошло еще много лун и лет, крылья птицы совсем оголились. Опять спрашивает ее Налойньюго:

— Тетушка добрая, не пищат ли там птенчики?

На сей раз юаньпэнбанлю радостно ответила:

— Птенцы стучат по скорлупе, пищат тихонько, в яйце возятся.

К тому времени терем прогнил, гнездо развалилось, птица юаньпэнбанлю состарилась, перья все вывалились, сидит вся голая, глаза ввали-

лись, грудка — что нож острый, в уголках клюва морщины, не поет, не смеется.

Налоиньгоу ее спрашивает:

— Бабушка добрая, не прыгают ли там птенчики, не пляшут ли?

Отвечает ему измученная юаньпэнбанлю:

— Подними меня. Они всем понравятся, такие красивые. Двенадцать детишек вылупились — светлые, яркие, вблизи посмотришь — красно-алые, издали поглядишь — пестро-пятнистые.

Обрадовался Налоиньгоу, засмеялся, пошел к старой Улоусо и спрашивает:

— На какие ветви чудесные фонари укрепить, на какие деревья чудесные фонари повесить?

— Вставь их в небеса, людям сразу будет видно, как шелковую нить сучить, как холст ткать, как клейкий рис разбрасывать, как пять знаков сеять, коровам и овцам будет видно, как траву щипать, мулам и лошадям — как дорогу выбирать.

Вставил Налоиньгоу чудесные светильники в небо — склоны тут же округлили свои щеки, горные хребты оголили свои кости, пропасти обозначили свое дно, на равнинах дороги видны стали. Однако солнца освещали лишь середину земли, до девяти ее углов свет не доходил, как по дороге идти — видно, а как нитку в иглу вдеть — не разглядеть. Отделил тогда Налоиньгоу двенадцать солнц друг от друга. Первые два на востоке вставил, еще два на южном углу повесил, третьи — над западным краем неба, четвертые — над северной окраиной, пятые — в центре неба, а шестая пара сама куда-то укатилась. С тех пор все небо сияет, вся земля блестит.

Как Почтенный Чжан боролся с Громовником

сказка народа мяо

Почему у кур клювы острые, у уток — плоские, а у гусей на голове бугорок? Если рассказывать об этом, то начать надо с ссоры между Громовником и Почтенным Чжаном.

Громовник и Почтенный Чжан были братьями. Громовник — старший, а Почтенный Чжан — младший. Не поладили они как-то друг с другом и решили разделиться. Громовник, как старший, хотел все себе заполучить — и что на небе и что на земле, всем хотел завладеть, а Чжану решил только собаку оставить. Тот не соглашался — ведь пес пахать не умеет. Не надо Чжану разных разностей, пусть старший брат все забирает, только вола чтобы оставил непременно — землю пахать, поле свое возделывать.

Но Громовник и слушать ничего не стал. В гневе брови нахмурил, глаза выпучил:

— Вола хочешь? Да хватит ли у тебя сноровки с ним управиться? Давай состязаться. Кто ловчее, тому и вол достанется.

Засмеялся Почтенный Чжан и ответил:

— Я согласен, братец. В чем будем состязаться?

Никак не ожидал Громовник, что Почтенный Чжан с ним посмеет тягаться. Ничего не ответил брату, но подумал: «Да есть ли что-нибудь под этим небом, чего бы я, Громовник, не смог выиграть?» И сказал:

— Ты младше, тебе и выбирать, в чем состязаться будем. А то потом люди под двумя небесами скажут, что я, старший, обманул меньшого брата.

Почтенный Чжан огляделся вокруг и говорит:

— Ладно. Вот что: кто ногой спихнет с места тот каменный мост, ведущий на небо, тот и выиграл.

Громовник отвечает:

— Идет! Кто первый: ты или я?

— Ты старше, ты и начинай! — ответил Чжан.

Громовник этак важно, вразвалочку, дошел до середины моста и хотел было поддеть его ногой, как вдруг Почтенный Чжан закричал:

— Подожди немного, я сейчас вернусь, — и поспешил к дому. А там схватил с дерева воробья, сунул в кошель и скорее назад к мосту. Состязание началось. Громовник надавил ногой на мост, а потом как пнул его — из камней аж искры посыпались. Ударил он мост еще несколько раз и, довольный собой, стал спускаться. Голову опустил и на Почтенного Чжана искоса поглядывает. А тот спокойно так, без всякого страха взошел на мост и крикнул:

— Братец, послушай! Я сперва только до него дотронусь, но, если мост обвалится и ты не сможешь на небо подняться, не обессудь, не обижайся тогда!

Тут он легонько, кончиками пальцев босой ноги пристукнул по мосту, а сам кошель сжимает, чтобы воробей зачирикал. Три раза ногой моста коснулся, три раза воробей чирикал. Громовник даже побелел от страха:

— Братец, не надо! Не пинай больше! Мост и так под тобой скрипит, еще раз пнешь, он и обвалится. Считай, что выиграл. Согласен?

Дождался Громовник, когда Почтенный Чжан с моста сошел, и только после этого, остановившись на другом конце моста, крикнул:

— Тебе одному трудно будет за волом присматривать, так я его к себе возьму, кормить буду. А когда он тебе понадобится, приходи, дам на время.

Хотя и выиграл Почтенный Чжан состязание, а вола не получил! Громовник все-таки себе его забрал.

Наступила весна. Побежал Почтенный Чжан к брату за волом. Пришлось, как говорится, две бадьи добрых слов наговорить, пока не выпросил вола на три дня. Досадно ему стало: своего же вола на время просить, да еще в глаза брату при этом заглядывать. А тому-то вол ни к чему!

Увел Почтенный Чжан вола к себе и со злости зарезал его. А на третий день воткнул воловий хвост в землю и побежал к Громовнику. Изда-лека еще закричал:

— Чудеса, братец! Вол-то твой в глину ушел, я тяну его, тяну — выгнать не могу.

Громовник всполошился, даже про свой железный молот и долото позабыл¹, поспешил за братом в поле. Смотрит — вола и впрямь не видеть, только торчит из земли кончик хвоста. А Почтенный Чжан торопит:

— Братец, скорей задержи его, а то и хвост в землю уйдет!

Громовник припустил к хвосту со всех ног, не разбирая, грязь под ногами или сухо. Подбежал, вытянул правую ногу, зажал хвост между пальцами и как дернет со всей силой. И — с маху в грязь плюхнулся, упал навзничь вверх лицом, весь липкой глиной обляпался. Глянул на оторванный хвост и говорит сердито:

— Хэн! Не надо было давать тебе вола. Просил на время, поле вспахать, а сам зарезал его и съел. Если через три дня я приду и зарублю тебя — значит, есть на то согласие Неба. — Сказал так и ушел в гневе.

А Почтенный Чжан вернулся домой и всю ночь обдирал кору с тунгового дерева. На другой день надавил из нее масла, поставил большой котел на огонь и стал клей варить. На третий день, как только начало светать, полез на крышу и принялся поливать черепицу клеем. Только закончил — заявляется Громовник со своими молотом и долотом. Полез тот на крышу, поскользнулся — и кувырком вниз, прямо в канаву с водой угодил, выронил и железный молот, и долото. А Почтенный Чжан тут как тут, схватил рогатину, зажал Громовника и запихнул в железную клетку, запер на замок. Потом пошел за дом, нарвал травы, принес несколько больших охапок, бросил возле клетки и говорит:

— Ты такой редкий гость, братец. Посиди тут несколько дней, а пока сидишь, я прошу тебя помочь мне травяные веревки вить. Навьешь веревок полную клетку — домой отпущу.

Сказал так и пошел за дом, на огород, тыкву-горлянку сажать. Семена ее такие были, что только бросишь в землю — и тут же прорастают, ветер подует — они вверх лезут, в первый день стебель вытягивается, во второй на подпорку взбирается, в третий завязь дает.

А Громовник в клетке веревки вьет. День вьет, другой — и все мало: Почтенный Чжан их незаметно из-за железных прутьев вытягивает и утаскивает, не позволяет клетку наполнить доверху. Три дня Громовник веревки вил — и прямо запылал от злости. Бросил веревку, стал метаться по клетке туда-сюда, прыгать, и стоять не стоит, и сидеть не сидит, вся

¹ Железный молот и долото — орудия Громовника, с помощью которых он сотворяет гром и высекает молнию.

шерсть на нем дымится. Шел тут мимо мальчик. Увидел, как Громовник мечется, и закричал:

— Идите скорей сюда, поглядите! Интересно-то как!

А Громовник говорит ему:

— Принеси-ка мне железный молот, я тебе покажу кое-что поинтересней!

Мальчик побежал в дом Почтенного Чжана, схватил со стола молот и принес Громовнику. Тот взял его и давай махать: сколько раз махнет — столько молний сверкнет. Всполохи разорвали небо, стало светло как днем. Грянул могучий гром и разломал железную клетку. Громовник с молотом в руке побежал вокруг дома, Почтенного Чжана ищет, чтобы свести с ним счеты.

А тем временем Почтенный Чжан залез в тыкву-горлянку и мякоть оттуда выковыривает. Громовник и не заметил его. Там поискал, тут поискал, не нашел и еще пуще рассердился:

— Хэн! Первого числа тебе удалось спрятаться, а пятнадцатого не спрячешься. Вернись домой — напущу потоп, посмотрим, куда ты денешься. — С этими словами он ушел, прихватив травяную веревку.

Вернувшись на небо, он привязал эту веревку к столбу небесных ворот, подошел к небесной реке и проделал в ее дне дырку. С шумом вода хлынула вниз, на землю. В мгновение ока забурили потоки на горных склонах, пошли волны по плоским равнинам, вода заливала поля, сносила крыши с домов. Ливень лил непрестанно семь дней и семь ночей, и воды на земле поднялись вровень с небом, кругом — одни лишь волны. Только тогда Громовник заткнул дыру в небесной реке, «обрубил ноги дождю».

Чтобы проучить брата, он затопил всю Поднебесную, а о людях не подумал — останутся они в живых или погибнут. На восьмой день утром, поразмыслив, он послал гуся поглядеть: утонул Почтенный Чжан или нет, ведь он такой хитрец! Получив приказ, гусь расправил крылья и бросился в воду, проплыл немного, глядь — Почтенный Чжан в тыкве-горлянке на волнах покачивается. Поспешил гусь обратно, рассказал Громовнику. А тот не поверил и хватил его кулаком по голове так, что у гуся шишка выскочила и от боли он закричал «га-га-га». С тех пор и по сей день у гусей на голове бугорок торчит, не исчезает.

Потом Громовник послал утку, посмотреть, жив ли Почтенный Чжан. Услыхала утка приказ и, переваливаясь из стороны в сторону, мотая головой, вошла в воду, проплыла немного, видит, Почтенный Чжан

в тыкке плавает, руками гребет. Поспешила утка обратно, рассказала Громовнику. Тот решил, что и утка его обманывает, в гневе наступил ей на клюв и расплющил его. «Ма-я-я-я!» — утка от боли закричала было, да голос-то и потеряла от боли. Такими мы уток по сей день и видим.

Кликнул тогда Громовник петуха, послал его поглядеть. Петух плавать не умеет. Как быть? Расправил он крылья, взлетел на крышу дома, голову поднял, грудь выпятил, на восток поглядел, на запад посмотрел, на юг глянул, на север взор бросил, шею вытянул, только хотел закричать, да тут же поскорее себе клюв крылом и заткнул. Потому что увидел, что Почтенный Чжан, в тыкке-горлянке сидючи, за травяную веревку ухватился и тянет, все ближе и ближе к Южным вратам неба подплывает. Слетел петух с крыши и скорей к Громовнику, но вспомнил про плоский утиный клюв и про гусиную шишку. Замялся петух: поднимет ногу, поставит, шаг сделает — на месте постоит, осторожненько так вперед продвигается. Подкрался к Громовнику и говорит тихо:

— Дядюшка Громовник, дядюшка Громовник! Залез я высоко, смотрел далеко, восток, запад, север, юг — все оглядел, до самого края неба, но даже травинки не заметил. Что уж говорить о Почтенном Чжане! Да будь там десять таких Чжанов, все бы давно потонули!

Громовник обрадовался, расхохотался. От радости, что Почтенный Чжан утонул, что петух ему правду сказал, схватил он птицу за клюв и потянул к себе. Громовник-то хотел приласкать петуха, не подумал, что может ему клюв повредить. А петух, хоть и было ему больно, из преданности к хозяину притворился, что ничего не чувствует, расставил когти, выпнул спину дугой и «кукареку!» закричал, вторя смеху Громовника. Так и поныне кукарекает, да еще несколько раз в день!

Хочет-то петух хочет, да только как начнет, так и покраснеет весь, особенно когда гуси или утки рядом. Не верите — посмотрите сами.

Как в луну стреляли

сказка народа яо

В древние-древние времена было на небе только солнце, ни луны, ни звезд не было. И как только наступал вечер, сразу становилось темно, хоть глаз выколи. Но вот однажды ночью появилась на небе луна. Было на ней семь граней и восемь углов, была она не квадратная и не круглая и походила на камень, только что скатившийся с горы. Лучи от нее исходили горячие и ядовитые, словно огненные стрелы. Все злаки засохли, а люди по ночам изнывали от жары и не могли спать.

— О небо! Нам не нужна такая горячая луна! Мы застрелим ее! — кричали они, тяжело дыша и обливаясь потом.

У подножья большой горы жили в то время муж и жена, совсем еще молодые. Мужа звали Яла, был он метким стрелком и охотился в горах на разных зверей. Жену звали Ниэ, она была искусной рукодельницей, все время сидела дома, ткала или вышивала.

Увидела Ниэ, что луна такая жестокая, и говорит Яла:

— Ты меткий стрелок, сбей луну с неба, спаси людей!

Ударил себя Яла кулаком в грудь, взял лук и стрелы и взобрался на самую вершину горы, что позади дома. Стиснул зубы, собрался с силами, натянул лук и выстрелил в луну. Но стрела пролетела полпути и упала на землю. Сто стрел выпустил он подряд, и все сто пали на землю. Выпустив все стрелы, Яла поднял голову и поглядел на увядшие всходы, на пожелтевших, измученных жарой людей и глубоко вздохнул.

Вдруг рядом что-то скрипнуло, огромный камень отодвинулся в сторону, вышел из горы белобородый старик и говорит:

Свирепый тигр живет в горах на юге,
 Он самый сильный зверь во всей округе.
 А в северных горах, где ветер свищет, —
 Оленя быстрогоногого жилище.
 Ступай же в горы и ищи по следу,
 Зверей убей и мяса их отведай.
 Тигровый хвост достаточно упруг,
 Чтоб сделать из него отличный лук.
 Когда в руках побольше будет силы,
 Натянешь тетиву из толстой жилы,
 Стрелу из рога выгочишь одну
 И — угодишь прямехонько в луну¹.

Сказал это старик и скрылся, а камень снова стал на прежнее место.
 Яла понял старика и спустился с горы, чтобы посоветоваться с женой,
 как поймать оленя и тигра.

— Ты так метко стреляешь, — сказала жена, — убей тигра и оленя,
 и все тут.

— Я уже пробовал стрелять в большого тигра с Южных гор и в высокого оленя с Северных. Их шкуры толсты и упруги, их не пробьешь стрелой! Нужны большие силки, а где их достанешь?

Подумала Ниэ, провела рукой по своим длинным волосам и говорит:

— Возьми мои волосы и сделай из них силки. — И с этими словами Ниэ отрезала свои длинные косы.

И — о, чудо! Не успела она их отрезать, как выросли новые. Ниэ опять отрезала их, и опять появились новые, словно шелковая нить кокона! — оборвешь ее, а нить снова появляется.

Не зная отдыха ни днем, ни ночью, муж и жена плели сетку, и вот через тридцать дней огромные силки с затяжной петлей были готовы. Поставили они силки в Южных горах у норы тигра. Проголодался тигр, вышел из норы и попал в силки. Стал он метаться, на спине катался и ревел так, что горы задрожали. Тогда муж и жена выкололи тигру глаза железной иглой, раскроили ему топором череп и потащили домой.

Затем пошли они в Южные горы и поймали высокого оленя.

¹ Перевод Г. Ярославцева.

Съел Яла мясо оленя и тигра, и в его теле прибавилось силы на целую тысячу цзиней. Сделал он лук из тигрового хвоста, натянул вместо тетивы жилу, выточил стрелу из рога оленя и поднялся на вершину горы. Натянул он лук, прицелился... Тэн — пропела стрела и понеслась прямо к луне. Вдруг из огненного диска луны пошел дым, и искры, разлетевшись по небу, превратились в звезды.

А стрела из оленьего рога, поразив луну, вернулась обратно и упала прямо в руки Яла. Он снова натянул лук и выстрелил в луну. Так он стрелял сто раз подряд. Все небо теперь было усеяно звездами, а луна стала круглой, как колесо, и вертелась в небе. Но она по-прежнему была раскаленной и посылала свой жар на землю. Посевы все так же засыхали, а лица у людей были желтыми и измученными.

Приуныл Яла, взял свой лук, спустился с горы и говорит жене:

— А луна все такая же горячая! Как же быть? Закрывать бы ее чем-нибудь, вот было бы хорошо!

Ниэ в это время как раз ткала парчу. Что за узоры на ней были! Красный домик, золотисто-желтое коричное дерево у ворот, стадо белых барашков и белый заяц на лужайке. Под деревом она вышила себя и хотела вышить еще Яла, когда услышала, что мужу надо чем-нибудь закрыть луну.

— Возьми этот кусок парчи, — сказала она мужу, — привяжи его к стреле из оленьего рога, запусти стрелу в небо да и закрой луну!

Яла так и сделал: привязал парчу к стреле и поднялся на вершину горы. Стрела пропела и понеслась к луне. С тех пор луна стала светить мягким белым светом, прозрачным, холодным и таким приятным! Люди под горой радостно засмеялись.

Яла стоял на вершине и, улыбаясь, глядел на луну. Вдруг он увидел, как изображение Ниэ на парче, коричное дерево, белые барашки и белый заяц — все ожило. Ниэ с луны помахала ему рукой, а Ниэ, которая стояла внизу, у ворот, легко поднялась и плавно полетела ввысь. Когда она достигла луны, две Ниэ слились в одну.

Увидел Яла, что Ниэ улетела на луну. Дрогнуло его сердце, и он как подкошенный сел на камень. Широко раскрыв глаза, глядел он на луну, и вдруг у него вырвался вопль:

— Ниэ, почему ты не выткала и меня на этой парче? Ниэ, спустись! Ниэ, спустись!

Ниэ даже заболела от волнения. Она заплела свои волосы в длинную-длинную косу и, когда луна поравнялась с горной вершиной, наклонила

голову и бросила косу на вершину. Ухватился Яла за косу, подтянулся, словно обезьяна, и взобрался на луну.

Крепко-крепко взялись они за руки, и так весело им стало!

С тех пор Ниэ ткет на луне под коричневым деревом парчу, а Яла присматривает на лугу за белыми барашками и белым зайцем. Сладкой как мед стала их жизнь.

— Видите черные тени на луне? Это Яла и Ниэ!

Цин-цин и Хун-хун

сказка народа ли

Давным-давно жил один император, и была у него дочь по имени Цин-цин. Выросла она умницей и красавицей. Все сановники и военачальники восхищались принцессой и всячески ей угождали, добиваясь ее руки. Одни посылали ей в дар драгоценности, другие демонстрировали перед ней свое военное искусство. Но принцесса разбивала вдребезги все подарки, а на военные состязания и смотреть не хотела. Никто не подозревал, что принцесса любила метельщика дворца Хун-хуна. Между тем Цин-цин придумала хитроумный план и поделилась им с Хун-хуном.

И вот Цин-цин неожиданно заболела, перестала есть и пить. Император созвал во дворец всех знаменитых лекарей, но никто не мог помочь принцессе. Цин-цин неподвижно лежала на постели. Тогда император приказал повесить указ, который гласил: «Кто сумеет вылечить принцессу, тот будет императорским зятем». Хун-хун тотчас же сорвал указ и вызвался помочь больной. Узнал об этом император, страшно разгневался и воскликнул:

— Знай, если ты не вылечишь мою дочь, тебе тотчас же отрубят голову!

— Ладно, — ответил Хун-хун.

Взял он чашку, налил в нее обыкновенной воды и подал Цин-цин. Принцесса выпила и тут же выздоровела.

— Это волшебное лекарство! — сказала она. Теперь Хун-хун должен был стать императорским зятем. Император был вне себя от гнева. Ведь Хун-хун простой метельщик. А тут еще завистливые придворные подливали масла в огонь. Поэтому император изменил свое решение: пусть сама принцесса сделает выбор, как она скажет, так и будет. Император

был уверен, что принцесса ни за что не согласится выйти замуж за Хун-хуна, и никак не ожидал, что она ответит:

— Поступи так, как обещал в своем указе.

От гнева император, как безумный, стал метаться по дворцу и кричать на принцессу:

— Если ты выйдешь замуж за Хун-хуна, я выгоню тебя вон!

Но принцесса твердо стояла на своем:

— Чтобы люди не перестали верить тебе, я должна выйти замуж за Хун-хуна.

Император еще больше рассвирепел. Забыв свою отцовскую любовь, он велел исколоть и разрисовать лицо Цин-цин и выгнал принцессу вместе с Хун-хуном. Молодых посадили в маленькую лодку и дали им с собой немного хворосту и пищи. Цин-цин тайком захватила лук и стрелы. Сорок девять дней носилась лодка по волнам, и наконец ее прибило к берегу. Это был уезд Янь-сянь на острове Хайнань. Тут изгнанники и поселились. Вскоре у них родились близнецы — мальчик и девочка. Вот от них как раз и пошел потом весь наш народ ли. Хун-хун из лука убил горного кабана. Цин-цин и Хун-хун питались его мясом и жили очень счастливо. И теперь, когда мы идем охотиться на кабанов, мы берем с собой лук и стрелы. На равнине кабанов было мало, и Цин-цин с Хун-хуном поднялись на гору Пяти пальцев. Принцесса не умела лазить по горам, она оступилась, из-под ноги покатился камень. Он ударился о большой камень у подножья горы, и принцесса увидела искру. Вернулась она домой, взяла два камня и стала их бить друг о друга. Полетели искры. До сих пор у нас пользуются кремнем и кресалом, чтобы высечь огонь. Однажды принцесса Цин-цин нашла в долине семена, смастерила деревянную соху и научилась обрабатывать землю. По сей день женщины нашего народа ли обрабатывают землю сохой. Посеяла Цин-цин рис, созрел он, но не было котла, чтобы сварить кашу. Сообразительная Цин-цин срубила бамбук, сделала сосуд, налила в него воды, положила рис и поставила на огонь. С тех пор люди у нас научились готовить рисовую кашу. У принцессы были очень красивые длинные серьги. По сей день женщины нашего народа носят красивые длинные серьги. На ногах у принцессы были серебряные браслеты. По сей день женщины нашего народа носят такие браслеты. Лицо Цин-цин было исколото и разрисовано, но Хун-хун считал ее очень красивой. С тех пор женщины народа ли стали раскрашивать себе лица¹.

¹ Этот обычай существовал в старом Китае, теперь он почти не встречается

Где же могила Хун-хуна и принцессы Цин-цин? А ее нет, потому что они не умерли. Только однажды пошел Хун-хун на охоту и исчез. Говорят, что он стал бессмертным и живет на самой вершине горы Учжишань. Если не верите, подойдите к горе и громким голосом крикните:

— Хун-хун! — И гора тихонько ответит вам: «Хун-хун!»

Но сколько бы вы ни искали Хун-хуна, вы его никогда не найдете. Принцесса Цин-цин тоже не умерла. Она превратилась в зеленую рощу, которая разрослась по всей горе. С тех пор народ ли поклоняется духу леса. Говорят, что этот дух и есть принцесса Цин-цин.

Есть в провинции Шаньдун уезд Линьцазы, так вот, в южной его стороне, в селении Синьдяньчжэнь, на восточном краю стоит небольшой храм. В том храме есть статуя красивой восемнадцатилетней девушки. В народе ее прозвали Лу-гу — Богиня печи, потому и храм называют храмом Богини печи. Вот что рассказывает легенда об отважной Лу-гу.

Уж и не знаю, при какой династии, в какую эпоху жил неподалеку от Синьдяньчжэня кузнец Чжан. Ничего у него не было, только молот большой да сильные ловкие руки. Они его и кормили. Бедным был кузнец, но добрым. Односельчане его любили и называли — учитель Чжан.

Рано потерял кузнец семью, как говорится, на середине пути. Много лет назад умерла жена, горевал он так, словно полнеба на него обрушилось. Где такому бедняку денег взять, чтоб во второй раз жениться? Только и есть у него руки, которые его кормят. Вот и жил кузнец бобылем.

Жил он с дочкой по прозванию Чжэнь-чжу¹. Все заботы на нем: и заработать, и за хозяйством присмотреть, и дочь растить — мать ей заменить. Долго ли, коротко ли, сровнялось дочке семнадцать годков. Расцвела она, ну прямо цветок в саду.

И вот что неожиданно-негаданно приключилось.

Лежало западнее Синьдяньчжэня селение Цзиньлиньчжэнь, к северу от него гора Фениксов — Фэнхуан-шань — высилась, поистине со-кровищница. Добывали в той горе тяжелые черные камни, их в плавильной печи на железо переплавляли — лучшего во всем мире не сыщешь.

¹ Чжэнь-чжу — жемчужина.

Вот и назвали ту гору Железной. Но о ту пору, когда кузнец жил, про эти камни из горы Фениксов никто и не знал. Лежали они себе в горе, и люди их не трогали. Но однажды приключилось удивительное событие. С того дня все и началось.

Как-то ночью на горе Фениксов вдруг вспыхнуло пламя, а из того пламени бык появился громадный, в чжан длиною, в восемь с лишком чи высотой. Не стал траву есть ту, что на горе росла, прямо на поля кинулся.

Днем и ночью топчет посевы бык, за день тридцать му вытопчет, за два — шестьдесят. Затревожились крестьяне, стали думать, как беде помочь, и говорят:

— Вытопчет бык все наши посевы, ветром холодным будем зимой питаться!

Старики да старухи твердят:

— Это небесный владыка наслал на нас кару за грехи, за то, что зло творим. Смириться надобно да хорошенько попросить железного быка, чтоб не губил нас.

Купили они мяса самого лучшего, курицу зарезали, на четыре подноса восемь чашек с жирной рыбой и мясом поставили. Опустились перед быком на колени, о пощаде молят. А бык и не слушает, по-прежнему днем и ночью посевы топчет.

Парни молодые злятся, кулаки сжимают, говорят:

— Чего там думать: святой это бык, несвятой — схватить его, и все тут.

Собрались парни разом, большие серпы взяли, острые топоры плотничьи и ну рубить быка, аж искры во все стороны разлетаются. Заболели у юношей руки, затупились ножи, а с железного быка, как говорится, хоть бы волосок упал.

Просили быка по-хорошему — не помогло, попробовали силой взять — тоже ничего не вышло. Запечалились люди. Одни советуют в город отправиться, жалобу начальнику уезда подать, другие говорят: без пользы это, раз уж народ не одолел злую силу, начальнику и подавно не справиться!

После решили все же идти в уезд, помощи просить. Выбрали миром несколько человек, с жалобой в Линьцзысяньский ямынь отправили.

Начальником уезда о ту пору У Тянь-ли был. Одна у него забота: чины да богатство, про народ и не вспоминает. Услыхал он о железном быке и думает: «Вот случай славу добыть». Посоветовался он с чиновниками

и указ издал: кузнецам всего уезда за пять дней железного быка усмирить. А кто отлынивать вздумает — того наказать по всей строгости.

Дошел тот указ до учителя Чжана и других кузнецов, не осмелились они перечить, все дела бросили, стали думать, как железного быка усмирить. Решили они большую плавильную печь сложить, быка в нее загнать.

Пять дней, пять ночей бушует пламя, а с железного быка хоть бы волосок упал. Не стал начальник уезда, как это говорят, разбираться, где синее, где красное, где черное, где белое, велел дать кузнецам по сорок палок. Потом выбрал двух самых искусных, прибавил им еще пять дней срока, пригрозил голову снести, коли не усмирят быка.

Услыхала Чжэнь-чжу о приказе начальника, тяжесть камнем легла ей на сердце. Ни днем, ни ночью не отходит отец от плавильной печи. Понесла она ему еду, смотрит — лица у мастеров хмурые, к еде никто и не притронулся. Подошла девушка к печи, заглянула: стоит в печи железный бык, страшный такой, головой трясет, изо рта черный дым валит. Думает девушка: «Вот беда на крестьян свалилась. Не усмирят его, так не только отца, всех кузнецов жизни лишат, бык все посева вытопчет, людям есть будет нечего».

Вспомнила тут Чжэнь-чжу, как бабушка ей маленькой про девушку рассказывала, которая в печь бросилась, чтоб помочь людям железо расплавить, и думает: «И я бы жизни не пожалела, только бы быка одолеть, по крайней мере, умерла бы не зря».

Отвязала девушка ленту, которой носки у щиколотки завязывала, на бычий рог бросила. Что за диво! Красным стал рог, вмиг расплавился. Увидела это Чжэнь-чжу, стиснула зубы, изловчилась, в печь прыгнула, никто удержать ее не успел. Кинулись кузнецы к печи, да поздно: бушует пламя, а Чжэнь-чжу стоит, крепко-крепко за быка держится. Минуты не прошло — расплавился бык, ну прямо снежный ком на солнце, обмяк и свалился. Утихло пламя. Ни девушки, ни быка в печи не было, всю ее красный, как огонь, металл заполнил.

Горюет учитель Чжан по своей любимой дочери, уж так убивается, что и не расскажешь, и кузнецы плачут, слезы льют: жалко им храбрую девушку.

Услыхал начальник уезда, что народ от беды избавился, что послушная дочь жизни не пожалела, чтоб отца спасти, решил себе в заслугу это поставить. Вскочил на коня, в Синьдяньчжэнь помчался. Подошел к печи, внутрь заглянул. Тут из печи черный дым повалил прямо в лицо началь-

нику. Отскочил начальник, на спину упал. Кинулись к нему стражники, подняли, смотрят — нет у начальника глаз, их черный дым выел. А расплавленный металл, как огонь красный, мало-помалу в большую железную болванку превратился.

Не забыли люди юную Чжэнь-чжу, которая своей смертью их спасла. В память о ней храм построили, в храме статую установили и прозвали ее Лу-гу — Богиня печи. В праздник, будь то зима или лето, весна или осень, приходят люди в храм, Богине печи поклониться.

У входа в храм две доски висят, на них начертано: «Слава тому, кто ради спасенья людей смело в огонь прыгнул!»

Есть близ города Чжаочжоу два моста. Большой каменный, тот, что южнее города, Лу Бань построил; Малый каменный, тот, что к западу, — младшая сестра Лу Баня, по прозванию Лу Цзя.

Странствовали однажды Лу Бань с сестрой по Поднебесной, к городу Чжаочжоу прибыли. Издалека видны его желтые стены, да не так просто в город войти, река Сяохэ на пути бурлит да пенится. Народу на берегу видимо-невидимо: торговцы зерном, тканями, финиками, перевозчики хлопка, сена. Кто с коромыслом на плече, кто с ослом на поводу, кто с тачкой — все на ярмарку при храме спешат. Кричат, шумят, каждому охота поскорее на тот берег перебраться, в город попасть. Течение на реке сильное, а только две лодочки по ней ходят, не успевают людей с берега на берег перевозить. Ждут люди, ждут, аж терпенья не хватает, и давай ругаться.

Поглядел на это Лу Бань и спрашивает:

— Отчего вы мост через реку не построите?

У кого ни спрашивали, все одно и то же отвечают:

— Уж больно широка Сяохэ — целых десять ли — да глубока — дна не достанешь! А водоворотов сколько! Во всей Поднебесной не сыщешь мастера, который бы мост через Сяохэ соорудил.

Услыхали это Лу Бань с сестрой, решили два моста здесь построить. А Лу Цзя, надобно сказать, куда ни придет, везде слышит, как брата хвалят за ловкость да уменье. Взяла девушку досада, и решила она на этот раз с братом потягаться. Пусть, говорит, каждый из нас по мосту выстроит. Поглядим, кто быстрее!

За работу решили приняться, как стемнеет, а на рассвете, с первым криком петуха, закончить. Кто не управится, тот проиграл. Договорились брат с сестрой, готовиться стали. Лу Бань должен был построить мост к югу от города, Лу Цзя — к западу.

Пришла Лу Цзя к тому месту, где надо было ей мост строить, за дело принялась. К полуночи управилась и думает: «Я верх взяла». Подумала так девушка, пошла посмотреть, что Лу Бань делает. И что бы вы думали? Пришла девушка, видит: река как текла, так и течет, берег как стоял, так и стоит. Моста и в помине нету. Да и Лу Бань неизвестно куда девался.

Запечалилась девушка, вдруг смотрит — с далеких гор Тайханшань человек спускается, большое стадо овец гонит. Толкаются, друг на дружку на скакивают, прямо к девушке бегут. И уж когда совсем близко были, увидела Лу Цзя, что не овцы это — белоснежные камни блестящие, а человек тот не кто иной, как ее брат Лу Бань. Увидела Лу Цзя камни — похолодела вся. До чего же хороши! Какой прочный и красивый мост из них получится! С ее мостом и не сравнить! Думает девушка: «Непременно свой мост переделаю». Подумала она так, к мосту побежала. Принялась на перилах цветы вырезать, травы дивные, Волопаса и Ткачиху, феникса, летящего к солнцу. Поглядела Лу Цзя на свою работу, осталась довольна. Да не стерпела, опять побежала поглядеть, что брат делает. У Лу Баня тоже дело к концу подходило, осталось два последних камня на краю моста уложить. Увидела это Лу Цзя, затревожилась, дважды по-петушину прокричала тоненьким-тоненьким голоском. Вслед за ней деревенские петухи свою перекличку начали. Услыхал Лу Бань петушиное пенье, быстро два последних камня уложил, вот и мост готов!

Так появилось на реке два моста. Один, большой да широкий, стали звать Большим каменным мостом, другой, тот, что Лу Цзя строила, узорчатый да легкий, — Малым каменным мостом. До сей поры в окрестностях Чжаочжоу, коли надобно девушке узор для туфель или для подушки выбрать, мать ей говорит:

— Иди за Западные ворота, погляди узоры на перилах Малого моста!

Так за одну ночь был в Чжаочжоу построен Большой каменный мост, очень прочный и очень красивый. Весть об этом разнеслась по всей округе, даже до восьми бессмертных с острова Пэнлайдао дошла. А один из них, по прозванию Чжан Го-лао, был большим охотником до всяких происшествий. Узнал он про диво дивное, вывел своего осла с черной

отметиной на лбу, кожаные мешки на него навьючил, в левый положил солнце, в правый — луну. Потом Чай-вана кликнул¹, взял Чай-ван свою тачку с золотыми спицами и серебряными ручками, погрузил на нее четыре горы высоченные, и отправились они в путь. Подошли к Чжаочжоускому мосту, Чжан Го-лао и спрашивает громким голосом:

— Кто этот мост строил?

Лу Бань в это время как раз мост осматривал, услышал он голос и отвечает:

— Я строил, а что? Не так построил, как надо?

Указал Чжан Го-лао рукой на осла да на тачку и спрашивает:

— Можно проехать, мост не обрушится?

Расхохотался тут Лу Бань и говорит:

— Мулов и лошадей выдерживает, что ж об осле и тачке толковать? Проезжайте, не бойтесь!

Улыбнулись Чжан Го-лао и Чай-ван, на мост взошли, — один на осле верхом сидит, другой идет — тачку перед собой толкает. Закачался мост, того и гляди рухнет. Видит Лу Бань — плохо дело, прыгнул под мост, обеими руками его подпер. Потому и не рухнул мост. Выдержал тяжесть, еще крепче стал. Только южный его край чуть к западу сдвинулся.

По сей день видны на Чжаочжоуском мосту следы восьми ослиных копыт да борозда от тележки Чай-вана, а под мостом сохранились отпечатки рук Лу Баня. В прежние времена под Новый год продавались картинки, где был нарисован Лу Бань, поддерживающий мост.

А Чжан Го-лао проехал мост, обернулся к Лу Баню и говорит:

— Жаль мне твои глаза!

Подумал Лу Бань: «Глаза есть, а бессмертного не распознал», — и устыдился. Вырвал он у себя один глаз, у края моста положил, прочь пошел. Проходил после по мосту Ма Юй-эр², подобрал глаз, в лоб себе вставил.

Лу Бань считается первым учителем плотников, поэтому и сейчас плотник, когда хочет проверить ровность и точность линий, один глаз прикрывает. А статую Ма Юй-эра стали делать с тех пор с тремя глазами.

Не забыли люди, что это Лу Бань построил чжаочжоусцам Большой каменный мост, и по сей день мальчишки-пастухи распевают:

¹ Чай-ван — легендарный святой

² Ма Юй-эр — один из бессмертных святых.

Кто построил в Чжаочжоу
Мост из белых валунов?
На осле верхом проехав,
Кто на запад сдвинул мост?
И от чьей тяжелой тачки
На мосту остался след?

Это наш Лу Бань построил
Мост из белых валунов.
На осле верхом проехав,
Чжан Го-лао сдвинул мост.
Прокатил Чай-ван тележку —
На мосту остался след¹.

¹ Перевод Г. Ярославцева.

Император приказал Лу Баню построить большой дворец, для постройки требовалось много крупных бревен. Послал Лу Бань своего старшего ученика в Южные горы деревья рубить, а было это в то время очень трудным делом. Ведь у людей еще не было пилы, а с топором провозишься больше десяти дней и свалишь лишь несколько сот деревьев. Кирпич, черепица и камень давно были приготовлены. Император выбрал счастливый день для начала работ и торопит Лу Баня: «Промедлишь еще три дня, прикажу голову тебе отрубить!»

Забеспокоился мастер, сам отправился в горы поглядеть, как идут дела. Южные горы очень крутые, трудно на них взбираться; только хватаясь руками за травы и корни деревьев, люди шаг за шагом прокладывали себе дорогу. Лу Бань карабкался по горам, держась за листья сьмаоцао¹. Но вот он неловко повернулся и поранил себе палец, из него потекла кровь. «Как такая маленькая трава могла разрезать человеку руку?» — удивился Лу Бань. Думал он, думал, как это произошло, но так и не смог разгадать загадки. В сумерках, спускаясь с горы, сорвал Лу Бань одну травинку. Осмотрел ее и все понял: по краям листика шли маленькие, очень острые зубчики. Чуть заденешь за зубчик, сразу порежешься. «А что, если сделать пластинку из железа с такими краями, — пришло ему в голову, — наверняка можно будет ею деревья валить».

Лу Бань вместе с кузнецами выковал несколько сот таких железных полос с маленькими зубчиками по краям и управился со всей работой в лесу за три дня.

¹ Сьмаоцао — высокая трава, растущая в горах, по виду несколько напоминает тростник

Рассказывают, что в древние времена ось жернова делалась вместе с нижним жерновом из одного камня. Сотрется ось — и весь жернов приходилось выбрасывать. Только потом один умный мастер предложил ось эту делать отдельно, из дерева. Сотрется одна ось, заменяют ее другой, а самого жернова не трогают.

Вот что об этом рассказывают:

Был у Лу Баня самый любимый ученик — Чжао Цяо, очень смекалистый.

Вот как-то раз строили ученики Лу Баня в горах великолепный храм. Время приближалось к обеду, ученики почувствовали голод, работа у них не спорилась, но все молчали. Тогда умный Чжао Цяо побежал в дом учителя спросить насчет обеда, а учителя дома не оказалось, и он обратился к его жене:

— А учитель где?

— Ушел в горы вырубать жернов, — ответила жена.

— Обед готов? — осведомился тогда Чжао.

— Обед? Нет, еще и зерно не перемололи, — отвечала жена учителя.

— Муки нет. Как же быть? У братьев животы подвело от голода, не могут работать, — забеспокоился Чжао Цяо.

— Что я могу поделать? — безнадежно сказала старуха — Твой учитель велел подождать, пока он не высечет жернов и не притащит его домой. Тогда только намелем муки и будет обед!

— Ух, как долго ждать! Боюсь, как бы не умерли мы с голоду! — сказал Чжао Цяо и ушел. И вдруг пришла ему хорошая мысль. Вернулся он к товарищам, взял топор, пилу, молоток и бурав, захватил коротенький

деревянный колышек и направился к старому, пришедшему в негодность жернову. Снял верхний жернов, просверлил отверстие в нижнем, вставил в отверстие деревянный колышек, подогнал его хорошенько и соединил жернова. Потом он принес пшеницу и начал молотье...

Не скоро вернулся Лу Бань с одним из своих учеников с новым жерновом. Подходит мастер к дому, а его ученики уже обедают.

Не обратил он внимания на их приветствия и сразу спросил:

— Вы едите лапшу, а откуда муку взяли?

— Это Чжао Цяо намолот, — ответила жена.

— А на каком же жернове? — спросил учитель.

— А на нашем старом, что валялся за домом, — поспешил ответить

Чжао Цяо.

— Ведь у этого жернова ось стерлась!

— А я заменил каменную ось деревянным колышком.

Услышал Лу Бань, что сказал Чжао Цяо, и, забыв об обеде, бросился к старым жерновам. Взглянул на них — и не смог не воскликнуть от удивления.

С тех пор неподвижную каменную ось люди не вытаскивают из одного камня с нижним жерновом, а делают отдельно деревянную ось, которую можно заменить в любое время. Благодаря этому много-много старых негодных жерновов опять пустили в дело.

Захотел мастер Лу Бань построить самый красивый дом на земле. Но каким должен быть этот дом? Как ни искусен был мастер Лу Бань, но не мог он себе представить самый красивый дом на земле.

— Говорят, нет на свете ничего красивее дворца царя драконов Восточного моря, вот и нужно взять его за образец, — сказал один из учеников Лу Баня.

— Правильно, пойду попрошу у него дворец, — согласился Лу Бань и отправился к царю драконов.

Подошел он к берегу Восточного моря и рассказал царю драконов, зачем пришел. Подумал царь драконов и говорит:

— Хорошо, дам я тебе мой дворец, только через три дня ты должен будешь вернуть его обратно.

Мастер Лу Бань забрал с собой дворец дракона и ушел. А дворец был действительно прекрасен: красные кирпичные стены, зеленая черепичная крыша, углы которой взлетают высоко-высоко вверх. В главном зале восемь высоких стройных колонн, двери и окна украшены резьбой, а расписные карнизы — точно морские волны. Величествен и наряден дворец царя драконов! По этому образцу и начал строить мастер Лу Бань.

В первый день Лу Бань и его ученики с большим трудом установили балки, на другой день стали возводить стены. Но дворец царя драконов был так огромен, углы крыши так причудливо изогнуты, карнизы так затейливо расписаны, двери, окна, черепичные желоба покрыты такими узорами, что, работай хоть день и ночь, все равно не успеешь за три дня все сделать. Близился вечер третьего дня, и ученики спросили Лу Баня:

— Сегодня вечером царь драконов отберет свой дворец. Что мы будем делать?

Лу Бань подумал и ответил ученикам:

— Такой дворец не для царя драконов, в нем должны жить люди. Я дам вам сейчас по три кола, и вы прибейте ими дворец к земле.

Ученики так и сделали, вбили они в землю большие колья, а Лу Бань подвесил к загнутым углам крыши медные колокольчики.

Поздно вечером царь драконов Восточного моря послал свое войско — рыб, раков, крабов и драконов — за дворцом. Когда войско приблизилось, поднялся ветер и полил дождь: колокольчики, подвешенные к крыше, зазвенели. Подошло драконово войско, хотело поднять дворец, да не смогло. Зашли тогда они с западной стороны, навалились что есть силы, да не смогли сдвинуть дворец с места. Стали по углам, рванули изо всех сил, но не оторвали его от земли.

Ни поднять, ни сдвинуть, ни оторвать от земли — ничего не могут. А тут уж и третью ночную стражу пробили, потом еще два часа пролетело, вот-вот солнце покажется. Забеспокоились драконы, рыбы, раки и крабы, забегали вокруг дворца. Маленький дракончик забрался на крышу, карпы шлепали хвостами у дверей, раки перелезли через стены, а крабы поползли прямо напролом. Но дворец и на чи не сдвинулся, только колокольчики звенят. В это время запел петух, и медленно-медленно начало подниматься солнце. В лучах его умер маленький дракон, что забрался на крышу: голова его задралась кверху, тело вытянулось по скату и застыло, а хвост высох и поднялся высоко к небу. Карпы тоже не вынесли солнечного света, как бились, так и пристыли они к дверям, выпустив свои белые глаза.

Когда совсем рассвело, учитель Лу Бань и его ученики подошли к дворцу, и еще красивей он им показался. Слепили они из глины дракону голову, выжгли из черепицы драконов хвост, выковали из меди дверные ручки наподобие карпов и укрепили все на тех же местах.

И с тех пор в Китае стали строить такие дворцы.

В Пекине стена Запретного города имеет на углах четыре красивые башни. Прогуливаясь под стенами города или по берегу канала, пекинцы невольно замедляют шаг, с удивлением и восхищением разглядывая башни. И чем больше человек смотрит на них, тем больше пленяют его игра красок и переплетение узоров, даже не верится, что башни эти сделаны из обыкновенного дерева, кирпича и камня. Качая головами, люди говорят:

— И кто это придумал такое!

Все жители Пекина знают, что эти башни держатся на девяти стропилах, восемнадцати столбах и семидесяти двух балках. Вот такая существует легенда об этих башнях.

Рассказывают, что, когда только возводили стены Запретного города, этих четырех башен не было.

В какую-то ночь одному из императоров приснился сон. Увидел он во сне городскую стену, а по углам ее четыре красивые башни, и очень захотелось императору построить такие башни. Проснулся он и приказал своим придворным, ведавшим строительными работами, соорудить по углам Запретного города четыре башни, точь-в-точь такие, как те, что привиделись ему во сне. Выслушали придворные приказ, призвали дворцовых мастеров, каменщиков и плотников, и велели им поставить четыре башни. И чтобы в каждой было по девять стропил, восемнадцать столбов и семьдесят две балки, как у тех башен, что видел император во сне. Хорошо построят — получают награду, плохо — не сносить им головы.

Выслушали восемь мастеров волю императора, обрадовались поначалу, надеясь, что смогут разбогатеть. Недолго думая, первый мастер

взялся за работу. «Чем причудливее будут выглядеть башни, тем больше они понравятся императору», — решил он. Вернулся к себе, посоветовался с работниками, велел им стараться изо всех сил, не жалеть материала и построить богатые величественные башни. Не прошло и трех месяцев, как пришел он сдавать работу. Мастер был уверен, что император останется доволен. Не думал мастер, что император лишь взглянет, покачает головой и повелит казнить его.

Пришлось второму браться за работу, он приказал строителям делать все тонко и искусно. И действительно, башни получились красивее, чем в первый раз. Кто мог знать, что император взглянет на них, покачает головой и прикажет казнить второго мастера.

Так и пошло: построят башню — не понравится; построят снова — опять недоволен император. Так один за другим были казнены семь дворцовых мастеров. Наконец пришла очередь последнему, восьмому, за работу браться. «Не сносить мне головы...» — думает он, но все же начал строить, да о работниках хорошо заботился. Грустно было на душе у мастера, не мог он ни есть, ни спать. И помощники его в печали брови сводят.

Приближался срок завершения работ. Стояли жаркие июньские дни. Нечем было дышать, а на сердце строителей было еще тяжелее. Работа не ладилась, топоры и мастерки валялись из рук. Перекусят и спят все. В тот день не мог уснуть только маленький ученик Ван Сань. Вдруг услышал он за воротами пение цикад и выбежал поглядеть. Это, оказывается, остановился у ворот старик с палкой на плече, а на палке у него висят корзиночки с цикадами. «Всем так грустно, — подумал Ван Сань, — куплю-ка я цикаду, чтобы развеять тоску». Выбрал он цикаду и хотел было посадить ее в первую попавшуюся корзиночку, но вдруг увидел среди них одну, сплетенную из красной гаоляновой соломы. Она была красива и изящна, словно башенка; сидело в ней несколько цикад.

— Сколько просите за эту корзиночку? — спросил мальчик у старика.

Старик покачал головой и ответил:

— Эта не продается, она у меня для образца.

Очень понравилась маленькому ученику эта корзиночка, не может он ее из рук выпустить. Тогда сжалился над ним старик и сказал:

— Ну, уж раз она тебе так понравилась, сынок, дарю ее тебе! Плати только за цикад.

Радости мальчика не было конца, он схватил корзиночку и вприпрыжку побежал во двор. Когда вернулся к воротам, чтобы отдать старику деньги, того уже и след простыл.

Застрекотали цикады и разбудили всех.

— И так тяжело на сердце, а ты тут еще цикад принес, людей только тревожишь, — недовольно проговорил мастер.

— Из печали башню не выстроишь. Взгляните на эту корзиночку с цикадами, до чего она хороша! — ответил мальчик.

Поднялись работники, осматривают корзиночку, действительно тонкая работа.

Вдруг один из работников восторгнулся: корзиночка показалась ему похожей на те башни, которые привиделись императору во сне. Чем внимательней смотрел он на корзиночку, тем больше казалась она ему похожей на ту башню. Потом он пересчитал соломинки и чуть не запрыгал от радости. Хлопнул себя по ноге и сказал:

— Разве здесь не девять стропил, восемнадцать столбиков и семьдесят две балки?

Обрадовались все и стали по очереди пересчитывать соломинки:

— Вот удача! Построим такие башни, не ошибемся!

Так они и сделали, выстроили четыре башни по образцу корзиночки. Взглянул на них император — точь-в-точь как те, что он во сне видел. Очень доволен остался. А строители потом вспоминали об этом и говорили:

— Это наш покровитель Лу Бань выручил нас.

Жил на свете один бедный мальчик, звали его Тай-шань. Когда ему исполнилось четырнадцать лет, его послали в обучение к плотнику Лу Баню. А у плотника этого было правило: каждый ученик должен был сначала поработать несколько лет у него в доме, и только после этого Лу Бань начинал обучать его ремеслу. С самого детства Тай-шань был очень смышленным и теперь стал думать: «Я пришел сюда, чтобы учиться, зачем же выполнять различные поручения по дому?» Думал он, думал и придумал хитроумный план. С тех пор Тай-шань стал нарочно разбивать чашки, горшки, чем очень сердил жену плотника. Но вот наконец приехал еще один ученик, и жена Лу Баня отпустила Тай-шаня в мастерскую.

В то время Лу Бань славился на всю Поднебесную. Учеников у него было очень много, и обучать каждого в отдельности он не мог. Поэтому во время работы ученики стояли рядом и смотрели, что он делает. Много вопросов задавать им не разрешалось. Однако Тай-шань очень часто задавал вопросы. То об одном спрашивал, то о другом. «Этот топор очень тяжел и неудобен, — скажет он, бывало, — нельзя ли переделать его так, чтобы он был легким и удобным? Этот верстак чересчур длинный, нельзя ли сделать его немного короче?» Часто его вопросы так злили Лу Баня, что он хватал какой-нибудь инструмент и, зло тараща глаза, кричал:

— Ах ты, болван! Глупец! Всю жизнь я работаю именно так! Не спрашивай больше ни о чем, не то я тебя выгоню!

Однажды утром Лу Бань с несколькими учениками отправился в горы рубить деревья. Когда они проходили через густую бамбуковую рощу, Тай-шань не выдержал и сказал:

— Учитель, взгляните, здесь так много хорошего бамбука. Он покрывает все горы. Разве он не годится для нашей работы?

Услышал это Лу Бань и очень рассердился:

— Разве настоящие плотники делают что-нибудь из этого бамбука? Когда ты перестанешь задавать мне всякие дурацкие вопросы? Мне не нужен такой глупый ученик. Забирай свои вещи и убирайся!!

Так учитель и выгнал Тай-шаня...

Окрестные помещики часто приглашали Лу Баня к себе работать. В пути его нередко заставляли дождь и ветер, поэтому он построил вдоль дороги много беседок. Однажды, когда Лу Бань возвращался домой с работы, его застала гроза, и он побежал прятаться в беседку. Радостно стало у него на душе: «До чего же я умен, понастроил беседок и теперь не боюсь никакого дождя». Дождь шел до самого вечера. Стало холодно. Лу Бань замерз и проголодался. Вдруг он увидел человека. В руках у него была какая-то круглая вещь, которую он держал над головой, чтобы укрыться от дождя. «Какой умный человек! Выдумал такую хорошую штуку. Я всю жизнь работаю, а выдумал всего лишь беседки, которые не возьмешь с собой. Кто же этот человек? Попрошу-ка я его поучить меня». Человек вошел в беседку, сложил свою круглую штуку, низко поклонился Лу Баню и сказал: «Учитель!» Лу Бань удивился, внимательно посмотрелся и вдруг увидел, что это — дурак Тай-шань, которого он когда-то выгнал. Горько и обидно стало ему, и он сказал:

— Есть у меня глаза, а горы Тай-шань не заметил!

Затем он вытащил из своего мешка уровень и выбил себе один глаз. С тех пор плотники, когда проверяют, ровно ли оструганы доски, прищуривают один глаз. А круглая штука, которую сделал Тай-шань, — самый обыкновенный зонтик. Тай-шань, после того как его выгнал учитель, не устанно думал над тем, что можно сделать из бамбука. И придумал очень много полезных вещей.

Отправились в старину два брата в горы охотиться. Облюбовали небольшое ущелье, в котором ручей был, и стали каждое лето над пропастью жерди класть, в каждую жердь с двух сторон по деревянному колышку вбивали, чтоб не упала. Бегают ласки да лисы по жердям, шныряют, с горы на гору прыгать не надо.

А как выпадет иней, шерсть у лис и ласок снова отрастет, привяжут братья к каждому колышку по ловушке да еще камешек снизу пристроят. Зверь пойдет, в ловушку попадет, в воду упадет, захлебнется. Братья шкурки продадут и живут безбедно.

Но вот однажды в тридцатый день двенадцатой луны снег повалил, все горы укрыв. На равнине лежит в три чи толщиной. Взял старший брат сани, в селенье поехал. Привез вина немного, мяса. Наделали они пельменей, приготовились Новый год на славу встретить. Пельмени налепили, а время варить не подошло, вот и подумал старший брат прогуляться, в чужой шалаш за десять ли отправился. Остался младший брат один. Ждал, ждал, старший брат все не возвращается. Налетел тут ветер, подхватил меньшого брата, завертел, закрутил, ну ровно свиток бумажный, неведомо куда отнес. Открыл юноша глаза, смотрит — перед ним пещера горная. В пещере кан широкий, на кане девушка сидит. Не ведает юноша, куда его занесло, хотел прочь пойти, а девушка его и спрашивает:

— Ты куда идешь?

Отвечает юноша:

— Домой, к своему шалашу.

Опять спрашивает девушка, спокойно так:

— А дойдешь?

Рассердился юноша и говорит:

— Отчего же не дойти?

Сказал он так, к двери подошел, хотел бежать, да не тут-то было. Вниз глянул — обомлел. Пещера та, оказывается, на осыпи каменной по самой середине горы расположена. Вверх посмотришь — вершины не видать, вниз поглядишь — дна не рассмотришь. Ни назад дороги нет, ни вперед. Затревожился меньшой брат, не знает, как быть, заплакал горько и говорит:

— Сестрица, а сестрица, хоть каплю доброты яви, помоги мне отсюда выбраться!

Слезла девица с кана, подошла к юноше, платочек вытащила, слезы ему вытерла, засмеялась весело и говорит:

— Уж раз пришел — не суетись. Поживи здесь немного!

Не слушает меньшой брат девушку, пуще прежнего плачет, свое твердит:

— Я домой хочу! Все едино ворочусь!

Говорит девушка:

— Куда ж ты пойдешь? Ведь последний день старого года нынче. Вот встретим с тобой вместе Новый год, а после потолкуем.

Сказала так девушка, на каменный стол рукой указала, а там и рыба, и мясо, и вино, и рис — чего только нет! Поглядел юноша на стол, еще сильнее загрустил. Топнул ногой и говорит:

— Я домой хочу! Все едино ворочусь!

Еще ласковее говорит ему девушка:

— Ты погляди, какой снег! Придешь в свой шалаш, что делать будешь? Поживи лучше здесь!

Смотрит юноша: постель вся шелком да атласом убрана, еще пуще слезами заливается. Как ни уговаривает его девушка — все напрасно. Вытащила она тогда тихонько веер маленький, три раза помахала за спиной у юноши, вмиг успокоился юноша, не плачет больше. Вытерла ему девушка слезы, сели они вместе, есть да пить стали, мужем и женой сделались.

Живет юноша в пещере пятнадцать дней, пятнадцать ночей, о доме родном и думать забыл, о старшем брате и подавно. Вот и пятнадцатый день нового года наступил, он днем юаньсяо зовется. Пужинали юноша с девушкой, дала она ему одежду новую и говорит:

— Много дней прожил ты здесь, сердце небось тоска гложет, нынче праздник Середины первого месяца, давай сходим на равнину, повеселимся, на праздничные фонари поглядим.

Обрадовался юноша. Родился он в глухих горах, отродясь праздника Фонарей не видел. Зажмурил юноша глаза, как девушка велела, чувствует, будто ветер ему по ногам дунул, кто-то в воздух его поднял и вмиг на землю опустил.

Открыл меньшей брат глаза: что за веселье вокруг! Харчевни, винные лавки, торговцы круглыми блинами — люду разного и не счесть. Одни из хлопущек стреляют, другие возле лотков стоят, торгуют, третьи на ходулях ходят. А уж до чего нарядно одеты, так и не расскажешь: платья всех цветов да фасонов, на любой вкус. Фонарей, что по улицам носят, каких только нет! О семи звездах, о восьми углах, с девятью сыновьями, с восемью бессмертными, с птицами разными, с мячами вышитыми, со львами, с аистами... А один фонарь — дракон светящийся, его целая толпа на палках носит. Маленьких цветных фонариков видимо-невидимо. Глядит на них меньшей брат, будто замороженный, чуть не кричит от радости. Только держит его девушка крепко за руку, ни с кем разговаривать не велит, от себя ни на шаг не отпускает. Нагляделись они на фонари, девушка ему и говорит:

— Закусить бы надо!

И повела она юношу в большую винную лавку, отдала ему веер, наказала пуще ока его беречь, чтоб не потерялся. А в винной лавке шум, гам, кто в трубу дует, кто на струнах бренчит, кто костяной пластинкой струны щиплет, кто поет, кто на пальцах загадывает¹, кто арии исполняет, кругом яркие фонари да свечи восковые горят — так и сверкают огнями. От шума этого, от суматохи уши у меньшого брата не слышат, глаза не видят. Как за еду принялись, меньшей брат по забывчивости веер на стол положил. Тут откуда ни возьмись парень чернолицый мимо промчался — хватить веер! Увидела это девушка, аж в лице изменилась, помчалась наверх, давай с тем парнем драться. И так отнимает, и эдак отбирает, никак отнять не может. Сбежала она вниз и вдруг пропала — струйка дыма легкая. Поднялся тут меньшей брат, тоже стал с тем парнем драться, гоняются друг за дружкой, все столы в лавке вверх ногами перевернули,

¹ Традиционная китайская застольная игра, состоящая в отгадывании числа пальцев, выбрасываемых двумя игроками.

пол рисом да закусками испачкали. Собрался вокруг народ, смотрит. Вскороности обоих в ямынь отвели.

Слуга из лавки, тот, что вино разносит, показал, что веер и впрямь меньшому брату принадлежит. Взял судья веер, юноше отдал. А чернолицый не унимается, кричит во все горло, что его это веер — и баста! Рассердился судья, ударил колотушкой деревянной по столу, как закричит:

— Ясно мне, что ты в винной лавке грабеж учинил, и свидетели это подтвердили, и доказательства налицо. Как же ты смеешь перечить да отпираться?

Говорит чернолицый:

— Коли это и впрямь его веер, пусть скажет господину, что на том веере нарисовано. Скажет — тотчас вину свою признаю.

Стал чиновник меньшого брата спрашивать, а тот и не знает. И пришлось юноше напоследок все как есть чиновнику рассказать. Обернулся тогда судья к чернолицему, спрашивает:

— Ну а ты знаешь, что на веере нарисовано?

— Я, ничтожный, могу сказать. Гора Чанбайшань нарисована, высокий утес каменный да пещера, которая в воздухе висит. В той пещере огромный корень вырос!

Развернул чиновник веер — и впрямь все так и есть, как сказал чернолицый.

Спрашивает судья:

— Ну а польза какая от этого веера?

Отвечает чернолицый:

— По рисунку этому корень отыскать можно. Это старый женьшень, тысяча лет ему, он уже оборотнем сделался. Я как увидал в лавке ту девицу, сразу понял, что она оборотень.

Прозрел тут чиновник и говорит:

— По-моему, веер этот теперь больше не нужен. Идите-ка вы в горы женьшень искать. Нынче пятнадцатое число, праздник, вечером и так дела много, некогда с вами разбираться.

Тут что-то на пол упало — это чиновник веер бросил. Забил барабан, и чиновник покинул ямынь.

В первом месяце все горы снегом да льдом облепило. Где теперь тот женьшень искать?

Так и не отобрал меньшей брат у чернолицего веер и решил обратно в горы податься. Много дней шел он, много ночей, десять гор больших

одолеет, еще на одну поднялся, пока шалаш свой отыскал и старшего брата увидел. Рассказал меньшей брат про все, что с ним приключилось, понял тут старший, что меньшого женьшень-оборотень опутал. Велел он брату в горах охотиться, а про девушку ту больше не вспоминать.

А девушка домой добралась, вечера дождалась, послала ветер за меньшим братом. Опять принес ветер меньшого брата в каменную пещеру. Увидал юноша девушку, спрашивает:

— Ты зачем опять меня к себе затащила?

Отвечает девушка:

— Мне с тобой поговорить надобно.

Спрашивает юноша:

— Это правда, что ты женьшень-оборотень?

Отвечает девушка:

— Правда.

Говорит ей юноша:

— Слышал я, будто все живое и неживое, что в оборотня превращается, зло человеку приносит.

Спрашивает девушка:

— Да разве я хоть какое-то зло тебе причинила?

Говорит юноша:

— Ну а в тот раз ты зачем меня искала?

Отвечает девушка:

— Потому как судьба нам вместе быть.

Говорит юноша:

— А коли судьба, пойдем ко мне домой жить.

Отвечает девушка:

— Нельзя! Как пропал веер, так связь наша навеки разрушилась! Должна я уйти отсюда!

Сказала так девушка, стала слезы утирать.

Глянул на нее юноша, запечалился и спрашивает:

— Куда же ты теперь пойдешь?

— В горах места много, где захочу, там и буду жить.

Спрашивает юноша:

— А увидимся мы когда-нибудь?

Отвечает девушка:

— Запомни крепко: горы зеленые, речка текучая, налево осыпь, направо ущелье, посредине трава да деревья — там и будет мой дом.

Ночь прошла, утро настало. Проводила девушка меньшого брата. Запечалился он и говорит:

— Должны мы с братом весною домой воротиться.

А девица тоже грустно так ему отвечает:

— Как пойдете, с этой осыпи каменной вниз спускайтесь, я кой-что подарю вам, чтоб нужды не знали да меня не забывали.

Вот и растопился в старом дремучем лесу лед, снег растаял, почки на деревьях раскрылись, птицы запели, друг с дружкой состязаются. Собрали братья шкурки, в долину отправились. Идут через утес каменный, смотрят — на утесе чисто белые цветы женьшеня распустились. Накопали братья корней больших и малых, несколько десятков с собой домой унесли. Потом чернолицый парень пришел, людей привел, пещеру каменную отыскал, полез корень откапывать, а там нет ничего.

Давным-давно лежали в горах Чанбайшань вечные снега да лес глухой, дремучий рос, куда солнышко не заглядывало. Водились в том лесу волки, злые гады ядовитые и тигры да барсы, человеческая нога там и не ступала.

Жил в то время юноша по прозванию Лю Юн-цзюнь — Лю Вечно Прекрасный. Жил у самого подножья гор, и все в роду у него промышляли охотой. Дед был отменным стрелком. Свое искусство передал отцу Лю, отец — сыну. День и ночь упражнялся юноша и, когда ему семнадцать годков сровнялось, мог управляться с тяжеленным луком в триста цзиней весом.

Каждый день отправлялся юноша на охоту, верхом на коне мчался по зарослям у подножья горы, но ни разу не заходил в глухой, дремучий лес, который рос наверху. Был юноша сильным, ловким и смелым, ничего не боялся. А в горы не ходил, чтоб не ослушаться матери, не огорчить ее, не рассердить.

Всякий раз, когда он собирался на охоту, брал в руки свой тугой лук, наполнял колчан острыми стрелами и вскакивал на коня, мать выходила из дому, брала коня за уздечку и говорила:

— Один ты у меня, сынок! Запомни крепко-накрепко, что я тебе скажу: можешь охотиться у подножья, а вглубь леса не заходи. Так дед отцу твоему наказал, а отец тебе завещал.

Отъедет юноша далеко от дома, обернется, а мать все у ворот стоит, вслед ему с тревогой смотрит.

Порой Лю Юн-цзюню казалось, что мать чересчур трусливая да робкая, он пробовал перечить, но она так горько, так жалостливо плакала,

так крепко держала уздечку, что юноше приходилось два, а то и три раза просить прощения, давать обещание не ходить в горы, только тогда мать отпускала его.

Лю Юн-цзюнь был почтительным сыном, не хотел расстраивать мать и никогда не заходил в горы. Но шло время, с каждым годом юноша становился все более искусным охотником. Наскучило ему охотиться у подножья горы, и стал он частенько подумывать о том, как бы дальше пойти. Вот и двадцать ему сровнялось, еще крепче он стал. Не стерпел как-то и спрашивает мать:

— Скажи, отчего не пускаешь ты меня в горы? Может, думаешь, плохой я стрелок, боишься, что тигр меня съест? Но ведь не один десяток тигров у меня на счету!

Вздыхнула тут мать и отвечает:

— Вырос ты, сынок, большим стал, так что расскажу я тебе всю правду. Знаешь, как умерли твои дед и отец?

Подивился юноша, спрашивает:

— Разве не болезни их извели?

Отвечает мать:

— Не знаешь ты, сынок, что их обоих огромные удавы извели. После смерти отец весь вспух и почернел — это от змеиного яда.

Сказала это мать, слезы вытерла и опять говорит:

— В горах Чанбайшань одни удавы живут, вот и боятся люди в горы ходить. Понадеялся твой дед на свое охотничье умение, впятером с братьями в горы пришел, здесь и осели. День за днем вели они с удавами войну, уж и не знаю, скольких из луков застрелили, да еще много осталось. Часто по ночам нападали на них змеи, четверых братьев сгубили, один дед твой жив остался. Поубивал он всех змеев окрест горы, для охоты эти места расчистил, после дом поставил. Теперь живут в горах еще два удава — царь да царица, толщиной каждый с добрый глиняный чан будет, а длиной в несколько десятков чжанов. Услыхали они, что дед твой всех их сыновей да внуков поубивал, с гор спустились деду мстить. Как-то раз дед под горой охотился, вдруг видит: со старой сосны двое прыгнули — мужчина и женщина, в черное одеты, шапки тоже черные, сами тонкие да высокие. Схватили они коня за уздечку и говорят деду:

«Эй, Лю, не уйдешь ты от нас! Враги мы твои на веки вечные!»

Это и были царь да царица змеиные. Сказали, что хотят с делом не на жизнь, на смерть драться, силами помериться. Через три дня уговорились с ним на осыпи красных камней встретиться. В означенный день дед

взял лук, повесил за спину мешочек с едой, сел на коня, в горы отправился. А через три дня конь его на себе домой привез. Черный весь, лицо вспухшее. Внесла его твоя бабушка в дом, видит — губы у него дрожат.

Оказывается, как уехал он из дому, только на другой день ту осыпь красных камней отыскал. На самом верху там нора змеиная, в норе кольцом свернулись оба змея, лежат, бесценное сокровище стерегут, два женьшеневых корня, десять тысяч лет тем корням. Кто змеев убьет, три сокровища добудет: два женьшеневых корня да глаза змеиные — они в жемчужины, светящиеся в ночи, превращаются. Им тоже цены нет.

Увидали цари змеиные деда, быстрее ветра помчались, на него кинулись. Разинули пасти огромные, красные, ну прямо тазы с кровью, дух ядовитый выпустили, на десять чжанов окрест мог тот дух человека сгубить. Выстрелил дед, стрелу выпустил меткую, сильную, угодила она царю змеиному прямехонько в голову. Свалился он у нижнего края осыпи, с глаз исчез. Натянул дед лук, быстро, ну прямо как огонь бежит, вторую стрелу хотел пустить. Медленно сказка сказывается, да быстро дело делается. Мигом подползла к нему змеиная царица, ядом своим на него брызнула. Упал дед на коня, помчался конь к дому. Далеко отбежал, тут слышит дед — рассмеялся кто-то зло и говорит:

«В этот раз удалось траву выполоть, корни выдернуть. Теперь гора Чанбайшань навеки наша. Не посмеет больше здесь человек появиться».

Оглянулся дед, видит — лежат два удава на красной осыпи, головы вверх подняли, языки высунули — радуются. Оказывается, царь ихний, в которого стрела деда попала, живехонек. Брызнула на него царица водой из родника, который под горой бьет, ожил змей. Вода из того родника мертвых могла оживлять. Дед твой вскорости помер, ведь на кого яд царя-удава попадет, тот уж не жилец. Перед смертью дед сказал твоей бабушке:

«Вырастет сын, пусть за меня отомстит. Только помни: должен он хорошенько учиться, не отпускай его в горы, пока не научится из одного лука разом две стрелы выпускать да сто из ста выбивать. А так пойдет, напрасно себя сгубит. Крепко-накрепко запомни мои слова».

Когда дед умер, отцу твоему двенадцать сровнялось. Бабушка сперва ничего ему не рассказывала, только когда ему восемнадцать минуло, всю правду открыла. Хотел отец сразу в горы податься, мстить, да не умел разом две стрелы из лука выпускать, и стал он с той поры каждый день с луком и стрелами упражняться. Тебе уж двенадцать минуло, ему тридцать, а все не мог он двумя стрелами выстрелить.

Говорит как-то отец:

«До самой смерти не научусь я две стрелы разом выпускать, а отомстить должен. Пойду я в горы, коли не ворочусь, в пасти удава погибну. Сына береги, пусть, когда вырастет, за меня отомстит».

Повесил отец лук за спину, в колчан стрел понатыкал, еды взял, сел на коня и в горы отправился. На третий день конь твоего отца домой на спине принес. Черный весь, лицо опухшее, сгубил отца духом ядовитым змеиный царь. А было так.

Приехал отец в горы, вдалеке красную каменную осыпь увидел, на осыпи два огромных удава в кольцо свернулись. Днем отец в траве хоронился, тайком за удавами поглядывал. А как ночь пришла, загорелись змеиные глаза ярким светом — ну прямо четыре огромных фонаря, осыпь осветили, видно вокруг, словно белым днем. Никак не подойдешь к удавам. Только рассвело, захотели удавы есть, пасти разинули, всех зверей на несколько ли окрест заглатывать стали, даже тигров и кабанов. А когда солнце высоко поднялось, притомились царь с царицей, глаза закрыли, задремали. Всем сердцем хотел твой отец отомстить, храбро вперед пополз. Так надо же было, чтоб в это самое время конь его, который всю ночь привязанный к дереву стоял, с голоду заржал громко. Видят удавы — человек из-под горы пришел месть совершить. Выпучили глаза, пасти огромные разинули, змеиный царь впереди, на отца кинулись. Выпустил отец одну стрелу — свалился царь. Только снова собрался лук натянуть, вторую стрелу пустить, слышит — зашипело что-то. В тот же миг отец в воздухе очутился, после будто в черный мешок провалился. Сразу понял, что в брюхо царя-удава попал. Выхватил он нож из-за пояса. Ударил три раза, а может, пять, дыру в змеином брюхе сделал, быстро на коня вскочил, помчался домой. Вдруг слышит — царь-удав у него за спиной говорит:

«А гора Чанбайшань как была наша, так и осталась».

Вскорости отец твой умер. Тебе тогда двенадцать годков было. Перед смертью наказал:

«Убить надобно царя-удава, а то не будет вам житья от него. Вели сыну отомстить за меня, когда вырастет».

Опомниться не успели, умер отец, много с той поры лет прошло, растила я тебя, а сама слезы да пот пригоршнями мерила. Так неужто допущу, чтоб царь-удав сгубил тебя понапрасну?

Выслушал Лю Юн-цзюнь эту печальную историю, понял, почему его мать в горы не пускает. Только не испугался юноша, наоборот, решил во

что бы то ни стало в горы пойти, отомстить удавам. Вернется с охоты, пообедает, возле дома упражняется: лук натягивает, стреляет. Толстая высокая береза ему вместо мишени. Стал он сперва учиться стрелами листья насквозь пробивать, потом принялся их с дерева сбивать. Несколько месяцев не прошло, а береза голая стоит, ни листочка на ней не осталось.

После стал юноша с ножом упражняться. Лес сосновый перед домом ему вместо ристалища. Выучился юноша одним ударом ножа сосны толщиной с руку рубить. После сноровил с одного взмаха сосны с чашку толщиной валить. А уж напоследок мог дерево в обхват толщиной враз снести. После стал он учиться прыгать да бегать. Поначалу мог одолеть с разбегу только небольшой холм да через узкую речушку перепрыгнуть. Потом на высокую гору легко взбегал, широкую реку одним махом перепрыгивал. Всему выучился, а вот две стрелы враз выпустить не может.

Опечалился юноша. Видит мать — сын грустный ходит, спрашивает:

— Что, сынок, запечалился?

Отвечает Лю Юн-цзюнь:

— Никак не выучусь разом две стрелы пускать, как смогу я в горы пойти за деда и отца отомстить?

Провела мать ласково рукой по его волосам, утешать стала:

— Не тревожься, мальчик! Правду говорит старая пословица: на огне и свиная голова разварится. Стараньем да терпеньем любое дело сладишь. Не хватило у твоего отца терпенья, вот он и погиб. Пусть это послужит тебе уроком.

Опустил Лю Юн-цзюнь низко голову — права мать, ничего не скажешь. А мать и говорит:

— Учись, сынок, пока не превзошел отца и деда в сноровке военной да в уменье. Учись — всего достигнешь. Упорством любое дело одолеешь!

Выслушал юноша мать, и решимость его во сто крат больше стала.

Схватил он лук со стены, из дому вышел, еще усердней стал учиться.

Весна осень сменяет, утро — вечер, а юноша все стреляет, все упражняется. Оглянуться не успел — три года прошло. День ото дня его стрелы все точнее по цели бьют. Выучился наконец две стрелы разом пускать — два листа с дерева сбивать. Радуетя, чувствует: близок день мести. Но красоты, как говорится, без изъяна не бывает. Стреляет он, стреляет, да не всегда в цель попадает, из десяти восемь, ну самое большее девять выби-

вает. Только много у юноши терпенья: учится он, учится, а мать, глядя на него, радуется и говорит:

— Тебе и впрямь ничего для матери не жалко: ни крови, ни сердца.

Отвечает юноша:

— Не тревожься, матушка! Сколько надо, столько и буду учиться, ни за что не брошу!

И вот однажды упражнялся юноша до полуночи, притомился, на землю свалился, уснул. Вдруг слышит — кличет его кто-то по имени:

— Юн-цзюнь, Юн-цзюнь, проснись же скорей!

Сел юноша, глаза протер, смотрит: старик перед ним, весь белый, а лицо зеленое. Стоит старик и говорит тихонько:

— Проснись, бедный сынок, не спи, добрый сынок! Гора Чанбайшань твоей будет!

Спрашивает юноша:

— А ты кто, дедушка?

Отвечает старик:

— Неужто не признал? Береза я белая, та самая, что возле твоего дома стоит. Скажи, чем тебе помочь?

Отвечает юноша:

— Должен я, дедушка, двух удавов убить: царя и царицу. Может, посоветуешь, как лучше это сделать?

Закивал старик головой и отвечает:

— Чем могу — помогу. Только смело вперед иди!

Сказал так старик и исчез. Подивился юноша, но тут его опять сон сморил. Проснулся, смотрит: старуха перед ним — лицо черное, рот клювоострый.

Спрашивает юноша:

— А ты кто, бабушка?

— Неужто не признал? Ворона я черная, та, что на старой сосне гнездится, старая ваша соседка. Скажи, чем тебе помочь?

Отвечает юноша:

— Бабушка ворона! Должен я двух удавов убить, царя и царицу. Посоветуй, как это лучше сделать?

Закивала старая головой и отвечает:

— Храбрый юноша, чем могу — помогу. Только смело иди вперед, ни о чем не тревожься!

Сказала так старуха и исчезла. А Лю Юн-цзюня опять сон сморил. Проснулся он в третий раз, смотрит: парень перед ним, зеленый весь, длинный да тонкий. Говорит парень:

— Неужто не признал меня? Я — лоза тысячелетняя, та, что на северной горе растет. Убьешь удавов — доброе дело сделаешь. Кто в горах живет, все рады будут, а я чем могу — помогу. Только смело вперед иди! Непременно победишь!

Сказал так парень и исчез.

Только хотел Юн-цзюнь опять глаза закрыть, вдруг слышит — осла кто-то погоняет:

— А ну пошел, пошел!

Поглядел юноша, а это мальчонка годков эдак четырех, а может, пяти на ослике едет. Белый такой да толстый, в руках красный мешочек держит. Брови вразлет, глаза веселые, Лю Юн-цзюню рукой машет и говорит приветливо:

— Старший брат, здравствуй! Старший брат, здравствуй!

После стукнул осла ногами по заду. Помчался осел вперед, полетел. Бежит и кричит: «Э, э!» Подбежал к Лю Юн-цзюню, остановился. Поднялся юноша, легонько двумя руками взял мальчика, с осла снял и спрашивает:

— Ты кто, братец?

Отвечает мальчик:

— Я — сокровище, в горах спрятанное.

Спрашивает юноша:

— Что за сокровище такое?

Отвечает мальчик:

— Я — корень женьшеня. Десять тысяч лет мне. А стерегут меня цари-удаваы с красной осыпи. Вызволи меня скорее, добрый юноша!

Говорит юноша:

— Не тревожься, братец! Потерпи малость! Должен я тех удавов убить.

Спрашивает мальчик:

— А знаешь, как они свирепы? За день два десятка кабанов да десятков тигров проглотят, сайгаками да оленями заедят. Глаза выпучат — каждый больше блюда будет, язык высунут — он длиннее целой штуки холста. Как же ты один их одолеешь?

Запечалился тут юноша и спрашивает:

— Что же мне делать, братец, посоветуй!

Отвечает мальчик:

— Не бойся, старший брат, не печалься! Знаю я способ, как царей-удавов убить!

Захлопал мальчик в ладоши и запел:

Чтоб убить царей-удавов,
Надо праздника дожждаться
А дожدهшься — ровню в полдень
Ядом стрелы напой!

Спел мальчик песенку, похлопал себя по животу и вместе с осликом пропал с глаз.

Опомнился тут Лю Юн-цзюнь, поскреб в затылке, смотрит: Полярная звезда в небе ярко блестит, значит, время за полночь. Побежал скорее домой.

С той поры твердо поверил юноша, что одолеет царей-удавов. Еще усерднее стал упражняться, вскорости мог двумя стрелами разом сто из ста выбивать.

Идет время, уже недолго до праздника Дракона. Тревожатся цари-удаваы: не одну тысячу лет лежат они на красной осыпи, в кольцо свернувшись, а тут вдруг лисица им доложила: выучился Лю Юн-цзюнь стрелять, искуснее некуда, скоро в горы явится мстить вам. А удавы в четыре глаза старый женьшень берегут, как бы кто из людей его не похитил.

Услыхали цари-удаваы, что сказала лисица, разъярились, стали из ртов черный дым выпускать, всю гору дымом укрыли, ну прямо колпак на нее надели — ничего не разглядишь. После стали удаваы огонь из пасти изрыгать, чтоб все дотла сжечь, что на горе есть. Запечалились тут старые деревья, боятся, как бы дети их и внуки в страшном огне не сгорели. Волки, гады, тигры да барсы в норы со страху попрятались. Ястребы и те не летают над красной осыпью, не хотят в ядовитой пасти умереть.

Злобствует царь-удав, разное волшебство в ход пускает. Ветер бешеный наслал, гром громыкает, молнии сверкают, того и гляди небо обрушится, земля расколется. Мало ему, так отравил еще ядом все горные реки — кто воды напьется, вмиг умрет.

Не испугался Лю Юн-цзюнь. Как ни отговаривала его мать, как ни удерживала — все напрасно. В первый день пятой луны повесил на спину котомку с едой, вскочил на коня, в горы поехал. Едет, едет, притомился, есть захотел, да и конь голодный, идти не может. Слез юноша с коня, речушку отыскал, воды пригоршню зачерпнул, хотел напиться, вдруг слышит — ворона кричит:

— Кар-кар! В воде яд, не пей!

Выплеснул юноша поскорей воду, а во рту сухо, аж горит. Вдруг откуда ни возьмись лягушка:

— Ква-ква, ква-ква! Беги к каменной плите, коли напиток хочешь, вода там чистая, вода там вкусная!

Скачет лягушка впереди, Юн-цзюнь следом за ней бежит. Пришли они вскорости к большому плоскому камню. Юноша себя от жажды не помнит, быстро камень в сторону сдвинул, а оттуда чистая родниковая вода бьет. Зачерпнул юноша пригоршню, напился, будто заново на свет родился. Силы в нем прибавилось, поел он, коня накормил да напоил, передохнул малость.

Тут темнеть стало. Хотел было Лю Юн-цзюнь место себе для ночлега отыскать, вдруг смотрит: пещера каменная, в пещере кровать, из веток плетенная. Обрадовался юноша, вошел, а птичка малая банчуйня кричит с дерева, надрывается:

— Цюй бу дэ, цюй бу дэ, не ходи, не ходи! Там гнездо змеиное.

Выскочил юноша из пещеры, смотрит: кровать плетеная вся рассыпалась, красные языки из нее повысовывались. Да как много! Оказывается, кровать не из веток — из змей сплетена была. Ждали они, пока юноша ляжет, чтоб до смерти его изжалить, да спасла его птаха малая банчуйня. Вскочил Юн-цзюнь на коня, другое место для ночлега искать отправился.

Едет, едет, смотрит — ствол старого дерева впереди. Диковинным он юноше показался. Гольй-прегольй, ни веточки на нем, ни листика, а где ствол надвое делится — доска поперек лежит. Вот бы, думает юноша, на нее улечься спать, куда как спокойно. Только хотел он коня привязать, наверх залезть, вдруг слышит — сорока стрекочет:

— Чак-чак-чак, наверх не лезь! Чак-чак-чак! В старом дереве ждет смерть! Чак-чак-чак!

Смекнул тут Лю Юн-цзюнь, в чем дело. Быстро от дерева отбежал. Закачалось вдруг дерево, вместе с доской исчезло, оказалось — не дерево это вовсе, а удав. Ствол — его тело, развилка на стволе — пасть разинутая, доска на развилке — язык огромный. Улегся бы юноша спать на доску, проскочил бы прямо удаву в пасть.

Подумать и то страшно! Хлестнул Лю Юн-цзюнь коня, прочь помчался, удав — за ним. Натянул юноша тетиву, стрелу пустил, насмерть поразил удава. Колотится у юноши сердце, сразу смекнул, что это царь змеиный удава на него наслал. Убил юноша удава, вперед скачет, не обернется — место для ночлега ищет. Смотрит: дом впереди, ворота широко

распахнуты, в доме темным-темно. У дверей с каждой стороны по окошку, в окошках фонари ярко-красные. Думает юноша: откуда в этих горах глухих дому взяться, коли человеческая нога здесь никогда не ступала? Опять небось царь змеиный ловушку приготовил. Хлестнул коня, прочь поскакал.

Уж до того наездился Лю Юн-цзюнь, что и сам он и конь того и гляди от усталости свалятся, а так и не нашел, где бы переночевать можно было. Загрустил юноша, вдруг откуда ни возьмись олененок встал перед конем, шею вытянул, уши наострил, веселый такой, как закричит:

— Цю-цю-цю, цю-цю-цю! Не печалься, есть ночлег, цю-цю-цю, есть ночлег!

Бежит олененок впереди, Лю Юн-цзюнь коня погоняет, за ним следом едет. Вскорости к горному склону подъехали, под горой речка широкая течет, у берега отмель песчаная чистая. Прибежал олененок к речке, песок с копыт отряхнул, говорит:

— Не печалься, не тревожься, ляг да спи! Не печалься, не тревожься, ляг да спи!

Слез юноша с коня, на песок лег и вмиг уснул. Так притомился, что и не слышит ничего. Долго спал, а как проснулся, смотрит: лежит он на спине у огромной рыбыны. Она его на самую середину реки вывезла и против течения плывет. Испугался юноша, хотел лук да стрелы приладить, спрашивает:

— Рыба-рыбина, чего тебе от меня надобно?

Подняла рыба голову, заходила, заиграла на ней чешуя. Смекнул тут юноша, что не отмель это песчаная, а чешуя рыба.

Отвечает рыба, да так ласково:

— Положи, добрый юноша, лук, убери стрелы, отвезу я тебя к осыпи красной. Убери стрелы, положи лук, я тебе помогу гадов ядовитых одолеть, чтобы яд в реку больше не пускали, мою родню не отравляли!

Отлегло у юноши от сердца. Убрал он лук да стрелы, на ноги встал, коня под уздцы держит, на рыбьей спине плывет. Расправила рыба плавники, хвостом вильнула, с попутным ветром вперед устремилась, волны разрезает. Вот и осыпь красная. Соскочил юноша с рыбьей спины на берег, коня крепко-накрепко привязал, сам в траве схоронился, вперед глядит. Видит — скала огненно-красная прямо в небо воткнулась. А вокруг осыпь каменная, дым густой да огонь свирепый. Из-за огня два удава огромных головы высовывают, все четыре стороны оглядывают. Понял юноша, что не может он одним махом удавов убить: так пламя бушует,

что к ним не подступишься. Стрелок он меткий, да чересчур далеко осыпь, из лука не достанешь. Растревожился юноша, а придумать ничего не может. Вдруг вспомнил, что мальчик на ослике ему говорил: только в праздник Дракона, в самый полдень можно месть совершить. Смотрит юноша на солнце, ждет терпеливо. Идет время — капля за каплей падает, солнце по небу медленно-медленно движется. Вот тень от деревьев прямо-хонько на юг повернула, вдруг небо все черными тучами покрылось, гром громыхает, дождь на землю падает. Такой случай раз в тысячу лет бывает. Принялся тут юноша стрелы ядом мазать, вскочил на коня, к красной осыпи помчался, голова вся в поту, у коня круп словно водой облит. Скачут они, скачут, а до осыпи все еще далеко — не долетят стрелы.

Тут как раз полдень миновал, небо опять ясным стало, дождь не льет, гром не гремит. Проснулись удавы, царь да царица, поняли, что мститель пришел, глаза выпучили, на все четыре стороны глядят. Увидали, что Лю Юн-цзюнь лук натянул, прямо на них мчит, как заорут, как закричат:

— Ах ты, раб, за смертью, что ли, пришел!

А Лю Юн-цзюнь на коне сидит, не шелохнется, грудь выпятил, плечи могучие расправил, натянул лук и отвечает храбро:

— Это ты, царь-удав, моего деда убил, это ты отца моего сгубил. Отомщу я тебе нынче!

Усмехнулись холодно царь да царица и говорят:

— Эй ты, волосатый мальчишка, какие такие за тобой водятся таланты, что осмелился ты явиться нам мстить? Да тебя, пожалуй, не хватит, чтоб нам дырки между зубами заткнуть. Испокон веку Чанбайшань — гора змеиная, змеиной и останется. Кто позарится на нее, того не пощадим, с корнем, как траву, выдернем.

Перевернулся тут царь змеиный, голову с осыпи свесил вниз, после сам наземь упал, чуть не пол-леса придавил. Затрещало все вокруг, аж горы задрожали. Перевернулась царица змеиная, голову с осыпи вниз свесила, в реку свалилась. Загрохотало вокруг, вода в реке до самой середины горы поднялась. А Лю Юн-цзюнь хоть бы чуточку испугался! Наоборот — еще сильнее коня погоняет, птицей вперед летит. Мчатся ему навстречу цари-удавы, кричат:

— Напьемся мы твоей кровушки, мяса твоего отведаем, косточки твои разгрызем.

Отвечает им храбрый юноша громким голосом:

— Вспорю я вам брюхо, кожу сдеру, глаза вырву, чтоб жемчужины добыть, которые в ночи светятся.

Не стали змеи дожидаться, пока юноша стрелы пустит, пасти разинули, собрались юношу отравить духом зловонным, ядовитым. Да налетел тут ветер буйный, листья с деревьев сдул, по небу их плясать пустил. Укрыли листья старой березы все небо, солнце спрятали, змеям глаза застили, ничего не видят змеи.

Растревожились тут царь да царица, поскорей уши выставили, услышав, думают, с какой стороны Лю Юн-цзюнь придет, дух ядовитый на него выпустим. А тут откуда ни возьмись вороны налетели — туча целая, как стали каркать, по всей горе только и слышно: кар-кар-кар! Кар-кар-кар!

Пуще прежнего цари змеинные растревожились, думали хвостами взмахнуть, юношу насмерть прихлопнуть. А хвосты их лоза старая тысячелетняя давным-давно крепко-накрепко к земле привязала. Настиг тут Лю Юн-цзюнь удавов. Положил на тетиву две стрелы, разом запели стрелы: соу, соу, царю да царице змеинным прямехонько в головы угодили. Стали змеи от боли по земле кататься, будто жернова каменные, весь лес измолולי, с землей сровняли. После о красную осыпь каменную биться начали. Загрохотало все вокруг, понеслась осыпь каменная вниз, удавы так и остались на земле лежать. Стрелы свои юноша ядом намазал, вот и подошли удавы.

Вдруг с самого края осыпи толстый мальчишка с красным мешочком выскочил, мохнатого ослика на поводу тащит. Этого мальчишку Лю Юн-цзюнь во сне видел. Идет мальчишка, а сам то и дело оглядывается, ослику своему кричит:

— Пойдем воды попьем, пойдем воды попьем!

Подбежал к мальчику юноша, красной ниткой связал его и ослика, вмиг превратились они в редкостные сокровища, в два корня целебных: женьшень — человеческий корень, да шоушень — звериный корень. Побежал юноша дальше, вырвал у царей змеинных все четыре глаза — добыл сокровище редкостное, жемчужины, которые в ночи светятся.

Настали в горах мир да покой, травы, деревья, птицы, звери — все радуются. Камни и те головой кивают, улыбаются. Сдохли царь да царица-удавы, никого больше не проглотят, никого не обманут. Лягушки, вороны, птички банчуйня, сороки, старая береза да тысячелетняя лоза — все юношу с победой поздравляют, скачут, поют. А юноша их за помощь благодарит.

Сел юноша на коня, домой отправился. Услыхала мать, что сын обоих змеев одолел, к груди его прижала, плачет и говорит:

— Удалось тебе, сынок, сделать то, чего не смогли твой отец и дед.

С той поры к горе Чанбайшань все больше и больше людей тянется, кто охотой промышляет, кто целебный корень ищет. И все прославляют храброго юношу Лю Юн-цзюня, который удавов изничтожил, все наперебой про него рассказывают. А когда через много-много лет люди в те места пришли, где Лю Юн-цзюнь с удавами дрался, осыпи красных камней уже не было. Только камни в горах кровью змеиной окрасились, и назвали люди те места Красным ущельем. Сами удавы в белый камень превратились, двумя длинными хребтами вытянулись, и назвали те хребты Манванлин — хребты Царей-Удавов.

Жили в старину два брата. Старший женатый, меньшей холостой. От зари до зари трудится меньшей в поле. На рассвете встает, похлебает рисового отвара прокисшего, идет в поле, до обеда спины не разгибает, в обед опять отвара поест, до позднего вечера трудится. А старший брат с женой дома сидят, разными яствами лакомятся.

Пашет как-то брат, вдруг старый вол ему и говорит:

— Нью-лан, ты домой обедать пойдешь?

— Я бы пошел, да боюсь, заругают, коли ворочусь рано.

— А ты не бойся, иди!

— Как же я пойду?..

— А так... Видишь на том краю поля большой камень? Допашем до него и плуг сломаем.

Подошли они к большому камню. Вол как разбежится, а Нью-лан ему помогает, плуг подталкивает, потом как дернет его назад — затрещал плуг, в щепы разлетелся. Пошли они домой.

Невестка как раз пельмени стряпала. Увидела она деверя и говорит ласково:

— Садись, братец, ешь скорее, я уже хотела посылать за тобой!

А старший брат спрашивает:

— Ты что так рано воротился?

— Плуг сломался.

Ничего на это не ответил старший брат. А младший уселся и давай пельмени есть.

Пошел Нью-лан на другой день пахать. Стало время к обеду приближаться, вол и говорит ему:

— Нью-лан, в обед все люди пампушки едят.

— Не пойду я нынче домой!

— Да ты не бойся, иди.

— Как же я пойду...

— Видишь на том краю поля большой камень? Допашем до него, соху разобьем, домой пойдем.

Подошли они к большому камню. Вол разбежался, а Нью-лан ему помогает — дернул он соху назад: пэн! Затрещала соха, в щепы разлетелась. Пошли они домой.

Увидела деверя невестка и давай ругаться:

— Ах ты, безмозглый черт, опять в такую рань пришел обедать!

Спрашивает старший брат:

— Ты чего так рано воротился?

— Соха сломалась.

Ухмыльнулся старший брат и говорит:

— Вчера плуг сломал, нынче соху, видать, неохота тебе в поле работать. Завтра тебя отделю!

Тут как раз невестка пампушки принесла, на пару сваренные. Ничего не ответил Нью-лан брату, за еду принялся.

Пошел Нью-лан на третий день пахать. Стало время к обеду приближаться, вол и говорит ему:

— Нью-лан, нынче на обед пирожки, в масле жаренные. Пойдем домой.

— Не могу я! Брат вчера грозился отделить меня!

Отвечает вол:

— Не бойся, иди домой. Рано ли ты воротиться, поздно ли, — все равно делиться.

— А что я скажу, если сейчас ворочусь?

— Скажешь — ручка от сохи сломалась, а мы ее сейчас о камень разобьем.

Подошли они к большому камню, разбежался вол, а Нью-лан ему помогает, — как дернул назад: кэча! Треснула соха, отломилась от нее ручка. Стал Нью-лана вол поучать:

— Накоси травы гэрмань, прихвати охапку. Придем домой, брось ее мне, только есть ее я не стану, ты пообедай, после подойдешь ко мне и скажешь:

Траву гэрмань не ест мой старый вол,
И кислый рис мне так не по нутру!
Тростник зеленый любит старый вол,
А я люблю пампушки на пару¹.

Когда брат выделит тебе долю, ты ничего не бери, попроси только старого вола, старую телегу да веревку с узлами.

Увидела невестка, что Нью-лан опять рано воротился, разозлилась и давай его ругать:

— Ах ты, безмозглый черт, опять в такую рань пришел! И как только ты про пирожки пронюхал?

Увидел старший брат сломанную ручку от сохи, от злости слова вымолвить не может.

А пирожки зарумянились, так и шипят в масле, пора их к столу подавать! Ничего не ответил Нью-лан брату, за еду принялся. Ходит вокруг него невестка, злится, поглядывает косо. Нью-лан наелся, вышел во двор, встал перед волом и говорит:

Траву гэрмань не ест мой старый вол,
И кислый рис мне так не по нутру!
Тростник зеленый любит старый вол,
А я люблю пампушки на пару.

Услыхала это невестка да как закричит в сердцах:

— Черт безмозглый, болтать — это ты мастер, а как за дело при-
мешься, все у тебя из рук валится.

Слез старший брат с кана, пошел людей скликать, чтоб свидетелями при разделе были.

Спрашивает невестка:

— Ты что возьмешь, братец?

— Ничего мне не надо, только старого вола, ломаную телегу да веревку с узлами.

— А рису не возьмешь?

— Не возьму.

Не стал Нью-лан дожидаться брата, крикнул волу: «Пошли!» — запряг в телегу и уехал.

¹ Перевод Г. Ярославцева.

Выбрались они за околицу, Нью-лан и спрашивает:

— Куда ж нам теперь путь держать?

Отвечает вол:

— Прямо на юг.

А длинная-предлинная дорога, которая была перед ними, как раз вела на юг.

Ехали они, ехали и только к вечеру до ущелья добрались. Смотрят — ручеек у самого входа, чистый, прозрачный.

Говорит вол:

— Ну не благодать ли! Захочешь пить — вода рядом. Захочешь есть — трава под ногами. Распряги-ка меня, а сам отдохни вон на том большом черном камне!

Пошел вол в ущелье, медленно идет, зеленую травку жует, похрупывает. А Нью-лан голодный на камне сидит.

Говорит Нью-лан:

— Хорошо тебе, вол, ты и наелся, ты и напился. А мне каково? Хотел я риса немного с собой захватить, да ты не велел. Что же мне теперь делать?

Промычал вол: игэ-гуай, обратно повернул, спрашивает:

— Ты есть хочешь? Иди туда, где дорога сворачивает, купи еды какой хочешь, а расходы на меня запиши.

Пошел юноша, куда ему вол сказал, наелся досыта. Спрашивают его:

— На кого записать?

Отвечает юноша:

— На старого вола запишите.

Довольный воротился Нью-лан. Вол его и спрашивает:

— Хорошо поел?

— Ай-я, лучше некуда!

— А теперь слушай, — говорит вол, — завтра, в седьмой день седьмой луны, распахнутся Южные ворота неба и внучки Ван-му выйдут стирать свою одежду. Сядут они в ряд, и седьмой с западного края будет Чжи-ной — Небесная ткачиха. Как развесит она свою одежду сушить, стащи ее потихоньку да спрячь. А будешь отдавать, кликни меня три раза, я мигом явлюсь. Не то уйдет она от тебя.

Всю ночь Нью-лан не спал, боялся пропустить небесных фей. Вдруг слышит тихий скрип — хуа-ла-ла, — это отворились Южные ворота неба, из ворот стая голубок вылетела, белые-пребелые. Подлетели они к ущелью, там как раз река текла, на берег опустились, красавицами

девушками оборотились. Уселись девушки на камни у воды, стирать принялись. Преметил Нью-лан, которая из девушек седьмая с западного края, взял да и спрятал ее платье.

Увидела Чжи-ньюю юношу, сразу смекнула, что это он взял ее платье, и говорит:

— Ты зачем взял мое платье? Отдай. Слышишь? Отдай!

Нью-лан не отдает.

Тем временем шестеро сестер высушили свою одежду, стали домой собираться, спрашивают седьмую сестру:

— А ты, сестренка, почему домой не собираешься?

— Не могу. Кто-то стащил мое платье.

Обернулись шестеро сестер белыми голубками, улетели в небо. Подлетели к небесным воротам, назад воротились, седьмую сестру кличут:

— Быстрее, сестренка! Сейчас ворота запрут!

Тут как раз краснолицый детина появился, как закричит:

— Эй! Торопитесь, кому домой надобно!

Крикнула в ответ Чжи-ньюя:

— Ну и пусть закрываются! Не могу же я без платья вернуться!

Заскрипели небесные ворота и впрямь закрылись.

Нью-лан как сидел, так и сидит на камне. Подошла к нему Чжи-ньюя и говорит:

— Я женой тебе стану, только отдай платье!

Нью-лан не отдает.

Тогда Чжи-ньюя говорит:

— Давай дом строить, а то замерзнешь под открытым небом!

Отвечает Нью-лан:

— А из чего строить, когда вокруг ни бревнышка! Так и будем сидеть.

— Нет, не будем. Подвинься малость, сядь на краешек! Глаза зажмурь.

Сказала так Чжи-ньюя, быстро вытащила из расшитого кошелька узорчатый платочек, расстелила, дунула, в тот же миг дом перед нею вырос.

Говорит девушка:

— Открой глаза!

Открыл Нью-лан глаза, смотрит — дом стоит, обрадовался, в ладоши захолопал.

Вошли они в дом, так и остались в нем жить.

Живут да поживают. Дочка у них растет, шесть годков ей сровнялось, сыну третий год пошел.

Вот однажды и говорит Чжи-нью мужу:

— Сколько времени прошло! Дети у нас уже выросли. Сгниет от старости платье, которое ты тогда спрятал! Лучше отдай его мне!

Думает Нью-лан: «Оно и правда. Дети у нас уже выросли, отдам-ка я Чжи-нью платье». Подумал так Нью-лан, достал из-под камня платье, жене отдал.

Как только наступила полночь, Чжи-нью ушла, детей и мужа бросила.

Проснулся Нью-лан, дрожит от холода, открыл глаза, смотрит — небо над ним все звездами усеяно, пошарил вокруг рукой — под головой холодный камень, а жены нет. Ребенок плачет, молока просит. Только сейчас вспомнил юноша, что старый вол ему наказывал: «Станешь отдавать одежду, кликни меня три раза». Как же он мог забыть про это?

Только подумал он о воле, тот вмиг перед ним явился и говорит:

— Вот видишь, ушла Чжи-нью. Ты отчего не кликнул меня, как я тебе велел?

— Забыл!

Говорит вол:

— Зарежь меня!

— Как же это я зарежу тебя, моего благодетеля!

Отвечает вол:

— Нечего толковать понапрасну! Как зарежешь меня, принеси немного хвороста, кости мои сожги, а шкуру на себя надень. Да еще сплети две корзины, в одну сына посади, в другую — дочку, потом зажмурь глаза и отправляйся к Южным воротам неба за женой. Эти ворота золотой лев стережет. Как бросится он на тебя, ты ему скажи: «Не тронь меня, золотой лев, я муж твоей седьмой тетушки, а это ее дети в красных штанишках». Скажешь так, золотой лев уймется и на место уйдет. Пройдешь Южные ворота, еще одни ворота увидишь, их серебряный лев стережет, как кинется он на тебя, ты ему скажи: «Не тронь меня, серебряный лев! Я муж твоей седьмой тетушки, а это ее дети в красных штанишках». Серебряный лев уймется, на место уйдет. Войдешь в третьи ворота — увидишь черта, клыки у него наружу, в руках молот — от волчьего клыка не отличишь. Кинется он тебя бить, а ты ему скажи: «Не тронь меня, черт! Я муж твоей седьмой тетушки, а это ее дети в красных штанишках». Скажешь так — черт оступится да упадет. Тут выйдет к тебе теща. Иди с ней в дом. Увидишь там семерых девушек на кане, только сразу не признаешь, которая из них твоя жена. Пустишь сына, к кому он побегит, чью грудь будет сосать, та и есть твоя жена.

Ню-лан сделал все, как велел вол: надел воловью шкуру, вошел в небесные ворота и отыскал наконец свою жену.

Теща отвела молодым дом, и стали они жить да поживать.

Только невзлюбил Ню-лана старый тесть. Решил он извести зятя и предложил ему в ловкости помериться.

Говорит Чжи-ньюй мужу:

— Хочет отец, чтоб ты завтра в ловкости с ним померился. Спрячется он, так ты, смотри, ищи его хорошенько! Сперва весь двор обыщешь, к южной стене подойдешь, увидишь на стене клопа, это и будет твой тесть.

На другое утро вышел старик во двор, Ню-лана крикнул:

— Ну-ка, зятек, выходи, поиграем с тобой!

Отвечает Ню-лан:

— Ты старый, я молодой. Какая уж тут игра?

Говорит старик:

— Эка важность! Я сейчас спрячусь, а ты попробуй найти меня! Найдешь — помилую, не найдешь — съем!

Обернулся старик клопом, схоронился в южной стене, залез в трещину. Ищет его Ню-лан, ищет, весь двор обыскал — нет старика. Подошел юноша к южной стене, видит — клоп сидит, поближе подошел и говорит:

— Уж не ты ли это, почтенный тесть, клопом обернулся? Если не ты это, а и впрямь клоп, я сейчас раздавлю его! Ай-я! До чего же вонючий!

Тут старик как закричит:

— Это я, это я! Не дави меня! Ой, на бороду наступил!

Спрашивает Ню-лан:

— А ты не съешь меня?

— Не съем, ступай домой!

Пришел Ню-лан домой, а Чжи-ньюй ему и говорит:

— Завтра отец опять загадает загадку. Яблоком обернется, в матушкин сундук спрячется. Смотри, ищи хорошо!

Вышел старик на другое утро и кричит:

— Давай, зятек, поиграем! Я спрячусь, а ты меня ищи!

Делать нечего. Стал Ню-лан тестя искать. В доме ищет, за домом рыщет, яму с травой обшарил — нет нигде старика. Вошел тогда юноша в тещины покои, открыл сундук, глядь — на красном свертке красное яблоко большое лежит. Схватил его юноша и говорит:

— Уж не ты ли это, почтенный тесть? Если не ты это, а и впрямь яблоко, я сейчас его съем. Уж очень оно, видать, на вкус хорошо!

Старик как закричит:

— Отпусти! Опять мне всю бороду выдрал!

Спрашивает его тогда Нью-лан:

— А ты не съешь меня?

— Не съем. Ступай домой!

Воротился Нью-лан домой, а Чжи-ньюй ему и говорит:

— Завтра отец тебя заставит прятаться.

Отвечает Нью-лан:

— Хэй! Куда же я, такой большой, спрячусь?

Говорит Чжи-ньюй:

— Не бойся, я научу тебя, что делать.

Только утро наступило, старик опять зовет зятя:

— Давай, зятек, поиграем, теперь ты спрячешься, а я тебя искать буду.

— Давай, — согласился Нью-лан.

Присел Нью-лан на корточки, перекувырнулся, вышивальной иглой обернулся. Спрыгнула Чжи-ньюй с кана, подобрала иголку, вышивать стала, а сама говорит:

— Ищи, отец! Нью-лан уже спрятался.

Кинулся старик искать, весь дом обыскал, весь двор обшарил — найти не может. Воротился в дом и говорит своей старухе:

— Не нашел я его. Он меня нашел, а я его нет.

Бросила тут Чжи-ньюй иголку на пол, опять Нью-лан перед ней. Говорит ему Чжи-ньюй:

— Хочет отец завтра наперегонки с тобой бегать, смотри, как бы он верх не взял!

— Как же это он верх возьмет?

— Ай-я! Тебе ни за что за ним не угнаться! Иди скорее в амбар, увидишь там красные семена, набери одну меру с лишком да красных палочек для еды прихвати. Еще дам я тебе головную шпильку, из золота сделанную. Как станет тебя отец догонять, я крикну: «Брось шпильку». Только помни, бросать надо вперед, а не назад!

Вышел на другое утро старик, зятя кличет:

— Эй, зятек! Давай наперегонки побегаем, ты впереди, я за тобой. Догоню — съем, не догоню — помилую!

Согласился Нью-лан, и побежали они. Зять впереди, тещь позади, а жена с тещей взяли детей и вслед за ними пустились.

Бежит Нью-лан, бежит, вдруг бросил две палочки да два красных зернышка. Бежит, бежит, опять две палочки да два зернышка бросил. Тещь

бежит, палочки да зернышки подбирает. Поднимет — дальше бежит, опять поднимет, опять бежит и приговаривает:

— Ну и зятек! Ему бы с жизнью прощаться, а он все вещи у меня ворует!

Разбросал Нью-лан все зернышки, разбросал все палочки, а бежать еще далеко. Видит Чжи-ньюй — отец мужа догоняет, сейчас его схватит, как закричит:

— Брось шпильку! Быстрее!

Теща тоже кричит:

— Быстрее! Быстрее!

Обернулся Нью-лан, видит — тесть совсем близко, вытащил шпильку, назад бросил. В тот же миг мужа и жену Небесная река разделила. Нью-лан остался на одном берегу, Чжи-ньюй — на другом. Плачут жена и дети. Даже теща слезы льет. Плачет Нью-лан на другом берегу, один-одинешенек.

Увела теща в дом дочь и внуков, тесть тоже ушел. Так и остался Нью-лан жить на другом берегу. С той поры муж и жена могут встречаться только в седьмой день седьмой луны.

В этот день с самого утра все птицы поднимаются в небо, вырывает теща у каждой по перышку: у сороки рябой, у сороки простой, у жаворонков да ласточек, из перьев мост строит.

К вечеру седьмого дня седьмой луны, если все время глядеть на небо, можно увидеть Млечный Путь — длинный-предлинный мост через Небесную реку. На этом мосту и встречаются Волопас — Нью-лан и Ткачиха — Чжи-ньюй. Если спрятаться в виноградных лозах, можно услышать их разговор. Говорит Чжи-ньюй мужу с обидой:

— Велела я тебе шпильку вперед бросить, а ты ее назад бросил, вот и разделила нас Небесная река!

Отвечает Нью-лан:

— Увидел я, что отец твой меня догоняет, со страху забыл, что ты велела.

Триста шестьдесят дней в году, триста шестьдесят чашек да триста шестьдесят котлов у Нью-лана. Чжи-ньюй, как придет, все перемоеет, стопкой сложит. И одежду всю перестирала да перештопала.

А на шестнадцатый день седьмой луны к матушке уходит, нельзя ей больше с Нью-ланом оставаться.

В старые времена жили на свете муж и жена по прозванию Цзян. Посадили они тыкву-горлянку, ботва длинная — через стену перекинулась к соседям по прозванию Мэн, глядь — у соседей большая тыква выросла. Мэны ее срезали, потом разрезали, смотрят — в тыкве девочка сидит. И назвали девочку Мэн Цзян-ньюй — девочка из семей Мэн и Цзян.

Шли годы. Выросла Мэн Цзян-ньюй настоящей красавицей — фея с небес спустилась. Взглянешь — сразу влюбишься, только никто ее не видал: были Мэны людьми богатыми, дочь держали в высоком доме в саду, в сад никто не входил, а за ворота девушку не выпускали.

Одному только Фань Си-ляну как-то посчастливилось увидеть ее, и стали они вскорости любящими супругами.

Как это случилось? А вот как. О ту пору император Цинь Ши-хуан замыслил построить Великую стену длиною в десять тысяч ли. Людей пригнали видимо-невидимо, всех без разбору мужчин хватили, не счесть, сколько народу там поумирало. Кого схватят — не надейся домой воротиться. А кому охота ни за что погибать? И вот однажды пришли стражники за Фань Си-ляном, а он возьми да и убег. Прибежал к дому Мэнов, перескочил через садовую ограду, за искусственной горкой из камня схоронился. А тут как нарочно Мэн Цзян-ньюй со служанкой в сад погулять вышла, смотрит — мотыльки разноцветные порхают. Захотелось девушке хоть одного поймать. Вытащила она шелковый платочек, бросила, только платочек на мотылька не попал, в пруд упал, а мотылек выпорхнул и улетел. Обидно девушке, притомилась она, на большой серый камень села, велит служанке платок из воды выловить. А та, видно, не

поняла, пришлось Мэн Цзян-ной самой платок доставать. Подошла она к пруду, подобрала рукава. Тут служанка как закричит:

— Ой, что я вижу! — Это она юношу заметила, схоронился он за горкой, на барышню глядит.

Подняла Мэн Цзян-ной голову, застыдилась, покраснела: и впрямь на другом берегу прекрасный юноша за горкой схоронился. А Фань Си-лян растерялся, не знает, как ему быть: бежать — стражники схватят, остаться неловко — с девушкой-то он не знаком. Наконец он решился, вышел вперед, поклонился служанке и говорит:

— Прошу тебя, девушка, спаси меня, спаси!

А служанка уже оправилась от испуга и давай ругать юношу:

— Ты откуда взялся, бродяга?

Пал юноша ниц и говорит:

— Я — Фань Си-лян, прячусь от стражников, вот и забежал нена-роком сюда.

Не унимается служанка:

— А знаешь ли ты, что это сад моей барышни?

Отвечает юноша поспешно:

— Не знал я этого!

А юноша между тем приглянулся Мэн Цзян-ной: и статен и пригож. Родилась у нее в сердце любовь, и стала она выговаривать служанке:

— Нельзя быть такой невежливой. Отведем его к отцу, пусть научит, как спрятаться от стражников.

Отвели Фань Си-ляна к хозяину.

Поглядел на него старик: и статен юноша, и пригож, разговор с ним завел — все знает Фань Си-лян, о чем старик ни спросит, отвечает без запинки. Пришелся юноша по нраву старику, решил он сделать его своим зятем и чтобы в тот же день свадьбу сыграть.

Кто мог подумать, что не успеют новобрачные в цветочный зал войти, совершить поклоны, как явятся стражники.

Увели они юношу, заплакали мать с отцом, запечалились все домо-чадцы. А Мэн Цзян-ной клятву дала ни за кого другого не выходить, Фань Си-ляна дожидаться.

С той поры возненавидела она императора Цинь Ши-хуана лютой ненавистью, и его Великую стену возненавидела, и стражников, которые мужа схватили. Вздыхает тяжело Мэн Цзян-ной, бровей не распрямляет, а заговорит — голос у нее печальный такой. Целыми днями сидит в своей спальне, не ест, не пьет, ночи не спит, все о Фань Си-ляне думает,

тоскует. Досадно ей, что не ушла она тогда вместе с мужем Великую стену строить.

Прошли весна и лето, миновала осень. Не успела девушка оглянуться, а уже первый день десятой луны наступил. Подумала тут Мэн Цзян-ньюй, что муж ее в легком платье ушел, решила отнести ему теплую одежду. Как ни отговаривали ее отец с матерью да служанка — все напрасно. Только и оставалось отцу отправить слугу вместе с дочерью.

Не стала Мэн Цзян-ньюй красить лицо, не стала пудриться, собрала волосы в пучок, надела простое платье, к спине узел с теплой одеждой привязала, упала перед отцом с матерью на колени и говорит:

— Не найду мужа — не ворочусь!

Так и покинула Мэн Цзян-ньюй родной дом.

Миновали они со слугой одну деревню, потом другую, прошли одно поле, потом другое, подошли к заставе, а от заставы этой как раз и лежал путь к Великой стене. Приглянулась Мэн Цзян-ньюй чиновнику на заставе, и захотел он ее в жены взять, но Мэн Цзян-ньюй стала так его ругать, так поносить, что чиновнику ничего не оставалось, как отпустить ее. А чиновник тот мечтал о богатстве и о высоких чинах, вот и решил он написать начальству доклад, что-де есть такая красивая и мудрая девушка по прозванию Мэн Цзян-ньюй. Обрадуется начальник, девушку себе заберет, а ему повышение даст. Кто мог знать, что начальник тоже жаждет богатства и славы и напишет доклад самому императору Ши-хуану?!

Прошли Мэн Цзян-ньюй со слугой заставу, к пропасти подошли. Смотрят — по узкой горной тропинке вдвоем не пройдешь, одному и то страшно. С двух сторон глубокие ущелья. И надо же было такому случиться, чтоб слуга вдруг замыслил недоброе. Решил он силой заставить Мэн Цзян-ньюй его женой стать.

А Мэн Цзян-ньюй и впрямь была умна. Не испугалась она, улыбнулась и говорит:

— Я согласна, только сваху надобно отыскать.

— Где же ее здесь отыщешь? — заскреб слуга в затылке.

Опять улыбнулась Мэн Цзян-ньюй, показала на маленький красный цветочек, который по самой середине горы рос, и говорит:

— Пусть будет за сваху этот цветок, сорви его, и я стану твоей женой!

Глянул слуга — цветок так и манит к себе. Забыл он об опасности, вниз полез, а Мэн Цзян-ньюй как толкнет его! Полетел тут слуга — сердце волчье, нутро собачье — прямехонько в пропасть.

Осталась девушка одна-одинешенька. Ничего-то она не знает: может, и нет давно в живых ее мужа.

Дошла она до Великой стены, села на землю, горько заплакала. Три дня и три ночи плакала. Размыло ее слезами Великую стену, рухнула она наземь, и увидела тут Мэн Цзян-ньюй мужнины останки.

А о ту пору император Цинь Ши-хуан как раз доклад от чиновника получил. И захотелось ему Мэн Цзян-ньюй женой своей сделать. Приказал император стражникам разыскать девушку, доставить прямо в императорскую канцелярию.

Увидела Мэн Цзян-ньюй императора, पुще прежнего возненавидела, а императору, сказать надобно, она по нраву пришлась. Велел он ей сесть рядом и говорит:

— Стань моей женой, Мэн Цзян-ньюй!

— Ладно, — отвечает девушка. — Только прежде выполни три моих условия.

— Не то что три, три раза по сто условий готов я выполнить. Какое же первое? Говори!

— Дозволь три месяца траур по мужу носить.

Обрадовался император:

— Эка важность! Носи на здоровье! Говори скорее второе условие!

— Хочу я, чтоб мужу моему ты пышные похороны устроил.

— И это можно, — согласился император. — Прикажу купить самый лучший гроб, самый большой саркофаг да сто двадцать восемь шестов — его нести и велю семь раз по семь — сорок девять дней молитвы читать. Ну, а теперь говори третье условие!

— Третье? Хочу я, чтоб надел ты простое холщовое платье, шапку с траурной лентой, чтоб сам траурный флаг нес и чтоб всем придворным, военным да чиновникам велел траур надеть.

Выслушал император третье условие, заколебался: «Выходит, должен я признать себя сыном Фань Си-ляна¹. Но тогда она станет моей, — тут же подумал император. — Что ж, признаю себя сыном Фань Си-ляна!»

Так согласился император и на третье условие.

Наступил день похорон. Забыл император о приличиях, нарядился в холщовое платье, шапку надел с траурной лентой, и впрямь подумашь — почтительный сын отца хоронит. Мэн Цзян-ньюй тоже в траурном

¹ Героиня легенды требует, чтобы император воздал ее умершему мужу такие почести, которые должен воздать почтительный сын умершему отцу.

платье, останки в повозке везут, Мэн Цзян-ньюй рядом идет. Чиновники, военные — все в трауре на похороны явились. Трубят, в барабаны бьют, идут к кладбищу семьи Фань. Река на пути им попалась, большая, глубокая. Отошла Мэн Цзян-ньюй от повозки, бросилась в реку и утонула.

Остался Цинь Ши-хуан ни с чем, от ярости рассудок потерял, день и ночь про Мэн Цзян-ньюй думает. И стал казнить всех без разбора. Выйдет в зал и спрашивает:

— Каменный конь у ворот ест сено?

Сановник, само собой, отвечает:

— Не может каменный конь есть сено.

Разгневаается тут император и крикнет:

— Как это не может? Казнить его!

Так каждый день по одному и казнил. Трепещут сановники от страха. Был среди них один честный да бескорыстный. Наступил его черед идти к императору. Воротился он домой мрачный, брови хмурит.

А в это время дух звезды Тай-бо¹ нищим даосом обернулся, подошел к дому чиновника, стал бить в деревянную колотушку.

На стук старик привратник вышел, говорит:

— У нашего господина доброе сердце, ты как придешь, он всегда велит дать тебе меру риса и меру муки. Только нынче пришел ты некстати, горе у нашего господина, не до тебя ему.

Отвечает даос:

— Не надо мне ни риса, ни муки, пришел я спасти вашего господина!

Услышал это привратник, поспешил к господину, потом воротился, повел даоса в дом. Вытащил даос из рукава кнут и говорит сановнику:

— Вот кнут «погоняй горы». Завтра, как пойдешь во дворец, спрячь его в рукав. Спросит тебя император: «Каменный конь ест сено?» Скажешь: «Ест», — взмахнешь кнутом. Конь тотчас начнет сено есть. И еще скажи, что кнутом этим можно погонять горы и что он поможет отыскать Мэн Цзян-ньюй.

Сказал так и исчез. На другой день спрятал сановник в рукав кнут, пошел во дворец.

Спрашивает его император:

— Каменный конь ест сено?

¹ Китайское название Венеры.

— Ест, — отвечает сановник.

Дивятся придворные, так и застыли на месте. А Цинь Ши-хуан опять спрашивает:

— Как же это может каменный конь есть сено?

Отвечает сановник:

— Не верите, сами посмотрите.

Кинулись все к воротам, конюшие сено принесли, каменному коню бросили. Застучало у сановника сердце: «А вдруг не получится? Ладно, все равно умирать!» Подумал так сановник, взмахнул рукавом, громко крикнул:

— Ешь сено, жуй сено. Ешь сено, жуй сено!

Глядь — конь и в самом деле стал сено жевать. Тут все в ладоши захопало, зашумели. Попросил император сановника объяснить, в чем тут заковыка. Отдал сановник императору кнут и сказал ему все, как даос велел.

Повеселел Цинь Ши-хуан, покинул дворец, отправился искать Мэн Цзян-ньюй. Маленькие горы в реки загоняет, большие — в море. То на восток устремится, то на запад.

Встревожился тут царь драконов четырех морей: вокруг невесть что творится, по всему хрустальному дворцу звон идет. И отправил царь спешно двух маленьких драконов, морских стражников, разузнать, что да как. Воротились они и докладывают:

— Император Ши-хуан кнутом «погоняй горы» машет, Мэн Цзян-ньюй ищет! Страшная опасность грозит нашему дворцу. Того и гляди — прямо на крышу гора свалится!

Всполошился тут царь драконов, затрепетало от страха все рыбе воинство, крабы да раки. Спасаться надо, а куда бежать? Мэн Цзян-ньюй мертва, куда подевалось ее тело — никто не знает.

Тут пожаловала в зал дочь царя драконов — все вокруг от красы ее засверкало — и говорит:

— Хочу я избавить тебя от напасти, отец!

Спрашивает царь:

— Как же ты это сделаешь, доченька?

— Дозволь мне Мэн Цзян-ньюй оборотиться. Увидит меня император, перестанет горы гонять.

Опечалился царь, что с дочкой расстанется, да делать нечего, согласился.

Гонит гору император, вдруг смотрит — в воде утопленница. Вытащил он ее, а это — Мэн Цзян-ньюй. Потрогал — грудь еще теплая.

Обрадовался император, отходил девушку, во дворец с ней воротился, сделал ее своей женой.

Через год сын у них родился, тут жена и рассказала императору, что она не Мэн Цзян-ной, а дочь дракона и должна вернуться в свой дворец. И вот однажды ночью выкрала она волшебный кнут у Ши-хуана, взяла сына и покинула дворец. Сына в далеких горах бросила, сама в воду прыгнула.

Жила в горах старая тигрица, увидела она младенца, стала его молоком кормить. А через год отнесла к большой дороге, там и бросила.

Неподалеку жили старик да старуха по прозванию Сян. Ни сына у них, ни дочки, день-деньской трудятся, соевый сыр делают. По утрам ходил старик его продавать. Идет он как-то, смотрит — на дороге мальчонка лежит, взял его старик, радостный домой воротился. Вырос мальчик, голова огромная, уши длинные¹, а силища такая, что гору своротить может. Ведь был он рожден дочерью царя драконов, а вскормлен тигрицей.

Назвал его старик Сян Юем. Прошли годы, и стал Сян Юй чуским правителем. Он уничтожил династию Цинь и отомстил за Мэн Цзян-ной и Фань Си-ляна.

¹ Длинные большие уши — одна из черт облика Будды. В Средние века считалось, что большие длинные уши — признак исключительности, человеку с такими ушами суждено якобы стать государем.

Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай, или Птички-неразлучницы

Жила давным-давно в Китае девушка по прозванию Чжу Ин-тай. Была она пригожа и умна — не только драконов отменно рисовала и вышивала фениксов, знала еще иероглифы и старинные книги могла читать.

Задумала Ин-тай в город Ханчжоу пойти к знаменитому учителю, мудрости у него поучиться. Но как пойдешь, коли обычаи предков запрещают девушке одной отправляться в дальние края? И решила Ин-тай переодеться мужчиной. Надела она мужское платье и пошла по дороге, которая вела в Ханчжоу.

Пришла она к учителю, сперва поклонилась изображению Конфуция, потом самому учителю, напоследок с учениками поздоровалась.

Был среди учеников юноша по прозванию Лян Шань-бо. Сразу пришелся Ин-тай по нраву: и собой хорош, и нрава доброго, а главное — в учении усердный необычайно. Крепко подружились они с Ин-тай, друг с дружкой ни на миг не разлучались, юноша и подумать не мог, что Ин-тай — девушка. Она же тайны своей ничем не выдавала. Тем более легко было провести юношу, что он с головой в науки ушел. Другие ученики тоже ни о чем не догадывались.

Так бы все и шло, коли б не жена учителя. Говорит она как-то мужу:

— Как же это ты до сей поры не приметил, что Ин-тай — девушка?

— С чего ты взяла? — подивился учитель.

— Мужчины, когда кланяются перед изображением Конфуция, сперва на левое колено становятся, потом на правое, а женщины — наоборот. Помнишь, Ин-тай, когда пришла в школу и кланялась Конфуцию, как раз и встала сперва на правое колено! Неужто не приметил?

— Ну, это еще ничего не значит! — ответил учитель. — Вот если бы он еще чем-нибудь себя выдал, тогда другое дело.

Что ни говорила жена, как ни доказывала, учитель так и не поверил ей. Не уgomонилась жена: как это муж ей не верит?

И вот однажды пригласила жена учителя Чжу Ин-тай в гости, подала вина и, когда девушка, выпив самую малость, с непривычки захмелела, выведала у нее всю правду.

Проснулась Ин-тай утром, вспомнила, что выдала жене учителя свою тайну. Теперь нельзя ей было оставаться в школе. Сказала она Лян Шань-бо, что надобно ей немедля домой воротиться, запечалился юноша, стал уговаривать друга остаться. Тысячу раз уговаривал, сто раз спрашивал, все напрасно.

Собралась Ин-тай в дорогу. Лян Шань-бо решил проводить друга и пошел вместе с ней. Долго они шли, никак не могли расстаться, пора прощаться, а они дальше идут. Уж и не знаю, как далеко от города ушли.

Хотела Ин-тай правду юноше открыть — может, полюбит он ее и смогут они судьбы свои связать? Но постеснялась сказать все прямо, стала намеками говорить, загадки загадывать.

Увидела Ин-тай в небе двух лебедей и говорит:

— Погляди, братец Шань-бо, на этих лебедей, которые высоко над озером летят. Видишь, лебедка впереди летит, лебедь — сзади, смеется весело. Хорошо им вдвоем!

Не понял Шань-бо намека.

Прошли еще немного, Ин-тай и говорит:

— Видишь, братец Шань-бо, дровосек спускается с гор? Это он для жены и детей хворост несет, чтоб им тепло было.

Опять ничего не понял Шань-бо.

Прошли они еще несколько ли, Ин-тай опять говорит:

— Погляди, братец Шань-бо, два диких гуся над нами кружат. Один на восток полетел, другой — на запад. Гуси, гуси, зачем вы расстаетесь? Лучше вместе вперед летите.

И на этот раз ничего не понял Шань-бо и говорит обиженно:

— Брат Ин-тай, у меня и так тяжело на сердце, как подумаю, что мы скоро расстанемся, а ты про птиц да про дровосеков толкуешь. Не надо!

— Ладно, раз не хочешь, не буду больше ничего говорить, да и прощаться, пожалуй, пора, ты вон куда зашел!

— Не могу я, Ин-тай, расстаться с тобой. Дозволь еще хоть немного тебя проводить!

— Спасибо тебе, братец Шань-бо, за дружбу! А сейчас хочу я сказать тебе об одном важном деле. У тебя вроде бы еще нет невесты? Так вот, есть у меня сестренка, очень на меня похожа, да и умна на редкость, будет тебе хорошей женой. Ворочусь я домой, с отцом поговорю, пусть ее за тебя замуж отдаст. Согласен? Только приходи поскорее! А я уж все постараюсь уладить!

— Непременно приду! — с жаром ответил Шань-бо.

Пошли они дальше, вдруг маленькая речка путь им преградила. Поглядела Ин-тай на воду, послушала, как она журчит, и говорит:

— Посмотри, Шань-бо, глубока ли эта речка, да скорее за шестом бамбуковым в деревню сходи, брод найдем, на тот берег перейдем.

Пока Шань-бо в деревню ходил, Ин-тай на другой берег перебралась.

Прибежал Шань-бо с шестом, аж запыхался, а Ин-тай уже на другом берегу.

— Что же ты меня не дождался, брат Ин-тай?

— Прости, братец Шань-бо, только пора нам расстаться. Не провожай меня дальше, возвращайся назад. Не забудь только своего обещания, приходи поскорее.

Воротилась Ин-тай домой. Течет время — вода в реке. И вот как-то утром вспомнил Лян Шань-бо, что ему друг о сестре говорил, и свое обещание. Быстро собрался и отправился в путь.

Подошел юноша к дому Ин-тай, постучался в ворота, сказал, кто он и зачем пришел.

Усадили Шань-бо в большом зале. Ждет он, ждет, а друг почему-то все не идет. Оказывается, уже успели мать с отцом просватать Ин-тай против ее воли. Тяжко ей свидеться с другом — вот она и не идет.

А Шань-бо так надеялся, так мечтал о встрече. Все напрасно. Потерял юноша терпение, рассердился, про все забыл, даже про то, что «три раза по семь — двадцать один»: не до приличий ему, поднял он шум, всю посуду перебил, которая в зале была.

Пришлось Ин-тай выйти к нему.

Только сейчас понял Шань-бо, что друг его не юноша, а девушка, прекрасная, как небесная фея, и что никакой младшей сестры у нее нет. Поглядел на нее юноша печально так и спрашивает:

— Помнишь наш уговор, когда мы прощались?

— Ай-я! Разве не велела я тебе тогда приходить поскорее? Чересчур поздно ты пришел. Должны мы забыть друг друга. Отдали меня мать с отцом в семью Ма. Мы больше никогда с тобой не увидимся!

Ничего не сказал Шань-бо, только воскликнул: «Ай-я», — и, чуть не плача с горя, пустился в обратный путь.

Воротился юноша домой и заболел болезнью, которая от несчастной любви бывает, сяньсыбин зовется. Ни один лекарь хворь эту не лечит. А как настал смертный час, попросил Шань-бо мать сходить к Чжу Ин-тай, спросить, не знает ли она какого средства верного.

Выслушала девушка старуху и печально так ответила:

— Только рогами старого дракона можно излечиться от этого недуга.

Передала мать сыну слово в слово все, что сказала ей Ин-тай, и понял юноша, что не спастись ему от смерти.

Смирился он и говорит матери:

— Похорони меня у дороги, которая ведет от дома Чжу к дому Ма.

Сказал он так и простился с миром людей.

Настал день свадьбы Чжу Ин-тай. Жених, самодовольный да важный, вышел к воротам свадебный паланкин встречать. Только напрасно ждал он свою невесту. Когда носильщики несли паланкин мимо могилы Шань-бо, девушка вдруг приказала:

— Остановитесь!

В тот же миг выскочила она из паланкина и несколько раз поклонилась могиле.

Раздался легкий шум, могила вдруг раскрылась, и девушка прыгнула в нее. Носильщики за ней кинулись, да опоздали — закрылась могила, а в руках у них только кусок юбки Ин-тай остался. Бросили они лоскут на землю — он бабочкой обернулся. Подхватил ветер бабочку, высоко в небо унес.

Так и принесли носильщики жениху пустой паланкин. Разгневался жених, стал всех слуг колотить без разбора, на могилу с ними пошел, велел раскопать. Раскопали они могилу, смотрят — в гробу никого нет. Только две птички-неразлучницы юаньян вылетели из могилы, сели на дерево возле дома Ма. Одна птичка весело запела:

Ма, богатый господин!

Почему сидишь один?

Взял невесту ты вчера,

В храм вести ее пора.

Другая подхватила:

Стыдно, стыдно, Ма-жених,
Отчего твой дом так тих?
Нет гостей в нем, нет вина,
Где теперь твоя жена?¹

Услышал Ма, как птички над ним насмеяются, не вынес позора,
в реку бросился.

До сей поры водится в той реке рыба, которая «желтой чешуей»
зовется. Говорят, будто жених Ма в ту рыбу превратился.

¹ Перевод Г. Ярославцева.

Содержание

Предисловие	5
-------------------	---

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

О том, как по животным счет годам вести стали	27
Про сосну, черепаху и тигра	32
Как собака с кошкой враждовать стали	35
Как тигр невесту украл	39
Комар-людоед	41
Заячьи хвосты	43
Тигр и ящер	45
Глаза	46
Как заяц льву отомстил. <i>Тибетская сказка</i>	47
Заяц-судья. <i>Тибетская сказка</i>	48
Гу-дун. <i>Тибетская сказка</i>	50
Как обезьяна путешествовать собралась. <i>Тибетская сказка</i>	52
Как жаба на небо хотела прыгнуть. <i>Тибетская сказка</i>	54
Улитка и заяц. <i>Тайская сказка</i>	56
Муравей и цикада. <i>Корейская сказка</i>	58
Охотник и тигр. <i>Корейская сказка</i>	59

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Птица Чжаогу	65
Как юноша любимую искал	70

Сказка про хитрого У-гэна и верного Ши-е	75
Мимоза	83
Девушка-кари	91
Жены в зеркале	98
Женщина-лисица	106
Волшебная картина	114
Не увидев Желтый лотос, сердце не остановится. <i>Сказка народа хуэй</i>	120
Небесный барабан	124
Портрет девушки из дворца	132
Сад Нефритовой феи	142
Сказка про младшего брата	150
Пять сестер	156
Золотая птичка и дух дерева	166
Отворитесь, ворота каменные!	175
Финиковая косточка	183
Зарок	186
Шляпа, которая по небу летала, и мотыжка, которая серебро копала ...	189
Лис-оборотень	195
Семеро братьев	203
Удивительные приключения мастеров	207
Женитьба Феникса	216
Золотая птица. <i>Сказка народа хуэй</i>	222
Птичьи перья. <i>Корейская сказка</i>	232

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

Волшебный чан	239
Красивая жена	242
Наказанный монах	244
Глупый муж	247
Скряги	250
Как три зятя тестя поздравляли	252
Император и мышь	255
Кто украл яйцо	257
Как судья Бао осла допрашивал	258
Как пытали каменную плиту	260
Прощание. <i>Сказка народа хуэй</i>	262
Правитель уезда и цирюльник	265

Крестьянин и чиновник	267
Умный сын	269
Лепешка и охалка хвороста	270
Силач и мальчик	271
Кто быстрее пьянеет?	273
Последний пельмень	274
Хитрый товар. <i>Сказка народа хуэй</i>	275
Разбитая пиала. <i>Узбекская сказка</i>	281
Мудрая жена. <i>Корейская сказка</i>	286
Сказка без конца	289
Как проучили Чжао Куан-иня	291
Глиняная невеста	294

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ, СКАЗЫ И ЛЕГЕНДЫ

Как Фуси и Нюйва создали людей	299
Как Фуси научил людей рыбу ловить	302
Как Яо дочерей замуж выдавал	305
Бессмертный Великий Шунь	307
Как Великий Юй «Книгу вод» получил	313
Как Великий Юй трижды мимо своего дома проходил	317
Как небо и землю разделили и как солнца вставили на небо. <i>Сказка народа мяо</i>	320
Как Почтенный Чжан боролся с Громовником. <i>Сказка народа мяо</i> ...	326
Как в луну стреляли. <i>Сказка народа яо</i>	331
Цин-цин и Хун-хун. <i>Сказка народа ли</i>	335
Богиня печи	338
Чжаочжоуский мост	342
Пила	346
Ось жернова	347
Как у дракона в долг дворец брали	349
Корзиночка с цикадами	351
Тай-шань	354
Женьшень-оборотень	356
Царь-удав	362
Волопас и Ткачиха	375
Сказание о Мэн Цзян-ньюй	384
Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай, или Птички-неразлучницы	391